

С. Башлаков
В. Золотарев
В. Хохлов

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

ОТ ПОСТКОММУНИЗМА
К СВОБОДНОМУ ОБЩЕСТВУ

Киев
Ника-Центр
2019

Башлаков С.

Б33 Либертарианская перспектива. От посткоммунизма к свободному обществу / С. Башлаков, В. Золотарев, В. Хохлов. — Киев : Ніка-Центр, 2019. — 344 с.

ISBN 978-966-521-727-5

Книга объединяет работы трех авторов — Валентина Хохлова, Владимира Золоторева и Сергея Башлакова. Это самостоятельные работы, связанные только общим предметом — либертарианством.

Валентин Хохлов представляет либертарианский взгляд на основные проблемы политической повестки дня. Отдельный текст посвящен желаемым с либертарианской точки зрения конституционным изменениям. Третий текст — обзор программ наиболее влиятельных либертарианских партий.

Владимир Золотарев рассматривает отличный от партийного взгляд на либертарианскую стратегию. Он анализирует государство с позиции экономической теории, основываясь на праксиологии и идее спонтанных порядков. Результаты этого анализа подтверждаются примерами из экономической истории того, как и почему страны Запада стали богатыми.

Сергей Башлаков анализирует результаты социологического опроса, в котором респонденты должны были ответить на вопросы, связанные с либертарианскими идеями. Результаты опроса оказались на удивление оптимистичными для либертарианцев, что позволяет им строить далеко идущие планы.

Для широкого круга читателей.

УДК 321:342:330.83

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Владимир Золоторев)	7
---	---

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ПРОГРАММА: ПОЗИЦИЯ ПО ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ (Валентин Хохлов)

1. Политика	19
2. Экономика	26
3. Вооруженные силы и правоохранительная система	34
4. Социальная и гуманитарная сфера	37
5. Публичная служба и местное самоуправление	42

ЗАПИСКИ ЛИБЕРТАРИАНЦА (КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ) (Валентин Хохлов)

1. Зачем нужна конституционная реформа?	47
2. Аналогии	51
3. Билль о правах	56
4. Вопросы гражданства	65
5. Законодательная власть	68
6. «Президент чи гетьман?»	78
7. Исполнительная власть	83
8. Судебная власть	91
9. Местное самоуправление	95
10. Порядок внесения изменений и переходные положения	99
11. Чего не должно быть в Конституции	102
12. Альтернативные институты	106

ЛИБЕРТАРИАНСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (Валентин Хохлов)

Либертарианская партия США	113
Либертарианская партия Великобритании	118
Либерально-демократическая партия Австралии	120
Либертарианские партии в Канаде	123
Либертарианские партии в Чехии	125

МОЖНО ЛИ ПОЧИНИТЬ ТО, ЧТО НЕ ЛОМАЛОСЬ? **ВЗГЛЯД НА ЛИБЕРТАРИАНСКУЮ ПРОГРАММУ** (Владимир Золоторев)

Введение	129
1. Homo Lupus и праксиология	130
1.1. Немного о праксиологии.....	131
1.2. Как «общество в целом» создает богатство.....	135
2. Социальная эволюция	142
3. Спонтанные порядки	148
4. Система взаимодействия незнакомцев	153
4.1. Прибыль и система создания богатства.....	154
4.2. Согласование поведения имеет, в основном, межвременной характер	155
4.3. Рассогласование. Санкции системы	157
4.4. Агрессия как причина нарушения процесса согласования поведения	157
4.5. Обуздание агрессии. Этика и мораль	158
4.6. Обуздание агрессии. Право	160
4.7. Обуздание агрессии. Институт страхования	162
5. Homo Socialis vs Homo Lupus	163
5.1. Новые люди поступают в систему постепенно	164
5.2. Станный мейнстрим	165
5.3. Человека не-социального не существует.....	167
6. Объективный характер социальных законов.....	168
7. Вмешательство, ошибки и «всего лишь добровольность».....	171
7.1. Пример отсутствия добровольности. «Перекапитализация» экономики СССР.....	173
8. Думать глаголами	175
9. Как и почему появилось государство	182
10. Не баг, а фича, или Волшебная тарелочка для понимания государства.....	188
11. Экскурс развития государства	191
12. Как государство причиняет вред	205
13. Есть ли в этом замысел?	210
14. Как в действительности выглядит система	213
14.1. Узаконенный грабеж и рынки	213
14.2. Что такое агрессия?.....	216
14.3. Рынки и согласие	218
14.4. Что объясняют рынки?	222
15. Рынок маскировки или мир тотальных ошибок?	226
15.1. Если бы государство действительно создали	228
15.2. Осознанный замысел.....	230
15.3. Неконтролируемые намерения	232
15.4. Рациональность	233
15.5. Общественный договор.....	233
15.6. Общественное благо	234

15.7. Чудо государственного бюджета	235
15.8. «Макроэкономика». Естественнаучные методы в социальных науках	238
15.9. Проблема критериев и проблема роста	246
15.10. Смешная налоговая политика	249
15.11. Не акционерное общество.	250
15.12. Отравленный язык	252
15.13. Внушенная компетентность.	255
15.14. Иррациональный избиратель	257
15.15. Безусловный основной доход	261
16. Права собственника и права собственности.	263
17. Как избавиться от паразита. Общие замечания	267
18. Потеря согласия. Реформы и политические методы	271
18.1. Тайна власти.	271
18.2. Можно ли сократить государство политическими методами?	273
18.3. Почему элита не будет сопротивляться?	275
19. Незначительный шанс для политических действий. Вариант 1.	278
20. Незначительный шанс для политических действий. Вариант 2.	284
21. Рецепт богатой Украины. Основа реальной стратегии	294
22. Как организовать богатство. Коалиции	303
23. Что мы должны требовать? Универсальная либертарианская политическая идея	309
Литература.	313

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИБЕРТАРИАНСТВА В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ УКРАИНЫ (Сергей Башлаков)

Неумолимое тоталитарное наследие.	317
Общественный спрос без предложения.	318
Альтернатива доброй воле	321
«Трудовая деятельность» в борделе.	322
«Безумие с косяком»: курить или не курить?	324
Спасти рядового водителя	326
От трех до семи против бандитов.	328
«Продать все, кроме совести»	331
Неизбежны только смерть и... налоги	333
Социальное прозрение	334
Милитарный оффшор близкого будущего.	338
 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	 342

ПРЕДИСЛОВИЕ

К середине 50-х годов классический либерализм оказался в странной ситуации — он исчез. При этом исчез он очень интересным образом — он победил. Это странное исчезновение либерализма долгое время оставалось незамеченным. Фукуяма написал об этом почти через 40 лет после того, как это произошло, правда, у самого Фукуямы либерализм победил еще в 1806 году.

Программа классического либерализма, или, по крайней мере, значительная ее часть, была выполнена. Люди в «цивилизованном» мире получили правовую защиту государства, возможность защищать свои права в суде, само государство было организовано согласно принципу разделения властей. Либеральные основы государства были закреплены в конституциях, они провозглашали неотъемлемые права граждан и собственный приоритет перед законодательством, что должно было гарантировать соблюдение этих прав. В «цивилизованных странах» люди получили всеобщее избирательное право, женщины получили равные права с мужчинами. Были гарантированы и на практике почти всегда соблюдались свобода совести, свобода слова и свобода печати. Граждане получили право не только голосовать, но и участвовать в политике, создавая партии. Законы и конституции гарантировали право собственности и возможность заниматься частным бизнесом. На «международной арене» свободные страны вышли победителями из войны с коалицией авторитарных стран, победители создали институт, призванный решать международные проблемы, — ООН. Распалась колониальная система, бедные страны начали получать финансовую и техническую помощь от богатых.

Однако, несмотря на адаптацию либеральной политической доктрины большинством западных государств, это никак не помешало (а во многом и помогло) распространению левых идей и политик. Первый рывок был сделан во время Первой мировой. Великая депрессия нанесла по свободе еще один удар, который закрепила Вторая мировая.

Несмотря на либеральные институты, государство все более разрасталось, а свобода индивида все более сокращалась. В 60–70-е либеральные государства превратились в то, что западные либертарианцы называют *warfare/welfare state* — государство, которое за счет высоких налогов и регулирования содержит голосующие за него «народные массы».

Все больше сторонников свободы ощущали потребность в новом самоопределении. Нужно было отделиться от «либералов» и разобраться с тем, что же не так с классическим либерализмом.

Этот процесс начался в США, что, в общем, неудивительно, так как там слово «либерал» было уже узурпировано леваками из Демократической партии. Кстати, в Европе до относительно недавнего времени слово «либерализм» понимали в его настоящем значении. В 1946 году Леонард Рид, автор замечательного эссе «Я — карандаш», создал Foundation for Economic Education. Он же первым назвал свои взгляды новым словом — «либертарианство».

**СОЦИАЛИЗМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО
ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЯЕТ
БОГАТСТВО,
НО ОН СОВЕРШЕННО
НЕСПОСОБЕН
СОЗДАВАТЬ БОГАТСТВО**

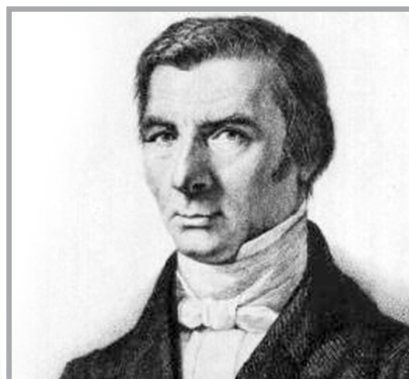
Леонард Рид (1898–1983)

Либертарианцы принялись за ревизию наследия классического либерализма. Нужно сказать, что либерализм не является каким-то «учением», которое призвано рассказать нам, как нужно жить, и которое содержит в себе рецепты «светлого завтра». Здесь нет никакой священной книги вроде «Капитала» и нет пророков вроде Маркса. Либеральная доктрина возникала из сопротивления монархическому государству, а затем полемики с теми, кто хотел превратить это государство в тотальную машину, — социалистами и коммунистами. Более того, критика «либеральных реформ» XIX века во многом принадлежит самим либералам вроде Токвиля и Спенсера, которые понимали, к каким последствиям все это приведет.

Тем не менее процесс ревизионизма, который продолжается и поныне, позволил увидеть ошибки классических либералов. Либертарианцы не будут числить среди своих предшественников Джона Стюарта Милля или Бертрана Рассела. Им ближе деятели англосаксонского консерватизма вроде Эдмунда Берка. Они скептически относятся даже к Адаму Смиту, благословившему трудовую теорию стоимости, которая стала основой экономической доктрины Маркса. Зато либертарианцы считают одним из первых «правильных» экономистов Фредерика Бастия, который в острой полемической форме

**ПРОТЕКЦИОНИЗМ
ЖЕРТВУЕТ
ПОТРЕБИТЕЛЕМ
РАДИ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ,
ТО ЕСТЬ ЦЕЛЮ
РАДИ СРЕДСТВА**

Фредерик Бастиа (1801–1850)

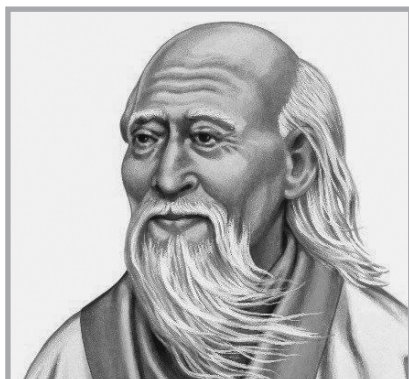
выражал экономические истины, до сих пор недоступные не только политикам, но и многим «профессиональным» экономистам.

Процесс ревизионизма дал возможность выделить в мировой философии позиции, которые все вместе приводят к либертарианской идее. Этот процесс также способствовал формулированию важнейших принципов, которые позволяют по-новому взглянуть на общество и его эволюцию.

История того, что сегодня называется либертарианством, начинается очень давно. Наверное, первым либертарианцем можно считать основателя даосизма Лао-Цзы, который жил в VII веке до нашей эры. Из трех школ древней китайской философии — легизма, конфуцианства и даосизма, даосизм наиболее близок к либертарианству. «Народ, не получив ни от кого приказа, сам меж собою уравнивается», — писал Лао-Цзы.

**СВОБОДНОГО МОЖНО
ПОКОРИТЬ,
НЕЛЬЗЯ ИСПРАВИТЬ.
ВЕДЬ НЕВОЗМОЖНО
УЛУЧШИТЬ МОРЕ ИЛИ ВЕТЕР**

Лао-Цзы (601–533 до н.э.)

Правда, несмотря на то, что даосизм пережил 2500 лет, он не оказал определяющего влияния на политическую жизнь самого Китая. Мы говорим о даосизме как предшественнике либертарианства с точки зрения европейской традиции. Именно здесь, в Европе, сложились условия для появления философии свободы.

Долгое время философия свободы не была неким самостоятельным течением. Мы встретим лишь отдельные фрагменты этой философии у древних греков или у средневековых европейских теологов. В какой-то степени это неудивительно, потому что сама идея свободы — это сравнительно новая идея.

Людам свойственно переносить на мир собственный опыт, и это, как правило, опыт упорядоченной, целенаправленной деятельности в собственных интересах. Поэтому самое первое описание мира — это мир, который создан по замыслу и продолжает изменяться по замыслу тех, кто его создал. Это мир языческий, в котором боги, как правило, «отвечают» за некоторые стихии, но они используют свое положение в собственных интересах. В этом мире нет закона, нет правил, есть только соперничающие между собой воли и ситуативные соглашения.

Правда, уже здесь начинается понимание того, что не все, по крайней мере, в человеческом мире определяется волей. В трагедии Софокла «Антигона» воля царя противопоставляется естественному закону и ее можно считать одним из первых либертарианских произведений.

Древний Рим для нашей темы важен прежде всего своим правом и пониманием его как универсального порядка. Греческие философы не осуждали рабство. Они считали, что если рабов не будет, то некому будет работать и все погибнут. Заслуга римских юристов в том, что они обнаружили, что невозможно совместить рабство и универсальный правовой порядок. Человек всегда принадлежит сам себе и это есть не какое-то благое пожелание, а просто аналитический факт.

Следующий шаг делает христианство и, вероятно, именно этот шаг делает Европу тем, чем она стала потом. Этот шаг состоит в утверждении, что все сущее создано Богом, но не просто создано, а существует по неизменным законам. Неизменность закона противопоставляется языческому волюнтаризму. Божественное право стоит выше права королей и баронов. Короли и бароны являются источником закона для своих подданных, но сами они обязаны следовать божественному праву. Более того, они являются королями и баронами только потому, что так предусматривает божественное право. Здесь же появляется новая версия представления о естественном праве как праве, вытекающем из акта создания человека и наделения его определенными качествами.

Идея объективно существующего закона сделала возможной науку в том виде, в котором мы ее сегодня знаем. Еще в XIX веке многие ученые полагали, что они занимаются разгадкой божественного замысла. Остался

ТОЛЬКО ИНДИВИДЫ ДЕЙСТВУЮТ

Людвиг фон Мизес (1881–1973)

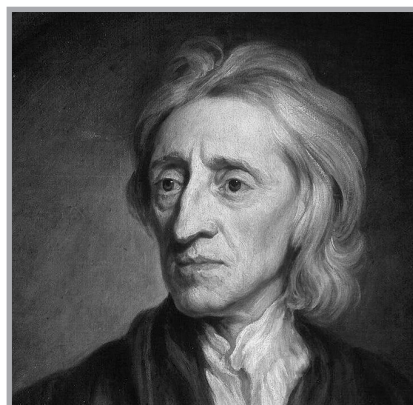

только один шаг для того, чтобы понять, что волюнтаризм ограничен объективными законами не только в окружающей нас природе, но и в обществе. Этот шаг был сделан только в XX веке Людвигом фон Мизесом, и можно сказать, что это одна из тех главных идей, которая отличает либертарианство от всех остальных политических концепций.

Идее объективности социальных законов предшествовала другая идея — естественного права. У нее есть несколько различных версий, однако почти все они основаны на мысли о том, что отнюдь не государства и правители являются источником прав для людей. Мало того, сами эти правители точно так же ограничены в своей власти объективными закономерностями социума. Джон Локк, которого считают «своим» и либералы, и либертарианцы, и англосаксонские консерваторы, говорил: «Правительство не вольно поступать, как ему вздумается, закон природы выступает как

**ВСЕ ЛЮДИ СОЗДАНЫ
РАВНЫМИ
И НЕЗАВИСИМЫМИ.
НИКТО НЕ МОЖЕТ
НАНОСИТЬ УЩЕРБ ЖИЗНИ,
ЗДОРОВЬЮ, СВОБОДЕ И
СОБСТВЕННОСТИ ДРУГОГО**

Джон Локк (1632–1704)

вечное руководство для всех людей, для законодателей в такой же мере, как и для всех других». Это явно противоречит современным представлениям о том, что законодатель является создателем закона, который управляет обществом, и все дело сводится только к поиску хорошего законодателя.

Откуда тогда берется закон, который ограничивает государство? Можно сказать, из нескольких источников. Один из них — это объективные закономерности человеческой деятельности, описанные Людвигом фон Мизесом и названные им «праксиологией». Другой важнейший источник — правила, открытые в ходе социальной эволюции, о которой говорил Фридрих Хайек.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ НАШИХ НАМЕРЕНИЙ

Фридрих Хайек (1899–1982)

У этой идеи есть прямые предшественники в праве. Это немецкая историческая школа права, которую создал Фридрих Карл Савиньи. Он рассматривал право, как эволюционирующий институт, который функционирует благодаря «народному правосознанию», а не воле правителя. Савиньи сравнивал право с языком. Ему же принадлежит идея о праве, как границах. «Человек находится посреди внешнего мира, а самым важным моментом в этом окружении для него является соприкосновение с теми, кто подобен ему по своей природе и предназначению. И если в подобном соприкосновении должны существовать рядом друг с другом свободные существа, способствуя, а не мешая друг другу в своем развитии, это возможно только благодаря признанию невидимой границы, в пределах которой существование и действенность каждой отдельной личности приобретает надежное свободное пространство. Правилom, благодаря которому соблюдается эта граница, а благодаря ей и это пространство, является право».

Следующий пункт, который был подвергнут сомнению ревизионистами, — общественный договор. Ли Спунер емко и кратко высказался

Я УТВЕРЖДАЮ,
ЧТО СУЩЕСТВУЕТ ДВА
ПРИНЦИПИАЛЬНО
ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ СПОСОБА
ПРИБРЕТЕНИЯ БОГАТСТВА —
«ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ»
ПОСРЕДСТВОМ ПРИНУЖДЕНИЯ
И «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ»
ПОСРЕДСТВОМ МИРНОГО
ОБМЕНА. ГОСУДАРСТВО ЕСТЬ
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
МЕТОДОВ

Франц Оппенгеймер (1864–1943)

по поводу американской конституции и того, что она якобы дает какие-то права командовать государству. Затем ревизионисты обнаружили социолога и экономиста Франца Оппенгеймера, чья классическая работа «The State» раскрывает природу государства и его военное происхождение. «Военно-налоговая» теория государства, созданная социологами и антропологами, такими как Оппенгеймер и Гумплович, сегодня является основной идеей в этой области.

С каждой такой попыткой обращения к корням либертарианское движение все дальше вываливалось из этатистского консенсуса. Наконец, были предприняты попытки найти ту основу, ту точку расхождения и невозврата, которая бы отличала либертарианство от либерализма и прочих политических течений. «Каждый владеет самим собой. Никто не имеет власти над моими правами и свободой и я не имею власти над правами и свободой других». Эти слова принадлежат Ричарду Овертону, английскому левеллеру XVII века, автору памфлета «Стрела, направленная против всех тиранов». Они описывают то, что либертарианцы называют идеей самопринадлежности. Мы видели, что к этой идее, сами того не желая, подошли еще римские юристы. Она встречается у Джона Локка и некоторых других мыслителей. Собственно говоря, это тот принцип, который, по мнению либертарианцев, лежит в основе человеческого общества.

Из этой идеи логически следует так называемый NAP (non-aggression principle), впервые сформулированный американским либертарианцем Мюрреем Ротбардом. Это моральный принцип, который управляет поведением людей и позволяет достигать согласованности в обществе. Он сводится к тому, что вы не должны быть инициатором агрессии, то есть не должны нарушать права собственности других людей. Инициатор агрессии нарушает этот принцип и потому к нему могут быть применены защитные меры, включая насилие.

**НАЛОГИ — ЭТО ГРАБЕЖ,
ПРИЧЕМ ОТКРЫТЫЙ
И ОТКРОВЕННЫЙ ГРАБЕЖ
В МАСШТАБАХ, КОТОРЫЕ
НЕ СНИЛИСЬ
НИ ОДНОМУ ПРЕСТУПНИКУ**

Мюррей Ротбард (1926–1995)

В итоге сформировалась либертарианская картина мира. В этой картине роль оппонента играет то, что можно назвать «этатистским консенсусом», идеей о том, что государство является инструментом для достижения общего блага. Все политические течения отличаются лишь представлениями о том, каким должно быть общее благо и в каких формах оно должно существовать.

После Второй мировой победила либеральная версия этатистского консенсуса. Она состоит в том, что естественное право охраняется писаной конституцией, которая защищает основные права, свободу контрактов, неприкосновенность личности и прав собственности. Государство обеспечивает одинаковые для всех законы и их исполнение, суверенитет народа реализуется через регулярные выборы, власть можно сменить и она отражает волю большинства. Все политические идеологии разделяли этот консенсус. Даже радикалы не покушались на его основы.

Либертарианство противостоит не какой-то отдельной идеологии, а «этатистскому консенсусу» в целом. Для либертарианства «политический спектр» есть не более чем фикция. Политические идеологии располагаются

на одной прямой, крайней справа является либертарианство, крайней слева, то есть самой этатистской, является коммунизм. Все остальное — лишь версии этатизма, разной степени жесткости.

Этатистский консенсус	Либертарианство
Общественный договор	Нет необходимости, существует право
Общее благо	Не существует, под общим благом понимаются цели правителей
Народный суверенитет	Власть группы лиц на территории в произвольно установленных границах
Демократическое правление	Невозможно. Нельзя делегировать права, которых нет
Власть большинства	Если нет договора, то нет власти большинства
Государство является источником права	Источником права (причиной появления правил) является человеческая деятельность в обществе
Право универсально потому, что его устанавливает государство (закон один для всех на территории государства)	Право универсально ввиду универсальности закономерностей человеческой деятельности и правил спонтанных порядков

Либертарианство возникло как попытка возродить либерализм в рамках этатистского консенсуса, что с неизбежностью привело к выходу за рамки этого консенсуса. В либертарианстве существует два основных течения — «анархо-капитализм», который отрицает необходимость государства, и «минархизм», который полагает возможным и полезным существование ограниченного минимального государства.

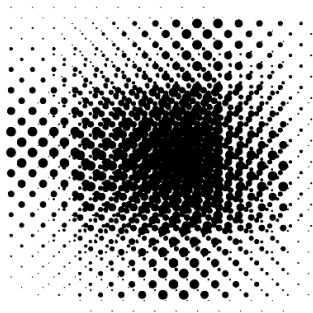
Я твердо убежден в том, что Украина имеет отличные условия для того, чтобы стать «первой либертарианской страной». Здесь очень силен индивидуализм и очень высоко недоверие к государству. У нас неплохой уровень самоорганизации, о чем говорят два Майдана, волонтерство и добровольческое движение. Украина, к счастью, не является членом ЕС и не сильно ограничена международными зависимостями в выборе внутренней политики. Украинцы, по крайней мере, в рамках своего поведения, а не

постов в «Фейсбуке», четко отождествляют угрозу своему благосостоянию с чиновниками. Их поведение явно демонстрирует идею того, что чем меньше чиновники вмешиваются в нашу жизнь, тем лучше. Для того чтобы сделать свою страну процветающей, украинцам просто нужно осознать собственное поведение и перестать лицемерить по поводу «государства» и «общего блага». Когда критически значимая часть украинцев сделает это, мы проснемся в другой стране.

Владимир Золоторев

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ПРОГРАММА: ПОЗИЦИЯ ПО ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ

Валентин ХОХЛОВ

Спектр вопросов, которые стоят перед современным обществом и на которые не были даны удовлетворительные ответы, поистине неограничен. Программы либертарианских партий, обзор которых приведен в следующих разделах, дают ответы на некоторые вопросы, актуальные для той или иной страны. Не все они актуальны или релевантны для Украины. Тем не менее любая серьезная политическая сила, любая достойная внимания идеология обязана высказать свой взгляд на злободневные вопросы, с тем чтобы граждане четко понимали ее позицию и могли осознанно отдать свой голос на выборах за ту партию, взгляды которой наилучшим образом отвечают их интересам. Поэтому темой этого раздела являются ответы на актуальные вопросы, стоящие перед украинским обществом, с точки зрения либертарианской идеологии.

1. ПОЛИТИКА

Сущность и функции государства. Либертарианцы выступают за минимально необходимое государство с ограниченным набором функций. Они видят государство как инструмент общества, сервисную организацию, а не как некую управляющую структуру, абстрактную власть, аппарат подавления или эксплуатации одних классов другими.

Либертарианский взгляд на государство крайне утилитарен — государство делает то, что необходимо обществу, является естественной монополией и не может быть эффективно реализовано частным сектором. Это национальная оборона, правосудие и правоохранительная деятельность, сбор налогов, базовая инфраструктура. Если та или иная деятельность может эффективно осуществляться частным сектором в конкурентных условиях, ее необходимо выводить из функционала государства. Так, наиболее успешные университеты в США — частные, поэтому нет необходимости государству управлять системой образования. Аналогично существуют успешные частные медицинские центры, спортивные клубы, культурные учреждения — соответственно, все это не требует непрямого участия государства.

Государство не может и не должно рассматриваться как некая самость, абсолют. У нас иногда говорят «сильное государство» — с точки зрения либертарианца это чушь. Сильным может быть человек, общество, экономика. Но государство — это лишь инструмент, поэтому оно должно быть не сильным, а эффективным, т. е. реализовывать все возложенные на него функции, потребляя при этом минимум ресурсов.

Неотъемлемые права. Основной ценностью в либертарианской идеологии является свобода. Отсюда следует понятие неотъемлемых прав, которое отражено еще в работах Гоббса и Локка. Человек имеет изначально, просто по факту своего существования, все права, которые присущи разумному и осознающему свою индивидуальность существу. Учреждая государство, человек отдает ему часть своих прав, но вот все остальное — то, что не делегировано государству — остается у людей и не может быть вообще в сфере государственного регулирования.

Существует две концепции права: позитивная и негативная. Первая предполагает закрепление в законодательстве определенных прав с последующим описанием формата их реализации в подзаконных актах. Хотя никто при этом не спорит с тем, что все, что не запрещено законом, людям разрешено, в позитивной концепции возникает «серая зона». Это то, что явно не запрещено, но и не закреплено законодательно либо же не до конца формализовано в подзаконных актах. У бюрократии возникает соблазн заявить, что поскольку что-то не закреплено законодательно, то этого делать нельзя. Либо если что-то закреплено законодательно, но затем регламентировано подзаконными актами, то разрешено делать только в пределах данного регламента. Классическим примером является право на мирные собрания в России, которое в Конституции РФ закреплено, далее законом установлена обязательность согласования, а подзаконными актами и правоприменительной практикой уведомительный характер согласования преобразован в разрешительный. Таким образом, даже формально закрепленное в Конституции право было нивелировано.

Либертарианцам ближе скорее негативная концепция права. Она предполагает, что законодательных закреплений или подтверждений прав не требуется, в законодательстве явным образом прописываются только ограничения прав, а подзаконные акты регламентируют лишь порядок реализации этих ограничений. Например, любой человек имеет право заниматься любой деятельностью, в том числе предпринимательской, без какого-то особого разрешения или регистрации. Но государство может ограничить деятельность, которая создает риски жизни, здоровью, собственности других людей, — к примеру, врачебную практику. Иными словами, изначально разрешено все, но для того, чтобы лечить других людей, необходимо получить лицензию.

Гражданские права. Одним из величайших заблуждений, которое присуще многим людям, является смешивание понятий «права человека» и «гражданские права». Права человека — неотъемлемые права, которые возникают просто по факту существования человека, о них шла речь в предыдущем пункте. А вот гражданские права — это права гражданина как учредителя и совладельца на государство. Поэтому гражданские права не являются неотъемлемыми, они представляют собой частный случай прав

собственности, и здесь уместна аналогия с правами акционеров на принадлежащее им акционерное общество.

Как всякие собственники, граждане по отношению к государству имеют права владения, распоряжения и пользования. В частности, граждане, и только они, могут решать вопрос об уступке части территории государства или части его суверенитета. Из этого следует, что вопрос о принадлежности Крыма может быть решен исключительно всеукраинским референдумом и только 50 % + 1 голос всех граждан может изменить статус полуострова.

Подобно акционерам, граждане имеют право участвовать в управлении своим имуществом, т. е. государством, — как избирать органы управления, так избираться в них. Но, разумеется, эти права не являются безусловными, на них могут налагаться обременения. Люстрация может ограничивать право избираться, ценз — право избирать. Как и в случае акционерных обществ, такие ограничения не могут быть произвольными — они должны налагаться исключительно для защиты прав и свобод других граждан, которые могут быть ущемлены вследствие недобросовестности, нечестности или конфликта интересов.

Люстрация. Само по себе понятие люстрации не типично для программ либертарианских партий. Но люстрации показали свою эффективность в странах Восточной Европы, они не противоречат основам либертарианской идеологии, поэтому их проведение может быть оправдано и в случае Украины.

Смысл люстрации заключается в том, что граждане, которые уже злоупотребили своими правами для ущемления свободы других граждан, использовали общественное имущество или должностное положение для получения личной выгоды, проявили нечестность, непорядочность, могут быть лишены права избираться в органы управления государством. Люстрация — это не охота на ведьм, это не политическая расправа или тем более не уголовное преследование, это всего лишь предохранитель. Перечисленные выше люди, к сожалению, склонны обманывать избирателей, давать лживые обещания и рисовать красивые картины будущего. А избиратели часто верят тем, кто себя уже давно и окончательно дискредитировал. Люстрация призвана предохранить общество от таких людей, ограничив их право претендовать на позиции в публичном секторе. При этом они вольны реализовывать себя в любых других видах деятельности — бизнесе, науке, культуре и т. д.

Та люстрация, которая была проведена в Украине, не выдерживает никакой критики. Во-первых, она привязана к очень незначительному числу должностей. Необходимо люстрировать людей по их поступкам, а не по должностям. То, что человек был депутатом от Партии регионов или видным ее членом, автоматически становилось показателем его нечестности. Аналогично, если человек не может объяснить происхождение своего имущества и подтвердить расходы официальными доходами, он также не может

претендовать на доверие. Во-вторых, люстрация должна проводиться общественными деятелями, активистами, которые не связаны и никогда не были связаны с государством, материально от него независимы, могут пояснить происхождение всех активов и все свои расходы. Вот такие представители гражданского общества должны войти в комиссии по люстрации и решать, кого из бывших политиков, чиновников, судей и прочих ограничить в праве претендовать на посты в публичном секторе. В-третьих, решения комиссий по люстрации должны иметь силу закона и не могут быть оспорены в суде. К сожалению, мы часто сталкивались с тем, что люстрированные негодяи добивать восстановления через суд, ведь большинство судей сами запятнали себя принятием заказных решений, необъяснимым обогащением и участием в коррупционных схемах. Лица, которые пытаются препятствовать процессу люстрации, сами должны быть подвергнуты люстрации.

Избирательное право. Многие придерживаются ошибочной точки зрения о том, что инклюзивность — вовлеченность как можно большего числа людей в принятие решений — это благо. Расцвет классического либерализма, который идеологически близок и либертарианству, пришелся на XIX век, когда существовали строгие избирательные цензы. Опыт Российской империи показал, что сформировать эффективный парламент можно путем ужесточения, а не ослабления ценза. А вот введение всеобщего избирательного права привело к власти популистов — социалистов, фашистов, нацистов.

С другой стороны, введение избирательных цензов в современном обществе представляется некоторым анахронизмом. Наука в XX веке открыла некоторые закономерности процессов принятия решений и социальной динамики, которые позволяют понять причины торжества популистов. Это в первую очередь асимметрия отношения к риску у разных социальных слоев. Люди, которым нечего терять, склонны голосовать за популистов, ведь хуже им уже не будет, зато есть шанс, что популисты перераспределят общественное благо, забрав часть богатства у среднего класса и подкупив свой ядерный электорат. В Киеве мы наблюдали это на примере мэра Черновецкого, который раздавал гречку пенсионерам. Подобная ситуация хорошо известна в бизнесе — менеджмент склонен к асимметричным, зачастую неоправданным рискам, потому что в случае убытков будут отвечать акционеры капиталом компании, а в случае прибылей часть из них в виде бонусов отойдет к самому менеджменту. Это называется конфликтом интересов.

Проблема всеобщего избирательного права заключается именно в существовании конфликта интересов. Если группа граждан связана краткосрочными материальными интересами с лицами, управляющими государством, у этих граждан есть мотив избирать не наиболее подходящих им по идеологической позиции, а тех, кто обеспечит наилучшее удовлетворение их частных интересов. Например, подрядчики государственных компаний

будут продвигать во власть тех, кто обеспечит им выгодные контракты, бюджетники — тех, кто пообещает им прибавку к зарплате, и т. д. Может быть и обратная ситуация — те же бюджетники или подрядчики в силу своей административной или контрактной зависимости могут быть принуждаемы голосовать за тех, кто в данный момент находится у власти.

Разрешить данную проблему можно одним простым способом, который обычно применяется в корпоративном управлении, — исключением лиц, имеющих конфликт интересов, из процесса принятия решений, т. е. ограничением их избирательных прав. Те граждане, которые материально зависят от государства, не должны влиять на избрание тех или иных лиц в его органы управления. Аналогично граждане, которые материально зависят от муниципалитетов, не должны влиять на выборы органов местного самоуправления. Критерием материальной зависимости может служить получение более 50 % доходов из соответственно государственного или местного бюджета либо от предприятий, контролируемых государством или муниципалитетом (это необходимо, чтобы отсечь конфликт интересов в случае подрядчиков).

Данное предложение следует рассматривать в комплексе с уменьшением функций государства. Дело в том, что в настоящее время оно приведет к лишению избирательных прав довольно большого числа людей — военнослужащих и правоохранителей, врачей и преподавателей, деятелей науки и культуры. Однако когда образование, здравоохранение, научные и культурные учреждения выйдут из сферы подчинения государству и станут либо частными, либо негосударственными некоммерческими учреждениями, то все перечисленные категории граждан, кроме двух первых, будут удовлетворять критерию независимости от государства.

Гражданство и миграция. Либертарианские партии в разных странах по-разному подходят к решению вопроса миграции. Хотя большинство либертарианцев выступают за свободу передвижения, в том числе в виде трудовой миграции, есть и партии, выступающие за квотирование или введение миграционного налога. Я предлагаю разделить данный вопрос на три части и решать каждую из них отдельно.

Гражданство само по себе наиболее близко к праву собственности на государство. Соответственно, дети наследуют гражданству своих родителей, а любой человек может в одностороннем порядке отказаться от гражданства. Третьим лицам гражданство может быть предоставлено за заслуги, но решение должно приниматься не органами исполнительной власти, а представительным органом и для каждого такого лица отдельно. Более подробно этот подход обоснован в последующих разделах. Таким образом, гражданство получить будет гораздо сложнее, чем сейчас, а выйти из него — проще.

Миграция теоретически может быть ограничена, поскольку совладельцы государства, граждане, могут решать, кого из гостей, неграждан, они

хотят, а кого не хотят видеть на своей территории. Это не противоречит либертарианской идеологии. С другой стороны, свобода конкуренции является благом, поэтому свобода перемещения труда между рынками, наряду с перемещением товаров и капитала, поддерживается подавляющим большинством либертарианцев. Из этого следует, что ограничение миграции в целях искусственного занижения предложения труда — неправильная, хотя и популярная, выгодная для многих граждан мера. Здесь проявляется один из конфликтов между демократией (системой, где принимается выгодное большинству решение) и меритократией (системой, где принимается наиболее правильное решение). Миграцию можно ограничивать лишь в случае, когда она несет угрозу свободе, — не пускать на территорию страны лиц, поддерживающих тоталитарные или авторитарные режимы, проповедующих соответствующие взгляды, совершивших ранее преступления против жизни, здоровья, собственности.

Либерализация миграции, с другой стороны, не должна привести к появлению армии нахлебников и бездельников. Мигранты хороши тогда, когда они способствуют созданию стоимости, а не ее уничтожению. Поэтому некоторые либертарианские партии справедливо предлагают при либерализации миграции исключить мигрантов из системы пособий и социального обеспечения. Вообще, либертарианская идеология не предполагает социального государства, поэтому при ее полной и правильной реализации система государственного социального обеспечения будет демонтирована, а эти функции отойдут негосударственным организациям. В таком случае пропадает мотивация ехать ради того, чтобы сидеть на пособиях, и среди мигрантов останутся лишь добросовестные, трудолюбивые люди, ограничивать приток которых будет не целесообразно.

Политическая система. Либертарианские партии существуют в странах как с республиканской, так и с монархической системой правления. В последнем случае имеется в виду, конечно же, конституционная монархия. Поэтому никакого предпочтения той или иной форме нет. Различие есть в сути — либертарианцы последовательно выступают против любых персоналистских, авторитарных, тоталитарных режимов. К сожалению, наличие в Украине поста Президента увеличивает риск скатывания в такие формы. Пост Президента, кроме того, плохо вписывается в систему разделения властей и препятствует работе системы сдержек и противовесов. Поэтому наиболее целесообразной в нашей стране представляется парламентская республика.

Предложенная в «Записках либертарианца» конституционная модель детально описывает всю конструкцию политической системы, которая пребывает в согласии с положениями либертарианской идеологии:

- Однопалатный парламент (Верховная Рада) из 225 человек.
- Исключительный перечень вопросов, по которым могут принимать законы.

- Выборы по пропорциональной системе 1/3 депутатского корпуса каждые два года (каденция депутата — 6 лет).
- Ответственность депутатов за соблюдение положений предвыборной программы, вплоть до досрочного прекращения полномочий.
- Ликвидация поста Президента.
- Подчинение всех органов исполнительной власти Кабинету Министров, который получает автономию в организации своей работы.
- Закрепление Кодекса этики публичных служащих в Конституции.
- Независимость назначения и увольнения судей от законодательной или исполнительной власти.
- Внедрение ряда положений англо-американской системы общего права (прецедент, суд присяжных, частное обвинение и т. д.).
- Вывод органов местного самоуправления из-под любого влияния со стороны органов государственной власти.
- Разделение собираемых налогов между государством и местным самоуправлением всех уровней.

Внешняя политика. Во внешней политике перед нами стоят две группы вопросов — членство в наднациональных организациях и территориальная целостность.

Вопросы территориальной целостности не вызывают серьезных дискуссий в нашем обществе, которое практически едино в том, что Крым — это Украина, Донбасс — это Украина и единственным, кто имеет право изменять их статус, является весь украинский народ. Никакие региональные выборы или референдумы, проведенные вне конституционного поля Украины, не признаются и являются юридически ничтожными. Никаких переговоров быть не может, кроме переговоров о восстановлении территориальной целостности Украины, возмещении нанесенного ущерба страной-агрессором (Российской Федерацией) и предания руководства страны-агрессора суду международного трибунала.

Вопрос членства Украины в наднациональных организациях следует решать таким образом: в организации, которые способствуют обеспечению свободы, определенно нужно вступать, а если они ущемляют свободу, то нет. НАТО и ВТО, без сомнения, способствуют свободе нашего народа. Без НАТО наша свобода будет постоянно находиться под угрозой нападения со стороны внешнего врага. ВТО — это свобода движения товаров, что полностью соответствует либертарианской идеологии. А вот членство Украины в ЕС не целесообразно и не выгодно. ЕС давно уже переродилось в социалистическую бюрократическую машину, которая вмешивается в регулирование экономики, транспорта, связи, рынков капитала, продвигает громоздкие системы социального обеспечения и регулирования трудовых отношений. Это никак не совместимо с идеалами свободы. Нам с ЕС следует вступать в двусторонние отношения, которые предусматривают расширение свободы — безвизовый режим, взаимное снятие ограничений на трудовую

миграцию, зона свободной торговли и свободного движения капиталов. А полноценное членство Украины в ЕС невыгодно обеим сторонам и должно быть снято с повестки дня. Нам не нужны директивы евробюрократов по регулированию нашей экономики или социальной сферы. ЕС же справедливо опасается, что Украине придется выделять неподъемное для нынешних стран-членов финансирование, которое является обратной стороной регулирования.

2. ЭКОНОМИКА

Государство и экономика. Либертарианцы последовательно выступают за минимальное вмешательство, как правило, даже невмешательство государства в экономику. Они исходят из глубокого убеждения в том, что механизмы рыночного саморегулирования в условиях свободной и честной конкуренции обеспечивают гораздо лучшее распределение ресурсов, нежели какое-либо ручное регулирование, квотирование, стимулирование и прочее государственное воздействие. Единственное, что может и должно сделать государство, — это обеспечить честное поведение на рынке, в том числе соблюдение условий контрактов, и предотвратить злоупотребление монопольным положением.

Цены и тарифы. Цена на рынках определяется соотношением спроса и предложения. Любое государственное вмешательство искажает это соотношение и, как доказала экономическая теория, приводит к необратимым потерям ресурсов для общества, хотя отдельные игроки могут получить из-за этого вмешательства преимущество. Примерами ценового регулирования являются не только максимальные цены на товары, но и минимальный уровень оплаты труда. Либертарианцы категорически против государственного регулирования цен, тарифов или уровня оплаты труда.

Единственным возможным и даже необходимым случаем вмешательства государства является регулирование тарифов естественных монополий. В силу структурных ограничений, механизм рыночного ценообразования в этом случае не работает, поскольку есть лишь один поставщик. Его цены — обычно это тарифы — должны устанавливаться внешним образом. Однако, сказав это, необходимо добавить, что таких природных монополий должно быть как можно меньше, из больших компаний следует выделять часть, которая является природной монополией, ее регулировать, а остальные части бизнеса пускай находятся в конкурентной среде и работают без государственного вмешательства. Подробнее об этом читайте в пункте о демополизации экономики.

Лицензирование. Из общих положений о свободе деятельности следует, что любое лицо (физическое или юридическое) может заниматься предпринимательской деятельностью и не требует каких-либо отдельных разрешений. Единственным исключением из этого являются такие виды

деятельности, которые непосредственно влияют на права и свободы других людей. Они требуют лицензирования, и заниматься ими могут лишь лица, получившие соответствующее разрешение.

Наиболее очевидные примеры — управление транспортными средствами, производство пищевых или фармакологических продуктов, предоставление медицинских услуг. Для защиты прав собственности требуется лицензировать виды деятельности, связанные с управлением имуществом третьих лиц, — банковские услуги, доверительное управление, инвестиционные фонды (включая пенсионные) и страхование компании. Конечно, требуется лицензировать деятельность по строительству объектов недвижимости, за исключением, возможно, частных домов.

Из приведенного выше правила следует и то, что от многих видов лицензирования следует отказаться. Так, нет никакого повода лицензировать средства массовой информации, производство печатной продукции, туристические услуги и т. п. Конечно, во всех этих сферах возможно предоставление некачественных услуг, но если это не влечет непосредственной угрозы жизни, здоровью и собственности других людей, то вопросы качества вполне может отрегулировать рыночная конкуренция.

Стандартизация и сертификация. Вопросы стандартизации и сертификации следует решать, исходя из общей либертарианской логики — дать максимальную свободу субъектам. Государство может вводить стандарты и сертифицировать продукцию либо тогда, когда оно заказывает ее для собственных нужд, либо когда продукция может непосредственно нарушить права и свободы неограниченного круга лиц. Первый случай ничем не отличается от внутренних стандартов коммерческих фирм, просто у государства может возникнуть искушение воспользоваться административными рычагами, чтобы свои внутренние стандарты распространить на других. А это недопустимо.

Допустимо государственное вмешательство в сертификацию пищевых продуктов, медицинских препаратов, электроустановок и т. п. При этом не следует изобретать велосипед — если какие-то продукты сертифицированы в странах с более высоким уровнем экономического развития (например, странах OECD), то эти сертификации следует автоматически признавать в Украине. Если же что-то не подлежит обязательной сертификации в подавляющем большинстве стран с более высоким уровнем экономического развития, оно и у нас не должно подлежать обязательной сертификации.

Государство не должно также вмешиваться в систему стандартов, недопустимо существование каких-то общеобязательных государственных стандартов (ГОСТ, ДСТУ). Стандарты должны возникать естественным путем как кодификация распространенных практик, используемых участниками рынка. Органы стандартизации должны быть независимыми от государства общественными организациями, которые создаются и финансируются участниками рынка. Например, в США, Соединенном Королевстве, Испа-

нии, Германии, Италии, Швеции национальные организации — члены ISO являются негосударственными, обычно это общественные неприбыльные организации. Так должно быть и у нас.

Конкретным примером того, как либертарианские идеи могут изменить жизнь обычных людей, является поверка квартирных счетчиков воды. Вообще сама идея государственной метрологической поверки уходит корнями в советское время, когда все принадлежало государству и, соответственно, существовала особая служба для поверки измерительных приборов. Плановая экономика давно канула в прошлое, а служба осталась. Либертарианцы считают, что вопросы поверки должны решать лишь две стороны — поставщик и потребитель услуги (воды, тепла, электроэнергии и т. п.), а государство не имеет права вмешиваться. Обязывая проводить периодическую поверку, государство тем самым заставляет потребителя оплачивать ненужную ему услугу, уменьшая таким образом общественное благосостояние.

Демонополизация. Экономическая теория давно доказала, что оптимальное распределение ресурсов достигается при свободной конкуренции, а любая монополия, перераспределяя ресурсы в свою пользу, влечет также невосполнимые потери ресурсов. Оценить уровень монополизации в отрасли можно с помощью объективных показателей, например, индекса Херфиндала—Хиршмана (Herfindahl—Hirschman), который применяется в антимонопольном законодательстве США. При этом четко наблюдается зависимость — чем меньше уровень конкуренции, тем выше невосполнимые потери. Поэтому бороться следует не с самим фактом существования монополии, а с использованием монопольного положения для ущемления конкуренции.

Самым важным представляется минимизация естественных (природных) монополий. Они возникают тогда, когда экономически нецелесообразно на одной территории иметь два независимых ресурса — например, две сети электропередач, две системы железных дорог или две системы магистральных газо- или нефтепроводов. Такой ресурс всегда будет монопольным, но компания, которой он принадлежит, может предоставлять другие услуги (например, добывать, транспортировать и продавать газ). В таком случае у нее возникает соблазн использовать монопольное положение для получения нерыночного преимущества не только в транспортировке, но и в добыче, и в дистрибуции газа. Это случай НАК «Нафтогаз України» или «Укрзалізниці».

Демонополизация в Украине должна в первую очередь идти по вертикальному разъединению крупных монополистов («Нафтогаз», «Укрзалізняця» и т. п.), выделению в отдельной компании естественной монополии (газо-транспортной системы, железнодорожных путей), а в прочих компаниях — других видов бизнеса (добыча газа, дистрибуция газа, грузовые или пассажирские перевозки, обслуживание станций). В немонопольных видах

следует иметь хотя бы 4–6 компаний, которые предоставляют услуги по всей территории Украины, — горизонтальное разделение по типу облэнерго, очевидно, не имеет смысла, так как нынешние облэнерго стали монополистами в пределах одной или нескольких областей.

Вторая очередь демонополизации должна заключаться в создании эффективного предохранителя от злоупотребления монопольным положением. Нынешний Антимонопольный комитет Украины на эту роль, разумеется, не годится — он зачастую штрафует компании, которые работают в конкурентных отраслях, но не делает ничего для обеспечения справедливого ценообразования на газ, электроэнергию, железнодорожные перевозки. Роль нового регулятора должна заключаться в формировании тарифов естественных монополий таким образом, чтобы, с одной стороны, они выходили на безубыточность (т. е. тариф покрывал все действительные их затраты), а с другой — эффективно вели свой бизнес (т. е. стремились минимизировать затраты, а не перекладывать свою неэффективность на потребителя).

Третьей очередью демонополизации является обеспечение эффективного наблюдения за степенью концентрации в отраслях, предотвращение картельных (ценовых) сговоров и прочего возможного использования механизмов ущемления свободы конкуренции.

Приватизация. Общеизвестно, что государство — весьма неэффективный собственник. Это объясняется тем, что чиновники, в отличие от наемных менеджеров корпораций, не участвуют в прибылях и не отвечают за убытки, связанные с последствиями их решений. Даже в демократических странах для чиновников важнее получить поддержку избирателей, а не добиться эффективного управления публичной собственностью. Поэтому государственное владение предприятиями должно быть сведено к минимуму.

Приватизация связана с демонополизацией. Если в ряде случаев естественные монополии (газотранспортная система, железнодорожные пути, сеть автомобильных дорог, АЭС) могут и должны остаться в собственности государства, то все остальные части бизнеса нынешних монополистов («Нафтогаз», «Укрзалізниця») должны быть приватизированы. Ошибкой приватизации в 1990-х было стремление продать среди «своих». Эффективная приватизация — это приватизация, где все покупатели находятся в равных условиях, эти условия известны заранее и не подогнаны под «нужных покупателей», а вся процедура публична и прозрачна. Иностранные инвесторы должны иметь те же права и возможности, что и украинские.

Желательно привлечь к организации приватизации ведущие инвестиционные банки мира — да, их услуги стоят дорого, но они помогут продать пакеты акций по наибольшим ценам большому количеству инвесторов, что обеспечит распределенную структуру собственности. Такая структура характерна для ведущих мировых корпораций, в которых 1–2 % акций — это

очень большой пакет и никто не владеет более 10 % акций. Это исключает возможность для мажоритарного акционера ущемлять права миноритарных и благотворно отражается на стоимости компании.

Земля. По отношению к земле либертарианцы придерживаются тех же взглядов, что и к любой другой собственности. Она должна продаваться и покупаться на свободных конкурентных рынках. Цена на землю должна устанавливаться соотношением спроса и предложения. Все продавцы и покупатели, в том числе иностранные, должны иметь равные права и равный доступ.

При этом следует добавить, что сначала должны быть обеспечены равные права собственности и их защита, равный доступ, прозрачная процедура и эффективная инфраструктура купли-продажи земли, а уже затем можно начинать сам процесс.

Недра. В отличие от многих других политических партий, либертарианцы обычно стоят на позиции, что природные богатства недр принадлежат тому, кто владеет земельным участком. Абсолютно недопустимым является утверждение, что, поскольку недра принадлежат народу, собственник земли не может извлекать полезные ископаемые или добывать природные ресурсы без разрешения государства. Максимум, на что могут согласиться либертарианцы, — это введение ренты на добычу полезных ископаемых, которая будет единой для всей страны.

Налоги. Общей позицией либертарианских партий является стремление к минимально необходимому числу и размеру налогов. Налоги — это деньги, которые граждане соглашаются выделить государству на осуществление его функций. Поскольку государство — это естественная монополия, а либертарианцы за свободу конкуренции, то мы считаем, что государство должно выполнять лишь необходимый минимум функций, а их подавляющее большинство следует передать негосударственному сектору. Сегодня государство еще достаточно много внимания уделяет социальной сфере и под это собирает больше налогов, если же оно из этой сферы уйдет, то появится возможность снизить налоговое бремя.

Единственно возможными налогами, существование которых оправдано тем, что государство предоставляет гражданам и бизнесу услуги по обороне, охране прав и свобод, базовую инфраструктуру, являются налог на доходы физических лиц и прибыль корпораций. Равенство прав и свобод граждан подразумевает плоскую шкалу налога на доходы, его одинаковость для резидентов и нерезидентов, а также для всех источников дохода — трудового, пассивного, предпринимательского. Налог на прибыль корпораций вводится для структур с ограниченной ответственностью (для смешанных структур из прибыли должна быть вычтена часть, распределенная участникам с полной ответственностью, которые впоследствии заплатят с нее налог от своего лица). Его ставка тоже должна быть единой для всех бизнесов, недопустимы какие-либо льготы или особые условия.

Социальный налог, который в настоящее время представляет собой взносы в пенсионный фонд, фонд страхования от безработицы и несчастных случаев и т. п., после перехода к негосударственным системам пенсионного обеспечения и страхования должен быть отменен. Работники и работодатели должны совместно, при заключении трудового договора, определить размер и порядок оплаты социального пакета, а регулировать все должен рынок, но не государство. Подробнее об этом говорится в подразделах о трудовых отношениях и о социальной сфере.

Налог на добавленную стоимость (НДС) должен быть упразднен и заменен налогом с оборота. По сути, это налоги одного порядка, но НДС более сложен в администрировании и предоставляет бóльшие возможности для манипулирования. Ставке НДС 20 % соответствует ставка налога с оборота 3—4 % (при этом общие налоговые поступления будут равны). Если же в цепочке НДС появляется нечестное звено (фирма-однодневка и т. п.), то смежные добросовестные фирмы рискуют тем, что они заплатят 20 % от выручки по данной сделке, а не от добавленной стоимости. Чтобы администрировать НДС, требуется отслеживать все сделки по цепочке, т. е. все налоговые накладные, почти в реальном времени. Администрирование налога с оборота можно проводить раз в месяц, квартал или даже год, и для этого требуется лишь банковская выписка и данные о возвратах продукции.

Сомнительными в либертарианской картине мира налогами являются акцизы и рента. Акциз обычно вводится для того, чтобы штрафовать социально нежелательное поведение, поэтому его вводят на табак, крепкий алкоголь, бензин. Либертарианцы ставят личность выше коллектива, поэтому не считают, что общество может диктовать отдельным людям нормы поведения. Тем не менее акциз, скажем, на бензин может рассматриваться как оплата пользования базовой инфраструктурой — чем больше едешь, тем больше потребляешь бензина, соответственно, больше платишь, и это лучше, чем брать плату в зависимости от объема двигателя. Рента на добычу полезных ископаемых имеет смысл, если недра считать принадлежащими народу, что весьма спорно с либертарианской точки зрения — мы полагаем, что недра принадлежат собственнику земельного участка над ними.

Либертарианцы считают недопустимыми налоги на собственность — недвижимость, транспортные средства, а также на наследство. Если собственность получена законным путем, т. е. за счет доходов, с которых уже были уплачены налоги, то облагать ее налогом повторно — это узаконенный грабёж. Человек, который заплатил государству положенную часть своих доходов, более ничего ему не должен. Напротив, государство должно защищать права собственности, поскольку оно получило часть доходов, на которые эта собственность была приобретена. Аналогично и в случае наследства. Что касается транспортных средств, то если автомобиль стоит у

вас в гараже, то вы никому ничего не должны — брать деньги потенциально можно лишь за использование инфраструктуры — чем больше едешь, тем больше платишь. Для этих целей наиболее подходит акциз на топливо, однако он неприменим для электромобилей.

Все прочие налоги должны быть отменены, равно как и закамouflированные под них сборы или взносы: сбор на развитие виноградарства, курортный сбор, налог на рекламу, взнос в пенсионный фонд с оплаты мобильной связи или обмена валюты и т. п. Все это является частным видом активностей, с которых платятся общие налоги, поэтому введение еще и специальных налогов недопустимо.

Неприемлемы также налоговые льготы или дифференциация ставок налога для различных категорий граждан или юридических лиц. С точки зрения либертарианцев, равенство — это равенство в правах, поэтому все должны платить налоги на общих основаниях и по одним и тем же ставкам.

Пошлины. Либертарианцы выступают за свободу движения товаров и услуг, поэтому в общем случае являются противниками таможенных пошлин. Введение пошлин якобы для защиты отечественного производителя — весьма распространенное заблуждение. Да, в этом случае цены на импортные товары растут и зарубежные производители теряют долю рынка, отечественные производители увеличивают свою долю, но и получают нерыночное конкурентное преимущество. Обычно это значит, что они повышают свою цену без соответствующего увеличения затрат. В итоге сверхприбыли отечественных производителей оплачивает отечественный же потребитель. Это значит, что деньги из карманов граждан государство перекладывает в карманы владельцев бизнеса. Такая ситуация ни в коей мере не вписывается в либертарианскую картину мира.

Капитал. Либертарианцы выступают за свободу капитала, рынков капитала и инвестиций. Единственное, что может и должно сделать государство, — обеспечить свободную и честную конкуренцию на них, а также соблюдение условий контрактов и сделок. Это подразумевает борьбу с недостоверной финансовой отчетностью компаний, акции которых торгуются публично, криминализацию использования инсайдерской информации, преследование тех, кто манипулирует рынком или злоупотребляет доверием инвесторов. Разумеется, права кредиторов также должны неукоснительно соблюдаться.

Свобода рынков капитала и инвестиций подразумевает снятие всех ограничений на движение денег — резиденты Украины смогут инвестировать за рубеж и открывать там банковские и брокерские счета без ограничений, а иностранцы — инвестировать в Украину и открывать банковские и брокерские счета у нас. Валютный контроль и валютное регулирование должны быть полностью отменены. Государство не должно ограничивать обмен валют и проведение транзакций в любой валюте. Украина должна

устранить также любые барьеры на пути репатриации инвестиций, дивидендов, процентов или роялти.

Государство может лицензировать деятельность по управлению деньгами третьих лиц, т. е. пенсионные, инвестиционные (взаимные, паевые) фонды, страховые компании, компании по управлению активами, а также сертифицировать соответствующих профессионалов, но не должно вмешиваться в определение допустимой структуры активов или устанавливать лимиты на инвестиции в определенные классы активов. Украине следует также ввести в законодательство такие формы доверительного управления активами, как трасты.

Труд. Труд является таким же ресурсом, таким же товаром, как земля или капитал. Поэтому на рынке труда должна существовать такая же свобода конкуренции. Работник продает свой труд, а работодатель покупает его труд по той цене и на тех условиях, на которых стороны договариваются, без всякого вмешательства или регулирования со стороны государства. Основой трудовых отношений должен стать индивидуальный трудовой контракт. Кодекс законов о труде следует отменить. Минимальный уровень оплаты труда — нерыночная мера — должен быть упразднен. Не должны заключаться коллективные договоры: каждый человек — личность, поэтому может оговаривать свои индивидуальные условия. Шаблоны и типовые договора могут существовать только для удобства, но не могут навязываться во всей своей полноте.

Обязательная документация кадрового учета, регулирование кадрового документооборота и прочее со стороны государства нужно отменить. Трудовые книжки и классификаторы профессий также следует упразднить. Компании смогут свободно определять наименование позиций. Вся документация по учету персонала, рабочего времени, отпусков и прочее будет вестись так, как захотят на конкретном предприятии.

Труд — это право, но не обязанность. Никого нельзя принудительно заставлять трудиться или штрафовать за то, что он не трудится. Равным образом никому нельзя запрещать трудиться или заниматься определенной деятельностью. Разумеется, права других лиц должны также быть защищены, поэтому виды деятельности, которые затрагивают права других людей на жизнь, здоровье, собственность, могут требовать обязательного лицензирования (строительство и архитектура, управление транспортными средствами, предоставление медицинских услуг, управление имуществом третьих лиц). Кроме того, право на труд не подразумевает обязанности кого-то, в том числе государства, изыскивать возможности трудоустроить данного человека — трудоустройство есть профессиональной услугой, которая предоставляется рынком.

Предпринимательство. Право заниматься предпринимательской деятельностью является неотъемлемым правом человека. Людям не нужно получать от государства никакого дополнительного разрешения или про-

ходить какую-либо регистрацию, чтобы ей заниматься, за исключением сфер, деятельность в которых требует лицензии (см. выше). Каждый может заниматься предпринимательством, получать соответствующие доходы и затем платить налоги с этих доходов как физическое лицо. Понятие «незаконное предпринимательство» юридически ничтожно.

Если несколько лиц хотят совместно заниматься предпринимательской деятельностью и для этих целей учреждают общество или товарищество, которое будет выступать отдельным от своих учредителей юридическим лицом, то лишь в этом случае требуется государственная регистрация юридического лица и его уставных документов. Будучи зарегистрированным, юридическое лицо получает ту же свободу заниматься предпринимательской деятельностью, что и физические лица, и не требует каких-либо дополнительных разрешений от государства.

Внешнеэкономическая деятельность. Любая экономическая деятельность — внутри Украины или вне страны — должна проводиться на одних и тех же основаниях. Конечно, могут заключаться сделки, которые будут регулироваться не украинским, а зарубежным правом, но в том случае, если стороны пользуются правом Украины, то оно должно быть одинаковым для внутриэкономической и внешнеэкономической деятельности. Все законодательные акты, которые по-разному регулируют эти виды деятельности, должны быть отменены или изменены.

3. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Воинская обязанность. Либертарианцы последовательно выступают категорически против всеобщей воинской обязанности. Каждый человек имеет неотъемлемое право самому распоряжаться своей жизнью и здоровьем. А служба в вооруженных силах предполагает, что человек обязан по приказу других рисковать своей жизнью и здоровьем. Причем очень часто такие приказы бывают глупыми и бездарными, вспомним слова советского командира времен Второй мировой войны: «Дорасходуй живую силу, и отходим на переформирование». Поэтому вооруженные силы должны состоять исключительно из людей, которые добровольно берут на себя такие риски и изъявили готовность подчиняться приказам.

Право на оружие. Обычно либертарианцы не возражают против права граждан иметь огнестрельное оружие. Не только оружие, но и многие другие вещи несут опасность жизни и здоровью людей — к примеру, в автокатастрофах в Украине ежегодно гибнут более трех тысяч человек¹, но никто не выступает за запрет личных автомобилей. В Молдове было разрешено

¹ По данным BBC: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-44928211> (25.10.2018). Здесь и далее в скобках приведены даты доступа к веб-ресурсу.

частное владение короткоствольным оружием в 1998 году, после чего число убийств не возросло, а неуклонно сокращалось с 2000-го по 2005 год². Поэтому вопрос не о владении оружием вообще, а о лицензировании. Точно так же, как человека проверяют на знание теории, практики и состояние здоровья перед выдачей прав на управление транспортными средствами, следует поступать и перед выдачей лицензии на право владения оружием.

Структура полиции. Либертарианской идеологии наиболее соответствует система местных органов охраны общественного порядка — муниципальная полиция, во главе которой в идеале должен стоять избираемый местной общиной глава (шериф). Муниципальная полиция не должна подчиняться центральным органам власти.

Организация расследования уголовных правонарушений должна быть централизована (так, в США она была изначально децентрализованной, но это оказалось неэффективным, в результате была создана единая для федерации структура — ФБР), например, в виде уголовной полиции. Эта структура должна быть гражданской и демилитаризованной (ее сотрудники не должны иметь специальных званий).

Пенитенциарная система, в том числе следственные изоляторы, должны быть отделены от уголовной полиции и не должны иметь общих линий управления, чтобы у следователей не было возможности как-то злоупотреблять положением лиц, находящихся под стражей, или оказывать на них давление.

В системе полиции недопустимы подразделения, предоставляющие охранные услуги. Это отражает общий подход — все, что может делать частный сектор, реализуется им, а не государством. Полиция охраны имеет очевидное неконкурентное преимущество перед другими участниками рынка, чего быть не должно.

Прокуратура. Прокуратура должна стать квазигосударственной структурой, возглавляемой Советом, в который будут входить лица, независимые от органов государственной власти (адвокаты, ученые-юристы, правозащитники и т. п.). Совет будет назначать и увольнять руководство прокуратуры, а оно уже — нанимать подчиненных сотрудников. Хотя финансирование прокуратуры должно идти из государственного бюджета, кадровая независимость позволит этому органу осуществлять надзор за соблюдением законности самими органами государственной власти, а также быть независимым от государства органом общественного обвинения в суде.

Суд. Судебная власть должна быть отделена от прочих ветвей государственной власти. Ни законодательная, ни исполнительная власть не должны иметь влияние на назначение или увольнение судей. Следует создать Квалификационную и Дисциплинарные комиссии судей, в которых мень-

² Согласно исследованию SALW Survey of Moldova 2006-07-01 (с. 36), доступно на сайте <https://www.saferworld.org.uk/resources/publications/211-small-arms-and-light-weapons-survey-of-moldova> (25.10.2018).

шинство членов будет избирать съезд судей, а большинство — независимые от государства юристы (адвокаты, корпоративные юристы, преподаватели права в негосударственных учебных заведениях). Либертарианская идеология допускает, что судей в суд первой инстанции могут избирать члены местной общины.

Конституционный суд вообще не нужен и должен быть упразднен. В таком случае высшим судом станет Верховный суд, который и будет разбирать дела о конституционности законов. Если такая система работает в США, где 9 судей Верховного суда справляются со своими обязанностями в 350-миллионной стране, то в Украине, где население меньше 50 миллионов, девяти судей хватит и подавно. Следует упразднить и специализированные — хозяйственные и административные — суды. Равенство всех лиц (физических, юридических, государства) перед законом подразумевает, что все правовые субъекты подлежат суду на общих основаниях.

Система права. Исследования показывают, что англо-американская система общего права благотворно влияет на инвестиционный климат и экономический рост. В Казахстане создана специальная экономическая зона, где действует общее право. Почему бы Украине не стать первой в континентальной Европе страной, которая будет уходить от гражданского права в сторону общего? Судебный прецедент должен стать таким же источником права, как законодательство. Апелляция может касаться лишь процедурной стороны дела, но не приводить к повторному рассмотрению фактической (хотя последнее возможно при отправлении дела на повторное рассмотрение в суд первой инстанции).

Суд присяжных. Все дела, по которым приговором может стать лишение свободы, должны рассматриваться судом присяжных. Рациональнее использовать американскую, а не французскую модель суда присяжных, так как именно она доказала свою жизнеспособность. Присяжные рассматривают фактическую сторону дела и принимают решение о виновности или невиновности. Именно поэтому апелляционный суд, в котором нет присяжных, не может повторно рассматривать фактическую сторону, а ограничивается исследованием соблюдения процедуры, независимости и объективности при рассмотрении дела в суде первой инстанции.

Частное обвинение. Каждый человек имеет право судебной защиты, поэтому каждый может лично или через представителя предъявить и поддерживать обвинение, в том числе и по уголовным делам. Прокуратура как орган общественного обвинения может предъявлять и поддерживать обвинение от лица общества, независимо от того, предъявлено ли частное обвинение от лица пострадавших.

Амнистия и помилование. Амнистия и помилование — это вмешательство законодательной и исполнительной ветвей в компетенцию судебной власти. Поэтому оно недопустимо. Лишь суд может пересмотреть или изменить приговор.

Судимость. Институт судимости — тяжелое наследие советских времен — должен быть отменен. Если человек исполнил положенное ему наказание, то он чист перед законом и какое-либо дальнейшее поражение его в правах недопустимо.

Смертная казнь. Либертарианцы категорически против смертной казни. Право на жизнь — неотъемлемое право человека. Никто не может быть лишен жизни против собственной воли. Ни государство, ни общество не может распоряжаться жизнью отдельных граждан, в том числе лишать ее по приговору суда.

Преступления без пострадавших. Либертарианская идеология не приемлет преступлений без пострадавших. Из этого следует, что хранение или потребление наркотиков (равно как алкоголя, табака и т. п.) не может считаться правонарушением. Если человек, употребляя наркотики, не нарушает ничьих прав и свобод, то как он может быть преступником? Аналогично, не может считаться правонарушением занятие проституцией, а вот принуждение к нему — это, разумеется, преступление.

4. СОЦИАЛЬНАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ СФЕРА

Социальное государство. Согласно либертарианской идеологии, государство — не нянька, а сервисная организация. Наивно считать, что государство может позаботиться о гражданах. В связи с этим вспоминается сказка о двух медведях. Они хотели поделить головку сыра поровну, но не могли договориться и пригласили лисицу, которая не растерялась и начала откусывать от этой головки по кусочку. В итоге медведям достались хоть и равные, но очень-очень маленькие порции сыра. Социальное государство — это такая же лисица: оно, может, и заботится о каких-то нуждах граждан, но крайне неэффективно, потребляя на свои нужды куда больше ресурсов, а в Украине эти ресурсы еще и разворовываются чиновниками. Отсюда вывод: социальное государство — это зло, оно вредно, оно не нужно.

Кто должен осуществлять социальные функции? Конечно, обойтись без социальной помощи вообще — это крайне жесткий вариант социалдарвинизма. Либертарианцы смотрят на вещи шире. Те функции, которые не должно выполнять государство, вполне могут взять на себя институты гражданского общества. Есть люди, которые готовы платить за себя, а есть и те, кто готовы платить еще и за других, менее удачливых и богатых. В развитых странах успешно действуют благотворительные организации, а в Украине после 2014 года — волонтеры. В отличие от государства, эти институты не обладают монополией на власть, они действуют в конкурентной среде, поэтому имеют стимул эффективнее распределять ресурсы и лишены коррупционной составляющей.

Таким образом, социальные функции вместо государства должны выполнять три других субъекта, не имеющих монополии на власть. Это частный сектор, некоммерческие благотворительные организации и местное самоуправление.

Пенсионная система. Солидарная пенсионная система — это фактически финансовая пирамида³. У нее есть вполне определенные обязательства перед нынешними и будущими пенсионерами — всеми теми, кто в прошлом платил пенсионные взносы. Но у этой системы нет активов, за счет которых она будет выполнять свои обязательства. Как и любая пирамида, солидарная пенсионная система существует, выплачивая нынешним получателям средств те деньги, которые несут новые вкладчики. И если представить себе, что все люди вдруг перестанут работать, то такая система не сможет выполнить обязательства перед теми, кто ранее честно вносил в нее свои вклады.

Из вышесказанного следует, что единственной честной пенсионной системой является та, в которой вклады не проедаются, а сохраняются, накапливаются и затем используются для выплаты пенсий. Это накопительная пенсионная система. Переход от солидарной к стопроцентно накопительной системе — одна из программных задач либертарианцев. Реализация такого перехода не отменяет существующие обязательства перед теми, кто уже совершал вклады в прошлом, — государство как распорядитель солидарной системы должно взять на себя выплату таких обязательств в течение 40 лет. Новые же пенсионные взносы будут идти в накопительную систему⁴. В идеале каждый сам должен решать, сколько ему или ей откладывать, в какие фонды, когда выходить на пенсию и сколько из накопленных средств получать каждый месяц в виде пенсии.

Социальное страхование. Социальное страхование в настоящее время осуществляет государство, делая это крайне неэффективно и бюрократизировано. Нет никаких причин, почему эту функцию нельзя было бы перевести на рыночные отношения. Частные страховые компании вполне могут страховать жизнь, здоровье, потерю работы и временную нетрудоспособность. При этом они будут гораздо более точно и справедливо оценивать риски конкретных профессий и отраслей. Конкуренция — как на рынке труда, так и на рынке страховых услуг — позволит предоставлять услуги качественнее, эффективнее и дешевле, чем это делают чиновники.

Здравоохранение. Единственное, что государство могло бы делать для охраны здоровья, — это защита от угроз национального масштаба, таких как эпидемии и пандемии. Все остальные услуги — медицинские, диагностические, реабилитационные — вполне может предоставлять негосударственный

³ Подробнее о типах пенсионных фондов можно прочитать в статье автора в Украинской правде (УП): <https://www.epravda.com.ua/columns/2018/04/24/636314/> (24.04.2018).

⁴ Подробнее о демонтаже солидарной системы можно прочитать в статье автора в УП: <https://www.epravda.com.ua/columns/2018/05/14/636719/> (14.05.2018).

сектор. Частные медицинские организации возьмут на себя обслуживание тех, кто может и хочет платить за услуги. Но не следует думать, что либертарианцы фокусируются исключительно на передаче всего в коммерческий сектор, существуют еще две альтернативы.

Некоммерческие медицинские учреждения — это негосударственные организации, которые существуют на благотворительные взносы. Либертарианский взгляд — не отбирать у граждан деньги в виде налогов с последующим государственным перераспределением, а оставлять им деньги, чтобы они совершали добровольные благотворительные пожертвования. В таком случае у медицинских учреждений появится стимул предоставлять качественные услуги и заботиться о своей репутации, иначе им не будут давать пожертвования. Более того, каждый врач сможет получать индивидуальную оплату труда в зависимости от того, насколько охотно клиенты идут к нему лечиться, а не сидеть на окладе, размер которого устанавливает чиновник.

Управлять некоммерческими организациями должны попечительские советы, которые может избирать местная община. На попечителях лежит ответственность за их активы. Они же нанимают менеджмент, который ведает текущей деятельностью, управляет персоналом, обеспечивает безубыточность, но не может отчуждать основные активы. В такой формат некоммерческих организаций должны быть переведены все ключевые больницы, медицинские центры и институты.

Наконец, местные общины могут и должны поддерживать базовую медицинскую инфраструктуру — поликлиники и скорую помощь. Поскольку органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти и находятся гораздо ближе к членам общины, они смогут куда лучше определить, в чем нуждаются люди на местах. Это будет децентрализация в действии.

Медицинская страховка. Либертарианский подход предполагает отход от лицемерной концепции «бесплатной» медицины. На самом деле медицина у нас не бесплатная — мы расплачиваемся либо взятками врачам, либо убитым в бесконечных очередях временем и вынуждены мириться с низким качеством услуг. Либертарианцы против лицемерия. Каждый должен честно платить сам за себя. Либо человек платит за услуги в момент их предоставления, либо он страхует риски для своего здоровья и при наступлении страхового случая медицинские услуги оплачивает страховая компания. Второй вариант позволяет более равномерно распределить риски среди большой группы людей, но экономически они оба равноценны. Поэтому медицинское страхование должно быть добровольным, а государство может лишь следить за соблюдением контракта страховыми компаниями и защищать граждан от мошенничества со страховыми премиями.

Образование. Лучшие университеты и бизнес-школы мира расположены в США и Соединенном Королевстве, это подтверждается данными

рейтингов, например, QS University Rankings⁵ и Financial Times⁶. Если сто лет назад университеты Франции и Германии котиrowались ничуть не ниже, то сегодня континентальная система высшего образования проиграла конкурентную борьбу англо-американской. В чем суть отличий этих двух систем? Ведущие университеты США частные. Оксфорд и Кембридж — учебные заведения хоть и публичные, но не государственные в том смысле, в котором ими являются ведущие учебные заведения Франции и Германии. Результат налицо. Образование не должно быть уделом государства. Не должно быть государственных дипломов, утверждения чиновниками учебных программ, определения направлений обучения, аттестации учебных заведений и т. п.

Наиболее значимые университеты можно сделать негосударственными некоммерческими заведениями с попечительскими советами, по аналогии с описанными выше медицинскими учреждениями. Каждый университет будет полностью самостоятелен в определении своей структуры, программ обучения и их стоимости, оплаты труда преподавателей и т. п. Студенты смогут как платить за обучения сами, так и получать кредиты или гранты. Последние подразумевают конкуренцию за них, выбор лучших, наиболее достойных, а также то, что деньги поступают траншами, которые зависят от академической успеваемости студента.

Среднее и начальное образование — это компетенция органов местного самоуправления. Они должны вести школами и детскими садами. Родители — они же члены местной общины — сами будут решать, кого назначить директором школы, сколько выделить денег на ее ремонт и обеспечение, каких учителей нанять для своих детей. Максимум, что может сделать государство, — это обеспечить такую услугу, как внешнее независимое оценивание знаний, хотя опыт негосударственного оценивания (например, TOEFL, IELTS, GMAT) показывает, что вмешательство государства и здесь не обязательно.

Наука. Либертарианская идеология не предполагает государственного вмешательства в научную деятельность, подобно тому как государство не указывает писателям, художникам, музыкантам направления их творческих поисков. Конечно, для своих целей государство может заказывать те или иные разработки, выделять под них гранты, это должно идти по общей схеме государственных закупок. Но в остальном ученые должны конкурировать друг с другом за клиентов (грантодателей). Эта система прекрасно работает в США, а число Нобелевских премий, полученных исследователями из этой страны, доказывает жизнеспособность такой системы организации научной деятельности.

⁵ <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019> (3.11.2018).

⁶ <http://rankings.ft.com/businessschoolrankings/global-mba-ranking-2018> (3.11.2018).

Академия наук должна наконец стать де-факто тем, чем она является де-юре — общественной организацией, объединяющей ученых. Она имеет полное самоуправление и должна перейти и на полное самообеспечение. Ее члены и институты будут зарабатывать деньги своими исследованиями и тем самым финансировать академию. Сидеть на шее налогоплательщиков она не должна.

Культура. Как были созданы наиболее значимые произведения мировой культуры? Они являют собой плод свободного творчества. Конечно, многие художники, скульпторы, музыканты получали заказы от правителей. Поэтому вполне допустимы государственные заказы на создание художественных произведений, которые будут идти через общую систему государственных закупок. Но никакого государственного управления культурой быть не должно. Это сфера сугубо рыночная — есть творцы, есть заказчики, они договариваются о стоимости, далее работают механизмы спроса и предложения.

Государственные учреждения культуры (театры, музеи, галереи и т. п.) должны стать квазигосударственными некоммерческими организациями с попечительскими советами. Так, National Gallery of Art в Вашингтоне — это частно-государственное партнерство, National Gallery в Лондоне — публичная благотворительная организация, а знаменитый Metropolitan Museum of Art в Нью-Йорке — частная некоммерческая организация с попечительским советом, хотя здание музея принадлежит городу.

Памятники. Объекты национального культурного наследия как публичная собственность могут и должны находиться в ведении государства. К таким памятникам, в частности, относятся собор св. Софии, Андреевская церковь, Киево-Печерская лавра, Львовская и Одесская оперы, Ливадийский и Воронцовский дворцы в Крыму, Мариинский дворец в Киеве, руины Херсонеса и т. п. Менее значимые объекты культурного наследия могут находиться и в частной собственности, но под охраной государства.

Помимо рукотворных памятников, в публичной собственности и ведении государства должны находиться ключевые биосферные и природные заповедники — Аскания-Нова, Крымский природный заповедник, Кара-даг, Горганы и т. п. Следует отметить, что статус объектов публичной собственности подразумевает свободный доступ граждан, в том числе в туристических целях, в эти заповедники.

Природа. Задачей государства является охрана прав собственности граждан Украины на ее природу. Но само государство не собственник природы, поэтому оно не может устанавливать какие-то общеобязательные требования. Роль государства заключается в том, чтобы охранять права собственности других, поэтому если кто-то загрязняет окружающую среду (воздух, воду), то он может и должен быть привлечен к ответственности и компенсировать нанесенный ущерб.

Одним из примеров того, что находится в публичной собственности, являются водные ресурсы — реки, озера и моря. Как к любому объекту публичной собственности, к ним должен быть обеспечен свободный доступ всех лиц. Тех, кто перегораживает заборами берега морей, рек, озер, следует привлекать к суду, а все эти огораживания должны быть признаны незаконными и демонтированы. Все юридические уловки (изменения русел и т. п.), позволявшие в прошлом «приватизировать» прибрежную зону, должны быть объявлены ничтожными, а пользовавшиеся ими юристы — понести дисциплинарную и административную ответственность за злоупотребление правом.

Спорт. Вмешательство государства в дела спорта недопустимо. Спортивные клубы могут быть как коммерческими, так и некоммерческими, даже муниципальными, но ни в коей мере не государственными, они не могут сидеть на шее у налогоплательщиков. То же касается и национальных ассоциаций видов спорта, национальных сборных, Олимпийского комитета — все это негосударственные общественные организации, которые сами должны вести свои дела и находить финансирование.

5. ПУБЛИЧНАЯ СЛУЖБА И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Изменение парадигмы публичной службы. В настоящее время у нас используются термины «государственная служба» и «государственные служащие». Из этого можно сделать вывод, что эти люди служат государству, но это не так. Кто нанял этих людей и оплачивает их труд? Граждане. Поэтому следует сменить термины, чтобы подчеркнуть, что не государству они служат, а гражданам. В английском языке есть два термина, public service и civil service. В переводе на русский логичнее использовать первый — «публичная служба», а по-украински можно сказать «суспільна служба». Суть этих изменений не косметическая. Они должны содействовать изменению парадигмы — от служения государству к служению гражданам, обществу.

Ориентация на результат. Публичная служба ориентирована на обслуживание граждан, защиту их прав и свобод. Поэтому ключевыми показателями для публичных служащих должны стать степень удовлетворенности граждан их сервисом и степень доверия к их институтам. В настоящее время государственные служащие ориентированы на процесс — поступать согласно инструкции, выполнять поручения руководства, разрабатывать нормативные акты и т. д. Публичные служащие должны быть ориентированы на результат — следование процедуре и выполнение поручений ценно не само по себе, а лишь постольку, поскольку позволяет получать значимый для граждан результат.

Совокупность значимых для граждан результатов, по которым следует оценивать публичных служащих (система KPI), у каждого института публичной службы будет своей, но есть ряд общих показателей.

- Доверие граждан к данному институту публичной службы.
- Степень удовлетворенности выполнением запросов к публичной службе и обслуживанием с ее стороны (например, шкала от 1 до 9).
- Время ожидания обслуживания (например, в очереди).
- Время выполнения запроса или обслуживания.
- Количество приемных часов в неделю или возможность получить полноценное обслуживание удаленно (через Интернет).

Для оценивания качества предоставляемых услуг целесообразно использовать независимые международные рейтинги, такие как Doing Business, WJP Rule of Law score, QS University Rankings.

Меритократический принцип. При формировании публичной службы должен использоваться меритократический принцип: кандидатов следует отбирать исходя из их достижений. При этом оценивается не количество лет, которые кандидат провел на публичной службе — это к достижениям как раз и не относится, — а полученное образование, сертификации, опыт работы в частном секторе и в зарубежных странах, владение английским языком и т. п. Опыт работы в частном секторе принципиален, поскольку человек должен сначала научиться зарабатывать деньги сам, чтобы понять их стоимость, а уже потом идти управлять распределением общественных денег.

Вот как либертарианцы видят профиль высокопоставленного публичного служащего (министра, госсекретаря, директора департамента):

- Образование в западном университете, бизнес-школе или школе права из первой сотни мирового рейтинга.
- Опыт работы в частном секторе, желательно в развитых странах или международных корпорациях, от 5–7 лет
- Свободное владение английским (уровень C1/C2, advanced).
- Понятная структура активов и расходов, которая полностью объясняется легальными доходами.

Оплата труда публичных служащих. Когда заводят речь о том, какой должна быть оплата труда нынешних государственных служащих, то это всегда спекуляция. Эти люди неконкурентоспособны, нет рынка труда для них, поэтому неизвестны параметры спроса и предложения, на основании которых определяется цена. В случае использования меритократического принципа отбора в публичном секторе можно устанавливать уровень оплаты труда, который соответствует полученному образованию, опыту работы, имеющимся сертификатам. Все эти вещи оцениваются рынком труда, причем не только в Украине.

Вторая часть оплаты — это бонус (премия). Она не должна быть ни автоматической, ни субъективной (т. е. определяться решением руководителя). Получение премии и ее размер должны зависеть от степени достижения результатов, которые стоят перед конкретным публичным служащим.

Льготы и привилегии. В настоящее время государственные служащие имеют не очень высокие зарплаты, что отчасти компенсируется льготами и привилегиями — от шикарных кабинетов и служебных автомобилей руководителей до бесплатного проезда рядовых сотрудников. Все это следует отменить. Никаких льгот и привилегий публичные служащие получать не должны. Правила игры должны быть сопоставимы в частном и публичном секторе — и размер оплаты труда, и социальный пакет. Служебные автомобили могут иметь только министры, отдельные кабинеты — только директора департаментов и т. д.

Ограничение срока публичной службы. Публичная служба от университетской скамьи и до пенсии — это лучший способ создать отдельную касту профессиональной бюрократии. Разумеется, либертарианцы — ярые противники этого. Мы стремимся уменьшить и ослабить бюрократию. Публичные служащие не создают стоимости, все они сидят на шее у налогоплательщиков, поэтому недопустимо находиться в таком положении всю жизнь. Если считать, что трудовая жизнь — это 40 лет, то не более 20 лет можно жить за счет граждан, поэтому мы предлагаем именно такое ограничение максимального срока нахождения на публичной службе. Исключение — военнотружущие и судьи.

Местное самоуправление. Либертарианцы выступают за максимальную передачу полномочий из центра на места, от государства местным общинам и их органам самоуправления. Местное самоуправление не входит в систему государственной власти, не может пользоваться механизмами принуждения, в том числе издавать нормативно-правовые акты, вводить местные налоги или собирать штрафы. Все, что оно делает, — вещи добровольные, в чем-то благотворительные. Оно может управлять школами и больницами, культурными и спортивными учреждениями, благоустройством и коммунальным транспортом.

Для того чтобы местное самоуправление было эффективным, оно должно иметь ресурсы. С одной стороны, источником финансирования могут быть сервисы, предоставляемые его учреждениями (школы, больницы, транспорт). С другой стороны, государство должно делиться с органами местного самоуправления частью собираемых налогов, причем размер этой части должен быть единым для всей страны, определяться на договорных основах и государство в одностороннем порядке не может эти договоренности пересмотреть.

ЗАПИСКИ ЛИБЕРТАРИАНЦА (КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ)

Валентин ХОХЛОВ

Этот раздел представляет собой цикл статей автора под общим заглавием «Записки либертарианца», который был в сокращенном виде опубликован в «Украинской правде» в 2017–2018 годах. Он посвящен вопросам конституционной реформы на основе положений либертарианской идеологии. Конституция рассматривается как общественный договор, которым учреждается государство, ограничивается его сфера компетенции, определяется формирование органов власти.

1. ЗАЧЕМ НУЖНА КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА?¹

В 1780-х годах в США трое отцов-основателей, Гамильтон, Мэдисон и Джей, опубликовали цикл статей под общим названием «Записки федералиста», на основе которых была написана Конституция США. Этим циклом статей я бы хотел начать общественную дискуссию, итогом которой должна стать не просто конституционная реформа в нашей стране, но и кардинальное переосмысление роли гражданина, общества и государства. Проблема эта актуальна не только для Украины, но и для многих других постсоветских стран, поэтому текст написан по-русски.

Одной из причин написания этого цикла является кризис традиционной политической модели, созданной в XIX веке и просуществовавшей до конца XX столетия. Победа Трампа, который не является типичным республиканцем, в США и Макрона, который вообще не представляет ни одну традиционную партию, во Франции — это только первые ласточки грядущих изменений. Банкротство социалистической идеи и концепции welfare state стало особенно очевидным после провала социалистов во Франции и кризиса лейбористов в Соединенном Королевстве. С другой стороны, электоральная база традиционных консерваторов, которые поддерживают Brexit или протекционистские идеи Трампа, тоже ограничена. Не представлена в традиционном политическом спектре группа людей, которые, с одной стороны, ориентируются на глобализм, открытость границ и свободную торговлю, а с другой — противники чрезмерного государственного регулирования, социализма и welfare state. Этой группе, на мой взгляд, могут быть близки идеи либертарианства, и она в дальнейшем может оказать решающее влияние на формирование политического ландшафта. Нынешняя

¹ Впервые опубликовано в УП: <http://www.pravda.com.ua/columns/2017/10/21/7158573/>.

политическая система, как в Украине, так и в западных странах, прогнила и не отвечает вызовам современности, традиционные политические силы и классические политические платформы сходят с исторической сцены. Именно поэтому я предлагаю заложить либертарианские идеи в основу построения новой модели государственного устройства.

В первой записке я хочу затронуть следующие вопросы: почему нам необходима новая Конституция? Для ответа на него нужно пойти дальше и выяснить, а чем вообще должна являться Конституция и на каких принципах она должна составляться? А это, в свою очередь, влечет за собой необходимость определить, что такое государство, зачем оно необходимо и как соотносятся граждане, общество и государство. Нерешенность именно этих фундаментальных вопросов привела не только ко всем политическим кризисам, но и к экономическим и социальным проблемам нашей страны.

Если мы рассмотрим структуру Конституции Украины, то заметим существенное сходство с Конституцией СССР — и неудивительно, поскольку ее составляли люди, выросшие в советское время. Однако Конституция СССР и ее родитель — Конституция СССР — тоже появились не из воздуха. Если внимательно изучить Конституцию Королевства Пруссия от 1848 года², то можно заметить много общего. В принципе, мы живем сейчас в конституционной парадигме континентальных монархий XIX века (именно поэтому я говорил выше про то, что наша политическая модель родом оттуда). До появления конституционных монархий в ходе революций середины XIX века сувереном и источником права являлся монарх. Именно монарх даровал определенные права и свободы своим подданным, как, например, сформулировано в манифесте Николая II от 17 октября 1905 года: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы...»³. Эта политическая модель претерпела косметические изменения — вместо монарха роль суверена стал формально играть народ. Фактически же абстрактным сувереном стало государство, а конкретным — высшее чиновничество (не зря же его часто называют словом «власть», хотя номинально власть принадлежит народу). И что более важно, государство стало источником права, и вместо монарших манифестов права народу дарует Конституция. Так, в самом начале первой статьи французской Конституции 1791 года есть следующая фраза: «Конституция гарантирует следующие естественные и гражданские права»⁴. И нам даже не приходит в голову, что все права и свободы принадлежат нам и так, и без государства, и без Конституции. Наша нынешняя Конституция, так же как и конституции континентальных

² См. https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Kingdom_of_Prussia (31.05.2017).

³ См. <https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/pravovye-akty-rossijskoj-imperii/665-manifest-ob-usovershenstvovanii-gosudarstvennogo-poryadka-1905.html> (31.05.2017).

⁴ См. <http://www.historywiz.com/primarysources/const1791text.html> (31.05.2017).

стран Европы, — по большей части декларация, и это не случайно, ведь она играет ту же роль, которую ранее играли манифесты монархов, с помощью которых они декларировали народу свою волю. Раньше мы были бы подданными монарха, которые получали права и свободы по его или ее милости. Теперь мы стали подданными абстрактного государства (или конкретных чиновников) и получаем права и свободы по его милости. Строительство государства идет сверху вниз — на вершине Конституция (некий сакральный абсолют), далее законы (отблеск высшего разума), затем подзаконные акты и следящие за их исполнением чиновники (которые сами же эти подзаконные акты и составляют) и в самом низу — жалкие букашки-граждане (которые должны подчиняться всей этой бюрократической машине). Разумеется, такая рабская политическая модель не может устраивать современных, свободных и думающих людей.

На самом деле существует и другая политическая модель. Даже если мы рассмотрим Конституцию Французской республики от 1798 года⁵, также как и упомянутую выше Конституцию 1791 года, то найдем ряд важных отличий от Конституции Пруссии. Этот документ — в меньшей степени декларация, а в большей — устав некоторой организации. Если же мы возьмем Конституцию США, то она уже ничем не будет напоминать Конституции континентальной Европы. В ней всего 7 статей. И в ней, помимо преамбулы, нет декларативных фраз. Она более всего напоминает устав корпорации — сухо и предметно описаны управляющие органы государства, рамки их полномочий, порядок формирования, а также порядок внесения поправок и изменений в саму Конституцию. Такая структура документа не случайна — ведь авторы «Записок федералиста» находились под большим влиянием Локка и его идеи общественного договора. В этом случае государство рассматривается не как некий абстрактный суверен, а как аналог корпорации, которую учреждают граждане с вполне определенными целями. В преамбуле Конституции США так и написано: «Мы, народ Соединенных Штатов, с целью сформировать более совершенный союз, установить правосудие, гарантировать внутренний порядок, обеспечить совместную оборону, способствовать общему благополучию и обеспечить благо свободы нам и нашим потомкам, принимаем и устанавливаем эту Конституцию...» Граждане делегируют государству вполне определенные полномочия и формализуют все это в уставе корпорации, роль которого и играет Конституция. Вот вам и другая политическая модель — государство строится не сверху вниз, а снизу вверх. Главными являются граждане — они обладают всей полнотой власти, они же для защиты своих прав и свобод учреждают государство и делегируют ему некоторые полномочия (причем в случае США сначала штаты, а уже потом федерацию, и федерации граждане

⁵ См. http://www.napoleon-series.org/research/government/legislation/c_constitution8.html (31.05.2017).

делегируют меньше полномочий, нежели штатам), а уже затем представители граждан (выборщики или сенаторы) назначают топ-менеджеров этой корпорации (Президента, членов Кабинета, Верховного суда и т. д.).

На мой взгляд, и в нашей стране единственно правильным и критически необходимым является переход от политической модели континентальных европейских монархий к политической модели Локка, в которой государство не представляет собой некоторую сакральную сущность, а строится на основании общественного договора. В этой модели граждане первичны, они обладают всеми правами и свободами независимо от государства (которое вторично) или Конституции (которая является всего лишь уставным документом, а не источником права). Государство же — лишь один из институтов общества, которое создается со вполне определенными целями и для решения конкретных задач (об этом речь пойдет в следующих статьях), поэтому ему делегируются только некоторые ограниченные полномочия. Соответственно, Конституция, как и любой уставный договор, должна определять цели и задачи государства, его органы управления и исчерпывающий перечень их полномочий, порядок формирования этих органов, процедуру внесения изменений и дополнений в саму Конституцию. Вероятно, документ также должен содержать статью о разграничении полномочий между органами государства и органами местного самоуправления, поскольку общество может самоорганизовываться независимо от государства и крайне близоруко было бы сводить все органы такой самоорганизации к подразделениям государственных институтов. Очевидно, что нынешняя Конституция как наследие континентальной политической модели абсолютизации суверена и государства неспособна служить адекватным общественным договором в понимании Локка с его абсолютизацией гражданина и индивидуума. Поэтому созрела необходимость написать новую Конституцию, а в качестве ее прототипа и наиболее близкой реализации идеи Локка следует взять Конституцию США.

Таким образом, ответы на основные поставленные в этой записке вопросы можно изложить следующим образом:

1. Соотношение между гражданами, обществом и государством:

- граждане первичны, они имеют неотъемлемые естественные права;
- государство — один из институтов общества, который создают граждане со вполне определенными целями, и оно является вторичным и подчиненным по отношению к гражданам и обществу;
- общество контролирует государство, но не наоборот;
- граждане делегируют государству определенные полномочия, вытекающие из тех целей, для реализации которых государство было создано, а вмешиваться в иные сферы общественной жизни государство не вправе.

2. Сущность и формат Конституции вообще:

- Конституция — это не декларация, а учредительный документ, на основании которого создается государство;
- Конституция не спускается высшей властью «сверху», чтобы подчиненные государству граждане знали и исполняли свои повинности, напротив, она пишется гражданами, чтобы подчиненные им государственные органы знали свое место;
- формат Конституции аналогичен формату уставного договора корпорации — она определяет цели создания государства, перечень управляющих органов, порядок их формирования, срок и исчерпывающий перечень полномочий, а также порядок внесения изменений и дополнений.

3. Реализация конституционной реформы в нынешних условиях:

- донесение до общественности необходимости и неизбежности перехода от политической модели континентальных монархий XIX века к модели Локка;
- смена общественной парадигмы: гражданин выше государства, индивидум выше коллектива, частное выше общественного;
- принятие новой Конституции, отражающей смену политической модели и общественной парадигмы, в качестве прототипа можно взять Конституцию США.

2. АНАЛОГИИ⁶

Вопросы строительства государства и написания Конституции едва ли привлекают ежедневное внимание граждан, поэтому могут показаться читателям более сложными и абстрактными, чем они есть на самом деле. Поэтому, прежде чем двигаться дальше, предлагаю рассмотреть две аналогии, более близкие и доступные для понимания, — общество собственников многоквартирного дома (ОСББ) и акционерное общество (корпорацию).

ОСББ может служить весьма наглядной аналогией государства. Владельцы квартир — это прямой аналог граждан, а многоквартирный дом и прилегающая к нему территория — аналог страны. Здесь мы сразу видим разделение частной и общественной сферы — квартиры являются частной собственностью их владельцев, а лестничные клетки, лифты, холлы, подсобные помещения и придомовая территория — совместной, или же общественной, собственностью. ОСББ создается со вполне определенными целями — обслуживание этой совместной собственности, помощь жильцам в решении их проблем (например, ОСББ может иметь в штате электрика, сантехника), охрана и обеспечение безопасности. По функциям и формату

⁶ Впервые опубликовано в УП: <http://www.pravda.com.ua/columns/2017/10/29/7159855/>.

это прямой аналог государства. Те, кто сталкивался с организацией ОСББ, знает, что собрать всех совладельцев даже среднего дома вместе на общее собрание практически нереально, поэтому обычно создается некий орган, например правление, который представляет интересы всех совладельцев, — это прямой аналог парламента. И правление от лица ОСББ нанимает какую-то профессиональную компанию для обслуживания дома, зачастую ее именуют управляющей компанией, — и это прямой аналог правительства. Здесь следует заметить, что слова «управляющая компания» не означают, что эта компания управляет домом, управлять она может только нанятыми ею работниками — дворниками, сантехниками, охранниками и т. п. — и правильнее именовать ее «обслуживающей компанией».

Имеет ли ОСББ власть над жильцами дома? Очевидно, что нет. Вряд ли кто-то в здравом уме видит в правлении ОСББ своих руководителей. Тем более никакой власти над жильцами не имеет управляющая компания. Хотя, безусловно, и правление, и управляющая компания обладают определенными полномочиями в части управления и обслуживания совместного имущества жильцов — например, они могут сами (без проведения общего собрания) решить, в какой цвет покрасить стены лестничной клетки и сколько охранников нанять (в рамках бюджета, который формируется из взносов жильцов, которые есть аналогом налогов). Они могут определить правила пользования лифтом и время вывоза мусора. Но ни правление, ни управляющая компания ни в коем случае не могут указывать жильцам, как в их квартирах расставлять мебель, в котором часу ложиться спать или кого им приглашать в гости. Более того, если эти органы будут посягать на права и собственность жильцов, то последние имеют полное право выгнать этот менеджмент (расторгнуть договор с управляющей компанией) и переизбрать правление.

Есть еще ряд аналогий с ОСББ, с помощью которых можно продемонстрировать абсурдность некоторых функций нынешнего государства. Так, членство в ОСББ есть аналогом гражданства. Могут ли правление или управляющая компания решать, кого лишить членства или кому его предоставить? Вопросы лишения — однозначно нет. Если человек приобрел квартиру в этом доме, он автоматически стал членом ОСББ, а если продал — перестал им быть. Вопрос предоставления членства может быть решен правлением, а правильнее — общим собранием в том случае, если при реконструкции дома были созданы новые квартиры (например, вместо чердака сделан мансардный этаж) и данная новосозданная совместная собственность старых собственников может их решением быть предоставлена новым собственникам на определенных условиях. Это аналог предоставления гражданства за определенные заслуги (пример — предоставление гражданства Франции тем, кто отслужил определенный срок в Иностранном легионе). Заметим, что управляющая компания вопросы членства в ОСББ решать не может ни в коем случае (по аналогии предоставление граждан-

ства за заслуги должно осуществляться законом, но не решением органа исполнительной власти). Таким образом, если использовать аналогию, то сразу становится понятно, как и какие вопросы гражданства может или не может решать государство.

Второй аспект, который можно проиллюстрировать на данной аналогии — это вопрос собственности. Может ли ОСББ лишить какого-то жильца права собственности на его квартиру? Для лучшего понимания — на вашу квартиру. Согласитесь ли вы лишиться своей квартиры, если 50 % проголосуют за это? А 2/3 от общего числа жильцов? А 99 из 100 (если сотая квартира — ваша)? Я уверен, что не согласитесь и назовете это вопиющей несправедливостью. Даже если вам посулят справедливую компенсацию стоимости квартиры. Даже если это будет обусловлено интересами ОСББ (сразу зададимся вопросом: могут ли быть у ОСББ свои интересы, отдельные от интересов жильцов, а у государства — интересы, отдельные от интересов граждан?). Даже если это будет необходимо для общественного блага, наступления светлого будущего или окончательной победы добра над разумом. Все равно ОСББ не может лишить вас вашей квартиры. По одной простой причине, о которой написано выше, — ОСББ создавалось со вполне определенными целями и управление частной собственностью жильцов в их перечне не значит. Такие полномочия жильцы ОСББ не делегировали, равно как и граждане не делегировали аналогичные полномочия государству. Поэтому ни ОСББ, ни государство не вправе ни при каких обстоятельствах вмешиваться в вопросы частной собственности, если таковая приобретена законным образом. Единственное, что может сделать ОСББ в рамках дома, как и государство в рамках страны, — это обеспечить железобетонное соблюдение прав собственности.

Третий аспект — это вопросы отчуждения совместной собственности. Например, представим себе 20-этажный дом, в котором жильцы 5-го этажа (причем даже не все, а лишь собственники некоторых квартир) решили отделиться и войти в состав ОСББ соседнего дома. И приводят веский аргумент — они же имеют право на 5 % совместной собственности, вот они и забирают свою лестничную площадку, часть шахты лифта, коммуникационных колодцев и т. п., ставят решетки между 4-м и 5-м и между 5-м и 6-м этажами и размещают там охранников соседнего ОСББ в зеленой форме. Ах, но ведь 5-й этаж не имеет выхода на улицу, да и все коммуникации (вода, электроэнергия) общедомовые. Ну, можно из соседнего дома перекинуть электрокабель, гибкий шланг для воды протянуть и даже подвесной мостик соорудить. Но, конечно, вся абсурдность этой ситуации очевидна даже непрофессионалу, и никому в голову не придет утверждать, что 5-й этаж может отделиться от своего дома и присоединиться к соседнему. А юристы скажут, что обладатели 5 % совместной собственности не могут в одностороннем порядке выделить эти 5 % в натуре, все вопросы выделения или размена доли должны решаться всеми собственниками на общем со-

брании, а при невозможности выделения доли в натуре (как в случае 5-го этажа, который невозможно выделить из дома) желающие выйти участники товарищества могут получить компенсацию за полагающуюся им часть этой совместной собственности. С этой точки зрения, проблема статуса Крыма решается вполне однозначно — крымчане, конечно, имеют полное право собственности на свою частную собственность, а также имеют полное право выйти из гражданства Украины и перейти в гражданство России, но сам полуостров является совместной собственностью всех граждан Украины, и именно поэтому вопросы его отчуждения могут решаться только на всеукраинском референдуме (и в этом аспекте Конституция Украины полностью следует логике).

Корпорация, или же в нашей терминологии акционерное общество, — это тоже превосходная аналогия государства. Тем более что государство, по сути, является частным случаем некоммерческой корпорации, граждане — ее акционерами, Конституция — уставом и т. д. Ценность этой аналогии в том, что во второй половине XX века была проработана теория агентов (*agency theory*), которая на уровне корпорации рассматривает взаимоотношения акционеров и менеджмента. И успехи этой теории в обеспечении устойчивости корпораций куда более значительны, нежели успехи аналогичных политологических теорий. Поэтому необходимо использовать аналогию государства и корпорации для применения агентской теории к государству.

Обладает ли топ-менеджмент корпорации властью над акционерами? Разумеется, нет. Топ-менеджмент обладает властью над наемными сотрудниками, но ни в коем случае не над акционерами. Может ли корпорация лишить акционеров их статуса? Никогда. Может ли она воспрепятствовать акционерам в продаже акций и покупке акций других компаний? Обычно, нет (то есть выход из гражданства не может быть ограничен законодательно и должен быть возможен по желанию, в любое время и без оплаты). Хотя есть исключение — если акции были даны на нерыночных условиях (например, как бонус), то на их отчуждение могут быть наложены ограничения (аналог — если гражданство предоставляется за заслуги, то могут быть наложены ограничения на выход из него в течение определенного периода). Могут ли 5 % акционеров Coca-Cola заявить, что они недовольны менеджментом, и поэтому они забирают 5 % имущества компании и присоединяют его к компании PepsiCo? Конечно же, нет. Все юристы вам скажут, что хотя акционеры совместно и владеют всем имуществом корпорации, но 5 % акционеров не могут по желанию изъять 5 % имущества в натуре. Если они так недовольны компанией Coca-Cola, то их право продать свои акции и купить акции PepsiCo либо же общее собрание акционеров может принять решение о ликвидации компании и разделе ее имущества между акционерами, но это практически невероятная ситуация.

Есть еще несколько моментов, когда метод аналогии с корпорацией позволяет прояснить некоторые аспекты взаимоотношений государства и

граждан. Так, обязан ли акционер быть лояльным корпорации, не покупать акции конкурентов или даже их продукцию? Нет, такой обязанности нет и быть не может. Взаимоотношение акционеров и корпорации одностороннее — корпорация должна работать в интересах акционеров, но не наоборот. Ответственность акционеров ограничивается лишь вкладом в капитал. Так и в случае государства — граждане государству ничего не должны, кроме уплаты налогов. А государство гражданам должно все. Граждане могут быть нелояльны государству, а государство всегда должно действовать в интересах граждан, даже и нелояльных ему. Граждане не обязаны защищать государство, а государство обязано защищать граждан. Лояльность должна требоваться не от граждан (аналога акционеров), а от общественных служащих, или же чиновников (аналога сотрудников корпорации). Понятие «измена родине» может применяться только в отношении последних, поскольку они добровольно поступили на службу гражданам (зачастую у нас говорят «государственная служба», но это весьма вредное словосочетание, поскольку служат эти люди не государству, а гражданам, обществу), получают за это деньги и потому имеют определенные обязательства. Из этого следует, кстати, что любая недобровольная служба обществу, например обязательная военная служба, является недопустимой. Если кто-то, пусть даже и общество в целом, заставляет другого человека ему служить помимо его воли, то это называется рабством.

Второй интересный момент данной аналогии заключается в границах полномочий корпорации тратить свои деньги (т. е. деньги акционеров) в интересах менеджмента, что аналогично полномочиям государства тратить бюджетные деньги (т. е. деньги граждан) в интересах чиновников. Именно здесь сильна как агентская теория, так и правоприменительная практика. После того как глава Тусо Дэннис Козловски использовал средства компании (т. е. деньги акционеров) для покупки в своих интересах недвижимости и предметов роскоши, он надолго угодил в тюрьму. Много ли глав государств и членов правительств понесли наказание за то, что у них слишком много государственных резиденций или автомобилей класса «люкс»? Многие акционеры справедливо задавались вопросом, нужен ли компании парк частных самолетов или же топ-менеджеры могут летать обычными авиалиниями, в результате многие компании избавились от своих самолетов. А что мешает гражданам задать такой же вопрос? Президенту корона мешает летать обычными авиалиниями? Ему (или ей) так уж необходимо за наши с вами деньги содержать личный самолет и штат прислуги? Ну тогда, может, он (или она) поищет себе другую работу? Незаменимых чиновников у нас нет.

Наконец, говоря о корпорациях, нельзя не упомянуть про силу конкуренции. Корпорации конкурируют друг с другом как за потребителей, так и за капитал (т. е. за деньги акционеров). Именно конкуренция стоит за тем, что экономика развивается, создаются более совершенные товары

и услуги, а капитал используется наиболее эффективным образом. Те, кто делает что-то чуть хуже, чем остальные, погибает, а те, кто делает что-то чуть лучше, — процветает. Конечно, для менеджмента выгоднее всего заполучить монополию в какой-то сфере, после чего можно наплевать и на потребителя (у них ведь все равно выбора нет), и на акционеров (по той же причине). Суверенитет государства — это аналог монополии корпорации. Прикрываясь суверенитетом, чиновники аналогичным образом могли наплевать на интересы граждан и бизнеса. Но суверенитет — это такой же анахронизм XIX века, как и монополия. И глобализация бизнеса, и возрастающая мобильность граждан нивелируют его эффект. Мы должны понять, что в настоящее время государства конкурируют за граждан и за бизнес так же, как корпорации конкурируют за потребителя и за акционеров.

Таким образом, проводя аналогию между государством и ОСББ или корпорацией, можно по-новому взглянуть на некоторые аспекты взаимоотношений государства и граждан. Абсолютизация и сакрализация государства всего лишь манипулятивная технология, которая запутывает граждан и вынуждает их принять подчиненное положение по отношению к чиновникам. Аналогии с ОСББ или корпорациями показывают всю абсурдность притязаний государства и чиновников на власть над гражданами, наложение на граждан обязанностей и повинностей, попытки распоряжаться их имуществом или предписывать им что бы то ни было. Во взаимоотношениях государства и граждан или бизнеса в силу конкуренции именно последние являются главными, а государство и чиновники — подчиненными, обслугой, и иное понимание этих взаимоотношений в современном мире немыслимо.

3. БИЛЛЬ О ПРАВАХ⁷

Билль о правах появился в Конституции США не сразу, и это может вызвать недоумение — почему отцы-основатели наиболее демократического государства того времени не заложили подобные статьи в документ сразу, тогда как аналоги (Великая хартия вольностей) на тот момент уже были известны? Почему, в конце концов, набор поправок под таким названием был все же принят? И в чем, на мой взгляд, многие современные люди заблуждаются, говоря о гражданских правах.

Александр Гамильтон, один из авторов Конституции, возражал против Билля о правах в «Записке федералиста» № 84⁸, справедливо утверждая, что гражданские права принадлежат гражданам изначально во всей их полноте и

⁷ В сокращении опубликовано в УП: <http://www.pravda.com.ua/columns/2017/11/4/7160401/> и <https://www.pravda.com.ua/columns/2017/11/11/7161326/>.

⁸ См. <https://www.congress.gov/resources/display/content/The+Federalist+Papers#TheFederalistPapers-84> (1.07.2017).

раз граждане не уполномочивали государство эти права ограничивать, то им и не требуется получать какие-то особые конституционные гарантии своих прав (оригинал: *«the people surrender nothing, and as they retain every thing, they have no need of particular reservations»*). Отличие Великой хартии вольностей в том, что источником права в королевстве Англия был король, а бароны были его подданными, то есть неотъемлемых прав у них не было, король им права мог дать, а мог и забрать, и Хартия как раз защищала баронов от своевластия короля. Когда же источником права является народ, а не монарх и народ свои изначальные права государству не делегирует, то получать подтверждение своих прав от государства гражданам не требуется.

Более того, Гамильтон, как бы предвидя вызовы конца XX — начала XXI века, указывал на опасность Билля: если какие-то права Конституция гражданам явным образом гарантирует, то возникает ощущение, что прочие права, которые она не гарантирует, у граждан отсутствуют. Как мы видим на примере закона о митингах в современной России, опасения Гамильтона полностью оправдались — даже те права, которые Конституция якобы гарантирует, государство стремится ограничить законами. Про те права, которые Конституция не гарантирует, и говорить нечего. Многие граждане почему-то считают, что источником права являются не они сами, а именно Конституция — и в наш лексикон входят весьма опасные и вредные фразы: «Конституция предоставляет право» и «Конституция признает право», хотя максимум, что она может, — это гарантировать права, которые у граждан есть и без всякого государства или Конституции.

Почему же, несмотря на всю логичность позиции Гамильтона, Билль о правах был принят? Дело в том, что любое государство — это общественно опасный институт. История показывает, что государство склонно превышать пределы делегированных ему полномочий и узурпировать права граждан. Государство в лице чиновников склонно видеть себя квазисувереном, т. е. источником права, а граждан — своими подданными. Психологически антифедералисты справедливо указывали на опасность узурпации государством полномочий, которые ему не были предоставлены, и Билль о правах был принят исключительно как мера предохранения от этого. Хотя лучшим предохранителем была бы гражданская сознательность и четкое понимание гражданами того, что они являются источником права, а государство и его органы — лишь обслуживающей организацией. Однако торжество популистских и патерналистских режимов в XX веке показывает, что на это рассчитывать не приходится.

Итак, для наших целей необходимо четко понимать две вещи. Первое — ни Конституция, ни государство не могут предоставлять или признавать права граждан, так как эти права являются неотъемлемыми, существовали до учреждения гражданами государства и независимы от него. Второе — неисключительный перечень гражданских прав в Конституции может быть приведен хотя бы для того, чтобы лишний раз предохранить

граждан от узурпации государством полномочий и явно указать на запрет ограничения тех или иных прав граждан. При этом не следует забывать, что полномочия государства ограничены Конституцией, а права граждан безграничны; ограничивать права граждан государство не может в принципе, но граждане могут по своей воле часть естественных прав делегировать государству путем предоставления ему властных полномочий (о чем должно быть явно указано в Конституции, которая есть документ об учреждении государства), а на все остальные права государство посягать не смеет. Еще раз повторю цитату Гамильтона: *«the people surrender nothing, and as they retain every thing, they have no need of particular reservations»*.

Ниже будут приведены те права, которые, на мой взгляд, следовало бы упомянуть в Конституции как раз для того, чтобы предохранить граждан от ограничения этих прав государством. Эти статьи озаглавлены как записки либертарианца, а для либертарианцев высшая ценность — это свобода. Свобода должна быть полной, абсолютной и ограничиваться лишь свободой других людей. Права являются следствием свободы — так, несвободный человек еще со времен Античности не мог иметь гражданских прав. Поэтому для каждого права следует искать свободу, из которой это право проистекает, и в формулировке права эта свобода должна найти полное отражение. Свобода не означает вседозволенность. Во-первых, свобода всегда связана с ответственностью. Во-вторых, ваша свобода не может быть использована для ущемления свободы других лиц. Поэтому когда мы говорим, например, о свободе распоряжаться своей жизнью, то из этого следует и ответственность человека за свою жизнь, и невозможность ущемлять свободу других людей на их жизнь.

Право на жизнь. Это, пожалуй, наиболее естественное право, которое упоминается во многих Конституциях. Обычно его формулируют как запрет на лишение жизни. Однако это весьма узкая трактовка. Какая свобода лежит в основе этого права? Конечно, это свобода самому распоряжаться своей жизнью. Из этого следует абсолютный запрет на недобровольное лишение жизни (и, как следствие, запрет на смертную казнь — по этому поводу двух мнений быть не может). Но из этого также следует допустимость добровольного ухода из жизни как самостоятельно, так и при помощи других лиц (поэтому эвтаназия не просто допустима, она является составной частью права на жизнь). Более того, свобода самостоятельно распоряжаться своей жизнью также подразумевает невозможность по принуждению рисковать жизнью. Все связанные с риском для жизни действия возможны только на добровольной основе. Право на жизнь в Конституции, соответственно, следует сформулировать таким образом: *«Ніхто не може всупереч власній волі бути позбавлений життя чи примушений ризикувати життям»*.

Право на здоровье. Меня удивляет, почему многие путают право на здоровье с правом на здравоохранение, причем последнее зачастую понимают в смысле права на получение бесплатных медицинских услуг. Эта под-

мена понятий становится очевидной, если обратить внимание на то, какая свобода лежит в основе этого права. Это свобода самому распоряжаться своим здоровьем (аналогично предыдущему параграфу). Здравоохранение же в широком смысле есть набор профессиональных услуг, куда входят медицина, физкультура (от фитнеса до реабилитации) и т. д., и право на получение таких услуг ничем не отличается от права на получение других профессиональных услуг — образовательных или бухгалтерских, транспортных или юридических. Поэтому право на здоровье следует формулировать таким образом: *«Ніхто не може всупереч власній волі бути позбавлений здоров'я чи примушений ризикувати здоров'ям»*.

Важным следствием двух сформулированных выше прав (а также ряда прав, о которых мы еще поговорим) является недопустимость недобровольной военной или полицейской службы. Такая служба связана с возможностью рисковать жизнью или здоровьем вопреки своей воле, человек становится рабом, пушечным мясом, что ни в коем случае не совместимо с либертарианской концепцией. Здесь можно еще раз обратиться к методу аналогии: может ли правлению ОСББ прийти в голову обязывать жильцов защищать свой дом, может ли руководство корпорации обязывать акционеров защищать свою компанию? Очевидно же, что нет. Хотя, разумеется, существуют примеры того, как на добровольной основе граждане самоорганизовывались для защиты своей жизни и здоровья в пределах дома (после взрывов в России) или в пределах микрорайона (самооборона во время второго Майдана в Украине).

Право собственности. Хотя во многих других концепциях это право рассматривается как менее важное, чем первые два, для либертарианцев оно столь же священо. Не случайно исторически многие мягкие формы рабства начинались с лишения собственности и принуждения при сохранении личной свободы подчинять свою волю тем, кто собственностью обладает. И наоборот, формирование мощного среднего класса, т. е. людей самодостаточных и обладающих собственностью, исторически было лучшим средством как от чрезмерного усиления государства, так и от расцвета популизма. Свобода, лежащая в основе этого права, — это свобода самому распоряжаться своим имуществом и своими доходами. Как было сказано в первых двух записках, государство создается, в частности, для защиты собственности граждан, но никто не давал ему полномочий распоряжаться этой собственностью «для общественного блага». Единственным основанием для недобровольного лишения собственности является доказанный в суде факт ее незаконного приобретения. Право на собственность в Конституции следует формулировать так: *«Ніхто не може бути всупереч власній волі позбавлений власності чи доступу до неї, крім випадків, коли у суді доведено незаконність її набуття»*.

Из этой формулировки вытекают два важных следствия. Во-первых, законно приобретенная собственность не может быть изъята даже по ре-

шению суда и даже с выплатой справедливой компенсации. Если какая-то частная собственность мешает общественно-полезному мероприятию, значит, общество (в лице публичных институтов) должно договариваться с владельцами и предлагать им настолько выгодные условия, что они добровольно согласятся эту собственность уступить. Во-вторых, незаконность приобретения собственности может распространяться по цепочке — даже если вы законно приобрели что-то, что ранее было украдено или отнято, то такая собственность возвращается законному владельцу. Это же полностью применимо к незаконному обогащению в смысле статьи 20 Конвенции ООН о противодействии коррупции⁹ — если чиновник имел нелегальные (в смысле этой статьи) доходы, то есть такие доходы, которые не могут быть объяснены официальным уровнем оплаты труда и прочими публично известными доходами, то и приобретенная на нелегальные доходы собственность является незаконной. Можно сказать и проще — если активы нынешнего или бывшего чиновника (а также связанных с ним лиц) существенно превышают известные доходы этого лица, то само по себе сравнение стоимости активов с размером легальных доходов может быть аргументом обвинения в пользу незаконности приобретения этого имущества в ходе судебного разбирательства.

Право на распространение информации, мнений и взглядов. В основе этого права лежит свобода, зачастую называемая свободой слова, хотя печатное или устное слово — это всего лишь один из возможных носителей информации. Информация же включает в себя идеи, концепции, теории, религии. Если у вас есть информация, которая принадлежит либо вам, либо обществу (т. е. является публичным достоянием, *public domain*), то никто не может запретить вам ее распространять. А если вы собственник этой информации, то еще и в той форме и на тех условиях, которые вы определяете. Следствием этого является полный запрет цензуры, отмена обязательной регистрации или получения разрешения на организацию средств массовой информации, издательств, типографий, радиостанций, телеканалов и т. п. Не следует забывать, что свобода связана с ответственностью — распространитель информации полностью отвечает как за законность обладания ею, так и за достоверность и т. п. Не следует забывать и о том, что нельзя злоупотреблять этой свободой для ущемления свободы других лиц. Например, если вы исповедуете религию, которая призывает убивать других людей, то вы не можете распространять информацию об этой религии (в частности, проповедовать или совершать религиозные обряды). Или если ваша идеология призывает лишать людей собственности, то вы не можете агитировать за это и, как следствие, создавать политические партии такой направленности. В частности, под запретом должно быть публичное распространение социалистических идей, поскольку они даже в теории связаны

⁹ См. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (1.07.2017).

с ущемлением права собственности, а на практике победа социалистов Ленина, Муссолини, Сталина, Гитлера, Пол Пота, Кастро, Чавеса привела к нарушению права на жизнь и здоровье миллионов людей.

В конституциях многих стран упомянута свобода совести, которая трактуется как право исповедовать любую религию (хотя, с моей точки зрения, религия и совесть — вещи разные, и зачастую бессовестные дела творились под прикрытием религии). Тем не менее религия, вернее, религиозное мировоззрение — это лишь частный случай мировоззрения, наряду с различными философскими, научными мировоззрениями и т. п. Само по себе мировоззрение, пока оно не выходит за пределы головы человека, вообще не поддается какому-либо воздействию государства, так как любое государство может регулировать лишь социальные (межличностные) взаимодействия. Вот, собственно, защитить от вмешательства государства любые такие взаимодействия, а не только религиозные представляется целесообразным. Одна из свобод, которые лежат в основе этих взаимодействий, — это свобода высказывать свое мнение или отказываться от высказывания своего мнения (другая свобода, о которой мы поговорим ниже, заключается в свободе группам людей собираться вместе и взаимодействовать). Следствием этой свободы является ваше право высказывать любые религиозные, философские, научные и иные идеи, если они не ущемляют права и свободы других лиц. Сформулировать соответствующее право в Конституции можно было бы примерно так: *«Ніхто не може бути всупереч власній волі обмежений у поширенні інформації, висловлюванні поглядів і думок, за винятком випадків, коли така інформація, погляди чи думки порушують законні права чи свободи інших осіб»*. Заметим, что распространение информации, на которую лицо не имеет права собственности, очевидно нарушает права ее законного собственника.

Право на перемещение и собрания. Следующий набор прав и свобод, о которых я хотел бы упомянуть, связан с физическим перемещением людей и ограничениями по этому поводу. Это довольно громоздкая формулировка, но я хочу попробовать обобщить несколько довольно традиционных прав, в основе которых лежит свобода передвижения. Одно из таких прав — свободно перемещаться и выбирать место жительства — было в течение многих лет ограничено для ряда подданных Российской империи (пресловутая черта оседлости) и граждан СССР (101-й километр, институт прописки, закрытые города). Если вновь обратиться к аналогии между государством и ОСББ, то все, что не является частной собственностью, — это общественные места, аналоги мест общего пользования, таких как лестничные клетки, холлы, чердаки и подвалы в доме, и, разумеется, совладельцы дома имеют по определению полное право свободного доступа к таким местам. Так и в государстве — все, что не является частной собственностью, должно быть доступно для свободного перемещения граждан. Хотя некоторые такие места могут быть опасны для жизни и здоровья граждан, доступ туда не может

быть запрещен, при этом следует, конечно же, проинформировать их об опасности. Но общий смысл должен быть следующим: раз общественная собственность является совместной собственностью всех граждан, а свобода доступа к своей собственности является абсолютной, то государство не может ограничить граждан в праве свободно перемещаться в пределах территории страны (которая представляет собой совместную собственность всех граждан), за исключением мест, пребывающих в частной собственности (доступ к которым регулирует их владелец).

Теперь рассмотрим следующий пример — вы, как гражданин, т. е. совладелец, Украины, имеете полное право прийти в такое общественное место, как Майдан Независимости. И другие граждане такое право также имеют. Если ряд граждан это право реализуют одновременно, то они вместе соберутся на Майдане в одно и то же время. Из этого следует, что свобода передвижения ведет также и к праву граждан на собрания. Это право не может быть ограничено государством. Другое дело, что такие собрания не могут ущемлять права и свободы других лиц. Например, если собравшиеся на Майдане граждане вдруг решат переместиться на проезжую часть улицы Крещатик, то это ущемит свободу на передвижение тех граждан, которые хотели бы проехать по этой улице. Поэтому необходимо соизмерять свои права и свободы с правами и свободами других лиц — если 100 человек захотят перекрыть трассу, по которой проезжает 10 тыс. человек, то это вряд ли допустимо в любом случае, но если 300 тыс. человек хотят собраться и провести митинг на Майдане, то вполне возможно на это время перекрыть проезжую часть, однако следует заблаговременно предупредить о временном перекрытии проезда. Сформулировать это право можно, например, следующим образом: *«Ніхто не може бути обмежений у праві пересуватися чи збиратися будь-де у межах суспільної власності, якщо це не утискає законні права та свободи інших осіб»*.

Право на труд. Говоря про это право, у нас зачастую имеют в виду право на обеспечение работой или, переформулировав его, обязанность государства найти работу для всех граждан. Однако применив наш метод, а именно посмотрев, какая свобода лежит в основе этого права, мы сразу убеждаемся в ошибочности таких формулировок. Свобода труда существует, как и свобода творчества, — это свобода заниматься тем делом, которым человек хочет заниматься (если это не нарушает права и свободы других людей). Так вот, соответствующее право заключается не в принудительном обеспечении всех работой, а в том, что каждый волен сам находить себе занятие или не находить такового. Не хочет человек работать — его право. Хочет человек работать на себя — как самозанятое лицо, как собственник бизнеса — его право. А хочет работать на других, в том числе на государство, — тоже его право (равно как и право работодателя брать или не брать сотрудника на работу, в том числе без пояснения причин). Это право, по сути, является аналогом права на здоровье и формулируется подобным об-

разом: *«Ніхто не може всупереч власній волі бути примушений займатися деякою діяльністю чи обмежений у діяльності, за винятком випадків, коли така діяльність може порушити права та свободи інших осіб»*. Оговорка в конце фразы важна, так как есть виды деятельности, доступ к которым может быть ограничен, — например, для занятия врачебной практикой могут быть введены ограничения по образованию и опыту работы, поскольку этот вид деятельности может нарушить право пациентов врача на здоровье.

Вообще из этой формулировки следует более общее право — право на деятельность, и это вполне обосновано той свободой, из которой это право проистекает. Труд — это лишь частный случай деятельности. Мысль о том, что человек волен делать все, что он хочет, если только это не ущемляет права и свободы других лиц, — это фундаментальная либертарианская идея. Она пока не нашла понимания у многих наших соотечественников. Например, занятие предпринимательской деятельностью у нас требует государственной регистрации и даже есть понятие «незаконной предпринимательской деятельности». Исходя из либертарианских идей, это нонсенс — предпринимательская деятельность является частным случаем деятельности вообще, и от этой свободы граждане никоим образом не отказывались в пользу государства при его учреждении, поэтому государство не имеет права регулировать, лицензировать или контролировать предпринимательскую деятельность, равно как и любую другую деятельность. Каждый может заниматься индивидуальным предпринимательством без какой-либо государственной регистрации, за исключением случаев, когда такая деятельность может ущемить права и свободы других лиц, — в таких случаях регулирование путем государственного лицензирования допустимо. Один из примеров такого исключения я уже приводил — это врачебная деятельность. Второй пример лицензирования — это лицензия на управление транспортными средствами (по-английски так и называется: *driving license*), и основанием для лицензирования этой деятельности является то, что некомпетентное управление транспортными средствами может причинить ущерб жизни и здоровью других лиц. Можно привести примеры лицензирования, которые проистекают из возможного ущемления права собственности. Так, следует лицензировать кредитно-депозитные организации (в частности, банки), поскольку есть риск нарушения права собственности их клиентов.

Право на образование. В некоторых странах такое право закреплено законодательно. Но в данном случае, и мы уже об этом говорили при рассмотрении права на здоровье, в формулировке произведена подмена понятий — вместо здоровья понимается здравоохранение. Образование, как и здравоохранение, — это общее обозначение ряда профессиональных услуг, таких как обучение, предоставление доступа к источникам знаний, проверка знаний и т. п. Формулировать же в Конституции право на получение какого-то подмножества профессиональных услуг — это полнейший нонсенс. Для реализации самостоятельного обучения достаточно права на

распространение информации, мнений и взглядов — это и есть источник знаний. А помочь ориентироваться в море знаний могут профессиональные участники рынка образовательных услуг, у которых есть право на деятельность, — если у людей есть потребность учиться, подкрепленная материальными средствами, то всегда возникает рынок и на этом рынке имеют право работать любые участники: учителя, профессора, учебные заведения, центры сертификации, курсы повышения квалификации и т. п. Поэтому прав и свобод, о которых было сказано выше, вполне достаточно, и отдельного права на образование не требуется.

Право на хранение и ношение оружия. Это, пожалуй, наиболее противоречивое право, которое вызывает массу споров и разногласий. Как и в предыдущих случаях, давайте посмотрим, какая свобода лежит в основе этого права. Есть ли какая-то отдельная свобода применительно к оружию? Оружие — что это вообще такое? Это частный случай собственности. Некоторые приспособления и устройства, которые могут причинять ущерб жизни и здоровью людей. Поэтому никакой отдельной свободы — а следовательно, и отдельного права на оружие нет и быть не может. Так как оружие — частный случай собственности, то применяется к нему та же свобода владеть собственностью, о которой говорилось выше. Нельзя эту общую свободу собственности вот так взять и ограничить — некоторую собственность из нее исключить, вроде как все можно, а вот это — нельзя. Это прямая дорога к нивелированию права собственности вообще. Исключений из него быть не может. Оружие — собственность. Земля — собственность. А рабы — собственность? Нет, поскольку рабство нарушает две свободы — свободу распоряжаться своей жизнью и свободу деятельности. Может возникнуть возражение, что хотя оружие и собственность, оно создает угрозу жизни и здоровью других людей. Это правда. Но есть целый ряд предметов собственности, которые такую угрозу создают, — например, в автомобильных авариях гибнет больше людей, чем в вооруженных столкновениях. Так что, запретить автомобили? Нет, выше был указан способ разрешения данной правовой коллизии — лицензирование права на управление автомобилем. Равным образом нелогично запрещать оружие, но необходимо принять меры для уменьшения опасности, которую владение оружием создает для других лиц, а именно — ввести правила обращения и хранения оружия, обязательное обучение владельцев и проверку их психического состояния. Ведь опасность создает не само оружие, а его злонамеренное применение. Убить человека или причинить серьезный вред здоровью можно и молотком, и топором, и кухонным ножом. Ни запрещать оружие, ни вводить специальные конституционные права применительно к оружию не нужно — оружием можно владеть на тех же основаниях, что и любой другой собственностью, его можно покупать и продавать, хранить и использовать, неся полную ответственность за последствия такового.

Право на восстание. Это право можно еще назвать правом на *вооруженное* восстание, правом на неповиновение или на сопротивление государству. Хотя, разумеется, такая постановка вопроса возможна лишь в концепции суверена-монарха и его подданных, но не в концепции свободных граждан и подчиненного им государства. Граждане, разумеется, и так имеют все права и свободы и ограничены лишь в том, что они сами и по своей воле делегировали государству. Поэтому в нормальной ситуации они не могут восстать и т. п. — это просто бессмысленно. А в случае, когда государство, а правильное сказать — определенные его должностные лица узурпируют власть и присваивают себе полномочия, которые граждане им не делегировали, то говорить следует не о бунте или восстании, а о law enforcement, т. е. о восстановлении законности. Такие действия граждан по определению законны, коль скоро действия государства, а вернее, отдельных его должностных лиц незаконны. И прописывать это следует не в Билле о правах, а в положениях об учреждении государства и делегировании ему определенных полномочий, например, таким образом: *«У разі, коли будь-які органи чи посадові особи держави перевищують надані їм цією Конституцією повноваження чи порушують права громадян, народ має повне, беззаперечне та необмежене право відстоювати свою свободу, в тому числі зі зброєю в руках»*.

4. ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСТВА¹⁰

В предыдущих записках вполне однозначно была высказана мысль о том, что граждане первичны, а государство вторично. В то же время в ряде государств вопросы гражданства регулируются на уровне законодательства, а в некоторых предоставление или лишение гражданства даже осуществляется органами исполнительной власти. Это подобно тому, на примере нашей аналогии, как если бы совет директоров или топ-менеджмент корпорации предоставлял или лишал акционеров права собственности на их акции, а правление ОСББ — права собственности жильцов на принадлежащие им квартиры.

Данный нонсенс в отношении государства и гражданства имеет корни в отношениях суверена и подданного в монархической Европе — в те времена источником права был суверен и он или она принимали в свое подданство по своей воле. После того как государство заменило монарха в роли суверена, произошло механическое перенесение такого формата взаимоотношений в части гражданства — государство принимает граждан в свое подданство. По сути, это полная ерунда, так как само же государство

¹⁰ Впервые опубликовано в УП: <https://www.pravda.com.ua/columns/2017/11/18/7162385/>.

учреждается гражданами, а значит, оно не может в общем случае решать вопросы гражданства.

Обычный путь приобретения гражданства — и ничего нового я здесь не открываю — это путь наследования гражданства своих родителей. Приобретение гражданства путем натурализации представляется мне крайне сомнительным — это как если бы человек, который 5 лет снимал квартиру (и все эти годы хорошо себя вел, не грубил соседям, платил арендную плату), по истечении этого срока получал в собственность какое-то помещение в доме и становился уже не арендатором, а совладельцем. Или если бы сотрудник, который 10 лет работал на какую-то корпорацию, получал бы автоматически пакет ее акций. Хотя как раз в случае корпораций иногда практикуется предоставление акций как бонуса за определенные достижения, соответственно, я не исключаю возможности предоставления гражданства за заслуги, но это должно быть сделано именно в виде исключения, а не автоматически.

В Конституции вопросы приобретения гражданства следует прописать по тем же причинам, которые обсуждались в записке, посвященной Биллю о правах, — чтобы лишить государство соблазна регулировать сферу, на которую оно, как показано выше, не имеет полномочий. Соответствующая статья Конституции должна определять обычный способ приобретения гражданства — по праву рождения — и давать возможность представителю органа предоставлять в исключительных случаях гражданство своим решением, обосновывая его. Например, может быть дана такая формулировка: *«Громадянство України набувається:*

- 1) дитиною, що народжена на території України та батьками якої є громадяни України, — автоматично;*
- 2) дитиною, що народжена на території України та одним з батьків якої є громадянин України, — автоматично, окрім випадків відмови обох батьків від набуття дитиною громадянства України;*
- 3) дитиною, що народжена поза територією України та батьками якої є громадяни України, — за заявою обох батьків до компетентних органів України про бажання отримати для дитини громадянство України та відсутність у неї громадянства інших країн;*
- 4) дитиною, що народжена та провела більшу частину життя на території України, але не набула громадянства при народженні, — за заявою такої особи після досягнення повноліття;*
- 5) іншими особами — у виняткових випадках постановою Верховної Ради України за заслуги перед народом України або з обґрунтуванням користі для народу України».*

Гораздо более простым представляется вопрос утраты гражданства. Может ли акционерное общество лишить акционера его акций? Ни в коем случае! Может ли правление ОСББ лишить жильца права собственности на его или ее квартиру? Никогда в жизни! А могут ли они запретить

акционеру продавать свои акции либо собственнику — свою квартиру? Тоже не могут! Так и государство не может ни лишить гражданина природного гражданства, ни запретить ему или ей добровольно отказаться от гражданства. Отношения гражданина с государством в этом случае односторонние — гражданин государству ничего не должен, кроме уплаты налогов. В том числе не должен оставаться гражданином против своей воли. Разумеется, всякие бюрократические уловки против отказа от гражданства, такие как заградительные пошлины или сложность процедуры, недопустимы — отказ от гражданства должен быть бесплатным и производиться просто по письменному заявлению. Формулировка отказа от гражданства должна быть простой и прозрачной: *«Громадянин України може у будь-який час безкоштовно відмовитися від громадянства України за власною заявою, поданою до компетентних органів держави»*. Но, конечно же, отказавшись от гражданства, восстановить его будет непросто — по рождению уже не получится, остается лишь путь за заслуги, а их еще нужно доказать.

Единственный нюанс возникает в случае предоставления гражданства за заслуги. В отличие от природного гражданства, это гражданство может даваться на определенных условиях, и их нарушение может быть причиной отмены решения о предоставлении гражданства (просматривается аналогия с *restricted stock*, которые также даются сотрудникам корпораций с определенными ограничениями). Именно поэтому я так настаиваю на четкой формулировке заслуг или пользы, которую новый гражданин может принести народу Украины. Например, если мы считаем, что нам принесет пользу человек, получивший образование в Гарварде, и предоставляем по его просьбе ему украинское гражданство, то единственным основанием лишения гражданства в этом случае будет фальшивый диплом Гарварда. А не там поставленная запятая в анкете, нарушение правил дорожного движения или факт судебного преследования в Гондурасе не будут такими основаниями, поскольку не являлись существенными факторами предоставления гражданства.

Наконец, остается еще вопрос двойного гражданства. Это непростой вопрос. Есть ряд соображений в пользу невозможности двойного гражданства. Одно из них — какое из государств будет защищать интересы такого гражданина в случае нарушения его прав и свобод? А если у государств при этом разные представления о правах и свободах? Эту коллизию можно разрешить, уравнив в правах и свободах граждан и неграждан. Для либертарианца очевидно — все базовые права (см. записку № 3) равным образом распространяются на граждан и неграждан, а предоставление каких-либо социальных гарантий или помощи в либертарианской модели не предусмотрено, государство — не нянька и не богадельня. Второе соображение — соображение лояльности. Его корни растут из монархической Европы — нельзя было быть слугой двух господ, нельзя было быть и подданным двух суверенов. Однако гражданин — не слуга государства, а его совладелец.

Можно же быть совладельцем двух корпораций, даже конкурирующих (я могу купить акции и Coca-Cola, и PepsiCo); можно быть владельцем квартиры в двух домах и членом двух ОСББ. Поэтому я не вижу сейчас непреодолимых преград в части двойного, тройного и прочего гражданства. Государство должно равным образом защищать права и свободы всех граждан, лиц без гражданства и юридических лиц на своей территории, собирать с них за это одни и те же налоги, не предоставлять никому из них никаких особых преференций и не создавать особых преград. Возможно, я не учел каких-то нюансов, поэтому данный вопрос не считаю окончательно закрытым, но на сегодня именно такое его решение вижу наилучшим образом соответствующим либертарианскому подходу.

5. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ¹¹

Законодательная власть в государстве, конечно же, должна принадлежать народу в лице его представителей, т. е. представительному органу. Интересно, как это сформулировано в Конституции США: «*All legislative Powers herein granted shall be vested in a Congress of the United States*», здесь употреблен глагол «*to vest*», который означает «*наделять полномочиями*», и это очень уместно. Важно этим подчеркнуть, что не «*Конгресс имеет законодательную власть*» или «*обладает законодательной властью*», а указано, что есть кто-то (конечно, это народ, суверен), кто *наделил* Конгресс властью. В этом отношении законодательная власть в государстве принципиально не отличается от представительного органа ОСББ или акционерного общества — точно так же они не обладают властью сами по себе, но совладельцы дома или акционеры наделяют их полномочиями в определенных пределах, а все остальные полномочия соответствующие лица оставляют за собой.

Какие же вопросы касательно законодательного органа власти должны быть отражены в Конституции? Это те же моменты, которые обычно формулируются в уставных документах ОСББ или акционерного общества, и нет никаких поводов считать, что в случае государства такая аналогия не должна выдерживаться. Вот эти вопросы:

1. Наименование органов законодательной власти и исчерпывающий перечень делегированных им полномочий (подчеркиваю: исчерпывающий, т. е. у них не может быть неопределенного круга полномочий).
2. Порядок формирования этих органов (важно, что законодательная власть не может принимать решения по поводу порядка формирования сама себя, таким образом, эти вопросы не могут регулироваться на уровне закона, т. е. не может быть закона о выборах).

¹¹ В сокращении опубликовано в УП: <https://www.pravda.com.ua/columns/2017/11/25/7163222/> и <https://www.pravda.com.ua/columns/2017/12/2/7163977/>.

3. Процедура принятия решений, от внесения законопроектов до вступления закона в силу (конечно, всякие технические вещи могут и должны регламентироваться на уровне внутренних документов органа, даже не законов, но принципиальные правила принятия законов не могут устанавливаться на уровне закона, а должны быть даны извне, т. е. отражены в Конституции).
4. Нарушения порядка работы законодательного органа и ответственность его членов за их совершение (к примеру, голосование за других депутатов или использование статуса депутата в личных целях).

Наиболее важным и необычным для нас является первый пункт, поэтому я остановлюсь на нем подробнее. Многие воспринимают как данность то, что законодательная власть может принять закон по любому поводу, и даже в Соединенном Королевстве принято, что Парламент может принять любой закон. Но в этом есть противоречие как концептуальному понятию государства (это инструмент, а не абсолют), так и аналогиям. К примеру, правление ОСББ может принять практически любое решение в части управления совместной собственностью жильцов, но не их частной собственностью. Аналогично совет директоров (или, как у нас любят его называть, наблюдательный совет) может принять практически любое решение в части управления акционерным обществом (которое является совместным имуществом акционеров), но ни в коей мере не может управлять прочим имуществом акционеров. Так и законодательный орган, конечно же, может издать любой закон в сфере компетенции государства, но не имеет права издавать законы во всех иных сферах. А что такое «сфера компетенции государства»? Вернемся к первой записке — государство не является вещью в себе, а создается гражданами со вполне определенными целями. Вот все, что способствует достижению этих целей, и будет сферой компетенции государства, а в остальные аспекты личных и социальных взаимоотношений государство вмешиваться не вправе. Таким образом, законодательный орган власти может издать закон лишь в ограниченном наборе сфер жизнедеятельности, которые соответствуют целям создания государства и исчерпывающий список которых может и должен быть приведен в Конституции подобно тому, как это сделано в США. Например, для Украины можно было бы наделить законодательный орган власти правом издавать законы лишь в таких сферах:

- Национальная оборона.
- Правосудие.
- Государственные финансы.
- Система налогов и пошлин.
- Свобода конкуренции.
- Публичная инфраструктура.
- Публичное имущество.
- Миграция и натурализация.

Национальная оборона понимается как защита страны от внешнего врага и включает в себя вопросы содержания вооруженных сил, объявления войны и мира.

Правосудие включает в себя целый ряд вопросов, и я лишь кратко изложу некоторые из них. Во-первых, точно следует отнести к компетенции законодателя установление перечня правонарушений и наказаний за их совершение. Во-вторых, к его компетенции также должно относиться определение органов, имеющих право на расследование правонарушений и проведение оперативно-разыскной деятельности. В-третьих, законодательно следует определить порядок исполнения судебных решений, в частности, исполнения наказаний. В США Конгресс определяет систему федеральных судов, исключая Верховный Суд (который установлен Конституцией), — возможно, это имеет смысл и в нашем случае, хотя возникает вопрос вмешательства законодательной власти в дела судебной. Уж точно не следует давать законодателю право назначать и увольнять судей, а организация или ликвидация судов косвенно могут влиять на это.

Говоря про государственные финансы, следует прежде всего иметь в виду, что это не деньги государства, а деньги налогоплательщиков, т. е. граждан, а государство лишь управляет ими. Роль законодательной власти при этом аналогична роли наблюдательного совета корпорации или попечительского совета (board of trustees) фондов, а роль исполнительной власти аналогична роли менеджмента. Законодатель в этой связи должен убедиться в сбалансированности системы государственных финансов (соответствие доходов и расходов, адекватность долговой нагрузки), но не вмешиваться в оперативное управление и не углубляться чрезмерно в детали. Исполнительная власть должна быть достаточно гибкой относительно расходования средств на те или иные цели при условии сохранения общей сбалансированности системы. основополагающий принцип — «доверяй, но проверяй», т. е. законодатель должен предоставить правительству свободу действий, но иметь возможность его проверять, чтобы удостовериться, что средства налогоплательщиков используются в интересах граждан, а не чиновников. Есть только одно ужесточение, которое, по моему мнению, необходимо ввести, — граничный размер государственного долга должен определяться законодательной властью.

Я специально отделил пункт про налоги от пункта про государственные финансы, хотя некоторые могут счесть первое частью вторых. Это не так. В корпоративной финансовой отчетности выручка — это финансовый показатель, но финансисты не влияют на выручку, выручку формирует потребитель, покупая товары и услуги. Подобные отношения следует распространить и на государство — налоги, которые являются для государства доходами (т. е. аналогичны выручке), не должны подгоняться под расходы государства, наоборот, они должны восприниматься в государственных финансах как некоторая внешняя переменная, как данность, исходя из которой

планируются государственные расходы. Поэтому в идеале исчерпывающий перечень налогов и ставки налогообложения должны устанавливаться гражданами на надзаконном уровне (пример — Акт экономической свободы Грузии¹²), и законодатель не должен иметь возможности произвольно их менять. Если это слишком новаторская идея для нас, то законодательную власть можно было бы наделить ограниченными полномочиями в сфере определения системы налогообложения. Вероятно, в Конституции следует прописать исчерпывающий перечень налогов и возможность менять налоговое законодательство лишь один или два раза в год, не ранее шести месяцев до вступления соответствующего закона в силу и лишь при условии полной готовности фискальной инфраструктуры.

Обеспечение свободной и честной конкуренции — это, пожалуй, единственная функция государства в сфере экономики. Регулирование внутренней или внешней торговли недопустимо, вмешательство в рыночное ценообразование губительно, установление квот, субсидий и льгот лишь порождает коррупцию. Политика государственного протекционизма — это перераспределение доходов от широких масс потребителей к узкому классу владельцев бизнеса, это социализм с противоположным знаком. Ключевая идея либертарианства — свобода, а значит, государство должно лишь обеспечить всем равные возможности и защитить от обмана и мошенничества. И даже если говорить про антимонопольное законодательство, которое действительно необходимо, то нужно бороться не с монополиями как таковыми, а с использованием монопольного положения для ущемления свободы конкуренции.

Публичная инфраструктура и публичное имущество — две сферы, в которых государство должно иметь право устанавливать правила на уровне закона. В Конституции США упомянуты лишь почты и почтовые дороги, но в современном мире к объектам публичной инфраструктуры, т. е. инфраструктуры, созданной в интересах широкого круга лиц, могут быть отнесены и порты, и аэропорты, и железнодорожные пути, и газотранспортная система, и магистральные линии электропередачи. Законодатель может регулировать правила доступа и использования такой инфраструктуры. Но важно знать меру — так, законом можно установить правила дорожного движения, но правила перевозки пассажиров и грузов являются частным делом транспортных компаний, в которое государство вмешиваться не должно.

Публичное имущество — это имущество, которое находится в совместной собственности всех граждан, и в этом смысле оно аналогично публичной инфраструктуре. Государство не владеет, но управляет этим имуществом, роль законодателя при этом заключается в определении прав доступа и использования этого имущества. К объектам публичного имущества относятся недра, природные и водные ресурсы, воздушное пространство,

¹² См. <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/1405264/0/ru/pdf> (27.09.2018).

территориальные воды, национальные парки, заповедники, памятники архитектуры и культурного наследия. Сюда же относится имущество, которое используется государственными органами для собственных нужд, — оперативное управление таким имуществом, конечно же, находится в сфере компетенции соответствующего органа власти, но общие правила должен устанавливать законодатель как уполномоченный представитель собственника (т. е. граждан).

Наконец, вопросы миграции и натурализации — это та отсылка к законодательству, которая сделана в записке № 4 (о вопросах гражданства). Природное гражданство не входит в сферу компетенции законодателя, равно как вопросы въезда граждан на территорию страны и выезда любых лиц за ее пределы, — это естественные права, которые существуют вне зависимости от государства и не могут им регулироваться. Здесь же речь идет о тех двух полномочиях, которые могут быть делегированы государству. Первое — это натурализация, или предоставление гражданства за заслуги. Ни о какой автоматической натурализации, то есть получении гражданства просто по факту проживания в течение ряда лет, не может идти речи. Но законодатель может определить заслуги или квалификацию, которые позволяют приобретать гражданство, — так, как это сделано во Франции для лиц, отслуживших не менее определенного количества лет в Иностранном легионе. Также законодатель как представитель граждан может определять условия въезда на территорию страны для неграждан.

С момента принятия новой Конституции, т. е. заключения гражданами новой редакции общественного договора, встанет вопрос: как быть с тем корпусом законов, которые были приняты ранее и регулируют те сферы жизни общества, по которым законодательная власть не будет иметь права принимать законы? Такие акты должны утратить свою силу. Но вряд ли разумно сделать это одномоментно. Возможно, следует в переходных положениях прописать срок, 1–2 года, через который все ранее принятые законы, которые выходят за рамки полномочий законодателя согласно новой Конституции, теряют силу. Что касается новых законов, которые могут быть приняты законодателем по тем аспектам, по которым Конституция не предусматривает принятие законов, то они должны быть юридически ничтожными. Важно, что для ничтожности такого закона не требуется решения какого-нибудь суда — неконституционный закон ничтожен изначально, и граждане не должны доказывать его неконституционность в суде.

Теперь коснемся остальных аспектов функционирования законодательной власти — порядка ее формирования, особенностей принятия решений (т. е. законотворчества), нарушений и ответственности членов законодательного органа.

Говоря о порядке формирования законодательного органа, можно выделить следующие вопросы: 1) кто имеет право избирать; 2) кто имеет право быть избранным; 3) какой должна быть система выборов; 4) на какой срок

и какую часть депутатов следует избирать. Оставляю за скобками вопросы структуры органа и того, кого представляет какая из палат, — Украина является унитарным государством, поэтому вполне достаточно одной палаты, члены которой представляют граждан. Также не будем касаться вопросов избирательного права — о плюсах и минусах всеобщего равного избирательного права следует поговорить отдельно. Говоря о том, кто имеет право быть избранным, конечно, можно определить требования по продолжительности обладания гражданством и минимальному возрасту (например, возраст от 25 лет и обладание гражданством Украины в течение пяти предыдущих лет), требование по дееспособности и отсутствию ограничения свободы, а также предусмотреть люстрационное ограничение. Например, избираться могут *«особи віком від 25 років, які були громадянами України протягом 5 останніх років і мають цивільну дієздатність, за винятком тих осіб, щодо яких діє вирок суду про позбавлення волі або які позбавлені права бути обраними за процедурою люстрації»*.

Самым важным в этом пункте мне представляется тип избирательной системы. Недостатки мажоритарной системы известны — ее слабая устойчивость к популизму и административному ресурсу. Более того, известно, что партия, имеющая поддержку 40 % избирателей, которые равномерно распределены по избирательным округам, легко получает 80 % мест в парламенте. С этой же проблемой сталкивались и корпорации — мажоритарный акционер с 51 % акций при простом голосовании мог на 100 % сформировать совет директоров (или, как у нас его называют, наблюдательный совет). Но в корпоративном мире давно найдено решение — сейчас все ведущие корпорации отказались от простого голосования на таких выборах в пользу кумулятивного голосования. Суть кумулятивного голосования простыми словами можно выразить так: голоса, уже отданные за одного кандидата, не могут отдаваться за следующих, т. е. при 10 местах в совете директоров акционер, имеющий 51 % акций, может получить от 5 до 6 мест (50 % дает ровно 5 мест, а дальше возможны варианты), при этом миноритарий с 40 % акций гарантированно получает от 3 до 4 мест. Возможен ли аналог кумулятивного голосования на парламентских выборах? Мажоритарная система, очевидно, с ним несовместима, поскольку кумулятивное голосование возможно лишь на многомандатных округах. На каждом из таких округов идеальный результат кумулятивного голосования — это распределение мест пропорционально количеству отданных голосов, т. е. пропорциональная избирательная система является одной из реализаций кумулятивного голосования. Не вижу ни одной причины, почему решение, которое хорошо себя зарекомендовало в корпоративном мире, не может быть столь же хорошим и в политической системе.

Отличия пропорциональной и мажоритарной систем, однако, заключаются не только в процедуре голосования. При мажоритарной системе каждый депутат черпает свою легитимность в голосах граждан, отданных

конкретно за него или за нее, и здесь сложно отделить голоса за личность депутата от голосов за его или ее программу, поэтому такие депутаты часто меняют свои взгляды и не несут за это ответственности. При пропорциональной системе за личность не голосуют, голоса получает та или иная политическая программа. Соответственно, конкретные депутаты черпают свою легитимность из следования этой программе — если они меняют свои взгляды и отходят от той программы, за которую голосовали избиратели, то такие депутаты теряют основу своей легитимности, а следовательно, и право представлять граждан. В такой политической системе речь идет не просто об императивном мандате, а и об обязательном следовании предвыборной программе — за невыполнение предвыборных обещаний, под реализацию которых депутаты получили свои мандаты, они должны нести не только политическую, но и дисциплинарную (лишение мандата), и уголовную (злоупотребление доверием, т. е. мошенничество) ответственность. Но об этом поговорим ниже.

Бытует мнение, что раз и мажоритарная, и пропорциональная системы имеют свои достоинства и недостатки, то их нужно объединить, например, избирая половину парламента по одной системе, а половину — по другой. У нас вообще любят взять что-то из политической системы США, что-то из политической системы Франции, добавить элементы систем ФРГ, Австрии или Польши и соединить эти разные и не очень совместимые друг с другом части подпорками и костылями. Это полная ерунда. Нельзя взять колеса от «Феррари», кузов от «Бентли», двигатель от «Роллс-Ройса» и приборную панель от «Теслы» и получить автомобиль мечты — скорее всего, такая конструкция вообще не будет ездить. Так и в государстве, нельзя брать элементы различных систем, необходимо максимально честно и полно, без купюр и хитростей реализовать какую-то одну систему.

На какой срок следует избирать депутатов? Если срок слишком велик, то изменения политических предпочтений граждан не будут своевременно отражены и суть представительного органа будет искажена, он потеряет легитимность. Если срок слишком мал, то депутаты не успеют войти в курс дел и скорее будут склонны заниматься нацеленным на краткосрочную перспективу популизмом, нежели нацеленным на долгосрочные результаты законотворчеством. Конечно, 1–2 года — это мало, но 5–6 лет — уже слишком много. Получается, оптимальный срок полномочий депутатов — как раз те 4 года, которые существуют в США. Однако есть и альтернативный вариант: каждые 2 года избирать 1/3 состава парламента или каждые 3 года — 1/2 его состава, таким образом текущая ротация каждые 2–3 года будет обновлять состав и адаптировать его под текущие политические предпочтения, но каждый депутат будет работать 6 лет, что более чем достаточно для вхождения в курс дела и продуктивного законотворчества. Опять же делаю отсылку к корпоративному миру. В настоящее время хорошим тоном считается иметь совет директоров, который обновляется постепенно (staggered

board), обычно на каждых выборах избирается 1/3 его состава. Кроме того, считаю необходимым ограничить максимальное число лет пребывания в законодательном органе власти, например, 12 годами. Обычной должна стать практика, когда человек большую часть жизни работает в частном или некоммерческом секторе и лишь ограниченное число лет — на публичной (общественной) службе, это откроет социальные лифты и предотвратит ситуацию, при которой одни и те же лица всю жизнь сидят на шее у налогоплательщиков.

Большинство внутренних вопросов принятия решений законодательным органом должно быть его внутренним делом и утверждаться на уровне подзаконных актов (например, постановлений). Должна быть четкая логика в том, какие решения принимаются на уровне закона, а какие — на уровне подзаконных внутренних документов: законом регулируются те сферы жизнедеятельности общества, которые были перечислены выше; внутренними документами — те вопросы, которые регулируют работу самого законодательного органа, но не общества в целом. Так, число и состав комитетов и комиссий, количество чтений, необходимость получения экспертных заключений, сроки их получения, равно как прохождения законопроектов через комитеты и т. п., — это все внутренние вопросы. Внутренним документом является и регламент, его принятие на уровне закона недопустимо. Такое разделение типов документов следует закрепить в Конституции.

Один из процедурных вопросов принятия решений, которые должны регулироваться Конституцией, — это вопрос о том, кто имеет право законодательной инициативы. Я убежден, что концепция разделения властей исключает законодательную инициативу прочих ветвей власти, поэтому право законодательной инициативы следует конституционно закрепить исключительно за депутатами.

Второй вопрос — это порядок принятия решений. По умолчанию им, наверное, должно стать публичное голосование «за» большинства от депутатов, получивших на данный момент мандаты. Все иные случаи, а именно — принятия решений большинством в 2/3, 3/4 голосов «за» или тайным голосованием, должны быть явно обозначены в Конституции.

В тех случаях, когда возникнет необходимость раздельного принятия решений оппозицией и правящим большинством (а я считаю, что такие случаи будут), следует определить понятие оппозиционных депутатов и прописать правила принятия решения — большинством от списочного состава оппозиционных депутатов и большинством от списочного состава неопозиционных депутатов. Оппозиционными можно определить депутатов, которые не входят в состав правительства или фракций, формирующих правительство, и которые не голосовали «за» назначение правительства либо голосовали «за» вотум недоверия правительству (смотря, что было позже).

Третий процедурный вопрос — вступление в силу принятых законодательным органом законопроектов. Если будет существовать пост президента,

то следует прописать процедуру подписания президентом или наложения вето, а также преодоления вето. Далее, следует определить требование к публикации закона и минимальный срок между публикацией и вступлением его в силу. Для законов, регулирующих сферу налогообложения, как указывалось выше, следует определить возможные дни вступления в силу (например, 1 января и 1 июля, но не ранее 6 месяцев со дня опубликования и не ранее 2–3 месяцев с момента готовности инфраструктуры; например, если принятый 19 июня налоговый закон не опубликован до 1 июля или инфраструктура не готова к 1 октября, то закон не может вступить в силу 1 января следующего года и его вступление в силу откладывается, как минимум, до 1 июля следующего года).

В завершение этой записки — несколько соображений по поводу ответственности. Как и любые граждане, депутаты должны нести ответственность за все правонарушения, которые могут совершить граждане: убийство, кража, мошенничество и т. д. Как любые лица, находящиеся на содержании налогоплательщиков, они также должны нести ответственность за правонарушения публичных должностных лиц: незаконное обогащение, использование должностных полномочий в личных интересах, предоставление недостоверной информации и т. п. (это равным образом применимо и к законодательной, и к исполнительной, и к судебной власти). Наконец, как лица, попросившие (идя на выборы) и получившие (выиграв их) доверие граждан в части представления их интересов, депутаты должны нести ответственность конкретно за злоупотребление этим доверием, т. е. за совершение действий, несовместимых с полученным от граждан мандатом и подрывающих доверие к законодательной власти в целом. Именно на этом третьем аспекте ответственности я и остановлюсь подробнее.

Уголовная ответственность депутатов должна наступать за умышленные общественно опасные правонарушения, связанные с превышением мандатных полномочий. Так, депутат имеет право голоса, но не может его делегировать. Поэтому голосование за других депутатов, равно как и предоставление своего средства для голосования (карточки, бюллетеня) другим лицам, должно быть криминализировано. Также в предложенной конституциональной модели компетенция законодателя явно ограничена определенными сферами (записка № 5а) и явно определены свободы, которые не могут быть ограничены законом (записка № 3). Поэтому внесение законопроектов, выходящих за рамки установленных Конституцией сфер компетенции, голосование за них, выдача положительных экспертных заключений по поводу их должны быть криминализированы. Сформулировать это можно следующим образом: *«Депутати несуть кримінальну відповідальність за неособисте голосування та за передачу засобів особистого голосування іншим особам. Депутати та інші особи, що беруть участь у законотворчій діяльності, несуть кримінальну відповідальність за внесення, підтримку під час голосування, надання позитивних експертних висновків*

щодо законопроектів, які не відповідають статтям №№ цієї Конституції» (№№ — номера статей, в которых указаны вопросы, по которым могут приниматься законы, и перечислены права и свободы, которые не могут быть ограничены законом).

Депутаты должны нести и материальную ответственность за последствия принятия неконституционных решений. Здесь уместна аналогия с наемным менеджером, да и вообще с любым наемным работником. Если вас наняли для выполнения определенных функций и дали определенные полномочия, а вы действовали неудачно и работодатель понес убытки от ваших действий, то есть два варианта. Первый — вы плохо, но честно выполняли свою работу, тогда вы понесете дисциплинарную ответственность, вас могут уволить и в следующий раз не взять на работу. Но есть и второй вариант — если вы не просто плохо выполняли свою работу, но превысили свои полномочия или умышленно причинили ущерб работодателю, вот тогда с вас могут взыскать компенсацию этого ущерба. Мы, граждане, — это работодатель для депутатов. Поэтому если депутаты просто принимают плохие законы, то они несут политическую ответственность. Если же они принимали плохие законы с нарушением Конституции (например, в отсутствие кворума, при неличном голосовании, выходя за пределы компетенции законодательного органа) и выполнение этих законов нанесло гражданам или юридическим лицам ущерб, то депутаты-нарушители могут быть привлечены к гражданской ответственности и отвечать за причиненный ущерб всем своим имуществом.

Даже если депутаты не совершили уголовного правонарушения, описанного выше, но вышли за рамки данного им мандата, то должна наступить дисциплинарная ответственность. В каких случаях такое может произойти? Как я писал выше, при наличии партийных списков мандат дается депутату, да и партии в целом, под реализацию определенной политической программы. Действие вразрез с этой программой — явное превышение мандата. Здесь есть определенная «серая зона» — депутаты могут не успеть разработать законопроект и провести его через комитеты, не получить поддержки других фракций или отговориться тем, что этот пункт программы менее важен, чем другие. Но есть и вполне «черно-белые» вещи — например, депутаты не поддерживают законопроект, который соответствует их программе, либо голосуют за законопроект, который противоречит ей. Вот за такие действия они и должны нести ответственность, причем не политическую (на следующих выборах), а дисциплинарную — лишение мандата всех депутатов, которые голосовали вразрез со своей предвыборной программой, по итогам любого голосования. Кроме того, в любой корпорации, когда набирают новую команду топ-менеджмента, ей дают карт-бланш в течение 6, 12, 18 месяцев, но если за это время команда не показывает результат, то совет директоров может с ней попрощаться. Так и в случае депутатов — если в течение разумного периода времени они не

предпринимают никаких шагов для реализации своей предвыборной программы (например, не вносят требуемых законопроектов), то их следует лишать мандата за невыполнение должностных обязанностей. Так же следует карать и тех, кто без уважительных причин не появляется на рабочем месте (на пленарных заседаниях, в комитетах и т. п.), — депутату платят за выполненную работу.

В завершение этой записки я хочу предложить новый тип ответственности, который пока не применяется в политической жизни, но вполне успешно используется в инвестиционном менеджменте, — это ответственность за нарушение *фидуциарной обязанности* в том понимании, которое существует в англо-американском праве. Так как граждане *доверяют* депутатам представлять их интересы, подобно тому как акционеры *доверяют* совету директоров управлять акционерным обществом, т. е. их собственностью, то понятие фидуциарной обязанности (обязанности, связанной с оправданием доверия) вполне применимо. Конечно, явные нарушения закона — незаконное обогащение, использование должностных полномочий или служебного имущества в личных целях, предоставление преференций своим родственникам или друзьям — явно нарушают фидуциарную обязанность. Но важно то, что можно нарушить ее и действуя в рамках закона. К таким нарушениям можно отнести: неполное или несвоевременное раскрытие конфликта интересов, недостаточно тщательное изучение законопроектов перед их поддержкой, неполный учет всех аспектов и последствий вносимых законопроектов. Например, нарушением этой обязанности является как внесение 200-страничного законопроекта депутатом, который не изучил досконально все предлагаемые нововведения и не проконсультировался с десятком независимых экспертов, так и голосование за такой законопроект тех депутатов, которые не изучили его и мнения экспертов достаточно тщательно для понимания всевозможных последствий. Поэтому средний законопроект не должен включать более 20 страниц, а их количество в год не должно превышать сотни (иначе их просто невозможно тщательно проанализировать и оценить).

6. «ПРЕЗИДЕНТ ЧИ ГЕТЬМАН?»¹³

В качестве названия этой записки приведен заголовок газетной статьи начала 1990-х, посвященной вопросу составления первой Конституции Украины. Вопрос, конечно, не в титуле, а в сути — нужен ли нам президент, гетман, царь, вождь, и какова должна быть его роль в системе государственного управления. В мире есть, по сути, три большие модели этой системы — парламентская, президентская и смешанная.

¹³ В сокращении опубликовано в УП: <https://www.pravda.com.ua/columns/2017/12/16/7165663/>.

Парламентские системы — как конституционные монархии, так и республики — преобладают в Европе. Это наследники той монархической системы, о которой речь шла в первой записке. До революций в каждой из европейских стран монархи совмещали все ветви власти в одном лице — они издавали законы, назначали правительство, вершили суд. После революций, когда сувереном вместо монарха стал народ, в подавляющем большинстве стран представительный орган получает непосредственную легитимность путем выборов (т. е. народ делегирует властные полномочия собранию депутатов), а затем он назначает правительство, которое не имеет непосредственной легитимности от народа, но имеет непрямую — через депутатов. Классический пример — Соединенное Королевство. В парламентских республиках президент обычно избирается парламентом (тоже непрямая легитимность) и выполняет церемониальные функции. Хорошо это или плохо? В теории — не очень хорошо, так как концепция разделения властей в полной мере не работает, исполнительная власть черпает свою легитимность от законодательной. Но историческая практика показывает, что в большинстве таких стран политическая система более устойчива и менее склонна к сползанию в автократию (хотя это может быть следствием не столько политической системы, сколько политической культуры и традиции, парламентские республики в большей мере характерны для Европы).

Президентские республики получили распространение в основном в Америке, а также на пространстве бывшего СССР (фактически Россию и Azerbaijan тоже следует отнести к этой категории). Впрочем, не всегда реализация соответствует концепции — зачастую под маской президентской республики скрывается авторитарный или полуавторитарный режим. Поэтому рассмотрим только классический пример — США. Две ветви власти, законодательная и исполнительная, имеют независимую легитимность, поскольку избираются народом (или выборщиками, что в данном случае несущественно). Интересно, что формирование судебной власти даже в США неоднозначно и в некоторых штатах происходит путем выборов судей народом, а в других — путем назначения органом законодательной или исполнительной власти¹⁴. Тем не менее практика показала, что ключевым является разделение законодательной и исполнительной власти, и в том случае, когда произведена тщательная настройка системы сдержек и противовесов, такая модель работает. Теоретически она лучше парламентской, поскольку обеспечивает обеим ветвям собственную легитимность и делает их независимыми друг от друга. На практике же если система сдержек и противовесов несовершенна, то имеющая собственную легитимность исполнительная власть подминает под себя законодательную и режим скатывается к авторитарному, подобно тому как система России

¹⁴ См. https://ballotpedia.org/Judicial_selection_in_the_states (5.08.2017).

1991–1993 годов привела к тупиковому противостоянию президента и парламента, после чего последний был подавлен.

Наконец, смешанная система — это весьма запутанный механизм. Во-первых, многие из таких стран на самом деле являются президентскими республиками: де-юре они могут иметь смешанную систему, но де-факто исполнительная власть там доминирует. Особенностью смешанной системы является то, что собственную легитимность имеют законодательная власть и глава государства, но последний не является главой исполнительной власти. Благое намерение — сделать исполнительную власть подотчетной, но не полностью подконтрольной законодательной — зачастую это дорога, ведущая в ад. Смешанная система была в Веймарской республике, и мы хорошо знаем, чем это закончилось. Она же была в Украине при Кучме или Януковиче, да и в России после 1993 года номинально была создана как раз такая система. Пост главы правительства в смешанной системе, если не соблюден филигранный баланс между парламентом и президентом, превращается в декоративный, и президент полностью «подминает под себя» исполнительную власть. Лишь во Франции более-менее успешно удается удерживать такую систему, хотя сложно говорить об устойчивости государства в стране, в которой лишь за один XX век оно было переосновано дважды. И по большому счету Франция куда ближе к президентской республике, чем к парламентской.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что крайне сложно создать смешанную систему, которая бы не скатилась в одно из двух устойчивых состояний — парламентскую или президентскую систему. Я не думаю, что имеет смысл всерьез обсуждать создание смешанной системы на практике. Поэтому выбор необходимо сделать между парламентской или президентской республикой. Глядя на вторые на карте мира, мне сложно выбрать какую-либо из них, помимо США, где я хотел бы жить. В современном мире, вероятно, возможно, но крайне сложно повторить опыт основания президентской республики по типу США, которая бы не превратилась в авторитарный режим. Возможно, корень зла — популизм и социализм, которые, идя бок о бок, развратили общество и сделали его легкой добычей безответственных горлопанов. Хотя парламентская республика не застрахована от таких деятелей, она не дает одному человеку столько рычагов власти, а в случае реализации предложенной в записке № 5 пропорциональной избирательной системы с уголовной ответственностью за нарушение предвыборных обещаний — затрудняет, насколько это возможно, приход популистов к власти.

Если говорить о парламентской республике, то практически во всех современных реализациях такой системы существует пост главы государства, который находится вне системы исполнительной власти и играет церемониальную роль, и отдельно от него существует собственно исполнительная власть, во главе которой стоит премьер-министр или канцлер.

При республиканской форме правления пост главы государства является симулякрот монарха, к тому же он в этом случае достаточно плохо вписывается в концепцию разделения ветвей власти. Единственной причиной, по которой, как мне кажется, этот пост существует в европейских парламентских республиках, является некоторая дань традициям или, вернее, ментальным шаблонам поведения, выработанным за века монархической формы правления. Монархия в Украине закончилась почти 700 лет назад с угасанием галицко-волынской королевской династии, а гетманы были не более чем военными предводителями. Поэтому дань традиции мы отдавать не должны, и единственным обоснованием поста главы государства может быть лишь наличие таких функциональных обязанностей, которые не могут исполнять другие должностные лица. Рассмотрим те функции, которые обычно приписывают главе государства.

- **Символ нации.** Эта функция — чистой воды дань монархической традиции, когда власть была от Бога и почиталась священной. Раз уж мы говорим о государстве как об обслуживающей организации, созданной на основании общественного договора, то подобный символизм неуместен. Функция символа нации в настоящее время не нужна.
- **Церемониальная.** Открытие сессий парламента, прием делегаций, участие во всяческих мероприятиях, но без принятия решений. Опять же дань монархической традиции. Не вижу ни малейшей причины, почему налогоплательщики должны кормить такого бездельника, эта функция нам сейчас также не требуется. Да, есть некоторые документы, например, Венская конвенция¹⁵, в которых упоминается роль главы государства в аккредитации глав дипломатических миссий, но никто не мешает поручить исполнение этой церемониальной роли главе правительства.
- **Дипломатическая.** Если отделить от этой функции чисто церемониальные аспекты, остается принятие внешнеполитических решений. Опыт таких парламентских республик, как ФРГ, Италия, Израиль, показывает, что эту функцию выполняет как раз глава исполнительной власти (канцлер, премьер-министр), а не глава государства (президент).
- **Верховный главнокомандующий.** Это снова дань монархической традиции. В современном мире глава государства, особенно в парламентских республиках, не принимает военных решений. А во многих случаях даже гражданские министры обороны не принимают таких решений, это функция профессиональных военных. В то же время роль вооруженных сил в современном мире изменилась — это не основа государства, а одна из профессиональных корпораций. Нет

¹⁵ См. [https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume %20500/v500.pdf](https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20500/v500.pdf), с. 104 (5.08.2017).

никаких веских причин, чтобы именно эту корпорацию возглавлял глава государства, когда есть выделенный политический менеджер (министр) и один или несколько профессиональных менеджеров (главнокомандующий, начальник генерального штаба или комитет начальников штабов).

- **Законодательная.** Во многих странах подпись главы государства требуется для вступления принятых парламентом законов в силу, в некоторых он также имеет право вето. Это вполне допустимо в президентских системах, где глава государства, он же глава исполнительной власти, обладает независимой от парламента легитимностью и вписывается в общую систему взаимного контроля ветвей власти. В чисто парламентских системах такая функция выглядит сомнительной, поскольку даже если глава государства имеет независимую от законодателя легитимность, но не входит в систему исполнительной власти, то либо возникает надвластная сущность (квазимонарх, находящийся над системами законодательной и исполнительной властей), либо эта подпись превращается в пустую формальность. Наиболее правильной реализацией концепции разделения властей является автономность каждой ветви власти в принятии решений, т. е. если парламент принял закон, то дополнительной подписи не требуется. Я не говорю уже о независимой от парламента законодательной функции главы государства (в некоторых странах глава государства может издавать указы, которые имеют статус квазизаконов, так как обязательны для исполнения всеми гражданами), это настолько вопиющее нарушение республиканских принципов, что речи об этом идти не может. Да, в США есть понятие *executive order*, но это не квазизакон (обязательные для всех граждан), а распоряжения для чиновников федеральной исполнительной власти (подчиненных Президенту США).

- **Досрочный роспуск парламента.** В ряде стран глава государства обладает полномочиями распускать законодательный орган и объявлять досрочные выборы. Это имеет смысл, если парламента «отрывается от реальности» и перестает, по сути, представлять граждан. Однако такое решение проблемы создает определенный волюнтаризм (можно распустить парламента без достаточных оснований или не распустить при наличии таковых). Куда лучшим решением будет предложенный в записках № 3 и 5 механизм постепенного обновления парламента, который в случае перевыборов каждые два года 1/3 или каждые три года 1/2 его состава позволяет обеспечить коррекцию представительства интересов граждан без наделения кого-либо правом принимать субъективные решения.

Таким образом, ни одна из функций главы государства не требует наличия выделенного должностного лица. Большинство из этих функций

чисто формальные, и их можно упразднить. Некоторые из них могут выполнять другие лица, например глава исполнительной власти. Остальные же, напротив, не должны выполняться никем, поскольку могут привести к узурпации власти или превращению главы государства в надвластную сущность. При правильной реализации парламентской системы устройства государственной власти я не вижу никакого смысла в существовании поста главы государства. Ни президент, ни гетман нам не требуются.

7. ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ¹⁶

Говоря о законодательной власти, я использовал Конституцию США как наиболее логичный прототип ее построения. Исполнительная власть в этом же документе определяется аналогично: «*The executive Power shall be vested in a President of the United States of America*», т. е. народ США наделяет соответствующими полномочиями Президента США, соответственно у него есть собственная непосредственная легитимность, полученная в результате выборов. Однако в предыдущей записке я упомянул, что считаю наиболее целесообразной для нас парламентскую, а не президентскую республику, поэтому использовать Конституцию США в качестве прототипа в случае исполнительной власти не получится.

Как и в случае законодательной власти, в Конституции должны быть отражены следующие аспекты касательно исполнительной власти: наименование и порядок формирования ее органов, перечень делегированных им полномочий, процедура принятия решений, ответственность руководителей исполнительной власти за нарушение порядка работы этой ветви власти.

Исполнительная власть играет в государстве ту же роль, что наемный менеджмент в корпорации или управляющая компания в ОСББ. Эта аналогия более отчетливо проявляется в парламентских республиках, где представительный орган назначает руководство исполнительной власти по аналогии с тем, как совет директоров (наблюдательный совет) корпорации, а не общее собрание акционеров назначает генерального директора. Однако, несмотря на полную подотчетность последнего, в корпорациях топ-менеджмент вовсе не является марионеткой в руках совета директоров, так же и в парламентской республике руководство исполнительной власти должно иметь полную автономию в оперативном управлении подчиненных ей институтов. Это и будет первым принципом, который я предлагаю заложить в основу конституционного определения исполнительной власти: эта власть отвечает перед назначившим ее законодательным органом за результат своей работы, но сама определяет свою структуру и имеет полную

¹⁶ В сокращении опубликовано в УП: <https://www.pravda.com.ua/columns/2017/12/23/7166500/> и <https://www.pravda.com.ua/columns/2018/01/1/7167132/>.

автономию в реализации своей стратегии в рамках установленных законодательством ограничений.

В США исполнительной властью наделен Президент, подобно тому как во многих корпорациях единоличным органом управления является генеральный директор. Но может быть и коллективный орган управления — правление, именно такая модель более привычна в случае парламентских республик, где коллективным высшим органом исполнительной власти является правительство. При формировании правительства хотелось бы избежать двух крайностей — единоличного контроля его главы над членами и чрезмерной коллегиальности, которая размывает персональную ответственность. Поэтому второй принцип, который я предлагаю, — это принцип командной работы: правительство приходит как команда, а не набор отдельных министров и может быть отправлено в отставку законодательным органом лишь как команда, но не путем увольнения отдельных министров.

В результате схему назначения и увольнения правительства как высшего органа исполнительной власти можно сформулировать следующим образом:

- Список членов нового правительства (возможно, но не обязательно с распределением должностей) подается на голосование парламенту, голосование возможно только за весь список в целом, при положительном голосовании формируется новое правительство.
- В любой момент правительство может само попросить об отставке, или парламент может принять вотум недоверия ему, но оно продолжает исполнять свои функции до формирования нового состава правительства.
- Глава правительства может ввести в его состав новых членов, но не более 1/3 от первоначального числа, по каждой кандидатуре требуется голосование парламента.
- Отдельные члены правительства могут уходить в отставку добровольно или увольняться решением главы правительства, но назначение нового члена правительства требует голосования парламента (временно исполняющего обязанности может назначить само правительство).
- Глава правительства может уйти в отставку добровольно, и это не влечет за собой отставки всего правительства.

Говоря про аналогию между государством и корпорацией, следует иметь в виду, что в последних зачастую существуют традиционные посты, например финансового директора, но они почти никогда не фигурируют в уставных документах. Более того, в большинстве случаев посты в топ-менеджменте создаются динамически и не требуют ни изменения устава, ни решения акционеров. По аналогии следует дать правительству необходимую гибкость в определении того, какие министерские посты в нем требуются, — хотя некоторые из них и могут быть определены законодательно

(в таком случае в правительстве обязательно должен быть соответствующий министр), иные могут создаваться или упраздняться путем решения самого правительства. Закон типа «О Кабинете Министров» нарушает как принцип разделения властей (законодатель диктует исполнительной власти ее структуру), так и принцип автономности исполнительной власти в решении своих внутренних вопросов.

Исходя из сферы компетенции государства, в рамках которой законодательная власть может издавать законы, исполнительная власть должна иметь полномочия по реализации положений этих законов, а именно:

- Организовывать оборону, управлять вооруженными силами и обеспечивать их.
- Проводить внешнюю политику, организовывать представительство интересов граждан Украины за ее пределами и в международных организациях, подписывать международные договоры.
- Защищать права и свободы граждан, лиц без гражданства и юридических лиц, обеспечивать расследование уголовных правонарушений и выполнение решений суда.
- Предоставлять гражданам, лицам без гражданства и юридическим лицам административные услуги, предусмотренные законом.
- Взимать налоги и пошлины.
- Управлять системой государственных финансов, публичной инфраструктурой и публичным имуществом в рамках, предусмотренных законом.
- Обеспечивать выполнение законов Украины в случаях, прямо предусмотренных ими.

Отдельно следует остановиться на последнем пункте, который является наиболее общим. В целом законодательная власть принимает законы, а исполнительная — обеспечивает их выполнение. Но правительство не имеет непосредственной легитимности, следовательно, его собственные полномочия распространяются лишь на тех, кто работает в органах исполнительной власти, но не на иных граждан. Здесь вновь уместна аналогия с корпорацией — топ-менеджмент может давать указания сотрудникам корпорации, но не иным лицам. Однако законодатель, имеющий непосредственную легитимность, может делегировать часть полномочий по принятию решений, обязательных для исполнения всеми лицами, отдельным органам исполнительной власти. Например, законодатель в рамках регулирования сферы миграции может определять порядок и условия въезда на территорию Украины граждан иных государств или лиц без гражданства и в этих рамках делегировать органам исполнительной власти принятие решений о выдаче виз (консульской службе) и о пропуске на территорию Украины (пограничной службе). И именно на основании подобной прямой нормы закона, делегирующей принятие решения органу исполнительной власти,

правительство может принять подзаконный акт — строго в рамках закона, — который будет обязателен для исполнения всеми лицами.

Отсюда следует порядок принятия правительством решений. Подзаконные акты (постановления), принимаемые в рамках делегированных законодателем полномочий и обязательные для исполнения всеми лицами, принимаются большинством голосов правительства. Все прочие — внутренние — решения, которые обязательны для исполнения лишь сотрудниками соответствующих органов исполнительной власти, принимаются по цепочке подчиненности: глава правительства может давать распоряжения министрам и нижестоящим чиновникам, министры — подчиненным им сотрудникам министерств и ведомств и т. д. Это соответствует распространенному в менеджменте принципу единоначалия — у каждого сотрудника есть ровно один непосредственный начальник, а цепочка непосредственных начальников вплоть до главы правительства образует множество прямых начальников, все их, и только их законные распоряжения обязательны для данного сотрудника.

Следствием принципа единоначалия является и то, что не могут существовать органы исполнительной власти, не подчиненные правительству и его главе. Недопустимо также маскировать органы, которые де-факто обладают функциями исполнительной власти, под органы других ветвей власти или органы вне ветвей власти. К примеру, в настоящее время Национальный банк Украины обладает полномочиями регулировать банковскую сферу и издавать подзаконные акты в пределах этой сферы — это противоречит изложенному принципу. В рамках предлагаемой конституционной модели все регулирующие и контролирующие органы должны быть подчинены правительству. Однако, с другой стороны, Национальный банк как центр выработки монетарной политики и кредитор последней инстанции не может быть подчинен правительству. Следовательно, необходимо разделить две структуры — регулирующие, контролирующие и лицензирующие функции отходят органу исполнительной власти (например, комиссии по регулированию банковской сферы), а все прочие функции остаются за Национальным банком, который не подчинен правительству (а в идеале не подчинен напрямую и парламенту, т. е. является общественным, но не государственным институтом).

Далее я хотел бы остановиться на вопросах ответственности исполнительной власти. Не буду касаться общих аспектов — чиновники исполнительной власти несут уголовную и административную ответственность на общих основаниях, а также дисциплинарную ответственность на основании внутренних документов своей организации. Здесь же скажу лишь о специальной ответственности, которую должны нести чиновники исполнительной власти, подобному тому, как в записке № 5 были обозначены пункты специальной ответственности депутатов.

Отдельно следует сказать, что к исполнительной власти понятие фидуциарной обязанности напрямую не применимо. В отличие от депутатов, которые связаны отношениями доверия с избирателями (избиратели доверяют депутату представлять их интересы) и потому имеют фидуциарную обязанность перед ними, природа отношений чиновников исполнительной власти иная: они являются наемным менеджментом и состоят с гражданами в трудовых отношениях, где чиновники — наемные работники, а граждане — работодатели. В этом есть внутренняя логика: так, депутатам даются полномочия принимать обязательные для всех законы, но каждый депутат связан жестким мандатом (обязан следовать своей предвыборной программе и лишается мандата, если отступает от нее), а чиновники исполнительной власти имеют меньшие полномочия и лишь следуют принятым законам, но имеют большую гибкость (т. е. в рамках законов могут действовать, вырабатывать стратегию и реализовывать ее таким образом, который они считают наиболее целесообразным).

Таким образом, специальную ответственность представители исполнительной власти должны нести за нарушение трудовой этики — термин, который в нашей стране понимается в лучшем случае весьма узко. На самом деле суть трудовой этики заключается в том, что раз уж работодатель вас нанял и платит вам деньги, то вы должны работать в его интересах в рамках оговоренных должностных обязанностей и в течение оговоренного рабочего времени, не использовать ни служебные ресурсы, ни рабочее время, ни служебный доступ к информации в личных целях, а также не извлекать личной выгоды из занимаемой должности. В принципе существует множество кодексов профессиональной этики, я рекомендую Кодекс Института CFA¹⁷. Исходя из него, предлагаю следующую формулировку кодекса этики для публичных служащих (не только исполнительной власти, но и законодательной, и судебной, и местного самоуправления):

Публичные служащие обязаны

- Вести себя честно, порядочно и относиться справедливо ко всем гражданам и обществу в целом. Предоставлять полную, правдивую и своевременную информацию о своей деятельности и деятельности органов государственной власти.
- Ставить интересы граждан и общества выше интересов государства и собственных интересов.
- Воздерживаться от использования служебного положения, должностных полномочий или доступа к служебной информации для получения выгоды для себя или связанных лиц (родственников и т. п.).

¹⁷ См. <https://www.cfainstitute.org/ethics/codes/ethics/Pages/translations.aspx> (9.08.2017).

- Требовать соблюдения кодекса этики от других публичных служащих и повышать доверие общества к институтам государственной власти.

Я не думаю, что кто-либо всерьез будет оспаривать вышеприведенные положения. Но, как известно, дьявол кроется в деталях. Поэтому необходимо конкретизировать применение этих положений в стандартах профессионального поведения и предусмотреть ответственность за их нарушение.

Стандарт 1 — следование законодательству. Здесь необходимо выделить такие пункты:

- Неукоснительное следование законодательству, а также законным распоряжениям прямых начальников, однако при наличии возможности неоднозначной или субъективной трактовки таковых следует выбирать такую трактовку, которая налагает наибольшие ограничения на самих публичных служащих и наименьшие ограничения на граждан.
- Препятствование нарушению законодательства другими публичными служащими, обязательное раскрытие информации об известных нарушениях, категорический запрет на «защиту чести мундира» и «не вынесение сора из избы».
- Запрет на исполнение распоряжений, явно нарушающих законодательство, а также законов, явно нарушающих Конституцию.

Стандарт 2 — этичность, независимость и объективность, что заключается в следующем:

- Явный запрет на нечестность, обман, шантаж, мошенничество — хотя это и само собой разумеется, но наличие такого явного запрета и ответственность за его нарушение лишней раз заставит публичных служащих подумать, прежде чем совершить такой поступок.
- Явный запрет при исполнении должностных полномочий на дезинформацию или сокрытие значимой информации, в том числе под видом «информации для служебного пользования» или «государственной тайны», а также на использование непубличной информации в личных целях или передаче ее связанным лицам.
- Принятие решений, отнесенных к компетенции данного публичного служащего, должно осуществляться им или ею обдуманно, осознанно и самостоятельно, без давления со стороны иных публичных служащих, даже прямых начальников или третьих лиц.
- Ограничение получения подарков и приобретения иных выгод (в том числе званий, степеней, наград), которые могут поставить под сомнение независимость и объективность.
- Запрет на незаконное обогащение, а именно — все активы публичных служащих должны быть задекларированы, а любое изменение их размера объясняться, в том числе все доходы (прирост активов), существенные статьи расходов.

- Запрет на унижение чести и достоинства других лиц, высокомерие, издевательское отношение, сарказм, сомнительные шутки при исполнении должностных обязанностей.

Стандарт 3 — обязанности перед гражданами как своими клиентами и своим конечным работодателем включают:

- Четкое понимание того, что законные права и интересы граждан, лиц без гражданства и юридических лиц имеют приоритет над интересами государства, его органов или отдельных публичных служащих.
- Справедливое и равное отношение ко всем лицам, запрет на предоставление кому-либо из них преимуществ или наложение на кого-либо из них ограничений, не предусмотренных законодательством.
- Учет индивидуальной ситуации, особенностей и пожеланий в ходе рассмотрения вопросов при условии соблюдения законодательства и предыдущего пункта.
- Прямые, четкие, изложенные простым и понятным языком ответы на вопросы и обращения граждан, запрет на канцеляризм, отписки и «отфутболивание».
- Сохранение конфиденциальности информации о гражданах, их проблемах, сути их обращений и т. п., за исключением случаев, когда закон предусматривает раскрытие такой информации.

Стандарт 4 — обязанности перед государством как своим непосредственным работодателем включают:

- Использование своих знаний, умений и навыков, опыта и компетенций в полной мере на благо конечного работодателя, т. е. граждан.
- Запрет на совмещение своей работы с другой оплачиваемой работой, кроме явно разрешенных законом случаев, без письменного разрешения начальства, — и полный запрет даже с таким разрешением на совмещение, если это наносит вред работе в публичном органе власти или создает конфликт интересов.
- Использование рабочего времени, служебного имущества, предоставленных полномочий и доступа к информации исключительно в рабочих целях, а также рациональное и бережное отношение к этим ресурсам, полный запрет на злоупотребление ими.
- Ответственность за действия своих прямых подчиненных при исполнении должностных полномочий, в том числе за соблюдение ими кодекса этики и данных стандартов.

Стандарт 5 — конфликт интересов, для избегания и ограничения чего требуется:

- Полное, правдивое и своевременное раскрытие действительного или потенциального конфликта интересов, т. е. любых обстоятельств,

которые могут поставить под сомнение объективность, независимость публичного служащего или иным образом воспрепятствовать исполнению им должностных полномочий, причем такое раскрытие должно быть сделано простым и понятным языком, без уверток или «замыливания».

- При рассмотрении вопросов, которые затрагивают интересы связанных лиц, публичные служащие должны обязательно письменно уведомить об этом свое руководство и просить о передаче данного вопроса на рассмотрение иным служащим.
- При получении любого подарка, вознаграждения или иной выгоды, которая не запрещена законом и превышает определенный уровень (например, необлагаемый минимум), публичный служащий должен письменно уведомить об этом руководство.
- Письменное уведомление руководства обо всех обстоятельствах, которые мешают следованию кодексу этики и данным стандартам.
- Полное содействие расследованиям нарушения кодекса этики и данных стандартов как в отношении себя, так и в отношении других публичных служащих.

Ни один публичный служащий не может приступить к исполнению должностных полномочий, не подписав письменное обязательство выполнять данный кодекс и стандарты. Любые известные нарушения должны раскрываться в письменной форме уполномоченному органу. Каждый год все публичные служащие должны письменно свидетельствовать об отсутствии нарушений либо сообщать о нарушении и причинах, по которым оно не было своевременно раскрыто.

Ответственность за нарушение данного кодекса этики и стандартов профессионального поведения может быть следующей:

- Предупреждение — за первое и незначительное нарушение.
- Строгое предупреждение — за последующее незначительное или первое серьезное нарушение.
- Увольнение с занимаемой должности (расторжение контракта) либо досрочное прекращение полномочий (для выборных должностей) — за ряд серьезных нарушений или за первое же критическое нарушение, которое не позволяет надеяться на этическое поведение данного публичного служащего.
- Запрет на занятие должностей публичных служащих (в том числе выборных) в течение определенного числа лет — как дополнительное наказание при увольнении, в зависимости от тяжести серьезных и критических нарушений.
- Пожизненный запрет на занятие должностей публичных служащих — в исключительных случаях, когда лицо полностью и окончательно утратило доверие общества.

Расследование нарушений кодекса этики и определение меры ответственности должно осуществлять не руководство конкретного публичного служащего, а особая комиссия, желательна независимая от государства (или имеющая достаточное количество независимых членов). Разумеется, попытки использовать такие комиссии для внутренних интриг и сведения счетов без достаточных оснований (т. е. подать жалобу «на всякий случай») должны сами по себе рассматриваться как нарушение кодекса этики, чтобы не возникал соблазн подавать необоснованные жалобы.

Таким образом, вопрос с дисциплинарной ответственностью исполнительной власти решен. Но, как я писал в записке № 5, в любом корпоративном менеджменте за умышленное нарушение, повлекшее причинение ущерба работодателю, следует взыскание этого ущерба с наемного работника. Исполнительная власть принципиально ничем не отличается от корпоративного менеджмента. А кто работодатель исполнительной власти? Государство? Нет, не государство, а граждане. То есть за умышленное нарушение чиновником законодательства, в том числе кодекса этики, повлекшее причинение ущерба гражданам, лицам без гражданства и юридическим лицам, этот чиновник должен отвечать всем своим личным имуществом. Например, если чиновник за взятку или «откат» дал разрешение на незаконное строительство, то он не только должности лишится, но и все его имущество уйдет на оплату демонтажа здания. А если следователь незаконно возбудил уголовное дело и нарушил работу бизнеса, то потом будет всю жизнь возмещать недополученную за время вынужденной остановки бизнеса прибыли. И это правильно, ибо бизнес — это единственный источник создания стоимости, а граждане — работодатели и начальники для любого чиновника. И идти на нарушение законных прав и интересов и граждан, и бизнеса должно быть для чиновников неоправданно дорого.

8. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ¹⁸

Записка, посвященная судебной власти, является самой сложной. С одной стороны, в Конституции США соответствующая статья наиболее короткая. Судебной власти посвящены лишь 6 Записок федералиста, в то время как законодательной власти — 15, а исполнительной — 11. С другой стороны, в Украине и других постсоветских странах судебная власть одновременно и наиболее зависима, и наиболее коррумпирована. Здесь нет противоречия, поскольку сначала суды развращали подачками и взятками за нужные решения, а затем судьи настолько к этому привыкли, что воспринимая «благодарности» как само собой разумеющееся условие выне-

¹⁸ В сокращении опубликовано в УП: <https://www.pravda.com.ua/columns/2018/01/13/7167950/>.

сения решения. Если нормальный орган власти черпает свою легитимность в ее единственном носителе — народе, то коррумпированный орган власти, переставая обслуживать народ в целом и переходя на обслуживание коррумпированных его лиц, отрывается от источника своей легитимности, тем самым утрачивает ее и становится ширмой, симулякром.

Таким образом, условиями формирования настоящей судебной власти, согласно новой редакции Конституции, должна стать ее подлинная, а не фиктивная независимость от других ветвей власти и прозрачность для граждан. Первейший же вопрос — как формировать судебную власть — сейчас не решен. В мире существует три варианта его решения. Первый — это назначение судей иными ветвями власти. Из сказанного выше ясно, что этот путь должен быть отброшен, ибо он не позволяет судебной власти быть независимой. Да, в США члены Верховного Суда назначаются именно так, и в некоторых случаях я признаю возможность использования этого пути, но в целом он является порочным. Второй путь — это прямые выборы судей. Это наиболее логичный путь, поскольку в таком случае судебная власть имеет непосредственную легитимность, независимую от иных ветвей власти. Однако такой путь имеет свои недостатки: неустойчивость к популизму (впрочем, как и в случае любых прямых выборов) и сравнительная сложность организации выборов судей всех уровней по сравнению с выборами депутатов (судьи являются куда более узкими специалистами, чем депутаты, и их следует избирать, исходя не столько из их политической программы, сколько по личностным и профессиональным качествам). Третий путь — это не прямые выборы либо назначение специализированными комиссиями, независимыми от законодательной и исполнительной власти. Недостатком этого пути является то, что открытым остается вопрос назначения членов таких комиссий. Независимость таких комиссий от иных ветвей власти несет в себе опасность превращения судебной власти в закрытую корпорацию, которая действует не в интересах народа, а в интересах своих членов.

Рассмотрим опыт США по формированию судов штатов¹⁹. Первый путь — наименее распространенный, лишь в двух штатах судей назначает законодатель и в пяти — губернатор. Второй и третий пути практически одинаково распространены — 23 и 21 штат соответственно. Однако это, так сказать, «средняя температура по больнице». Если более детально рассмотреть способ назначения судей в суды разных уровней, приведенный в таблице, соотношение между вторым и третьим путем различаются по уровням судов: для судов первой инстанции (trial courts) более типичны прямые выборы, а для верховных судов (supreme courts) — не прямые выборы, т. е. назначение комиссией. Вероятно, и в случае нашей страны можно было бы совместить выборы судей местных судов и назначение судей высших (апелляционных, высших, Верховного) судов квалификацион-

¹⁹ См. https://ballotpedia.org/Judicial_selection_in_the_states (5.08.2017).

ной комиссией. Однако, взвешивая критичные опасности обоих путей, а именно — популизм и корпоративизм, мне представляется, что популизм в нашей нынешней ситуации куда более опасен, и поэтому я склоняюсь к третьему пути (непрямые выборы).

При любом способе формирования судебной власти возникает вопрос требований к кандидатам на посты судей. Крайне важным является запрет на занятие судейских постов лицами, которые на протяжении предыдущих шести лет работали в правоохранительных органах или были сотрудниками судебной власти, помимо судей. По отзывам квалифицированных юристов, наихудшими судьями становятся бывшие секретари судов, а наилучшими — юридически грамотные люди, пришедшие извне системы.

Вопрос структуры судебной власти для меня сравнительно ясен — если даже в такой огромной стране, как США, Верховный суд из 9 членов справляется и с толкованием Конституции, и с ролью суда последней инстанции (а в ряде случаев он еще и суд первой инстанции), то для нашей страны тем более нет никакого резона иметь как Верховный, так и Конституционный суды. Не стоит плодить сущности сверх необходимости. Верховный суд из 9 членов — все, что нам нужно закрепить в Конституции, а остальная структура судебной власти может формироваться законом. Однако для закрепления независимости судебной власти такой закон должен иметь особый порядок принятия — как при внесении, так и после принятия, но до вступления в силу он должен получить подтверждение Верховного суда.

Следующие вопросы — срок полномочий судей и их увольнение — также не вызывают затруднений. Опыт США показывает, что нет проблемы пожизненного назначения при условии возможности увольнения за нарушение присяги. Увольнение, разумеется, не должно быть прерогативой ни законодательной, ни исполнительной власти. Более того, нельзя давать право самим судьям решать вопрос увольнения их коллег. Скорее всего, как и в случае назначения, требуется комиссия, которая будет достаточно независимой от всех ветвей власти. Вероятно, членов этой комиссии должны частично назначать профессиональные сообщества — адвокаты, правозащитники, ученые-юристы. Судьи, как и все публичные служащие, должны быть связаны Кодексом этики и стандартами профессионального поведения.

Важнейшим вопросом является введение суда присяжных. Этот вопрос регламентирован и в Конституции США — для всех уголовных преступлений требуется Trial by Jury, т. е. присяжные выносят решение о виновности подозреваемого. Нет сомнений, что и в наших условиях суд присяжных обязателен для всех процессов, в которых приговором может стать лишение свободы. Вероятно, можно обойтись без суда присяжных для административных и гражданских процессов, однако в таких случаях от понятия административного ареста следует отказаться.

Вторым важнейшим вопросом является тип правовой системы. У нас почему-то об этом не говорят, хотя никто не должен воспринимать систему гражданского права (civil law) как данность. Исследования показывают, что система общего права (common law), принятая в англо-американском мире, оказывает благотворное влияние на инвестиционный климат и экономический рост (см. статью Paul G. Mahoney «The Common Law and Economic Growth: Hayek Might Be Right»²⁰). Хотя сама идея выглядит революционной не только для Украины, но и для любой страны континентальной Европы, я не вижу непреодолимых препятствий. Необходимо закрепить в Конституции положение о том, что суды принимают решения, исходя из духа закона (обязательно) и такого соотношения норм общего права и буквы закона (которые являются двумя подчиненными источниками права), которые суд посчитает наиболее соответствующими сути дела. То есть суд творит право, опираясь на дух закона и избегая двух крайностей — формального следования букве закона и механического применения прецедента.

Есть еще несколько моментов, которые не присутствуют в Конституции США, но обычно прописаны в континентальных европейских конституциях. Конечно, либертарианский принцип не приветствует излишнюю формализацию, поскольку у граждан и так есть все права и ничего им отдельно разрешать не нужно. Но, как я писал в записке № 3, у государства может возникнуть соблазн узурпировать некоторые естественные, но необычные права — например, право на частное обвинение или право на частное расследование (вместо или параллельно с публичным следствием). Поэтому вот что можно было бы закрепить конституционно:

- Юрисдикция: для судебной власти в целом — Украина, в отдельных установленных законом случаях — универсальная юрисдикция.
- Право на подачу иска и право на обвинение — у любого лица, законом может быть установлено публичное обвинение (не отменяя, конечно, частного обвинения).
- Презумпция невиновности.
- Состязательность процесса и право, но не обязанность привлекать представителей (обвинителей, адвокатов) сторонами.
- Публичность процесса и вынесенных судом решений.

Что касается ответственности судебной власти (не только судей, но и других ее сотрудников), то Кодекс этики и стандарты профессионального поведения достаточно полно покрывают наиболее проблемные места нынешних судов — незаконное обогащение и конфликт интересов. Для сотрудников судебной власти и правоохранительных органов можно лишь предусмотреть особую ответственность — любое правонарушение, связан-

²⁰ См. https://campus.fsu.edu/bbcswebdav/orgs/econ_office_org/Institutions_Reading_List/12_Political_Institutions_and_Economic_Growth/Mahoney,_P._G.-_The_Common_Law_and_Economic_Growth%3B_Hayek_Might_Be_Right (23.08.2017).

ное с профессиональной деятельностью, должно караться пожизненным заключением. Особенно это касается фальсификации улик, давления в целях самооговора, вынесения заведомо неправосудных решений. Дабы не было соблазна даже пытаться. Ведь ключевая проблема таких вопиющих правонарушений — это подрыв доверия к судебной системе в целом, что куда хуже, чем простое нарушение права.

Однако есть одна сфера, которую следует упомянуть особо, — это злоупотребление правом (*legal abuse*). По этой теме пока что очень мало информации, концепция довольно новая и неоднозначная. Я бы определил злоупотребление правом как использование несовершенства буквы закона вопреки его духу, т. е. формально правильное обращение к правосудию, но искажающее его суть. Например, в США были иски *McDonald's* за то, что ресторан не предупредил покупателя, что кофе очень горячий (см. кейс *Liebeck v. McDonald's Restaurants*). Можно долго спорить о правильной температуре кофе, но никто не может отрицать необходимости каждому думать своей головой и проявлять достаточную осмотрительность. При этом обычные граждане не должны нести ответственности за злоупотребление правом, поскольку они не знают тонкостей судебной системы и не могут осознанно злоупотреблять ее несовершенством. Иное дело — профессиональный участник, такой как адвокат или практикующий юрист, который может, используя несовершенство судебной системы, превратить ерундовый иск в многомиллионный (и, соответственно, получить неплохой гонорар). Есть примеры надуманных исков, касающихся *sexual harassment* или *sex discrimination* (см. кейс *Wal-Mart v. Dukes*). Существуют, особенно в корпоративном мире, фиктивные иски, под которыми нет никаких оснований и единственной целью которых является нанесение репутационного ущерба. Есть также немало случаев, когда опытные юристы используют различные процессуальные уловки, чтобы затянуть процесс или оказать давление на одну из сторон. В любом случае, злоупотребление правом должно быть криминализировано для профессиональных участников — сотрудников судебной и правоохранительной системы, адвокатов, практикующих юристов.

9. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ²¹

Местное самоуправление — это не часть системы государственной власти. Если вам этот тезис кажется странным, то еще раз посмотрите первые записки, в которых речь идет о сути государства. Государство — это инструмент, который создан гражданами для решения вполне конкретных и определенных задач. Исчерпывающий перечень этих задач был уже указан,

²¹ В сокращении опубликовано в УП: <https://www.pravda.com.ua/columns/2018/01/28/7169767/>.

и все они решаются тремя ветвями государственной власти — законодательной, исполнительной и судебной. Прочие задачи не относятся к сфере государства, и граждане могут создавать любые объединения для решения этих задач по своему усмотрению. Так, жильцы дома создают ОСББ для решения задач по обслуживанию своего дома. Студенты в университете создают ассоциацию для обслуживания своих интересов. Жители коттеджного городка объединяются для организации охраны или вывоза мусора. А в больших масштабах — в масштабах города, района, области и т. п. — граждане точно так же могут учредить органы местного самоуправления и ровно с той же целью — обслуживания интересов людей, живущих на данной территории.

Итак, местное самоуправление — это частный случай объединения граждан. Граждане, напомню, имеют все полноту власти в своих руках и по своему усмотрению могут создавать любые организации (корпорации, партии, объединения, союзы, ассоциации и т. п.), наделять их любыми полномочиями, но только на добровольной основе. То есть вы не можете наделить какой-то орган полномочиями командовать или регулировать других людей помимо их воли. Для целей внутренней непротиворечивости, конечно же, следует избегать наделения двух органов одними и теми же полномочиями. Исходя из этой логики, те функции, которые в предыдущих записках были отнесены к компетенции государства, не должны делегироваться иным органам, в том числе и местному самоуправлению. Именно поэтому важно иметь небольшое государство — лишь необходимый минимум полномочий делегируется государству, чтобы иметь наибольшую свободу в делегировании остального другим институтам — как местному самоуправлению, так и бизнесу, и гражданскому обществу.

В принципе, на этом можно было бы поставить точку в данной записке. Если принять логику Гамильтона (см. записку № 3), то гражданам не нужно никакого конституционного основания, чтобы организовывать местное самоуправление и наделять его любыми полномочиями, за исключением отнесенных к сфере государства, по своему усмотрению. Это право у граждан есть и так, оно является естественным. Но, как мы уже говорили ранее, есть угроза узурпации данного права государством. Поэтому глава о местном самоуправлении в Конституции — это не его разрешение гражданам, а прямой запрет государству на его ограничение. Есть и второй повод — это Европейская хартия о местном самоуправлении²², которая рекомендует конституционное определение некоторых его аспектов. Поскольку Украина присоединилась к Хартии, то необходимо выполнять взятые на себя обязательства либо же денонсировать ее. Хотя Хартия отнюдь не пронизана либертарианским духом, а некоторые ее положения спорны, я все же

²² См. <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/122> (31.08.2017).

считаю, что совместить ее с основной идеей записок — свободой — можно, и ниже я постараюсь это показать.

Статья 2 Хартии в полной мере исполняется внесением в Конституцию статьи о местном самоуправлении.

Статья 3 Хартии полностью совместима и не требует никакого дополнительного закрепления. Первый пункт автоматически выполняется, поскольку полномочия государства жестко ограничены, а все остальные функции могут быть делегированы, в том числе местному самоуправлению. Например, это образование, здравоохранение, коммунальное хозяйство, рекреационные зоны, местные дороги, парковки и т. д. Второй пункт также выполняется, ибо государство, не создавая органы местного самоуправления, не может решать вопрос их формирования. Граждане сами решат, как и в каком формате проводить выборы.

Все пункты статьи 4 Хартии полностью соответствуют духу настоящих записок. Сфера полномочий местного самоуправления устанавливается самими гражданами, учреждающими такие органы. Единственным исключением является то, что полномочия, которыми наделены органы государственной власти, не могут делегироваться местному самоуправлению, но это же исключение предусмотрено пунктом 4.2 Хартии.

Статья 5 Хартии также вполне совместима с идеями записок — раз не государство, но граждане учреждают органы местного самоуправления, то они и определяют территориальные границы. Конечно, из этого следует, что законодательная власть не может принимать законы об административно-территориальном устройстве. Но и в записке № 5 данный вопрос не отнесен к сфере компетенции законодательной власти.

Статья 6 Хартии соответствует предлагаемой конституционной модели. Местное самоуправление — такое же объединение граждан, как и корпорация. В корпорации уровень оплаты труда и правила продвижения по карьерной лестнице определяют акционеры, их представители (совет директоров) и наемные менеджеры корпорации. В органах местного самоуправления этому соответствуют граждане, их представители (местный совет) и наемные менеджеры местного самоуправления. Государство же ни в случае корпораций, ни в случае местного самоуправления не оплачивает труд их сотрудников и не берет этих сотрудников в свой штат.

Реализация статьи 7 Хартии также не вызывает никаких проблем в рассматриваемой модели — статус местных выборных лиц определяется гражданами, учреждающими орган местного самоуправления. Размер оплаты их труда тоже устанавливается гражданами, но, разумеется, это деньги местного самоуправления, а не государственного бюджета.

Статья 8 Хартии выполняется автоматически, поскольку никакого специального административного контроля государства над местным самоуправлением нет и быть не может. Органы местного самоуправления, как

и любые другие юридические лица, отвечают лишь за соблюдение закона на общих основаниях.

Реализация статьи 9 Хартии является наиболее проблемной для нашей концепции. С одной стороны, раз органы местного самоуправления — это частный случай объединений граждан, как и любая корпорация или некоммерческая организация, они могут владеть собственностью, включая денежные средства, и обладают полной финансовой независимостью в вопросах их расходования. С другой стороны, никаких местных сборов и налогов не может существовать в природе, поскольку вопросы налогообложения отнесены к компетенции государства. Также в либертарианской модели нет и не может быть национальной экономической политики — мы уже убедились в том, что единственной допустимой возможностью вмешательства государства в экономику является обеспечение свободной и честной конкуренции.

Остается вопрос — каковы могут быть источники доходов местной власти? На него можно дать два ответа, они друг друга взаимно не исключают и в реальности могут комбинироваться. Во-первых, предоставление местным самоуправлением услуг может и должно быть платным — так, обучение в публичных школах и лечение в муниципальных больницах стоит денег, и за это платит либо тот, кто получает услугу, либо налогоплательщик. Либертарианский подход четко говорит, что каждый должен платить за себя и никто — за других. Поэтому муниципальные учреждения (школы, больницы) должны быть хоть и не коммерческими (т. е. не имеют целью получение прибыли), но самоокупаемыми. Оставшаяся часть расходов местного самоуправления — собственно, его служащие и местная публичная инфраструктура — может финансироваться за счет налогов, поскольку граждане, живущие на территории муниципалитета, платят налоги. Однако не следует предоставлять субсидии от государства местному самоуправлению. Вероятно, имеет смысл законодательно определить (а сфера государственных финансов входит в компетенцию законодателя) долю ряда налогов, которая идет на нужды органов местного самоуправления. Причем эта ставка должна быть единой для всей страны, никакого перераспределения в ручном режиме быть не может!

Статьи 10 и 11 Хартии выполняются автоматически, поскольку любые юридические лица имеют соответствующие права.

Статья 12 Хартии требует выполнения по крайней мере десяти из определенных в ней пунктов других статей. Предлагаемой конституционной модели соответствуют, зачастую даже без отдельного закрепления в Конституции (просто как следствие общих положений), следующие статьи и пункты, учитываемые в статье 12 Хартии: статья 2, статья 3 (оба пункта), статья 4 (пункты 1, 2, 4), статья 5, статья 7 (пункт 1), статья 8 (пункт 1), статья 10 (пункт 1) и статья 11. Уже набирается 11 учитываемых пунктов из 14.

В принципе даже пункт 1 статьи 9 Хартии не противоречит предлагаемой модели, ибо свобода распоряжаться своими ресурсами есть у любого лица, в том числе органов местного самоуправления. То есть 11–12 пунктов уже достаточно для того, чтобы обязательства в соответствии с Хартией были выполнены.

Подводя итог этой записке, отметим, что органам местного самоуправления может быть посвящена очень короткая статья Конституции, основные пункты которой будут следующие:

- Граждане имеют неотъемлемое право учреждать органы местного самоуправления и определять их полномочия на тех же основаниях, на которых они учреждают любые другие объединения.
- Органы местного самоуправления — это частный случай объединений граждан, соответственно, они не входят в систему государственной власти, не подчинены ей, но и не могут обладать законодательной властью или собирать налоги.
- Органы местного самоуправления имеют полную свободу действий в рамках данного им гражданами мандата, в том числе могут учреждать организации в сфере образования, здравоохранения, управления коммунальным хозяйством и т. д.
- Граждане сами определяют список органов местного самоуправления, их компетенцию, порядок формирования, размер оплаты их сотрудников и т. п.
- Законом определяется доля собираемых государством на данной территории налогов, которая передается в доход органов местного самоуправления, но эта доля должна быть единой для всех территорий.

10. ПОРЯДОК ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ И ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ²³

В предыдущих записках мы достаточно ясно и полно осветили все аспекты учреждения государства. Подобно учредительным документам корпорации, в них были изложены цели государства, определены его основные органы управления, их полномочия, порядок формирования и т. п. Осталась еще одна небольшая деталь, которая присутствует в любом учредительном документе, — порядок внесения изменений и дополнений в него. Подобная статья есть и в любой Конституции (так, в Конституции США это пятая статья). В отличие от корпоративных уставов, Конституция также должна содержать некоторые переходные положения, поскольку государство не

²³ Впервые опубликовано в УП: <https://www.pravda.com.ua/columns/2018/02/3/7170366/>.

учреждается «с нуля», а продолжает свое существование на новых условиях и должна существовать некоторая преемственность с предыдущими условиями. Вот этот аспект и отражается в переходных положениях.

Обычно порядок внесения изменений и дополнений в учредительные документы следует четкой логике — их может принять тот орган, который принял и сами первоначальные документы, например общее собрание акционеров. В случае государств это не всегда так — даже Конституция США, которой сложно отказать во внутренней логике, наделяет правом внесения изменений и дополнений законодательные органы (правда, требуется согласие органов федерации и штатов). Это как если бы устав корпорации изменялся решением совета директоров, а не общим собранием. Прямой аналогией в данном случае было бы принятие поправок через референдум. Здесь есть одно «но» — как референдум, так и общее собрание корпорации подвержены манипуляции и могут стать легкой добычей популистов. Поэтому в случае Конституции, на мой взгляд, должна существовать система предохранителей, которая минимизирует популизм и затрудняет внесение поправок, продиктованных не долгосрочными трендами (к которым, собственно, и следует адаптировать Конституцию), а сиюминутной политической выгодой.

Можно предложить следующую концепцию принятия изменений или дополнений в Конституцию:

1. Любой проект изменений или дополнений в Конституцию является законопроектом.
2. Предварительную экспертизу перед рассмотрением законопроекта осуществляет Верховный Суд после официального запроса законодателя. Смысл этого этапа — отсечение явно неправовых норм и предложение по формулированию остальных норм. Суд может отклонить проект либо согласовать его рассмотрение со своими комментариями.
3. Далее, законодательный орган рассматривает законопроект по своей обычной процедуре, но для его принятия требуется не простое, а квалифицированное большинство (например, 2/3 или 3/4).
4. Принятый законопроект направляется в Верховный Суд для окончательного согласования. Суд может или согласовать и тем самым разрешить референдум, или дать обоснованный отказ. Смысл данного этапа — исключить появление в тексте Конституции внутренних противоречий, несовместимых или двусмысленных норм.
5. Окончательные изменения или дополнения в Конституцию принимаются референдумом.

Конечно, не следует забывать о том, что источником власти является народ, народ учреждает государство и наделяет его полномочиями. Поэтому у народа также есть неотъемлемое право переучредить государство и принять новую редакцию его Конституции.

Говоря о переходных положениях, следует упомянуть, по крайней мере, следующие пункты:

1. Порядок утраты правовой силы актами (в частности, законами), которые не совместимы с новой редакцией Конституции.
2. Порядок формирования законодательного органа в том случае, если в обычном режиме будет выбираться часть состава. При этом, конечно, первый состав должен избираться полностью, но не все депутаты будут иметь одинаковый срок полномочий.

Пример: Первые выборы в новый состав законодательного органа состоятся в первое воскресенье декабря первого четного года после принятия новой Конституции (разумеется, при наличии достаточного времени для проведения предвыборной кампании их можно провести в тот же год, в котором будет принята новая Конституция). Предположим, одна из партий получит на первых выборах 75 депутатских мандатов. Тогда на следующих выборах, через два года после первых, будет переизбрана последняя треть списка этих депутатов (с 51-го по 75-е место), а через четыре года будет переизбрана вторая треть первоначального списка (с 25-го по 50-е место).

3. Порядок функционирования существующих органов исполнительной власти до назначения нового правительства и формирования им новой системы. Вероятно, следует сохранить до этого момента полномочия существующих органов.

Однако, следуя логике построения исполнительной власти в новой Конституции, все органы этой ветви власти должны быть переподчинены Кабинету Министров. Это должно произойти сразу же. А уже новый Кабинет Министров, назначенный после первых выборов законодательного органа по новой Конституции, примет решение о структуре исполнительной власти и полномочиях отдельных ее органов.

4. Порядок формирования судебной власти, т. е. замены существующих судов и их членов на такие суды, которые совместимы с новой редакцией Конституции, и назначение новых судей в соответствии с ее требованиями. В течение переходного периода, разумеется, должны функционировать старые суды.

В соответствии с этим подходом предлагается в течение шести месяцев сформировать временные Квалификационную и Дисциплинарную комиссии на основе принципов новой Конституции. Затем временная Квалификационная комиссия назначит временный состав Верховного Суда, который обретет полномочия через год после вступления в силу новой Конституции. Тем временем Квалификационная комиссия займется назначением судей во все

существующие (старые) суды, на что должно уйти порядка восемнадцати месяцев.

Первый состав законодательного органа, избранный по новой Конституции, должен будет в течение двух лет принять законы о Квалификационной и Дисциплинарной комиссиях судей, что позволит сформировать уже их постоянные составы. Постоянный состав Квалификационной комиссии сможет избрать постоянный состав Верховного Суда. Разумеется, в обоих случаях могут быть переизбраны те члены, которые себя хорошо проявили во временных составах.

Имея новые составы законодательного органа и Верховного Суда, можно в течение года принять закон о судоустройстве, на основании которого будут сформированы уже новые суды, члены которых будут затем назначены Квалификационной комиссией в течение восемнадцати месяцев. Таким образом, на формирование абсолютно новой судебной системы уйдет от четырех до шести лет.

5. Порядок функционирования существующей системы местного самоуправления, которая должна быть в будущем демонтирована и заменена на те органы, которые образуют граждане по своему усмотрению.

Специфика Украины заключается еще и в том, что принятие новой редакции Конституции может произойти в условиях, когда государство не имеет суверенитета над всей территорией страны. По духу как существующей, так и новой редакции Конституции все граждане имеют в совместной собственности ее территорию, морские воды и воздушное пространство, поэтому вопросы территориальной целостности могут решаться исключительно национальным референдумом. Исходя из этого, в переходных положениях имеет смысл явно указать запрет органам государственной власти принимать решения или вступать в любые переговоры, которые могут поставить под сомнение суверенитет Украины над любыми территориями, которые принадлежали ей по состоянию на момент провозглашения независимости.

11. ЧЕГО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ В КОНСТИТУЦИИ²⁴

Данной запиской начинается блок о том, чего не должно делать государство, чего не должно быть в Конституции и как эти вещи можно реализовать иначе.

²⁴ В сокращении опубликовано в УП: <https://www.pravda.com.ua/columns/2018/02/10/7171070/>.

Государственные интересы и государственная политика. В тексте Конституции Украины неоднократно встречается упоминание национальных интересов, интересов национальной безопасности и даже один раз интересов государства (статья 131-1). Как мы уже убедились ранее, нет ни национальных, ни государственных интересов. Государство — это обслуживающая организация, созданная и функционирующая в интересах граждан. Поэтому могут быть единственно лишь интересы граждан.

Национальные интересы — это эвфемизм, используемый для того, чтобы протащить эти вот «государственные» интересы в Конституцию и поставить их выше интересов граждан. Интересы граждан первичны, за ними следуют интересы общества, ибо личность выше коллектива. У органов государственной власти, как у любых юридических лиц, могут быть свои интересы, конечно же, но, во-первых, это не предмет Конституции, а во-вторых, никакого выделения государственных органов из числа иных юридических лиц быть не должно.

Термин «государственная политика» в Конституции не встречается, но часто встречается в законах, например, функции органов исполнительной власти формулируются в терминах ее разработки или реализации. Согласитесь, странно было бы, если бы мы нанимали в ОСББ электрика для разработки энергетической политики, а сантехника — для реализации политики водоснабжения. Так и все органы государственной власти созданы не для разработки и реализации государственной политики, а для обслуживания или защиты интересов граждан либо же для предоставления им определенных услуг. Это должно стать аксиомой в законотворчестве!

Декларативные статьи. Статья 1 Конституции Украины гласит: *«Україна є суверенна і незалежна, демократична, соціальна, правова держава»*. В Конституции США, к примеру, не сказано ни про демократический, ни про социальный, ни про правовой характер. А какое из государств — Украина или США — является более демократическим или правовым? Конечно же, США. Им не требуется подобное пустословие в Конституции. Государство становится демократическим не тогда, когда оно это декларирует, а когда в нем по факту существует разделение властей, работает система сдержек и противовесов, проводятся честные выборы, органы власти подотчетны гражданам и т. д. Государство становится правовым тогда, когда в нем соблюдается верховенство права, существует независимый суд. Правовой характер государства определяет не Конституция, а правоприменительная практика! Отсюда вывод — декларативные статьи из новой редакции Конституции следует исключить.

Статья 7: *«В Україні визнається і гарантується місцеве самоврядування»*. Хорошо же оно у нас признается — территориальные органы исполнительной власти (т. е. государства) подмяли под себя все функции, а органы местного самоуправления либо вообще не имеют исполнительных

органов либо имеют какие-то импотентные придатки. А какие ресурсы есть у местных советов? Разве у нас налажено распределение собираемых налогов между государством и местными общинами? А могут ли без ресурсов местные общины содержать муниципальные школы, муниципальные больницы и поликлиники, муниципальную полицию? Вот мы и приходим к тому, что и школы, и больницы, и театры, и музеи, и полиция, и пожарные у нас находятся в ведении государства.

Отдельно про социальное государство. Что такое «социальное государство»? Это эвфемизм выражения «забирай у богатых, раздавай бедным». Эти социалистические бредни, этот популизм чистой воды уже много лет отравляет жизнь нашего общества. В виде налогов социальное государство перераспределяет огромный процент ВВП. Грабят не только богатых, а и средний класс. Кто распределяет собранные налоги? Чиновники. А они в принципе не способны эффективно распределять ресурсы, так как работают вне конкурентной среды — государство обладает монополией на власть, следовательно, чиновникам не требуется заботиться о повышении своей эффективности. Зато распределение ресурсов через государственные каналы является фундаментом коррупции. У нас борьбу с коррупцией подменяют борьбой с коррупционерами, а ведь это борьба с симптомами, а не с причиной. Корень зла — коррупция, неэффективность, отсталость — кроется как раз в социальном государстве. Неужели опыт жизни в СССР, примеры современных сверхсоциальных государств — Кубы, КНДР — ничему нас не научили? А если научили, значит, нужно каленым железом выжигать социализм, вычищать само понятие социального государства и из Конституции, и из умов.

Декоративные статьи. Статья 20 Конституции Украины определяет флаг, герб, гимн Украины, а также ее столицу. А вот в Конституции США почему-то нет подобных статей. При этом экономика США в 199 раз выше по ВВП и в 7 раз — по ВВП на душу населения, даже по паритету покупательной способности (а без его учета — в 24 раза). Получается, что, для того чтобы хорошо жить, не нужно двумя третями от конституционного состава законодательного органа утверждать внешний вид большого государственного герба, слова гимна или записывать в Конституции фамилию автора его музыки. Гораздо полезнее, как показывает исторический опыт, в учредительном документе государства четко прописать его цели (в США к ним относятся *повышение благосостояния общества и обеспечение блага свободы*) и объем делегированных ему полномочий.

Государственный язык. Я полностью поддерживаю идею одного государственного языка — украинского. Вот только что кто понимает под термином «государственный язык»? Я понимаю его как язык документооборота в органах государственной власти. Действительно, нормативно-правовые акты и официальные документы, которые выдают эти органы,

должны быть на украинском языке. Я бы еще в обязательном порядке добавил перевод на английский, поскольку английский язык является общемировым и те, кто приезжает в Украину по делам бизнеса, науки, спорта, культуры и т. д., скорее всего, владеют как раз английским. Поэтому все документы должны быть переведены на английский и доступны на нем, по крайней мере, в Интернете. Подобный проект весьма удачно реализован в Эстонии²⁵ — наиболее успешной стране на постсоветском пространстве. А вот в остальные сферы использования языка государство вмешиваться не должно. Если государство будет определять, на каком языке людям говорить между собой в быту — это то же самое, как если оно станет решать, какую музыку им слушать, какие книги читать, какие фильмы смотреть. Или на каком языке писать программы — может, нам конституционно закрепить С государственным языком программирования, а Java — языком кроссплатформенного общения?

Правда, есть один нюанс. Если государственный язык — это язык государственного документооборота, должен ли он быть и языком общения в органах государственной власти? На мой взгляд, нет. Дело в том, что государство — это обслуживающая организация, которая создана и существует на деньги граждан. Именно граждане берут на работу публичных служащих и платят им деньги, а не наоборот, поэтому последние должны подстраиваться под граждан и в выборе языка общения.

В остальном языки должны подчиняться законам рынка, спросу и предложению. Есть спрос на образовательные услуги на украинском языке — он будет использоваться в обучении, нет спроса — не будет. Кстати, вот уж насколько французы щепетильны в вопросах языка, но единственный вуз мирового уровня во Франции — бизнес-школа INSEAD (№ 3 в рейтинге QS по бизнес-образованию²⁶, тогда как Ecole normale supérieure занимает лишь № 43 в рейтинге университетов QS²⁷) — ведет обучение на английском. Невозможно иметь вуз мирового уровня с обучением на французском, это будет уже тогда местный вуз. Потому что мировой язык — это английский, и это объективная реальность.

²⁵ См. <https://www.just.ee/en/news/bulk-estonian-legislation-available-english-year> (8.02.2018).

²⁶ См. <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2017/business-management-studies> (8.02.2018).

²⁷ См. <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018> (8.02.2018).

12. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ²⁸

В этой статье я хочу предложить альтернативный взгляд на некоторые из необходимых институтов, включая избирательное право.

Квазигосударственные институты. Под квазигосударственными я понимаю институты, которые не входят в систему государственной власти, не подконтрольны государству, но действуют в интересах всего общества и берут на себя часть функций, которые традиционно выполняет государство. Поэтому они могут учреждаться законом и финансироваться за счет государственного бюджета.

Прокуратура Украины. В статье 131-1 Конституции Украины не сказано, что прокуратура входит в систему государственной власти, но поскольку Генеральный прокурор назначается и увольняется органами государственной власти, то независимой от государства прокуратуры не существует.

Первая функция прокуратуры — публичное (общественное) обвинение, т. е. обвинение от лица общества. В случае совершения уголовного правонарушения обычно есть конкретные потерпевшие, они могут предъявлять частное обвинение. Но такие правонарушения представляют и общественную опасность — что делать, если потерпевшие не могут или не хотят предъявить обвинение? Для этого параллельно с частным и существует публичное обвинение.

Вторая функция прокуратуры — это расследование преступлений государства (в лице конкретных должностных лиц) против общества. Государственные следственные органы не могут объективно их расследовать из-за конфликта интересов — будучи частью органов государственной власти, они не могут быть полностью беспристрастны в случае, когда расследование касается их коллег, других публичных служащих.

Поэтому прокуратура хоть и действует в интересах всего общества, не может быть встроена в систему государственной власти. Предлагается ее реализация в виде квазигосударственного института. Модельный пример такой реализации приведен ниже.

Прокуратура учреждается законом, он же определяет формирование Совета прокуратуры — аналога совета директоров корпорации, — например, в составе 11 членов, из которых не менее половины должны быть независимы от государства — они не являются публичными служащими, не назначаются органами государственной власти, не получают от него основной части дохода. Совет прокуратуры нанимает орган управления (Генерального прокурора либо Коллегию), т. е. менеджмент, и определяет его компенсацию, а уже менеджмент определяет организационную структуру, набирает

²⁸ В сокращении опубликовано в УП: <https://www.pravda.com.ua/columns/2018/02/17/7171703/>.

персонал, устанавливает уровень оплаты труда. Эти наемные сотрудники являются публичными служащими, обязаны подчиняться Кодексу этики, получают финансирование из государственного бюджета. Совет прокуратуры может проводить аудит и принимать решение об увольнении членов органа управления.

Национальный банк Украины сейчас совмещает ряд разнородных функций — это и центральный банк, и клиринговый центр, и регулятор банковской сферы. Исходя из принципов данных записок, следует разделить два типа функций и два института — все, что касается регулирования (лицензирования, контроля и т. п.) кредитно-депозитных учреждений, относится к компетенции исполнительной власти и должно быть реализовано соответствующим органом этой ветви власти.

Остальные функции, напротив, должны быть отделены от органов государства. Возьмем, к примеру, функцию проведения монетарной политики. Гривны — это обязательства НБУ, по сути, беспроцентные облигации на предъявителя. С помощью open market operations НБУ выпускает или погашает свои обязательства, т. е. контролирует денежную массу. У государства есть свои облигации — ОВГЗ, но с помощью их оно не может увеличить денежную массу напрямую. Если бы такая возможность была, то Кабинет Министров мог бы проводить эмиссию в своих частных интересах, тем самым нарушая интересы общества в макроэкономической стабильности. Поэтому важен независимый центральный банк, который не подчинен государству, действует в интересах всего общества и выполняет функцию поддержания макроэкономической стабильности.

Организация НБУ может следовать модельному примеру: Совет НБУ, большинство членов которого независимы и неподконтрольны государству, назначает Правление (или иной орган управления); Правление нанимает сотрудников; Совет регулярно проводит аудит и принимает решения об увольнении членов Правления.

Избирательное право. Следующая тема, к которой я обещал вернуться в записке № 5, — это избирательное право. Сейчас у нас реализовано всеобщее равное прямое избирательное право. Его проблемой является конфликт интересов. Экономическая система страны состоит из тех, кто создает стоимость, и тех, кто ее перераспределяет. Первые — это бизнес, частный сектор. Вторые — это государство, публичный сектор. Интересы всего общества заключаются в максимизации суммарного объема ресурсов, но у тех, кто живет за счет перераспределения ресурсов, есть свой частный интерес — максимизировать не общую сумму, а перераспределяемую в их сторону часть. Более подробно эта тема раскрыта в статье Яновского, Жаворонкова и др.²⁹ Проблема усугубляется еще и тем, что те, кто перераспределяет, имеют монополию на осуществление властных полномо-

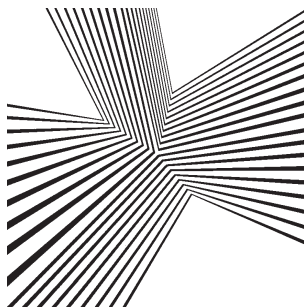
²⁹ См. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2745294 (11.02.2018).

чий. Либертарианская идея предлагает магистральный путь борьбы с этой проблемой — минимизация функций государства, а также минимизация объема перераспределяемых им ресурсов автоматически уменьшает конфликт интересов.

Есть и второй путь, который, по моему мнению, целесообразно использовать наряду с первым. Там, где мы не можем исключить конфликт интересов, следует уменьшить его влияние в ходе принятия решений. Дело в том, что правила перераспределения ресурсов — это законы, соответственно, выбор представителей в законодательный орган не должен осуществляться теми, кто зависит от результатов этого перераспределения, т. е. теми, кто получает доходы из средств государственного бюджета. Право голоса должны иметь только либо полностью независимые, либо хотя бы материально независимые от государства граждане. Критерий может быть следующим: право голоса имеют граждане, у которых доля доходов, полученных из средств государственного бюджета за последние 5 лет, прямо или опосредованно составляет менее 50 %.

ЛИБЕРТАРИАНСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Валентин ХОХЛОВ

Либертарианские партии в настоящее время играют достаточно скромную роль в мировой политической системе. Сами по себе либертарианские идеи достаточно широко распространены, их использовали такие популярные и известные политики, как Людвиг Эрхард, Маргарет Тетчер и Михаил Саакашвили, однако существующие партии, имеющие в названии слово «либертарианская», довольно молоды и не очень влиятельны. Из этих политических сил 32 входят в объединение Interlibertarians и 21 — в International Alliance of Libertarian Parties (IALP). Список данных партий приведен в таблице 1.

Таблица 1. Список политических сил, входящих в Interlibertarians или IALP

Страна	Партия	Interlibertarians	IALP
Аргентина	Partido Liberal Libertario	+	
Австралия	Liberal Democratic Party	+	+
Австралия	Liberty Australia	+	
Бельгия	Parti Libertarien		+
Канада	Libertarian Party of Canada	+	+
Канада	Ontario Libertarian Party	+	
Кипр	Liberal Democrats	+	
Колумбия	Libertario		+
Чехия	Strana svobodných občanů	+	+
Франция	Institut Coppet	+	
Франция	Parti Libertarien		+
Германия	Partei der Vernunft	+	+
Италия	Liberi comuni	+	
Италия	Movimento Libertario	+	+
Италия	Usemlab	+	
Италия	Ludwig von Mises Italia	+	
Италия	Tea Party Italia	+	
Италия	Catallaxy Institute	+	

Продолжение табл. 1

Страна	Партия	Interlibertarians	IALP
Кот-д'Ивуар	Liberté et Démocratie pour la République		+
Корея	Libertarian Party of Korea	+	
Нидерланды	Libertarische Partij	+	+
Норвегия	Liberalistene	+	+
Перу	Andes Libres	+	
Польша	Partia Wolność		+
Португалия	Partido Libertário		+
Россия	Либертарианская партия России	+	+
Сербия	Libek	+	
Сербия	Katalaksija magazine	+	
ЮАР	Libertarian Party of South Africa	+	+
Испания	P-LIB Partido de la Libertad Individual	+	
Испания	Partido Libertario		+
Швеция	Liberala Partiet		+
Швейцария	Unabhängigkeitspartei Up!		+
Швейцария	i liberisti	+	
Швейцария	Swiss Mises Institute	+	
Швейцария	Liberal Institute	+	
Великобритания	Libertarian Party UK	+	+
Великобритания	Scottish Libertarians		+
США	Libertarian Party US	+	+
Уругвай	Partido liberal libertario	+	
Венесуэла	Econintech	+	
Венесуэла	Movimiento libertario de Venezuela	+	

Источник: сайты объединений Interlibertarians и IALP (версии от 21.09.2018).

Из приведенных в таблице политических сил не все являются партиями, некоторые из них следует отнести к общественным или научным организациям. Либертарианские партии существуют в основных развитых странах мира, за исключением Японии. Из развивающихся стран, можно отметить сравнительно большое количество либертарианских сил в Латинской Америке и практически полное их отсутствие в Азии (от Ближнего Востока до Тихоокеанского региона). Вероятно, это связано с культурными

различиями — либертарианские политические силы появляются скорее там, где индивидуалистические ценности превалируют над коллективистическими.

Несмотря на то, что сложно сравнивать результаты либертарианских партий, возникших 20 лет назад, с результатами традиционных партий, история которых насчитывает 100 и более лет, некоторые из них все же смогли добиться ограниченного успеха на выборах. В Австралии Liberal Democratic Party получила 3,91 % голосов на выборах 2013 года и 2,16 % — на выборах 2016 года, проведя в Сенат одного своего представителя. В Польше партия Wolność получила 4,76 % голосов на выборах 2015 года, проведя одного депутата в Сейм и двух — в Европарламент. Успехи партии Strana svobodných občanů в Чехии скромнее — она получила 1,72 % в 2013 году, но лишь 1,56 % в 2017 году, не имеет своих представителей в парламенте Чешской республики, но, получив на выборах в Европарламент в 2014 году 3,97 % голосов, провела туда одного своего представителя. Наконец, в США Либертарианская партия заняла третье место на президентских выборах 2016 года (3,27 % голосов за Гэри Джонсона), на выборах в Палату представителей в том же году получила 1,28 %, а в Сенат — 1,85 %.

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ПАРТИЯ США

Либертарианская партия США (Libertarian Party, LP) была основана 11 декабря 1971 года и на сегодняшний день является третьей по значимости политической партией в США. На 2017 год в 32 юрисдикциях, в которых осуществляется учет зарегистрированных избирателей по партийным предпочтениям, ее выбрали 511 тыс. человек (0,46 % от общей численности)¹. При этом официальных членов партии на конец 2017 года было 139 тыс.², а результаты голосования в 2016-м свидетельствуют о том, что либертарианских кандидатов поддерживали 4,5 млн человек на выборах Президента, 1,7 млн человек на выборах в Палату представителей, 1,8 млн человек на выборах в Сенат. Результаты Либертарианской партии США на выборах Президента и членов обеих палат Конгресса показаны на рис. 1.

Смысл создания Либертарианской партии США состоял в том, чтобы заполнить электоральную нишу между социал-либеральной Демократической партией и более консервативной Республиканской партией. Либертарианцы же сочетают экономическую свободу и малое вмешательство государства в экономику, присущие республиканцам, с социальной свободой и открытостью, которую исповедуют скорее демократы. Исследование

¹ По данным <http://ballot-access.org/2017/07/27/new-registration-data-for-the-united-states/> (версия от 21.09.2018).

² По данным <http://hq.lp.org/pipermail/lnc-business/attachments/20180103/93c34956/attachment-0001.pdf> (версия от 21.09.2018).

Кирби и Боаза³ показывает, что около 14 % американцев в целом разделяют либертарианские взгляды.

Рис. 1. Результаты Либертарианской партии США на выборах

Источник: Wikipedia⁴.

Хотя Либертарианская партия США никогда не добивалась успехов на выборах в федеральные органы власти, ее представители периодически занимали посты в органах власти штатов. В 1978 году в легислатуру штата Аляска были избраны трое либертарианцев, в 1992 году четверо — в легислатуру штата Нью-Гемпшир, в 1998-м и 2002 году один — в легислатуру штата Вермонт. Помимо выборов, партия получала места в законодательных органах штатов и за счет перехода в нее представителей других партий. В 2016 году четверо республиканцев, а в 2017-м двое республиканцев и один демократ, заседавшие в легислатурах Невады, Небраски и Нью-Гемпшира, покинули ряды своих партий и присоединились к либертарианцам. Кандидатом на пост Президента США в 2016-м от Либертарианской партии был Гэри Джонсон, который в 1995–2003 годах занимал пост губернатора Нью-Мексико и был на тот момент членом Республиканской партии. Кандидатом на пост Вице-президента на тех же выборах был Билл Уэлд, который в 1991–1997 годах был губернатором Массачусетса и тоже представлял республиканцев.

³ <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa658.pdf> (версия от 21.09.2018).

⁴ https://en.wikipedia.org/wiki/Libertarian_Party_%28United_States_%29 (версия от 21.09.2018).

Основным документом, определяющим идеологию Либертарианской партии США, является ее платформа⁵. Платформа может изменяться не чаще, чем раз в два года. Она состоит из преамбулы, основных принципов и четырех небольших разделов. Преамбула содержит видение партии — построение мира свободы, в котором ни один человек не будет вынужден подчинять свои ценности коллективному благу. Партия видит в насилии и обмане основные препятствия к построению мира, в котором царит свобода и процветание.

Ключевые принципы платформы Либертарианской партии США следующие:

- Отрицание культа всемогущего государства и защита индивидуальных прав.
- Признание права каждого распоряжаться своей жизнью и проживать ее по своему усмотрению, кроме случаев, когда люди применяют насилие для ущемления прав других равным образом распоряжаться своей жизнью.
- Воспрещение государству нарушать индивидуальные права на жизнь, на свободу слова и действия, право собственности.
- Невмешательство государства в те сферы, где существуют добровольные и контрактные отношения: люди не должны жертвовать своими жизнями и собственностью ради блага других.
- Признание свободного рынка и свободы торговли единственно совместимыми с индивидуальными правами экономическими системами.

Первый раздел платформы называется «Индивидуальные свободы», его ключевая идея — каждый волен поступать так, как он или она хочет, неся полную ответственность за последствия своих действий. В частности, каждый имеет право самостоятельно распоряжаться своим телом и потреблять любые продукты, осознанно принимая на себя все риски для своего здоровья, финансового положения, безопасности и т. п. У каждого есть право самовыражения, что исключает любую цензуру или регулирование средств коммуникации. Каждый волен исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, если только это не ущемляет права других людей. У каждого есть право на приватность, на неприкосновенность своего жилища, собственности, коммуникаций, а также на защиту персональных данных, которыми владеют третьи лица.

В части прав на личные отношения Либертарианская партия США выступает за запрет дискриминации по сексуальной ориентации или полу в любых социальных взаимодействиях (брак, усыновление, воинская служба, иммиграция). Партия отрицает право государства давать разрешение на брак — в брак могут вступить любое количество взрослых людей, которые

⁵ <https://www.lp.org/platform/> (использована версия от 22.09.2018).

добровольно изъявили такое желание. Государство не должно вмешиваться в вопросы абортов и воспитания детей, за исключением случаев насилия или небрежения в их отношении.

В правоохранительной сфере Либертарианская партия США выступает за ограничение применения государством насилия лишь целями защиты прав людей на жизнь, свободу и собственность, а само государство не должно ущемлять эти права. Не должно быть преступлений без пострадавших, то есть азартные игры, добровольный прием наркотиков или добровольная сексуальная связь не могут быть преступными. Наказанием за преступление должно быть по возможности полное возмещение ущерба потерпевшим. Суд присяжных должен разбирать вопросы не только факта, но и применимого права. Смертная казнь является недопустимой. Самооборона, напротив, допустима, в том числе с применением оружия, — либертарианцы выступают против ограничения, регулирования, мониторинга владения, производства или торговли оружием.

Второй раздел платформы Либертарианской партии США посвящен экономической свободе. Его ключевая идея — свободный и конкурентный рынок является наилучшим средством распределения ресурсов. Недопустимо государственное перераспределение богатства, контроль или управление торговлей.

Либертарианцы видят в уважении права собственности фундамент процветающего общества, в котором каждый волен самостоятельно приобретать, продавать, извлекать прибыль и распоряжаться собственностью, а государство может вмешиваться лишь в тех случаях, когда люди злоупотребляют своей собственностью для ущемления прав других. Недопустимы конфискация, ограничение рентабельности, квотирование, регулирование цен, заработной платы, процента или ренты. Люди вольны вступать в контрактные отношения и сами определять все условия контрактов.

Что касается причинения вреда экологическим системам, тут не следует полагаться на государство в деле защиты экологии, оно показало свою неэффективность — собственники защищают свои права гораздо лучше. Защиту прав всех людей на ресурсы, такие как земля, вода, воздух, дикая природа, в случае необходимости следует осуществлять через суд, и те, кто нарушил эти права, должны в результате судебного разбирательства возместить причиненный ущерб. Государство также не должно субсидировать отдельные формы производства энергии, а также устанавливать тарифы или распределять произведенную энергию.

Либертарианцы выступают за то, что каждый волен сам распоряжаться плодами своего труда. Поэтому они против налога на доходы физических лиц или использования работодателей в качестве налоговых агентов. Либертарианская партия США поддерживает любые инициативы по сокращению налогов. В идеале налогов быть не должно, а все общественные нужды должны финансироваться за счет добровольных пожертвований. Партия также вы-

ступает против увеличения государственного долга и за сбалансированный бюджет. В случае бюджетного дефицита следует не увеличивать налоги или долг, а сокращать государственные расходы. Публичные (государственные) служащие не должны для поступления на службу вступать в профсоюз.

В сфере пенсионной системы либертарианцы выступают за переход от планов с фиксированными выплатами (ДВ-фондов) к планам с фиксированными взносами (ДС-фонды)⁶. В вопросах финансовых рынков партия поддерживает идею свободы и конкуренции при условии соблюдения честности последней. Не должно быть каких-либо льготных форм кредитования, в частности студенческих ссуд. Либертарианская партия США выступает против инфляционной монетарной политики. Государство не должно каким-либо образом спасать банки или корпорации от банкротства. Оно также не должно вступать в конкуренцию с частным бизнесом.

Либертарианская партия США является противником лицензирования со стороны государства, заменой ему должна стать сертификация со стороны профессиональных ассоциаций. Любая добровольная деятельность должна быть разрешена, в том числе и проституция. Государство не должно вмешиваться в вопросы трудовых отношений, это исключительно вопрос переговоров между работником и работодателем, с возможным вовлечением профсоюзов по взаимному согласию.

Образование и медицина должны функционировать в формате свободного рынка. Родители должны самостоятельно определять, какое образование предоставить своим детям. Люди вольны сами выбирать себе медицинскую страховку и определять все ее условия либо же отказываться от нее. Каждый должен сам думать об обеспечении своей жизни на пенсии, государство не должно предоставлять пенсию в формате социального обеспечения, пенсионная система должна быть полностью частной и добровольной. Социальное обеспечение бедных должно осуществляться не государством, а благотворительными фондами за счет добровольных пожертвований. Это позволит усилить институты гражданского общества.

Третий раздел платформы называется «Обеспечение безопасности», и речь в нем идет о том, что защита индивидуальных прав — это единственное предназначение государства. Национальная оборона должна быть направлена исключительно на защиту США от внешних угроз, США не должны быть «мировым полицейским». Либертарианцы, конечно же, против недобровольной воинской службы. Хотя партия не исключает использование разведывательных служб, безопасность не может стоять выше прав и свобод граждан. Деятельность спецслужб должна находиться под контролем общества, а использование режима секретности для ограничения такого контроля недопустимо, особенно для сокрытия преступлений государства. Недопустимы также пытки и жестокие наказания.

⁶ Подробнее о типах пенсионных фондов можно прочитать в статье автора <https://www.epravda.com.ua/columns/2018/04/24/636314/>.

В сфере международных отношений Либертарианская партия США декларирует желание жить в мире со всеми странами и отказ от внешних интервенций, включая военную и экономическую помощь. При этом партия признает право граждан других стран бороться с тиранией и защищать свои права, а также осуждает терроризм как со стороны правительств, так и со стороны религиозных и прочих организаций. Либертарианцы выступают за свободу движения людей, товаров и капиталов через границы и за снятие межгосударственных барьеров.

Либертарианская партия США стоит на позиции признания неотъемлемых прав людей, но из этого не следует, что такие права автоматически возлагают на других обязанность их обеспечивать. Государство не должно ставить барьеры или же давать преференции людям по принципу пола, богатства, этнического или национального происхождения, возраста, привычек, политических или сексуальных предпочтений. Члены частных организаций могут сами определять правила внутри них, а если кому-то такие правила не нравятся, то последние вольны бойкотировать или критиковать такие организации.

Либертарианская партия США признает за гражданами право в случае, если правительство начинает нарушать их права, изменить или упразднить такое правительство и учредить новую форму правления, которая может эффективно защитить их свободу. Наконец, в заключительном, четвертом, разделе платформы заявлено, что если партия не включила тот или иной вопрос в свою платформу, то это не означает автоматического согласия с проводимой правительством США политикой по этому вопросу.

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Либертарианская партия Великобритании была создана в 2008 году с целью занять ту нишу, которая, по мнению ее лидеров, оказалась незаполненной в политической системе королевства. Правящая партия — консерваторы — теряет популярность в свете ряда связанных с выборами скандалов, лейбористы имеют социалистические взгляды и вряд ли расширят свою электоральную базу, а либерал-демократы прочно связали себя с поддержкой Евросоюза. Либертарианская партия однозначно поддерживает выход из ЕС и свертыwanie ряда социальных проектов, сокращение налогового бремени и открытие границ. Однако успехов среди избирателей партия пока не получила — ее кандидаты на четырех выборах в Парламент не получили и 1 % голосов в своих округах.

Основной идеей, которая отличает Либертарианскую партию Великобритании от других политических сил страны, является идея принятия Конституции, а в качестве конституционного прототипа партия видит

Швейцарию⁷. В частности, она выступает за развитие институтов прямой демократии, создание Парламента Англии и превращение Соединенного королевства в полноценную федерацию (Англия единственная его часть, которая не имеет собственного законодательного органа). В качестве возможной альтернативы партия рассматривает разделение Англии на 7 королевств, которые существовали на ее территории до норманнского завоевания, и объединения этих частей, наряду с Ольстером, Шотландией и Уэльсом, в обновленное Соединенное королевство под эгидой одного монарха. Правительство Соединенного королевства будет отвечать за национальную оборону и внешнюю политику, а прочие вопросы отойдут к юрисдикции его субъектов.

Как и прочие либертарианские силы, Либертарианская партия Великобритании в своей платформе заявляет о приверженности сокращению функций государства и повышению ответственности его должностных лиц. Так, она предлагает считать некорректное поведение должностных лиц (видимо, имеется в виду злоупотребление своим положением) уголовным преступлением и узаконить компенсацию тем лицам, которые пострадали от действий государства. Партия предлагает также вернуть процедуру импичмента публичных служащих, включая министров, а также ввести процедуру отзыва депутатов Парламента.

Открытие границ подразумевает свободу передвижения людей, и в этом Либертарианская партия Великобритании солидарна с другими либертарианцами. Однако снятие барьеров не означает, что государство будет предоставлять иммигрантам тот объем социального обеспечения, на который могут претендовать граждане. Более того, политика открытых границ должна распространяться на тех, кто готов развивать экономику и разделяет ценности, присущие обществу Великобритании. Ее полная реализация возможна тогда, когда будет произведен демонтаж социального государства.

В правоохранительной сфере Либертарианская партия критикует нынешнюю практику избирательного применения закона к должностным лицам государства и выступает за введение обязательного страхования их ответственности (по аналогии со страхованием ответственности водителей). Партия также критикует чрезмерно раздутые законы, в которых сложно разобраться человеку, не являющемуся профессиональным юристом. Закон должен быть прост и понятен для всех. Полиция должна быть подотчетна местным общинам, включая избрание главы (главного констебля) ее членами. Суд присяжных должен быть распространен на все уголовные процессы. Наконец, как и все либертарианцы, Либертарианская партия Великобритании выступает категорически против смертной казни и пыток.

В социальной сфере партия заявляет о неприемлемости концепции социального государства, которое заботится о человеке «от колыбели до

⁷ Манифест партии <https://libertarianpartyuk.com/manifesto-2017/> (версия от 23.09.2018).

могилы». Свертывание социального государства должно уменьшить перераспределение ресурсов через государственный бюджет, благодаря чему станет возможным уменьшить налоговое бремя. В первую очередь предполагается свертывание национальной системы медицинского обеспечения (NHS), обязательства которой не подкреплены активами, и замена ее на полноценную страховую медицину. Последняя должна быть добровольной, то есть любой может отказаться от покупки страхового полиса. Только базовые услуги (скорая помощь) будут предоставляться безусловно, при этом партия предлагает передвигать их на местный уровень и привлекать молодых волонтеров, а взамен оплачивать им обучение в университетах. Подобно своим коллегам из США, либертарианцы Великобритании выступают за декриминализацию наркотиков.

В экономической сфере Либертарианская партия Великобритании поддерживает отмену налога на доходы физических лиц, на наследство и на прирост капитала, уменьшение налога на прибыль корпораций до 10 %, политику сбалансированного государственного бюджета и свободу передвижения товаров и капитала. В идеале партия видит прозрачную, честную и открытую экономику с низкими налогами и без государственного долга. Она поддерживает идею свободных конкурентных рынков с минимальным вмешательством государства, однако выступает против монополий и картельных сговоров. Партия также критикует идею поддержки государством отдельных банков, таких как RBS (Royal Bank of Scotland).

Во внешней политике Либертарианская партия решительно выступает за выход Великобритании из Евросоюза (Brexit) и поддерживает продолжение членства в НАТО. Предлагается сохранять наиболее тесные отношения со странами Британского содружества, проводящими неагрессивную политику. Партия выступает против финансовой помощи развивающимся странам.

ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ АВСТРАЛИИ

Либерально-демократическая партия Австралии (ЛДП) была основана в 2001 году и на сегодняшний день насчитывает порядка 7 тыс. членов. Она участвовала в четырех выборах, получив 0,13 % голосов избирателей в 2007 году, 1,81 % — в 2010 году, 3,91 % — в 2013 году и 2,16 % — в 2016 году⁸. ЛДП в итоге получила одно место в Сенате Австралии и одно в законодательном органе штата Западная Австралия. Следует при этом учитывать, что правящая Либеральная партия Австралии стоит на позициях классического либерализма, не слишком далеких от либертарианских, хотя в социальном

⁸ Данные [https://en.wikipedia.org/wiki/Liberal_Democratic_Party_\(Australia\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Liberal_Democratic_Party_(Australia)) (24.09.2018).

плане она более консервативна, а в экономике допускает определенную степень государственного вмешательства.

Программа ЛДП⁹ представляет собой классическую либертарианскую программу и во многом пересекается с уже рассмотренными выше платформами либертарианских партий США и Великобритании. В основе политической программы лежит конкурентный федерализм с минимальными функциями центра и максимальной передачей полномочий на места. ЛДП призывает отменить обязательность участия граждан в голосовании, выступает за право граждан инициировать референдум и отзывывать депутатов. Партия, конечно же, выступает за полную свободу слова, информации, коммуникации, свободу передвижения и собраний. Как и многие другие либертарианцы, ЛДП за свободу владения оружием.

Уникальной идеей ЛДП является *sunset clause* — ограничение срока действия законодательных актов 20 годами, хотя законодатель может продлевать закон на следующий такой же срок, если он не утратил свою актуальность. Если же законодательный орган хочет принять законопроект без ограничения срока действия, то это возможно лишь большинством в 75 % от числа депутатов. Смысл этого предложения заключается в том, чтобы предотвратить неконтролируемое разрастание корпуса законов и засорение его устаревшими и не актуальными более законами.

Национальная оборона — одна из немногих сфер, которые должны остаться в ведении центрального правительства. Воинская служба должна быть исключительно добровольной. ЛДП, в отличие от многих иных либертарианских партий, не исключает участия вооруженных сил в операциях за пределами Австралии в целях поддержания мира. Интересно, что ЛДП хочет разрешить австралийцам добровольно участвовать в военных действиях за рубежом, если на кону стоит свержение авторитарных режимов.

В правоохранительной сфере ЛДП предлагает основываться на принципах Пила. Партия отвергает идеи преступлений без пострадавших (наркотики, азартные игры, проституция, аборт, порнография и т. п.) и выступает за введение четких ограничений на действия полиции. Защита прав собственности — одна из главных задач государства, но следует защищать эти права и от самого государства. ЛДП допускает изъятие собственности для общественных нужд исключительно при условии выплаты рыночной компенсации. Если же государство наносит своими решениями ущерб рыночной стоимости имущества, оно должно заплатить компенсацию.

Экономическая программа ЛДП содержит все основные положения либертарианской идеологии: невмешательство государства в экономику, свободу честной конкуренции и торговли, рыночные механизмы регулирования, сбалансированный государственный бюджет. Под последним партия подразумевает не только финансирование расходов за счет доходов

⁹ Использованы материалы <https://www.ldp.org.au/> (24.09.2018).

(т. е. налогов), а не долга, но и сбалансированность активов и обязательств государства. ЛДП за немедленную приватизацию большей части государственных активов — телерадиокомпаний, почты, энергетики, транспорта. Государство должно прекратить регулировать такси, часы работы магазинов, трудовое законодательство, оборот алкоголя, лицензировать средства массовой информации и азартные игры. Энергетический рынок должен быть частным, а цены на энергию определяться спросом и предложением. ЛДП выступает за свободу торговли и движения капитала вплоть до односторонней либерализации. Монетарная политика должна быть нацелена на достижение нулевой инфляции (ЛДП отвергает кейнсианские идеи положительной инфляции). Государство не должно спасать крупные банки или гарантировать вклады. ЛДП допускает существование частных валют, в том числе электронных (биткойны и т. п.).

В отличие от рассмотренных выше партий, ЛДП не выступает за отмену налога на доходы физических лиц, но поддерживает плоскую шкалу (20 % с доходов свыше A\$40000 в год). Налог на прибыль корпораций также должен составлять 20 %. Партия выступает за отмену акцизов на табак, алкоголь, бензин, рентного налога на добычу полезных ископаемых, социального страхования, налога на транспортные средства и т. п. ЛДП отвергает законодательно определенный уровень минимальной заработной платы и трудовые гарантии. Трудовые отношения должны определяться договоренностью сторон, а участие профсоюзов может быть только добровольным. Защита интеллектуальной собственности должна быть ослаблена, сроки защиты патентов сокращены до 15 лет, отменена защита работ без установленного авторства.

В социальной сфере ЛДП категорически против государственной поддержки (равно как и любой дискриминации) каких-либо меньшинств. Партия выступает за свободу и равенство в правах всех меньшинств — этнических, культурных, сексуальных. Государство должно уйти из сферы брака, сделав его частным делом, свободным от регистрации государственными органами. Право на жизнь предполагает и право на добровольный уход из нее, так что ЛДП поддерживает эвтаназию и помощь в самоубийствах в очевидных случаях непреодолимых страданий. Система социального обеспечения должна быть реформирована в сторону ее сокращения, а в ее основе должны лежать индивидуальные накопительные счета, обеспечивающие пенсии, медицинское страхование и средства на период безработицы. Участие государства должно ограничиваться лишь помощью тем, кто не смог накопить на своем личном счету достаточных средств на покрытие таких нужд.

В области системы образования ЛДП выступает за уменьшение регулирования и приватизацию высшего образования, а также децентрализацию среднего образования. Хотя партия не отвергает полностью студенческие ссуды на коммерческих условиях, она против государственных субсидий

студентам. Научные учреждения должны функционировать на рыночных условиях без поддержки со стороны государства, хотя допускаются налоговые льготы для бизнеса, который финансирует научные исследования. Государственные университеты должны быть приватизированы.

В сфере здравоохранения ЛДП также предлагает передачу государственных больниц в ведение частных некоммерческих организаций, отмену государственной страховой программы и дерегулирование частного медицинского страхования. Допустимым вмешательством государства в здравоохранение является предотвращение распространения инфекционных заболеваний, радиационная безопасность, определение стандартов и ведение статистики. Партия выступает за ослабление контроля над оборотом лекарств, в частности, разрешение их продажи без рецепта, и добровольность проверки лекарственных средств государственными органами, хотя непроверенные лекарства должны иметь маркировку. Партия также выступает за легализацию марихуаны и любых иных наркотиков, менее вредных, чем алкоголь и табак.

ЛДП выступает за либерализацию миграционной политики, однако не заходит в этом вопросе так далеко, как основная часть либертарианцев. В частности, не идет речи о свободной миграции — партия лишь предлагает вместо ежегодных квот ввести аукцион на право получения бессрочного вида на жительство. Но со странами, которые разделяют базовые ценности в сфере права, демократии и рыночной экономики, могут быть заключены двусторонние соглашения о свободе миграции. При этом партия выступает за сокращение числа лиц с постоянным видом на жительство, которым будет предоставлено гражданство.

ЛИБЕРТАРИАНСКИЕ ПАРТИИ В КАНАДЕ

Либертарианская партия Канады существует с 1973 года, она участвовала в десяти выборах, но ни разу не добилась избрания своих представителей в Парламент Канады¹⁰. Число избирателей, голосовавших за ее кандидатов, составляло от 2 до 37 тыс. человек.

Основные положения платформы либертарианской партии Канады¹¹ касаются децентрализации и уменьшения функций правительства, преодоления барьеров на пути свободной торговли между провинциями и уменьшения налоговой нагрузки. Партия поддерживает свободное владение оружием, сокращение проверок при выдаче соответствующих разрешений, упрощение классификации и отмену ряда ограничений.

В экономической сфере Либертарианская партия Канады выступает за сбалансированный государственный бюджет и сокращение государственного

¹⁰ Данные https://en.wikipedia.org/wiki/Libertarian_Party_of_Canada (24.09.2018).

¹¹ Использованы материалы <https://www.libertarian.ca/platform> (24.09.2018).

долга, прекращение спасения банков за счет налогоплательщиков, уменьшение ставки налога на прибыль корпораций с 22 до 15 %, но прекращение субсидий для частного сектора. Для частных лиц предлагается ставка налога 15 % для доходов от C\$15 000 до C\$100 000 и 25 % свыше этого размера, а также отмену налога на прирост капитала, чтобы стимулировать сбережения. Партия выступает за дерегулирование телекоммуникационной сферы и приватизацию, в частности, почты.

Во внешней политике Либертарианская партия Канады декларирует приверженность идеалам свободной торговли, прекращение финансирования ООН и предоставления финансовой помощи странам третьего мира. Вообще она настроена крайне критично к забюрократизированным международным организациям. Партия выступает за военное вмешательство только в том случае, когда есть прямая угроза безопасности Канады, — в частности, поддерживает борьбу с исламским терроризмом. В сфере миграции Либертарианская партия Канады, в отличие от большинства других подобных политических сил, выступает за ужесточение правил, сокращение квот, выдвигает требование к иммигрантам принимать общепринятые в Канаде культурные ценности и ассимилироваться.

Либертарианская партия Онтарио — это политическая партия, которая существует в провинции Онтарио с 1975 года. На выборах в законодательный орган провинции она набирала от 2 до 43 тыс. голосов избирателей, но этого не хватало для получения хотя бы одного депутатского мандата. Наилучшие результаты (38 и 43 тыс. голосов) партия показала на двух последних выборах¹².

Поскольку Либертарианская партия Онтарио действует в рамках региональной политики, то ее программа¹³ сфокусирована на более мелких проблемах, нежели программы национальных политических сил. Тем не менее в ней звучат все те же темы:

- Уменьшение регулирования энергетики и строительства.
- Индивидуализация субсидий на образование и медицину.
- Расширение прав негосударственных школ.
- Сбалансированный бюджет провинции.
- Сокращение налогов и поэтапное уменьшение долга провинции.
- Запрет государственным чиновникам вторгаться в пределы частной собственности.
- Прекращение субсидирования частных лиц, корпораций, организаций и политических партий из бюджета провинции.
- Введение sunset clause со сроком действия законов 5 лет.

¹² Данные https://en.wikipedia.org/wiki/Ontario_Libertarian_Party (24.09.2018).

¹³ Программа партии: <http://www.libertarian.on.ca/2018/platform> (24.09.2018).

ЛИБЕРТАРИАНСКИЕ ПАРТИИ В ЧЕХИИ

Партия *Strana svobodných občanů* (SSO), название которой переводят как «Страна свободных граждан», стоит на либертарианских позициях. Хотя это довольно молодая политическая сила (она основана в 2008 году и насчитывает 747 членов), SSO участвовала в трех выборах в Палату депутатов Чешской республики и двух выборах в Европарламент и добилась определенных успехов. Поддержка партии на выборах в чешский парламент составила от 39 до 123 тыс. человек (от 0,74 до 2,46 % голосов), а на выборах в Европарламент — от 30 до 80 тыс. человек (от 1,27 до 5,42 % голосов)¹⁴. Именно последние выборы позволили ей провести одного своего представителя в Европарламент.

Политическая платформа SSO¹⁵ близка к платформам либертарианских партий — партия поддерживает ограничение функций государства, снижение налогов, свободу конкуренции и торговли, свертывание социального обеспечения. Подобно Либертарианской партии Великобритании, SSO весьма критично настроена по отношению к Евросоюзу, выступает категорически против усиления его функций (создания общих вооруженных сил, представительства ЕС в ООН и т. п.) и рекомендует выход Чехии из ЕС. При этом партия целиком поддерживает членство в НАТО, OECD, ВТО, в эффективности которых она не сомневается. SSO настаивает на кардинальном реформировании ООН и ОБСЕ, поскольку, по ее мнению, эти организации оказались неспособны решать стоящие перед ними задачи.

SSO поддерживает все классические неотъемлемые права — право на жизнь, свободу деятельности и собственности, передвижение, собрания, свободу слова и доступа к информации. Она выступает за запрет государству ограничивать эти права. В частности, требует отменить существующую в Чехии практику изъятия земельной собственности для общественных нужд. Государство должно договариваться о выкупе такой собственности на коммерческих условиях и не может использовать механизм принуждения.

Механизмы прямой демократии, на которых настаивает Либертарианская партия Великобритании, по мнению SSO, не должны подменять собой представительную демократию. Референдум не должен подменять законодательную деятельность. Но граждане должны иметь право созвать референдум для подтверждения или отмены принятого закона, и в последнем случае парламент должен быть досрочно распущен.

В экономической сфере SSO поддерживает свободный рынок, честную конкуренцию, отмену присущего ЕС регулирования, квотирования и субсидий. Политика Евросоюза по регулированию экономики приводит к неэффективному использованию ресурсов. Государство должно прекратить

¹⁴ По информации https://en.wikipedia.org/wiki/Party_of_Free_Citizens (25.09.2018).

¹⁵ Использован перевод <https://www.svobodni.cz/politicky-program/> (25.09.2018).

наращивать долг, а его бюджет должен быть сбалансированным (в большинстве случаев бездефицитным). Следует установить лимит на повышение налогов. Налог на доходы физических лиц должен быть отменен, а взамен установлен местный налог. SSO категорически требует отмены налогов на имущество, предлагает отменить налоги на покупку недвижимости, дорожный, газовый и энергетический налоги, снизить ставку НДС до 14 %. В части монетарной политики партия за запрет Центральному банку регулировать ставку процента, финансировать банки путем репо-сделок и за нулевую инфляцию. SSO также выступает за свободу обращения любых валют на территории страны.

В социальной сфере партия предлагает свертывание социального обеспечения, хотя и не полную его отмену. Люди должны в первую очередь сами заботиться о себе, своем здоровье и пенсионном обеспечении. Партия предлагает отменить аналог наших больничных листов, перейдя полностью к медицинскому страхованию, а также пересмотреть пенсии по инвалидности, которыми часто злоупотребляют. Что касается пенсий по старости, то SSO выступает за постепенный переход в обязательной части на систему фиксированного взноса в обмен на фиксированный размер пенсии, а основную часть пенсии в будущем формировать из индивидуальных накоплений, причем отмена налога на доходы физических лиц должна способствовать возможности совершать такие накопления.

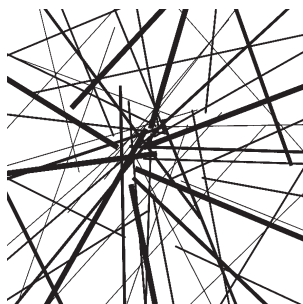
SSO выступает за ослабление регулирования трудовых отношений и выход Чехии из Всемирной организации труда, которая продвигает чрезмерно забюрократизированный подход к его регулированию. Партия предлагает разрешить заключать трудовые контракты, которые не удовлетворяют требованиям Трудового кодекса, в том числе по минимальной оплате труда, а также упразднить государственную службу занятости.

Медицинское страхование должно разделяться на обязательное и добровольное, причем первое покрывает только скорую помощь и спасение жизни, а страховая премия является фиксированной для любого человека. Основой системы здравоохранения должна стать индивидуальная добровольная страховка, которая не регулируется государством. Медицинские учреждения должны конкурировать между собой, сами проводить ценообразование и отвечать за качество своих услуг.

Аналогично следует реформировать систему образования. Начальное и среднее образование партия рассматривает как базовое общественное благо, которое финансируется из государственного бюджета, но она отвергает идею централизованного управления школьными учреждениями. Определение учебной программы, решение вопросов дисциплины, размеров класса, расписания и школьной формы предлагается отдать на усмотрение родителей и учителей. Высшее образование должно стать абсолютно свободным от государственного вмешательства и если не полностью частным, то по меньшей мере самоокупаемым.

МОЖНО ЛИ ПОЧИНИТЬ ТО,
ЧТО НЕ ЛОМАЛОСЬ?
ВЗГЛЯД НА ЛИБЕРТАРИАНСКУЮ
ПРОГРАММУ

Владимир ЗОЛОТОРЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Целью данной работы является не изложение позиций либертарианской идеологии, а предложение неких мер, которые можно реализовать на практике для того, чтобы украинцы оказались в более благоприятных условиях. Однако мой опыт общения с людьми по поводу либертарианства говорит о том, что непонимание данной идеологии объясняется преимущественно незнанием некоторых базовых вопросов. Поэтому я прежде всего остановлюсь на том, как эти вопросы рассматриваются в либертарианской философии, и только после этого перейду собственно к практическим выводам, которые из этого следуют. Уверен, что многое, о чем я буду говорить, покажется новым и непривычным даже тем, кто представляет себе, что такое либертарианство. Это неудивительно, так как знания о либертарианстве, как правило, располагаются в плоскости политического дикурса, а мой анализ как раз показывает неприменимость этого дискурса для понимания реальных процессов. По сути, это первая попытка взглянуть на государство с точки зрения австрийской экономической школы. Либертарианцы, говоря о государстве, обычно используют подход Ротбарда, но его анализ прежде всего был этическим и правовым. С моей точки зрения, именно экономический анализ приводит к адекватному пониманию природы государства и того, как с этой природой можно бороться.

Конечно же, я не берусь научить чему-то читателя или восполнить недостаток знаний, эту задачу человек может решить только самостоятельно. Моя задача представить некую целостную картину, из которой будут следовать мои выводы. Понятно, что эта картина не будет полной, ее можно дополнять и совершенствовать бесконечно, но основную ее композицию я постараюсь изложить в данной работе. Разумеется, поскольку объем данной книги ограничен, многие вопросы останутся не рассмотренными, за что прошу меня простить.

1. НОМО LUPUS И ПРАКСИОЛОГИЯ

Думаю, не ошибусь, если скажу, что люди, как правило, понимают политический процесс следующим образом.

Существуют некие политические силы, которые борются между собой за контроль над государством. Победив на выборах (или организовав успешную революцию), та или иная сила с помощью государства начинает реализовывать свой интерес (программу). Большинство претензий, которые высказывают люди в ходе политического процесса, сводятся к двум тезисам. Первый — политические силы не такие, как хотелось бы («олигархи», «отсутствуют идеологические партии», «нет представителей тех или иных интересов»). Второй — нужно что-то исправить, подкорректировать в самом государстве, которое почему-то дает сбой и работает не так, как хотелось бы. Но, в любом случае, субъектами являются политические силы, какими бы хорошими или плохими они не были, а объектом — государство, бездушный инструмент, который может использоваться как угодно, в зависимости от представлений того, кто им в настоящий момент правит.

Либертарианцы в этом понимании лишь одна из идеологических групп, наряду с социалистами, консерваторами, либералами и пр., которые тоже борются за власть, ставя перед собой цель получить контроль над нейтральным государством-инструментом, чтобы реализовать свою программу.

В этой небольшой работе я хочу показать, что государство никогда не было и не может быть нейтральным. Оно создано для реализации определенного интереса и всю свою историю реализует этот интерес. Мало того, деятельность государства не только не приносит ничего полезного, но прямо противоречит интересам многих, а в долгосрочной перспективе практически всех людей. Последовательно либертарианская программа должна опираться на понимание не-нейтральности государства и ставить своей целью избавление общества от него. Это отличает либертарианство от других политических идеологий, по сути, либертарианство является антиполитической доктриной.

Такое понимание государства диктует совсем другие практические меры, о которых мы поговорим в конце. В частности, совершенно абсурдна идея «прийти к власти и отменить государство», точно так же как недостижимой политическими методами является идея максимального сокращения государства.

Однако для начала нам необходимо выяснить, что же именно скрывается за словом «государство» и чем это явление отличается от другого, которое называют словом «общество». Есть две точки зрения на этот вопрос. Наиболее распространенной является позиция, согласно которой государство «завелось само», оно представляет собой организационную структуру общества. Согласно второй точке зрения (Олсон и др.), государство было

навязано силой, но оказалось полезным. Первая позиция уходит корнями к Локку, вторая — к Гоббсу. Большую часть этой книги мы посвятим обсуждению первой точки зрения, так как из ее критики вытекает и критика второй.

Попробуем понять, как устроены и как формируются общественные отношения, и найти в этих отношениях государство. Если нам удастся это сделать, то мы вынуждены будем признать, что оно «заводится само»¹.

Начнем с Человека Ужасного, или *Homo Lupus*, который делает то, что хочет, и никакое государство его не ограничивает. Это кошмар украинского обывателя, это то, что он имеет в виду, когда говорит: «Нашим людям только дай». В массовом представлении (которое, к счастью, не разделяет наука) своеволие человека ограничивает только государство. Попробуем выяснить, как возникают, что означают и зачем существуют реальные ограничения человеческого поведения, а в следующей главе мы рассмотрим, может ли существовать в природе *Homo Lupus*, который присваивает все, что видит, и вообще ведет себя, как хочет.

Очевидно, что волю *Homo Lupus* ограничивают простые обстоятельства физического мира, т. е. его неограниченные желания наталкиваются на то, что летом жарко, зимой холодно, периодически нужно что-то пить и есть, в воде можно утонуть, со скалы можно упасть, тебя может съесть тигр или другой ужасающий человек. Однако существуют и более серьезные и значимые ограничения. Они обусловлены тем очевидным фактом, что человек действует. Из этого логически вытекает то, что человек постоянно находится в состоянии выбора целей и средств, при этом он должен согласовывать свои действия не только с поведением других людей, но и со своим собственным. Этих универсальных закономерностей человеческой деятельности достаточно для того, чтобы объяснить, как «общество в целом» создает богатство, то, что мейнстримная экономика считает тайной за семью печатями, разгадке которой посвящено огромное количество книг.

1.1. Немного о прaksiологии

Закономерности человеческой деятельности были сформулированы Людвигом фон Мизесом и обозначены как «праксиология», т. е. наука о деятельности как таковой. Под деятельностью понимается любое осознанное поведение. Праксиологию можно рассматривать как завершение маргиналистской революции, которая разрешила «парадокс ценности».

¹ Здесь мы видим первое противоречие в программе классического либерализма (минархизма). Если государство «заводится само», оно является органичной частью общественного механизма и его размер и функции тоже «заводятся сами», т. е. представляют собой результат естественного процесса развития общества и меняются в ходе этого процесса. Следовательно, минархистская программа сокращения государства просто бессмысленна. Если же считать государство искусственным, т. е. продуктом осознанного замысла, значит, от него можно попросту избавиться.

Однако прaksiология выходит за рамки экономики, если под последней понимать науку об обмене (каталлактику) и в целом науку о хозяйственной деятельности. Экономическая теория должна строиться на основании прaksiологии, но сама прaksiология описывает логические закономерности любой деятельности.

Основная аксиома прaksiологии — человек действует². Действуя, человек преследует *цели*. Причиной действия является устранение беспокойства³. Деятельность направлена на достижение цели — *потребительского блага*. То, что человек использует для достижения цели, называется *средством*. Интенсивность стремления к цели называется *ценностью*. Человек постоянно находится в состоянии выбора целей и средств, в своем выборе он руководствуется ценностью, которую придает в данный момент в данных обстоятельствах тем или иным целям и средствам. Средства всегда *редки*, иначе они просто не учитываются в расчетах. Цели и средства не «даны», они являются плодом предпринимательской деятельности, т. е. результатом понимания того, что именно в данных обстоятельствах может служить средством, а что — целью. «Когда действующий субъект решает, что обнаружил цели, которых стоит добиваться, он вырабатывает идею о доступных для него средствах» [1].

Деятельность (процесс достижения цели) всегда состоит из *этапов*, которые человек определяют субъективно, исходя из оценки целей и средств. В большинстве случаев эти этапы не осознаются, однако их всегда можно выделить аналитически. Этапы образуют *план*, т. е. некое описание того, как именно человек будет достигать своей цели. Как правило, планы существуют в неявном виде и постоянно подвергаются корректировке в свете получаемой индивидом информации о целях и средствах.

Цель, к которой стремится индивид, можно назвать *потребительским благом*, или *благом первого порядка*. Промежуточные цели, которые индивид достигает по пути к конечной цели, называются *промежуточными благами*, благами порядков, нумерация которых расположена от конечного потребления. Иными словами, если для достижения конечной цели нужно достичь четырех промежуточных целей, то благом пятого порядка будет цель, максимально удаленная от конечного потребления, т. е. от блага первого порядка. Такое порядковое расположение, среди прочего, иллюстрирует

² Аксиоматический характер этого утверждения следует хотя бы из того факта, что попытка опровергнуть его приводит к перформативному противоречию. Человек, говорящий «я не действую», противоречит сам себе, поскольку он совершает действие.

³ Фраза «устранение беспокойства» звучит довольно странно, но тем не менее описывает суть более точно, чем, например, «переход в лучшее состояние», поскольку любая «лучшесть» открывает дорогу для мнения посторонних по ее поводу, «беспокойство» выглядит чем-то субъективным, чем-то таким, что касается только вас, именно это и имеется в виду в прaksiологии.

тот трудно понимаемый факт, что само наличие промежуточных этапов и их количество диктуется именно наличием цели в виде потребительского блага. Мизес приводит пример [2] дорогого вина, которое производится из дорогого винограда. Согласно мнению обывателя, вино дорого потому, что дорог виноград, хотя зависимость тут прямо противоположная — виноград выращивают только потому, что существует спрос на вино, которое можно из него произвести. Привычное нам представление о производстве, в котором предметы создаются последовательно — от добычи сырья до сборочного конвейера и полки магазина, верно только в технологическом смысле. В рамках экономического анализа, который и позволяет понимать, как работает «система в целом», именно ценность потребительского блага — реального или замышляемого — и определяет количество стадий более высоких порядков. Как мы увидим далее, производственные цепочки изменяются начиная от стадии потребления. Учение о благах разных порядков, созданное Карлом Менгером [3], поможет нам, когда мы перейдем от описания закономерностей деятельности индивида к описанию создания благ в «экономике в целом».

Человеческая деятельность совершается во *времени*. При этом имеется в виду не физическое, а субъективное время. «Будущее никогда не предопределено, действующий субъект представляет, создает и строит его шаг за шагом. <...> Единственная его часть, находящаяся в распоряжении действующего субъекта, состоит из отдельных идей, мысленных образов и представлений. Последние он надеется реализовать путем выполнения стадий, которые, как он представляет, составят его личный процесс деятельности. Будущее открыто для любой творческой потенции человека <...> Следовательно, в экономической теории время неотделимо от человеческой деятельности. Невозможно представить деятельность, которая протекает вне времени, не занимает времени. Более того, субъект воспринимает ход времени в процессе деятельности, по мере того, как проходит через различные этапы. <...> Поэтому действующего субъекта от достижения его цели отделяет временной период, соответствующий прохождению ряда последовательных этапов, составляющих процесс деятельности» [1].

Следующей важной идеей является логическое понятие *временного предпочтения*. Оно устанавливает, что при прочих равных условиях индивид стремится достичь своей цели как можно скорее. Если вы выбираете между двумя целями, имеющими одинаковую ценность, то выбор будет сделан в пользу той, которую вы можете достичь раньше. Это обстоятельство отражено в законе временного предпочтения — настоящие блага всегда предпочтительнее будущих благ. Поскольку, как мы установили выше, от достижения цели индивида отделяет ряд стадий, или этапов, которые ему нужно пройти до ее достижения, временное предпочтение — понятие не психологическое или физиологическое, оно «вытекает из присущей разуму

всех людей логической структуры деятельности»⁴ [1]. Реальность, которую описывает закон временного предпочтения, можно отразить двумя способами. Первый — человек при наличии равных целей всегда выбирает ту, которая ближе по времени. Второй — если человек стремится достичь цели, требующей много времени, значит, он придает ей более высокую ценность⁵.

Промежуточные стадии, которые должен пройти индивид в процессе деятельности, называются *капитальными благами*, т. е. это все блага более высоких порядков или «факторы производства, которые субъективно материализуются на каждом этапе конкретного процесса деятельности. Капитальные блага образуются в слиянии трех важнейших элементов: природных ресурсов, труда и времени, которые соединяются в предпринимательской деятельности, задуманной и осуществляемой людьми» [1].

Для того чтобы произвести капитальные блага, необходимы сбережения — т. е. отказ от немедленного потребления. Субъект может достигать последовательных стадий только в том случае, «если сначала он пожертвовал возможностью предпринять действия, которые принесли бы непосредственный результат» [1].

Эта концепция иллюстрируется примером (мысленным экспериментом) с Робинзоном Крузо на необитаемом острове. Представим себе, что Робинзон попал на остров. Он обнаружил съедобные плоды и начинает сбивать их с деревьев. Это занимает у него целый день. Через некоторое время он обнаруживает, что с помощью палки мог бы сбивать больше плодов и освободить время для удовлетворения других нужд, например постройки хижины. Для поиска и изготовления подходящей палки ему нужно, например, два дня. Однако в это время он не сможет собирать плоды, следовательно, ему необходимо сделать сбережения — сократить потребление плодов на некоторое время для того, чтобы сделать запас, который он будет потреблять в то время, пока будет делать палку. Производство палки позволяет Робинзону достичь более ценного результата — увеличить количество собираемых плодов и освободить время для другой деятельности. Структура производства плодов теперь удлинилась (стала более капиталоемкой), она

⁴ «Мир без временного предпочтения немыслим и абсурден, это означало бы, что люди будут предпочитать будущее настоящему, и цели, одна за другой, будут откладываться непосредственно перед самым их достижением и потому никогда не будут достигнуты, а человеческая деятельность лишится смысла» [1].

⁵ Иногда компьютерные стратегии отражают реальные закономерности. Например, в большинстве известных мне стратегий торговля на более длинные расстояния приносит больше прибыли. Закономерность, которая тут отражается, состоит не в зависимости между расстоянием и прибылью, которой не существует, а в том, что именно более высокая ожидаемая прибыль побуждает прокладывать более удаленные торговые пути.

включает в себя палку, производство которой потребовало сокращения потребления, создания сбережений⁶ и заняло два дня.

1.2. Как «общество в целом» создает богатство

Теперь мы можем сделать следующий важный шаг — перенести наше представление о стадиях производства из области индивидуальной деятельности на «экономику в целом». Мы увидим, что производство любого товара представляет собой последовательность стадий⁷, на каждой из которых действуют предприятия, которые, как правило, не имеют ни малейшего представления о том, что являются частью какой-то сложной структуры, а просто продают продукцию и покупают все необходимое для ее производства. В стадии их объединяет логика человеческой деятельности, которая тем не менее имеет решающее значение для правильного анализа функционирования «системы в целом». Наиболее удаленными от конечного потребления (стадиями производства благ высоких порядков) являются добывающие предприятия, конструкторские бюро и т. п., на стадии потребления находятся магазины, дистрибьюторы, реклама и пр. Стадия потребления — главный источник сигналов для всей прочей цепочки, которая строится «от» нее.

Тот факт, что люди имеют разное временное предпочтение, т. е. по-разному оценивают ценность будущих благ относительно настоящих, делает возможным обмен на рынке между людьми с высоким и низким временным предпочтением. «Люди с высоким временным предпочтением, желая отказаться от настоящих благ в обмен на будущие, оцененные лишь ненамного выше, предпримут обмены, в ходе которых передадут имеющиеся у них настоящие блага людям с более высоким временным предпочтением, т. е. тем, кто ценит настоящее выше, чем они сами» [1]. Таким образом, рыночный процесс устанавливает цену настоящих благ относительно будущих благ, которая называется «ставка процента». Если говорить о денежном обмене, то ставка процента — это количество денежных единиц, которые нужно вернуть в будущем, для того чтобы немедленно получить определенное

⁶ «Сбережение всегда сопровождается появлением капитальных благ, даже если вначале они состоят из потребительских товаров (в нашем примере это были плоды), которые остаются непроданными (или непотребленными). Затем некоторые капитальные блага (плоды) постепенно замещаются другими (палкой), по мере того, как рабочие (Робинзон Крузо) соединяют свой труд с природными ресурсами посредством процесса, который занимает время и который люди могут пережить, опираясь на непроданные потребительские товары (сбереженные плоды). Следовательно, сбережения сначала производят одни капитальные блага, которые постепенно расходуются и заменяются другими капитальными благами (палкой)» [1].

⁷ Марк Скоузен в своей книге «Производственная структура» воспроизводит упрощенную схему стадий производственного процесса в текстильной и нефтяной промышленности США.

количество денежных единиц. Однако важно понимать, что, несмотря на свое название и традиционное измерение в процентах от некоей денежной суммы, ставка процента не денежный, а праксиологический феномен. Она присуща самой логике человеческой деятельности как таковой. Более того, хотя ссудный рынок является тем местом, где ставка процента наиболее заметна, так как фигурирует непосредственно в сделках, в ее формировании он вторичен⁸.

На рынке продавцами настоящих благ являются те, кто делает сбережения, т. е. склонен отказаться от текущего потребления ради будущих благ большей ценности. Покупателями настоящих благ выступают те, кто немедленно потребляет товары и услуги. Важно помнить о том, что «рынок, настоящих и будущих благ, на котором определяется ставка процента, состоит из всей структуры производственных стадий общества, где держатели сбережений, или капиталисты⁹, отказываются от немедленного потребления и предлагают настоящие блага собственникам первичных факторов производства (рабочим и владельцам природных ресурсов) и собственникам капитальных благ в обмен на полную собственность на потребительские или капитальные блага предположительно более высокой ценности, когда они будут произведены в будущем» [1].

Ставка процента — один из главных механизмов, который осуществляет межвременную координацию в обществе, т. е. согласует настоящее поведение с поведением будущим. Рост сбережений означает рост предложения потребительских благ и, соответственно, падения их относительной цены по отношению к будущим благам. Это влечет за собой уменьшение ставки процента, которое указывает предпринимателям на то, что они могут попытаться удлинить стадии производства, чтобы сделать их более производительными. Рост ставки процента является свидетельством сокращения предложения настоящих благ и сигналом о том, что следует воздержаться от удлинения цепочек.

Отобразим эти закономерности графически. Хочу сразу предупредить, что при этом невозможно передать всю сложность производственных структур современной экономики. Мы сможем отобразить лишь некоторые фундаментальные закономерности, которые определяют существование на-

⁸ С момента появления центральных банков государства начали активно влиять на ссудный процент. Поэтому различают естественную ставку процента, т. е. такую, какой она формируется в ходе реального обмена настоящих благ на будущие блага. Ссудный процент современных банков ни в коей мере не отражает реальной ставки. Однако естественная ставка влияет даже на банковские ставки по кредитам, ее влияние отражается, например, в предпринимательских требованиях к заемщику. Ставки процента на черном рынке займов ближе к естественной с поправкой на премию за риск.

⁹ Термин «капиталист» означает роль в экономическом процессе. «Капиталистами», например, являются работники кооперативного предприятия или студент, накопивший деньги на обучение.

шего общества. Цифры на рисунках отображают изменения соотношений и сами по себе не несут какой-либо полезной информации.

Стадии производственной структуры (рис. 1) показывают ценность капитальных и потребительских благ в денежных единицах. Первая стадия включает блага первого порядка, или потребительские блага, которые обмениваются на 100 денежных единиц и следующие по степени удаленности от конечного потребления стадии более высоких порядков. Допустим, наша структура состоит из пяти стадий и время производства блага на каждой стадии равно одному году (такой период, одинаковый для всех стадий, выбирается просто для удобства). Производственный процесс будет продолжаться в целом 5 лет, начиная с пятой и заканчивая первой стадией потребительских благ. Стрелками обозначены потоки денежных средств, которые на каждой стадии доходят до владельцев первичных факторов производства — рабочей силы и природных ресурсов в форме заработной платы или ренты и до собственников капитальных благ (капиталистов) в виде процента и бухгалтерской прибыли.

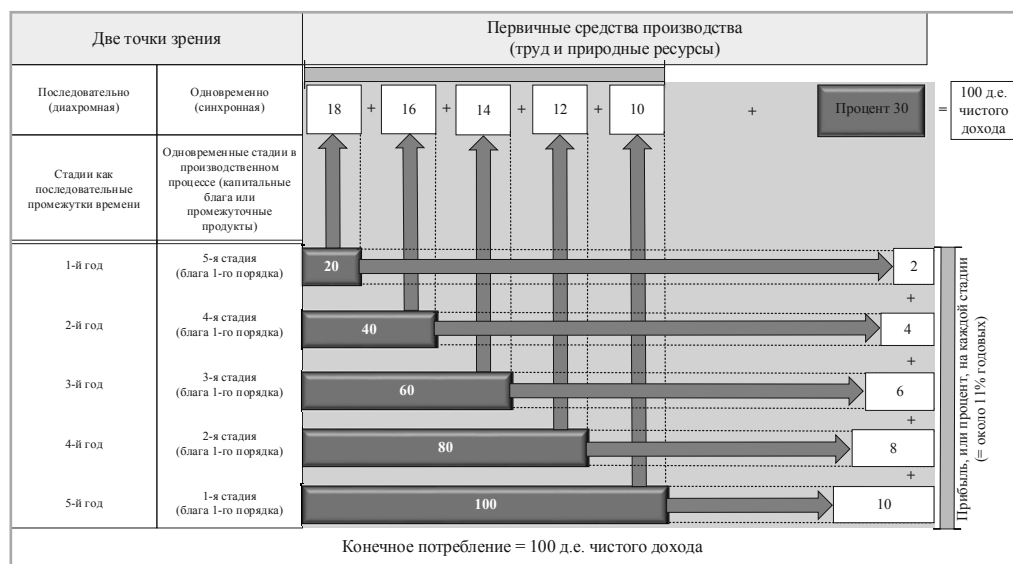

Рис. 1. Стадии производственной структуры

Источник: Х. Уэрта де Сото. Деньги, банковский кредит и экономические циклы

Потребители потратили 100 д.е. на потребительское благо, эти средства стали собственностью капиталистов, владеющих производством потребительских благ. Годом ранее (и это, пожалуй, самый труднопонимаемый момент) эти капиталисты ссудили 80 д.е. капиталистам второй стадии, а также заплатили 10 д.е. владельцам первичных факторов производства. Теперь

самое важное для понимания всей этой схемы: «Поскольку капиталисты на стадии производства потребительских благ ссудили 80 д.е. владельцам капитальных благ второй стадии и 10 д.е. рабочим и владельцам природных ресурсов (всего 90 д.е.), то к концу срока в один год, когда эти капиталисты продадут потребительских благ на сумму 100 д.е., они получают бухгалтерскую прибыль, или процент, полученную от сделанного годом ранее авансирования 90 д.е. своих сбережений. Разница между суммой аванса в размере 90 д.е. и суммой, полученной ими по прошествии года, т. е. 100 д.е., равна ставке процента приблизительно 11 % в год ($10 : 90 = 0,11$)». Эта сумма появляется в виде бухгалтерской прибыли (показана в квадрате в правой нижней части рис. 1).

Эта логика применима ко всей цепочке. Капиталисты третьей стадии авансировали в начале периода 40 д.е. капиталистам четвертой стадии и 14 д.е. владельцам первичных факторов производства. В обмен на авансированные 54 д.е. капиталисты третьей стадии становятся собственниками продукта, который, когда он будет готов, они продадут капиталистам второй стадии за 60 д.е., получив 6 д.е. бухгалтерской прибыли, что тоже составит около 11 %.

Суммы, которые капиталисты каждой стадии авансируют владельцам первичных факторов производства¹⁰, показаны в верхней части диаграммы. В сумме они составляют $18 + 16 + 14 + 12 + 10 = 70$ д.е. В колонке с правой стороны показаны бухгалтерские прибыли капиталистов на каждой стадии, они отражают разницу между суммой, авансированной капиталистами, и суммой, полученной за продажу своего продукта на следующей стадии. Сумма бухгалтерских сальдо составляет $10 + 8 + 6 + 4 + 2 = 30$, которые, будучи добавленными к 70 д.е., полученным владельцами первичных факторов, дадут 100 д.е. чистого дохода, что совпадает с суммой, потраченной за этот период на конечные потребительские блага.

Теперь рассмотрим, что произойдет, если в обществе изменится временное предпочтение и вырастут сбережения. Представим, что в нашем примере экономические агенты вдруг решили сберегать 25 % чистого дохода (который, напомним, равен 100 д.е.). Это означает, что они отказываются от 25 % своего потребления и предлагают непотребленные блага тем, кто предъявляет на них спрос. Этот рост сбережений будет иметь тройкий эффект.

Во-первых, возникает диспаритет прибыли на разных стадиях производственной структуры. Как видно из рис. 2, после того как экономические

¹⁰ Как видно из диаграмм, необходимым является свободное распоряжение не только капиталом, но в первую очередь первичными факторами производства, которые используются на каждой стадии производства, — трудом и землей. Отсутствие монополизма (профсоюзы) и регулирования цен (минимальная заработная плата) на рынке труда, свободная и неограниченная (целевое использование) покупка и продажа земли критически необходимы.

агенты начинают сберегать четверть дохода, компании, работающие на стадии потребления, несут убытки.

Убытки предприятий потребительской стадии не оказывают немедленного влияния на другие стадии, где сохраняется положительная разница между доходами и расходами, негативное влияние будет ощущаться не сразу, причем его степень будет тем меньше, чем дальше удалена стадия от конечного потребления. На рис. 2 прибыль на пятой стадии по-прежнему определяется ставкой 11 %. «В секторе потребительских благ бухгалтерские убытки возникают из роста сбережений и в то же время отрасли наиболее далекой от потребления пятой стадии (т. е. произведенные ею потребительские блага будут доступны только спустя 5 лет) продолжают получать прибыль примерно равную 11 % инвестированного капитала (текущее сокращение потребления не оказывает влияние на потребление через 5 лет)» [1]. Это является сигналом для предпринимателей, которые начинают инвестировать в те стадии, где сохраняется относительно высокая прибыль. На рис. 2 видно, что в момент времени $t + 1$ предприниматели пятой стадии увеличивают свои инвестиции в первичные факторы с 18 до 31,71 д.е. Производство благ на пятой стадии увеличивается на 12,35 д.е., с 20 до 32,35 д.е., и приносит прибыль 0,54 д.е. В процентном выражении эта прибыль составляет 1,70 % против 11 %, но следует помнить, что на (первой) стадии конечного потребления предприниматели вообще несут убытки.

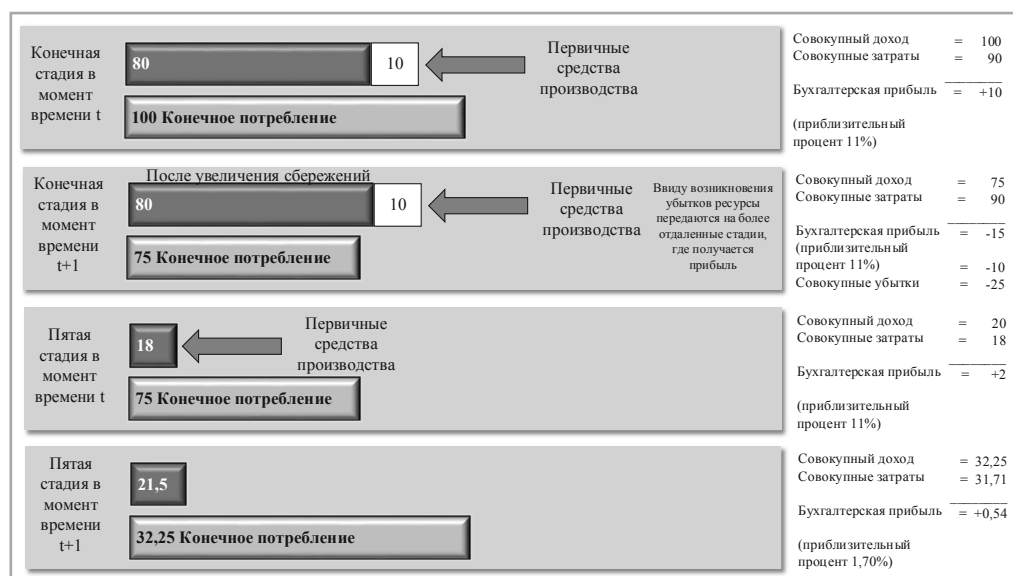

Рис.2. Влияние сбережений на изменение структуры производства

Источник: Х. Уэрта де Сото. Деньги, банковский кредит и экономические циклы

Диспаритет прибыли и перенаправление инвестиций на стадии, удаленные от потребления, приводят к временному удлинению производственного процесса, которое продолжится до тех пор, пока новая ставка процента, более низкая вследствие сбережений, не установится по всей производственной структуре.

Во-вторых, снижение ставки процента, вызванное ростом сбережений, приводит к росту цены капитальных благ, особенно благ длительного срока службы, поскольку их рыночная стоимость в тенденции равняется ожидаемому будущему потоку рентных платежей, дисконтированных по ставке процента¹¹. Это означает, что производство капитальных благ, которое раньше не считалось прибыльным, теперь становится таковым, что ведет к «вертикальному» удлинению структуры производства и появлению новых стадий, еще более удаленных от конечного потребления.

В-третьих, поскольку в результате сбережений растет и реальная заработная плата (что видно на рис. 2), то имеет место «эффект Рикардо», который состоит в замене труда машинами, т. е. у предпринимателей появляется стимул к тому, чтобы использовать больше капитальных благ, а не рабочей силы.

Таким образом, рост сбережений создает как минимум три разных эффекта, которые приводят к тому, что усилия предпринимателей будут направлены на удлинение производственной структуры, следовательно, она будет производить более ценные блага (либо большее количество благ). Товары, оставшиеся непроданными в результате роста сбережений и сокращения потребления, играют здесь такую же роль, как и плоды в нашем примере с Робинзоном. Не будь этих товаров и услуг, временный недостаток новых потребительских благ вызвал бы дефицит и рост цен на потребительские блага.

Когда закончатся процессы согласования, образуется новая производственная структура, изображенная на рис. 3.

Конечное потребление упало до 75 д.е. Вторая стадия тоже сократилась с 80 до 64,25, третья — с 60 до 53,5. Однако начиная с четвертой стадии спрос в денежном выражении растет. Кроме того, появились две новые стадии, которых ранее не существовало. На рис. 4 путем наложения рис. 3 на рис. 2 показано, как изменилась структура производства после завершения всех процессов. Отметим, что теперь в производственной структуре установилась новая, значительно более низкая ставка процента — 1,7 %.

Новая структура гораздо производительнее старой (мы помним, что, поскольку люди всегда хотят достичь результатов как можно скорее, удлинение времени достижения цели возможно при росте ценности результата).

¹¹ «Например, уменьшение процентной ставки с 11 % до 5 % ведет к увеличению текущей стоимости капитального блага с очень длинным сроком службы более чем вдвое (текущая стоимость вечной консолидированной ренты при ставке 11 % составляет $1:0.11=9.09$; а текущая стоимость вечной 5 % ренты $1:0.05=20$)» [1].

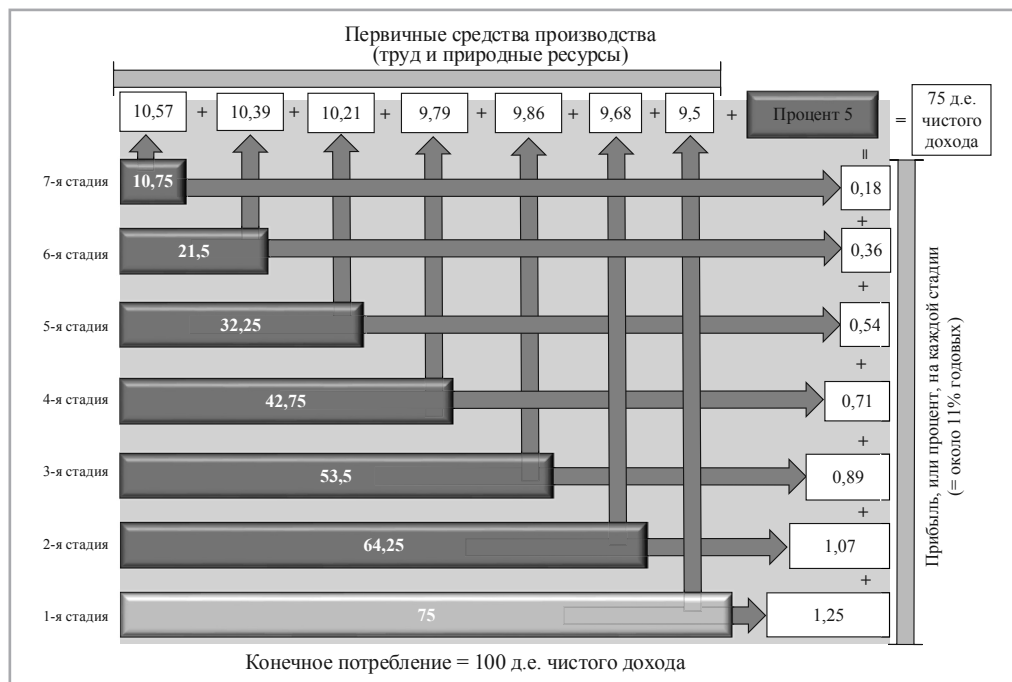

Рис. 3. Новая структура производства после сбережений

Источник: Х. Уэрта де Сото. Деньги, банковский кредит и экономические циклы

Рис. 4. Изменение структуры производства после сбережений

Источник: Х. Уэрта де Сото. Деньги, банковский кредит и экономические циклы

Это означает, что полученный продукт более ценен (или его стало больше по более низкой цене), т. е. богатство «общества в целом» выросло.

Таким образом, мы видим, что в отсутствие всяких признаков организованного принуждения сама логика человеческой деятельности создает ограничения, направляющие поведение людей в продуктивное русло. Достаточно нескольких сигналов, ключевым из которых являются цены и ставка процента (тоже вид цены), для того чтобы люди начали координировать свое поведение так, что в результате появляются блага все более высокой ценности, притом что никто не преследует такой цели для «общества в целом».

Заметим также, что причины экономического роста не являются тайной. Они заключаются не в технологиях, не в инновациях, не в инклюзивности и не в религии. Экономический рост целиком и полностью зависит от того, насколько свободно (о том, что это означает, мы поговорим далее) люди могут участвовать в создании капитала и распоряжаться им. Технологии и инновационный процесс — это лишь следствие социального процесса роста капиталоемкости общества, а религиозные (Вебер) и прочие факторы либо помогают этому процессу, либо ослабляют его.

К сожалению, теории экономического роста пока что не существует. Диаграммы австрийской школы, которые мы здесь привели, создавались не для иллюстрации экономического роста. Они были разработаны и используются для иллюстрации механики экономических циклов, когда центральные банки, искусственно занижая ставку процента, увеличивают предложение кредитов в банковской системе. Иллюстрация роста (когда ставка формируется естественным путем) является побочным использованием этого инструмента.

И последнее замечание. Границы используемого здесь метода очень широки. Никакие модные новшества на рынке мейнстримной экономической науки (поведенческая экономика, экспериментальная экономика и т. п.) и никакие якобы радикально изменяющиеся условия деятельности людей вроде массового внедрения роботов или использования искусственного интеллекта не могут отменить аксиом и теорем прaksiологии. Для того чтобы человек перестал действовать, он должен оказаться в мире тотального изобилия, в котором не существует редкости, либо утратить желание устранять беспокойство. Первое кажется недостижимым, второе означает, что человек перестанет быть человеком.

2. СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Мне скажут, что для того, чтобы деятельность человека в обществе могла приносить плоды, необходимы определенные *условия*, прежде всего соблюдение прав собственности и обязательности контрактов. Разумеется, это так. В двух последующих главах мы поговорим о том, каким образом

возникают соответствующие ограничения, как они функционируют и поддерживаются. Праксиология Мизеса описывает универсальные закономерности человеческой деятельности, социальная эволюция объясняет, как возникали и развивались условия и средства для этой деятельности — право, язык, мораль, деньги и т. п. Начнем с социальной эволюции как более общей идеи.

По-видимому, человеческое общество начинается там, где биологическая эволюция дополняется социальной. Социальная (или культурная) эволюция — это эволюция правил и шаблонов поведения. Правилom мы будем называть *описание* некоего регулярно повторяющегося поведения. Шаблон поведения — это, собственно, поведение человека (включающее определенный набор действий) в определенной ситуации. Правила могут быть результатом анализа поведения, и тогда они описывают шаблоны достаточно точно, а могут иметь вид приказов, ритуалов, моральных, этических и правовых норм. Различение между правилами и самими шаблонами важно, так как на «систему в целом» непосредственное влияние оказывает только поведение. Следует помнить, что люди чаще всего поступают определенным образом, не рефлексирuя по этому поводу, множество устоявшихся шаблонов используются без описывающих их правил. Правила, особенно те, которые получены не в результате аналитического исследования, часто связаны с несколькими шаблонами, и наоборот, один и тот же шаблон связан с несколькими правилами. Проще говоря, множество шаблонов не совпадает с множеством правил. Наконец, изменение правил не означает автоматического изменения шаблонов поведения, которые они якобы описывают, попытка же навязать эти правила силой может привести к изменению существующих и появлению новых шаблонов и т. д.¹²

Социальную эволюцию приводит в движение стремление каждого отдельно взятого человека жить лучше. Биологическая эволюция является приспособлением вида к окружающей среде. Эволюция социальная приспосабливает людей друг к другу через создание, подражание и заимствование определенных шаблонов поведения и правил.

Обезьяна не эволюционировала биологически в человека, как этому учат на уроках биологии, это произошло на другом уровне. «Человеками» стали те наши общие с обезьянами предки, которые в биологическом эволюционном процессе набрали на социальную эволюцию. Как пишет Хайек: «Механизм культурной эволюции действует не с появления Homo Sapiens, но в течение долгого времени существования рода человеческого и его гоминидных предков» [4].

¹² Для избегания путаницы было бы правильно различать правила, полученные аналитическим путем, т. е. те, которые описывают поведение «как есть», и все прочие, которые имеют не описательный, а нормативный характер разной степени обязательности.

Разумеется, можно сказать, что, для того чтобы быть способным усваивать шаблоны и, что гораздо сложнее, универсальные правила, т. е. уметь применять некую абстрактную концепцию к разным ситуациям, нужно обладать определенными биологическими способностями. Вероятно, это так. Однако скорее биологическое развитие наших способностей происходило одновременно с первыми ростками культурной эволюции и какое-то время это были два взаимосвязанных процесса. Опять-таки, культурная эволюция, будучи более быстрой и эффективной, занимала все больше места в судьбе наших предков, пока практически полностью не отодвинула биологию на задний план. Пожалуй, последнее проявление биологической эволюции, вызванное эволюцией социальной, — это способность взрослых особей *Homo Sapiens* пить молоко. Эта биологическая мутация вызвана культурным процессом — одомашниванием скота — и случилась она исторически относительно недавно.

Сегодня мы имеем дело с готовыми формами социальной эволюции (понятно, что их «готовность» весьма условна), которые наполняют нашу жизнь и меняют ее буквально на глазах (научно-технический прогресс). Однако мы ничего не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, как и почему эта эволюция началась.

«Смысл» социальной эволюции, как и эволюции биологической, состоит в выживании и преуспевании сообщества. Только в биологии механизмом являются изменения генов и их передача по наследству, а в социальной эволюции — изменения практик, шаблонов поведения и правил, их передача от одного человека к другому. Несмотря на то что оба процесса на первый взгляд похожи, отличия между ними огромны. О некоторых из них мы поговорим ниже.

Итак, эволюция всегда отбирает лучшие экземпляры. В чем именно состоит «лучшесть» в случае социальной эволюции и что именно она «отбирает»?

Первое. Если прибегнуть к очень грубой аналогии с биологической эволюцией, то роль генов в социальной эволюции играют шаблоны и правила. Именно они передаются, но не биологическим путем, а путем подражания или обучения.

Второе. В социальной эволюции нет аналога вида, в рамках которого происходит передача генов. Если можно так выразиться, субъектами эволюции являются сообщества людей, придерживающиеся тех или иных практик. Именно они «выживают» или «не выживают», производя тем самым «отбор» лучших практик. Важно помнить, что сообщество — это аналитическая единица. Границы таких сообществ в большинстве случаев не совпадают с границами племен, кланов, народов, городов, деревень и прочих официальных сообществ. Часто люди понятия не имеют, что их поведение в определенных ситуациях объединяет их в сообщество с другими людьми, которые ведут себя так же.

Третье. Опять-таки, в социальной эволюции «выживание» имеет не буквальный смысл. Точнее было бы говорить о преуспевании той или иной группы, хотя иногда различие в практиках приводит к такой разнице в преуспевании, что впору действительно говорить о выживании.

Четвертое. Индивидуальное преуспевание и есть той «лучшестью», тем критерием, по которому отбираются эволюционно лучшие сообщества, которые используют эволюционно лучшие правила. Индивидуальное преуспевание не обязательно сводится к материальному благополучию, оно включает факторы, ценные для индивида.

Пятое. Одни и те же люди в течение жизни могут менять свои практики, переходя в сообщества, которые их используют, или начиная применять эти практики в рамках собственного сообщества. Это тоже радикально отличает социальную эволюцию от биологической. Примеров такого поведения множество, самый заметный и очевидный — это эмиграция в более благополучные страны. Люди покидают свое сообщество, правила которого их не удовлетворяют, и переходят в другие сообщества с более эффективными правилами. Их дальнейшее преуспевание зависит именно от адаптации к новым правилам. Всем известны истории типа «приехал, выучил язык, купил дом, хорошо зарабатывает» и истории другого типа «сидит на велфэре, живет на Брайтоне, ругает Трампа».

Есть и другие, более драматичные и масштабные примеры, когда «культура уходит, а люди остаются». Самый известный пример такого рода — это ответ на вопрос «куда делись римляне после распада Римской империи». Ответ — никуда не делись. Культура как совокупность практик, представлений и мифов «ушла», а люди перешли к другим практикам. Другой известный пример, который своими глазами наблюдали многие читатели этой книги, — это распад СССР. Там произошло то же самое — культура «ушла», а люди остались. Понятно, что такие явления случаются не вдруг и не за один день. Нельзя заснуть советским человеком, а проснуться «буржуином». В конце концов, еще и сейчас, спустя 25 лет после распада, у нас в изобилии можно найти представителей «советской культуры», однако это не отменяет того факта, что эта культура не играет больше решающей роли.

Шестое, самое радикальное и самое важное. Нужно понимать, что следование правилам, особенно когда мы говорим о ранних этапах социальной эволюции, не есть осознанный выбор. Это скорее результат обстоятельств или даже набора случайностей. «Фишка» здесь в том, что «хорошие» правила, создающие спонтанные порядки, касаются индивидуального поведения, а не регулирования преуспевания группы. Именно правильное *индивидуальное* поведение создает эффекты, которые распространяются на всю группу и дают ей конкурентные преимущества по сравнению с другими группами. Эта мысль до сих пор является радикальной и полностью противоречит господствующему позитивистскому видению мира, в котором «цивилизация» представляет собой результат осознанного конструирования царей и героев.

Более того, эта мысль попросту обидна для самонадеянного разума, которому кажется, что на человеческие сообщества не распространяются объективные законы природы и который уверен в том, что «социальное» — это синоним «осознанно планируемого». Нет, эволюционно удачливые группы гоминидов отличаются от неудачливых тем, что они набрали на такие правила, которые сделали возможным включение «невидимой руки», часть механизма которой мы описали в предыдущей главе. Это дало упомянутым группам радикальное преимущество перед другими. *Ни последствий этих правил, ни тем более механизма их действия они не понимали.* Как говорил Хайек, «не мы выбрали эти правила, скорее, это они нас выбрали» [5].

Кстати, этот механизм подавляющее большинство не понимает до сих пор. Хотя идея социальной эволюции старше идеи эволюции биологической, она по совершенно понятным причинам не является частью научного мейнстрима и не входит в школьные и вузовские программы.

Непонимание причин возникновения социального порядка имеет еще одно важное негативное последствие, а именно — отсылку к внешнему авторитету и осознанному замыслу. Люди ощущали, что они существуют в рамках какого-то порядка, направляющего их действия. Понять причины его возникновения и механизмы работы они не могли, но такое объяснение требовалось. Поэтому вполне логично, что было выбрано единственно доступное объяснение: порядок — это дело рук «духов предков», или «богов», или «бога» (в скобках заметим, что «духи предков» все-таки ближе к истине, чем сверхсущества). Все это породило религию и веру сначала в бога, а теперь — во всемогущее государство, которое выступает в качестве внешнего источника правил для подлого, корыстного и эгоистичного человека.

Седьмое. Из предыдущего пункта следует интересный вывод. Он состоит в том, что содержание правила отличается от действия, которое оно реально оказывает на социальный порядок. Для экономиста это, конечно, не новость, так как он постоянно сталкивается с тем, как «хорошие» нормы, которые пытается внедрять государство, почти всегда приводят к «плохим» последствиям. Но мало кто задумывается о том, что сплошь и рядом случается и обратное — «плохие» и даже «дурацкие» правила на самом деле работают в положительном направлении¹³.

Питер Лисон, автор исследования о пиратской экономике, недавно написал книгу [6], в которой приводит примеры такого рода. Всем известны варварские практики испытания огнем, когда правота обвинения

¹³ Примером здесь может служить хорошо знакомое многим «шаманство» и «танцы с бубном», которые исполняют как обычные юзеры, так и специалисты при тех или иных неисправностях в компьютере. Как правило, действия сводятся к выполнению некоего ритуала, той или иной последовательности действий, которая, если не приводит к результату, корректируется и заменяется другой. При этом, как правило, нельзя сказать, какое именно действие или какая последовательность действий привела к результату, не говоря уже о понимании того, что произошло в компьютере в этот момент.

доказывалась результатом жестокого испытания. Оно состояло в том, что обвиняемый должен был взять в руки раскаленное железо. Если его руки после этого оставались целыми, без ожогов, то он считался невиновным. Ожоги же считались доказательством вины. Мало того, помимо получения увечий, не прошедший испытание человек должен был заплатить немалый штраф. Если же он признавал вину, не дожидаясь экзекуции, то это избавляло его от увечий и уменьшало сумму штрафа. И знаете, что интересно? Документально зафиксировано, что множество людей прошли это испытание без ушиба.

Дело в том, что железо было не таким уж и горячим. Испытание проводилось в форме церковного ритуала, который занимал определенное время. Если человек действительно был виновен в том, в чем его обвиняли, у него было время подумать. Правило стимулировало его признать свою вину, ведь в этом случае он сохранял в целости руки и платил меньший штраф. Если же человек был невиновен, то он полагал, что Господь защитит его (в этом, собственно, и состояла суть испытания — Бог должен был защитить невиновного), и смело брался за железо.

Собственно, правило в его важной для социального порядка форме состояло в том, что если человек решился на такое, то он невиновен. Поэтому тайная инструкция предписывала церковнослужителям, чтобы к моменту испытания железо было такой температуры, чтобы его можно было безопасно взять в руки.

Для нас тут важно еще и то, что эта хитрая схема — пример работы «невидимой руки», т. е. спонтанного рыночного порядка. Эту схему не изобрели, а открыли. Точнее, она сложилась. Это легко увидеть, если проанализировать условия, в которых она возникла — массовая вера, независимые монастыри, конкуренция юрисдикций в рамках одной территории. Последнее самое важное. Церковникам нужно было привлечь клиентов к каноническому праву, и это подстегивало их открыть систему, которая бы реально работала. Невозможно представить себе наставника, объясняющего юному монаху суть данной схемы следующим образом: «Понимаешь, мой юный друг, в наши Средние века еще не существует досудебного расследования, да и прочий энфорсмент очень сильно хромает. Поэтому разумно будет, если мы создадим такую систему, которая возложит бремя доказательства вины на самого обвиняемого». Ничего такого не было, был естественный отбор методов, которые позволяли бы привлечь клиентов к своей правовой системе. Кстати, об условиях. Еще раз обращаю внимание на то, что схема может работать только тогда, когда все верят в Бога. Чтобы смело хвататься за раскаленное железо, доказывая свою невиновность, нужно было верить в то, что Господь обязательно защитит. Как только безоглядная вера перестала быть массовой, данная схема начала давать сбои и была в итоге заменена другой, менее варварской.

Восьмое. Коль скоро эффективность правила затруднительно определить исходя из его содержания, то очевидно, что вместе с полезными правилами нашу жизнь отягощает масса бесполезных и вредных, даже помимо тех, которые во множестве производит государство. Иными словами, далеко не любое правило полезно только потому, что оно существует. Одна из задач социальной эволюции как раз и состоит в том, чтобы избавляться от таких правил. Наблюдения показывают, что дело именно так и обстоит. Жизнь дикаря далека от наивных представлений о некоем «золотом веке», когда все были свободны и счастливы [7]. Наоборот, дикарь был ограничен бесчисленным множеством табу, большинство из которых были вредными или, по крайней мере, бесполезными. Но где-то среди этого мусора находились и полезные правила, причем полезные не по своему содержанию, а по своим последствиям. Именно эти правила и позволили его сообществу выжить и развиваться. История человеческих сообществ — это история в том числе и того, как эволюция постепенно избавляет нас от нормативного мусора¹⁴.

Девятое. Очевидно, что ситуация, когда одни люди имеют возможность навязывать другим некие правила, будет оказывать разрушающее воздействие на общество. Еще более разрушительным будет воздействие тогда, когда якобы существует возможность выбирать, какие именно правила должны быть навязаны. Очевидно, что в этом случае люди, рвущиеся к власти, всегда будут ориентироваться на содержание правил, а не на реальные последствия, к которым эти правила приводят.

3. СПОНТАННЫЕ ПОРЯДКИ

Если социальная эволюция — это способ отбраковки правил и шаблонов поведения, то спонтанные порядки — одна из самых важных форм существования этих правил и шаблонов. В терминах первой главы эволюция обеспечивает межвременное согласование, а спонтанные порядки — в основном внутривременное. Чтобы легче было это понять, нужно заметить, что этот термин употребляется в нескольких значениях. Во-первых, им именуется порядок, который сложился (складывается) без осознанного централизованного плана¹⁵, например, рынок или современное общество,

¹⁴ Иллюстрацией идеи эволюционного избавления от нормативного мусора может служить такой мысленный эксперимент. Представьте себе три группы, каждая из которых должна выкопать яму. У первой группы для этого есть много разнообразных инструментов, но нет лопаты, во второй также много инструментов, при этом есть и лопата, в третьей — есть только лопаты. Эволюция происходит от первой группы к последней.

¹⁵ Классический пример спонтанного порядка — это тропинка в лесу. Никто не ставил своей целью проложить тропинку, люди, протоптавшие ее, просто двигались к своей цели. Непредвиденным последствием этого стало появление тропинки, которая теперь облегчает людям путь к достижению цели.

и его институты, которые сложились без осознанного замысла и являются результатом действий людей, а не их намерений. Другой пример спонтанного порядка такого вида описал Джейкобс в книге «Смерть и жизнь больших американских городов» [8]. Это результат взаимодействия людей, которого никто по отдельности не преследовал. Речь идет о том, что разнообразие улиц, прежде всего наличие в домах различных заведений, работающих в разное время дня, создает спонтанный порядок, результатом работы которого является безопасность. Отметим, что это сложный и хрупкий порядок, который немедленно рушится, например, в результате урбанистской градостроительной политики. Нас окружает множество таких сложных составных и часто недолговременных порядков. Можно выделить и другие виды спонтанных порядков, но нас в данном случае интересуют только те, которые образуются как следствие одинаковых правил. О таком порядке обычно говорят в единственном числе — спонтанный порядок. Существуют также конкретные образования разной степени устойчивости, которые образуются тогда, когда люди в одинаковых ситуациях следуют неким одинаковым правилам, например, деньги, язык, право, мораль и т. п. Об этих порядках обычно говорят во множественном числе — спонтанные порядки. Их совокупность образует спонтанный порядок в первом смысле этого слова.

Нас будут интересовать спонтанные порядки во втором значении этого термина.

Итак, **спонтанный порядок** — это набор неких правил, которые множество людей используют как средство достижения цели в определенных ситуациях.

Правила спонтанного порядка — это правила индивидуального поведения. Например, спонтанный порядок «язык» — это общее, известное всем людям на Земле правило о том, что, произнося определенные звуки, люди передают информацию. Спонтанный порядок «английский язык» — это более сложный порядок, набор правил для общения со всеми, кто знаком с этими правилами. Первое правило помогает вам понять, что если вы видите человека, который произносит звуки, то это означает, что он передает информацию, второе правило поможет вам найти тот конкретный код, с помощью которого вы сможете расшифровать его сообщение.

Наконец, можно говорить о **внутренних правилах** (внутреннем устройстве) самого порядка. Например, язык устроен очень сложным образом, он имеет собственную структуру и собственные правила, все языки имеют не только общие, но и отличающие их друг от друга свойства. Однако, для того чтобы использовать язык, вам не нужно знать, как он устроен¹⁶, языку обучаются путем подражания.

¹⁶ Все больше преподавателей не считает изучение грамматики ключом к освоению иностранного языка.

Чтобы упростить задачу, возьмем в качестве аналогии спонтанный порядок, который существует в живой природе и хорошо известен любителям самоорганизующихся систем. Этот порядок — стая птиц, а конкретно — стая скворцов. Думаю, многие видели завораживающий полет птичьей стаи. Стая меняет свою форму, направление и скорость движения, но все это происходит удивительно согласованно.

Джеймс Шуровьески [9] пишет: «Со стороны движение стаи представляется работой некоего коллективного разума, ответственного за ее защиту. Кажется, что скворцы действуют согласованно, следуя некой стратегии, обеспечивающей лучшие шансы на выживание. В действительности это не так. Каждый скворец действует сам по себе, подчиняясь четырем правилам: 1) держаться как можно ближе к середине; 2) держаться на расстоянии двух-трех корпусов от своего соседа; 3) не сталкиваться с другими скворцами; 4) если приближается ястреб — уходить в сторону. Ни один из скворцов не знает, что намерены делать другие птицы, и у них нет предводителя. Одни только правила обеспечивают движение стаи в правильном направлении, помогают ей отбиваться от хищников и перегруппировываться».

Этот пример поможет нам разобраться в том, что такое спонтанный порядок. Итак, что является здесь объектом нашего внимания? Очевидно, это «стая в целом». Но не просто стая. Множество скворцов, одновременно летящих куда-то, образует то, что мы можем назвать «стаей», но никакого спонтанного порядка в ней нет. О порядке можно говорить только тогда, когда скворцы, летящие вместе, следуют своим четырем правилам.

Почему скворцы ведут себя таким образом? Потому что в этом случае для каждого отдельно взятого скворца вероятность быть съеденным значительно меньше, чем вероятность быть съеденным в том случае, если он летит сам или если другие скворцы не придерживаются этих правил. Строго говоря, скворец в стае и скворец вне стаи — это два разных существа, первое можно назвать «скворец плюс», так как он получает преимущество перед одиночными, или «неорганизованными», скворцами в виде лучшей выживаемости.

Таким образом, «стая в целом» является преимуществом для отдельно взятого скворца. Прелесть спонтанного порядка, в отличие от порядка директивного, заключается в том, что, для того чтобы достичь этого преимущества, ему не нужен начальник, ему нужно просто следовать четырем простым правилам.

Очевидно также, что, если один скворец не будет следовать правилам, стая успешно переживет это. Видимо, она переживет и неправильное поведение двух скворцов. Однако совершенно точно существует критическое количество нарушителей, превысив которое вся затея теряет смысл: «стая в целом» утратит способность к организации и маневрированию, а все остальные скворцы — преимущества «скворца плюс» и превратятся в обычных скворцов, легкую добычу для хищника.

Следующий очень важный момент состоит в том, что каждый отдельно взятый скворец понятия не имеет о том, как и почему его поведение (т. е. следование неким правилам) дает ему преимущество. Чтобы получить это преимущество, ему вообще не нужно ничего знать о «стае в целом», которая с помощью своих хитрых маневров дурачит хищника и потому он промахивается чаще. Скворцу нужно лишь следовать правилам. Мало того, сам скворец может считать, что этих правил не четыре, а двадцать четыре, может оказаться, например, что, выполняя маневры, скворцы еще и свистят три раза или возносят хвалу своему скворцовому богу. Опять-таки, скворцы даже могут полагать, что они не уклоняются от хищника, а, скажем, занимаются дыхательной гимнастикой. Для того чтобы система работала, знать о ее существовании и механизмах работы скворцу вовсе не обязательно.

Рассмотренные выше четыре правила, равно как и идея «стаи в целом», — это аналитические выводы внешнего наблюдателя. Исследуя поведение птиц, он установил, что, следуя упомянутым правилам, каждый скворец превращается в «скворца плюс» за счет того, что «стая в целом» приобретает маневренность и самоуправляемость. Если бы скворцы обладали разумом, они бы тоже могли постигнуть суть этих правил.

И последнее. Эти правила не были придуманы скворцами, они являются результатом эволюции, а не осознанного замысла и планирования. Никакого скворцового «общественного договора» не существует и никогда не существовало.

Теперь попробуем перенести все вышесказанное на человеческое сообщество. Точнее, в случае спонтанных порядков нужно говорить о сообществах, поскольку человеческие взаимоотношения создают множество спонтанных порядков. Например, передавая деньги за проезд в маршрутке, вы действуете как минимум в четырех порядках одновременно: в базовом «не убий, не укради», в спонтанном порядке «деньги», в спонтанном порядке «язык» и в порядке «передача денег в маршрутке».

Как мы говорили, некоторые порядки, такие как язык или деньги, хорошо заметны, другие нужно специально отыскивать, но все они обладают некоторыми общими свойствами.

Как и в случае скворцов, порядок образуется, когда каждый в некоторой ситуации следует некоторому правилу или правилам. Эти правила не являются чьим-то изобретением. Они могут быть открыты аналитически, даже сами люди, следующие этим правилам, могут не знать и не понимать их смысла и вообще не догадываться о том, что они действуют в рамках каких-то правил.

Например, спонтанный порядок «деньги» начинается с правила, которое гласит, что некоторые товары могут выступать в качестве товаропосредника и имеют ценность в этом качестве. Человек, незнакомый с этим правилом, просто не поймет, почему люди обменивают какие-то бумажки или железки на вполне полноценные товары. Спонтанный порядок

«язык» — это правила извлечения звуков и произнесения их в определенной последовательности, т. е. формирования слов, а также правила, определяющие значение этих слов, расстановки этих слов и т. д.

Мы называем эти действия «правилами» потому, что они так или иначе привязаны к определенным ситуациям, т. е. описывают порядок действий (или запрещают некие действия). Эти ситуации могут быть общими (правило «не убий — не укради» работает при любом взаимодействии) или частными (упомянутое выше правило передачи денег в маршрутке).

Эти правила делают возможным сосуществование с незнакомцами, т. е. осуществлять взаимодействие неограниченного числа людей. Обращаясь к кому-то, вам просто нужно произносить звуки в правильном порядке. Иными словами, попав в ситуацию, когда вам нужно взаимодействие с любым человеком в любом месте, вы просто следуете правилам, зная, что незнакомец тоже знаком с этими правилами и может расшифровать ваше послание. Точно так же спонтанный порядок «деньги» связывает вместе миллиарды людей, поскольку они знают о том, что деньги меняются на что угодно.

И последнее: правила спонтанных порядков передаются путем воспитания и подражания. Базовые и наиболее сложные правила — язык и этика — это дело воспитания (которое тоже часто просто подражание), большинство остальных мы перенимаем осознанно или неосознанно. Человек, который никогда не ездил в маршрутке, попав в нее, обычно легко выделяет правила, которые применяют люди, когда они оказываются в ситуации «еду в маршрутке, оплачиваю проезд».

Спонтанные порядки возникают и исчезают по мере того, как люди ощущают полезность неких правил или перестают ее ощущать. Одно из очевидных преимуществ спонтанного порядка — предсказуемость поведения незнакомцев. Если вы едете по узкой дороге и вам навстречу движется другой автомобиль, вы рассчитываете на то, что при встрече каждый из вас примет вправо. Это правило, известное задолго до появления всяких ПДД (только тогда принимали влево, так как движение было левосторонним), создает предсказуемость, позволяет вам планировать свое поведение и легче достигать своих целей.

Отправляясь в незнакомую страну, путешественник знал, что он сможет понять ее жителей, потому что они, как и он, используют спонтанный порядок «язык». Он может либо сам выучить язык аборигенов, либо найти человека, который знает оба языка, чтобы использовать его в качестве переводчика.

Преимущество, получаемое каждым, поддерживает существование спонтанного порядка в целом. Порядки могут измениться или исчезнуть, если изменились условия, в которых действуют люди. Например, украинский порядок передачи денег в маршрутке не годится во многих случаях в

США, где пассажиры по очереди заходят через переднюю дверь и сразу же платят водителю.

Спонтанные порядки — открытая система. Любой участник может попытаться изменить какие-то правила, и будут ли они изменены, зависит от того, сочтут ли их полезными другие участники системы. Эту ситуацию легко проследить на примере языка, который постоянно меняется. Некоторые изменения вносятся в «язык в целом», другие, которые касаются более ограниченного круга потребителей, формируют локальные жаргоны — профессиональные языки, молодежный сленг, арго преступного мира и т. д.

Подведем итог: спонтанный порядок существует и поддерживается добровольно, поскольку он дает преимущество тем, кто его использует. Этот вывод нам пригодится, когда мы перейдем к рассмотрению государства.

4. СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕЗНАКОМЦЕВ

Итак, спонтанные порядки и социальная эволюция образуют социальную систему, которую можно назвать системой взаимодействия незнакомцев. Благодаря данной системе все индивиды в обществе постоянно находятся в состоянии согласования поведения друг с другом. Система не просто ограничивает поведение, она ограничивает его определенным образом, способствуя сотрудничеству людей между собой.

На основе спонтанных порядков возникают институты, а на их основе — организации. Последние мы ошибочно воспринимаем как субъекты, которые играют основную роль в социальной жизни. Например, для института социального страхования может существовать множество форм организаций — приходские вдовьи кассы, исландский хреппар, добровольные общества взаимопомощи, страховые компании и т. д. Деньги как спонтанный порядок представляют собой денежное правило, или денежное поведение, на нем базируются денежные институты, такие как монеты, банкноты, векселя, банки (как финансовые посредники), кредиты и займы, а на них в свою очередь основаны банки (как организации), биржи и множество других предприятий. Очевидно, что именно закономерности спонтанных порядков играют главную роль в согласовании поведения, поэтому мы вкратце остановимся на этой роли.

Система спонтанных порядков не ограничена никакими границами и численностью людей. Базовые спонтанные порядки, такие как «не убий — не укради», правило, обязывающее выполнять договора, язык, деньги, охватывают все человечество.

В результате спонтанные порядки координируют поведение огромного количества незнакомых друг с другом людей, т. е. людей, о намерениях и поведении которых нам совершенно ничего не известно. Это можно было бы считать чудом, если бы это не было нашей привычной повседневностью.

4.1. Прибыль и система создания богатства

Обычно о свободном рынке говорят как о системе, преимущество которой состоит в том, что каждый должен приносить пользу другим людям для того, чтобы получить свой доход. Эта картина верна, но в ней нет главного, а именно того обстоятельства, что «общество в целом» постоянно генерирует все более ценные блага. «Система в целом», как мы отмечали в первой главе, повторяет логику деятельности индивида, выстраиваясь в стадии, расположенные во времени, которые соответствовали бы некому грандиозному плану, если бы он существовал. При этом каждый капиталист на каждой стадии руководствуется лишь соображениями прибылей и издержек и не подозревает ни о какой структуре производства, в которой он участвует. Он видит эту структуру лишь в ближайших контрагентах по временной вертикали. Система работает так, что никто не должен каждый раз создавать весь план заново. Если, например, вы замысляете производство некоего нового товара, т. е. действуете на стадиях, близких к потреблению, для вас прочие стадии уже «даны», причем в самых разных вариантах, поскольку практически все предприятия находятся одновременно в различных цепочках производства. Предпринимательский талант состоит, среди прочего, и в том, чтобы найти такую комбинацию предшествующих стадий (в виде используемых для вашего производства продуктов), которая позволит получить более ценный продукт. Например, вы можете открыть «новую нишу», скажем, придумать производство T-shirts, которые находятся «рядом» с рубашками и прочей легкой одеждой.

Все, что вам нужно сделать, это найти место в системе производственных цепочек¹⁷, которое позволит вам получать прибыль. Но если вы получаете прибыль, это означает, что производственные цепочки, в которых вы участвуете, работают производительнее даже при том, что вы ничего не знаете о них и эти знания вам не нужны. Таким образом вы согласуете свое поведение с поведением множества других людей, о которых вы ничего не знаете, с помощью цен, прибыли, издержек и механизма конкуренции.

В результате производственные цепочки или «общество в целом» производит все более ценные блага, и сегодняшние бедняки живут лучше фараонов. Кроме того, если рынок рассматривать как систему, то ее «эмер-

¹⁷ Я давно заметил, что человек, впервые узнав о существовании производственной структуры, первым делом стремится обнаружить ее в виде конкретных предприятий в известной ему отрасли. Это стремление понятно и объяснимо. Но прелесть этой системы в том, что сведения о том, сколько в ней стадий и какие предприятия в нее входят, абсолютно бесполезны, на рынке их никто не купит. Для того чтобы согласовывать свое поведение с поведением других людей, вся необходимая предпринимателю информация содержится в ценах, в том числе не первичные факторы производства, и в ставке процента.

джентность» проявляется в том, что вокруг вас без ваших усилий возникают все новые и новые возможности, новые для вас вещи, которые вы можете использовать в своей деятельности¹⁸. С другой стороны, необходимость думать о прибыли и находить свое место в системе генерации богатства задают жесткие рамки вашего поведения. Никакого хаоса, понимаемого как бесцельное и расточительное поведение, в такой системе просто не может существовать.

4.2. *Согласование поведения имеет, в основном, межвременной характер*

Как мы помним, Робинзон, запасая плоды, согласовывал свое настоящее поведение со своим поведением в будущем. Если бы он собрал их недостаточно, то не смог бы сделать палку и ему пришлось бы отложить всю затею и опять просто собирать плоды. А собрав плодов чересчур много, он потерял бы время, которое мог использовать на достижение других целей.

Мы постоянно согласуем собственное поведение во времени, а также согласуем во времени свое поведение с поведением других людей, в том числе и с помощью цен обмена настоящих благ на будущее. Поэтому неудивительно, что основная часть человеческой деятельности в ее хозяйственном измерении — это производство на стадиях, удаленных от потребления. Это легко увидеть на диаграммах, приведенных в первой главе. Х. Уэрта де Сото [1] писал, что в системе, упрощенная модель которой показана на наших диаграммах, валовый доход составляет 370 д.е., т. е. он в 3,7 раза больше чистого дохода¹⁹ (100 д.е. на первой стадии). «Денежная сумма, потраченная на промежуточные блага в течение любого отрезка времени, намного больше всех тех сумм, что за тот же период потрачены на потребительские блага и услуги. Интересно, что даже такие блестящие умы, как Адам Смит, совершали прискорбные ошибки, как только дело доходило до признания этого фундаментального экономического факта. Действительно, согласно Адаму Смиту, «стоимость товаров, обращающихся между различными торговцами, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между торговцами и потребителями, поскольку все, что покупается продавцами, в конечном счете предназначается для продажи потребителям» [1].

Система национальных счетов концентрируется на чистом доходе и попросту не замечает производство на промежуточных стадиях. Достаточно

¹⁸ Удивительно, что люди воспринимают это как само собой разумеющуюся данность, хотя эта данность — плод усилий множества людей.

¹⁹ Интересно, что после того, как были сделаны сбережения и производственная структура удлинилась и начала производить более ценные товары, валовый доход внутри нее не изменился. Это иллюстрация того, что популярная идея о том, что рост товарной массы без роста денежной массы невозможен, не более чем наивное заблуждение.

сказать, что показатель внутреннего валового выпуска²⁰ (ВВВ) для США в два с лишним раза превышает ВВП, который рассчитывается на основе товаров конечного потребления²¹.

О месте межвременной координации в нашей жизни говорит тот факт, что так называемые экономические кризисы (за исключением тех, которые вызваны войнами и природными катастрофами) возникают именно вследствие ее нарушения. Привилегия частичного резервирования позволяет банкам увеличивать предложение кредита, что искусственно снижает ставку ссудного процента. Предприниматели склонны воспринимать это как признак роста (вспомним, что более производительная структура производства, показанная на рис. 3, имеет более низкую ставку процента) и начинают брать кредиты, которые используют для своих целей, что приводит к искусственному удлинению производственной цепочки. Однако снижение ставки вызвано не сбережениями, а ростом денежной массы, т. е. предложение настоящих благ не увеличилось, как в случае сбережений. Когда это обстоятельство выясняется (через факт роста цен), бум сменяется кризисом, производственные цепочки сокращаются, предприятия разоряются, инфляция сменяется дефляцией и т. д. Или в совершенно упрощенном виде: представьте, что Робинзон сделал недостаточные запасы и взялся изготавливать палку. Через некоторое время он обнаружил, что плодов не хватает, т. е. он голоден, а палка еще не готова. В отличие от Робинзона, который может просто отправиться собирать плоды, предприниматели чаще всего вынуждены бросать незавершенные проекты. И это только одно из последствий такой политики²².

²⁰ Этот показатель довольно трудно рассчитать, поэтому это делают редко. Кроме того, он не удобен по понятным политическим причинам, так как очевидно противоречит главенствующей кейнсианской доктрине «стимулирования спроса».

²¹ «Кроме того, нынешний метод расчета ВВП весьма сильно отражает влияние Кейнса, чрезвычайно преувеличивая важность потребления в экономике и создавая ложное впечатление, что наиболее значительная часть национального продукта существует в форме потребительских благ и услуг, а не в форме инвестиционных благ. Последнее, помимо всего прочего, объясняет, почему заинтересованные лица (экономисты, предприниматели, инвесторы, журналисты и государственные служащие) имеют искаженное представление о том, как функционирует экономика. Поскольку они полагают, что сектор конечного потребления занимает наиболее обширную часть экономики, неудивительно, что они приходят к выводу о том, что наилучший способ ускорить экономическое развитие страны состоит в стимулировании потребления, а не инвестиций» [1].

²² Одна из величайших заслуг австрийской школы состоит в том, что она разработала подробную теорию экономических кризисов. Наблюдая наш кризис 2008-го, я испытывал настоящее удовольствие, поскольку у нас кризис разворачивался «как по бумажке».

4.3. Рассогласование. Санкции системы

Вспомним о наших скворцах, которые в составе стаи выполняют четыре правила, помогают ей маневрировать и уклоняться от хищника. Если некоторые скворцы не будут выполнять эти правила, координация стаи станет хуже и птицы начнут гибнуть чаще, чем если бы правила выполнялись. Стая получает «санкцию» из-за поведения некоторых скворцов.

Вследствие нарушения правил спонтанных порядков на все сообщество, придерживающееся этого порядка, накладываются «санкции» в виде потери преимущества, которое данный порядок гарантирует. Как правило, такие потери наступают в долгосрочной перспективе. Для нас в данном случае важно то, что санкция накладывается на сообщество в целом, т. е. и на тех, кто соблюдает правила.

Например, если по какой-то причине значительное количество людей вдруг перестанут перестраиваться вправо на дороге, по дорогам невозможно будет ездить. т. е. пострадают и те, кто продолжает пользоваться этим правилом. Если достаточно большое число людей вдруг по какому-то волшебству забудут, что такое деньги, человечество постигнет катастрофа, население Земли сократится в несколько раз, так как не смогут функционировать экономические институты, поддерживающие его нынешнюю численность. И эти последствия в равной степени коснутся и тех, кто помнит о деньгах и знает, зачем они нужны.

При этом невозможно сказать, какое именно количество нарушителей способно «сломать» спонтанный порядок. Однако, когда нарушителей достаточно много, правила становятся бессмысленными. Они не могут больше связывать незнакомцев. Попадая в ситуации, в которых ожидается определенное поведение от других, люди больше не могут быть уверены в том, что разглядят и поймут это поведение, и потому либо отказываются от правил, либо переходят в сообщества с другими правилами.

Сказанное выше объясняет один из главных механизмов социальной эволюции.

4.4. Агрессия как причина нарушения процесса согласования поведения

Рассогласование системы, которое может привести к ее исчезновению, происходит по разным причинам. Так, одной из причин рассогласования являются *ошибки*. Однако почетное первое место среди таких причин занимает *агрессия*. Под агрессией мы будем понимать покушение одних индивидов на права собственности других.

Случаи проявления агрессии или ее угрозы с точки зрения системы отличаются от обычной ошибки тем, что фактически, как мы увидим ниже, являются экзогенным фактором. Основное наказание за рассогласование поведения, прежде всего в виде потери прибыли, в чем бы она ни выража-

лась, ложится на того, кто его допустил. Ошибка может быть исправлена как тем, кто ее совершил, так и теми, кто наблюдал за процессом. Ошибки неизбежны и, несмотря на то что могут приводить к рассогласованию, они являются необходимым фактором деятельности, который стимулирует поиск новых решений.

Агрессия перераспределяет ресурсы, т. е. тот, кто становится ее жертвой, теряет (несет убыток), не совершив никаких ошибок, а агрессор, т. е. тот, кто получает прибыль, — не совершает ничего полезного, что должно было бы быть вознаграждено прибылью.

Более того, агрессия, а также ее угроза часто лишает деятельность всякого смысла. Агрессия влияет на временное предпочтение: когда риск ее высок, временное предпочтение растет, люди склонны потреблять все, что зарабатывают, они не преследуют цели, достижение которых требует более длительного времени²³.

«Эволюционно лучшим» будет то сообщество, правила и шаблоны поведения в котором обеспечивают не просто перераспределение имеющихся ресурсов, а создание благ более высокой ценности, т. е. рекомбинацию ресурсов, каждый раз позволяющую достичь все более ценных результатов. Агрессия мешает этому переходу, а там, где он все же совершился, может повернуть его вспять. Пока вероятность агрессии высока, деятельность сообщества ограничена добычей и перераспределением ресурсов, «производственные цепочки» коротки, агрессия мешает их удлинению и достижению более ценных результатов. Эволюция, направленная на создание благ все большей и большей ценности, начнется там, где агрессия будет взята под контроль. Такое сообщество выйдет за рамки ресурсной зависимости, поскольку границ у подобной эволюции не существует. В отличие от биологической эволюции, которая действительно ограничена рамками имеющихся ресурсов и суть которой заключается в приспособлении вида к окружающей среде, здесь наблюдается совсем другая история, поскольку предмет или поле деятельности этой эволюции лежит в плоскости сугубо субъективной ценности. Ценность не имеет границ, она может расти постоянно, поэтому процесс социальной эволюции будет бесконечным.

4.5. Обуздание агрессии. Этика и мораль

Этика и мораль представляют собой важные инструменты, не только ограничивающие агрессию, но и управляющие поведением людей. Мораль и этика (наряду с другими факторами, порождаемыми социальными и не-

²³ Украине не помогут никакие «новые технологии» и «инновации», поможет только то, что скромно называется «внутренними инвестициями», а на самом деле — изменение временного предпочтения и уверенность людей в целесообразности длинных (а значит, более ценных) проектов, которая, в свою очередь, становится причиной сбережений и инвестиций. Это может случиться только в случае прекращения агрессии государства.

социальными причинами) влияют на то, какой **выбор** сделает человек в ситуации того или иного социального взаимодействия.

Для целей этой работы под **этикой** мы будем понимать **внутренние границы**, «внутренний кодекс», определяющий допустимое поведение, а под моралью — **внешние границы** или **ожидания других людей** по поводу нашего поведения. И то и другое влияет на человека одинаковым образом — создает внутренний дискомфорт в случае нарушения этих норм и ощущение эйфории при условии следования этим нормам.

Собственно, мораль и этика — это связанные между собой явления. Мораль, т. е. ожидания других людей, разумеется, формирует и «внутренний кодекс», а ваши ожидания от других, т. е. мораль, зависит от вашего кодекса, т. е. от этики. Однако очень часто моральные и этические нормы вступают между собой в конфликт.

Этика и мораль являются спонтанными порядками. Это пример «кипящего бульона» представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо, в котором «варятся» самые разнообразные идеи. Если попросить сто человек написать 10 главных моральных принципов, мы получим абсолютно разные тексты, которые, весьма вероятно, будут содержать взаимоисключающие нормы. Однако, так или иначе, мы обнаружим в этих текстах и совпадения, и именно эти совпадения укажут нам на то, какие моральные нормы действительно являются значимыми, по крайней мере для этих ста человек.

Мораль и этика — это яркий пример того, что для социальных правил важно не их внешнее содержание, а то, как они действуют. «Доводы морали не являются доводами нашего разума» (Юм), т. е. нормы, содержание которых кажется «неразумным», могут тем не менее иметь большое значение для нормальной работы общества. «Рационалистический» бунт против морали, начавшийся в конце XVIII века, как раз и был вызван этой проблемой — отождествлением содержания моральной нормы с ее значением и непониманием того, как именно «нерациональные» (а значит, «несовершенные», «плохие») нормы вносят порядок в социум. Этот бунт, как известно, проторил дорогу трагическим экспериментам XX века, имевшим катастрофические последствия.

С другой стороны, поскольку мораль и этика являются, образно говоря, хаотическим супом, в который каждый может добавить что-то свое, то очевидно, что наряду с полезными нормами они содержат и бесполезные, и даже вредные. Более того, также очевидно, что нормы, когда-то бывшие «полезными», могут со временем оказаться «бесполезными», как, например, сексуальная мораль в ее патриархальном виде.

При этом, конечно же, мораль ни в коем случае не относительна. Нет никакой «вашей» и «моей» морали, если бы у каждого была своя мораль, никакой морали не потребовалось бы, она попросту перестала бы существовать, как не существовало бы никакого общества. Мораль существует только потому, что она эффективно регулирует отношения между людьми, а не потому, что является их изобретением или какой-то непонятной прихотью.

4.6. Обуздание агрессии. Право

В отличие от морали и этики, правовой спонтанный порядок более четок и ясен. Он основан на трех основных правилах. Первое: насилие допустимо применять только в ответ на агрессию (правило NAP). Второе: агрессия, направленная против другого, должна восприниматься как агрессия против тебя. Третье: правовые нормы должны быть универсальными. Эти правила образуют спонтанный порядок, в котором уже существуют более привычные и знакомые нам институты — суд, судебные процедуры и правила и собственно сами правовые нормы.

Первое правило, которое можно переформулировать как «агрессия запрещена», является главным условием существования «расширенного порядка человеческого сотрудничества», «рынка» или «спонтанного порядка» в первом значении этого понятия, о котором мы говорили выше. Соблюдение данного правила запускает в работу механизмы, описанные в первой главе, которые постоянно увеличивают ценность создаваемых благ. Без него невозможна наша цивилизация. Можно сказать, что NAP является основным содержанием социальной эволюции, чем лучше в обществе соблюдается NAP, тем оно более эволюционно успешно и продвинуто. Это легко проиллюстрировать на примере многих современных стран — от Северной Кореи и Конго (где с NAP дела обстоят хуже всего) до США (где NAP, по-видимому, соблюдаются лучше, чем в других странах), а также с помощью эксперимента, который поставила сама история: существование двух Корей и двух Германий, когда одна «нация» была разделена между социализмом (меньше NAP) и капитализмом (больше NAP).

Принцип NAP укоренился настолько, что его можно считать частью человеческой природы. Например, дети решают свои конфликты по принципу «кто первый начал, тот и виноват», т. е. по принципу NAP. Характерно, что воспитатели, т. е. представители репрессивной власти, обычно борются с этим принципом, пытаются представить дело так, что виноваты обе стороны конфликта, и наказывать обоих. Это весьма показательный момент. Для участников конфликта и для социального порядка важно наказание агрессора (кто первый начал), а для государства — недопущение конфликта как такового.

Иллюстрацией действия этого принципа может быть аналогия из другого спонтанного порядка — языка. Когда вы утверждаете, что «общество основано на принципе запрета агрессии», вас могут спросить: «А кто запретил агрессию?» Можно ответить вопросом на вопрос: «А кто запретил перестановку слов в английском предложении?» Правильный ответ в обоих случаях — никто, это условие существования спонтанного порядка. Если вы будете произвольно менять порядок слов в английском предложении, вас не поймут. Если не будет соблюдаться NAP, общество развалится.

Правило NAP работает на двух уровнях — защищая себя от агрессора, человек защищает и систему в целом.

Однако оно бы не работало, если бы не существовало второе правило. Это правило, очевидно, берет свое начало в стадной солидарности наших предков, но, возможно, благодаря эмпатии оно перешагнуло эту солидарность. Считается, и это стало нормой морали, а у многих и этической нормой, что человек должен воспринимать агрессию против других как агрессию против себя и реагировать соответственно — от прямого участия в конфликте до как минимум осуждения агрессора. Понятно, что это правило хорошо работает в коммьюнити, где люди знакомы между собой, но оно также распространяется и на незнакомцев.

В результате агрессору всегда противостоит не только жертва, а целая коалиция, для которой характерно гибкое членство и разная степень участия. Заметьте, воры и разбойники всех мастей обычно вынуждены скрываться, забиваясь в съемные халупы на задворках больших городов. Мало кто из них проживает долгую и спокойную жизнь, а уже преуспевающими и уважаемыми членами общества становятся и вовсе единицы, если вообще становятся. Вопреки бытующему мнению, воровать, грабить и убивать — невыгодно. Следует учесть не только то, что преступнику будут оказывать сопротивление, преследовать и ловить его жертвы, члены их семей, но и то (и это часто оказывается даже важнее), что информация о грабителе и его преступной деятельности становится достоянием общественности и, следуя второму правилу спонтанного правового порядка, люди просто не захотят впредь вступать с ним в какие бы то ни было отношения либо будут ограничивать такие отношения исключительно рамками собственной выгоды. Издержки частного бандитизма очень высоки. И так было всегда. Многие ошибочно полагают это заслугой государства. Но государство на протяжении веков не боролось с преступностью, исторически оно начало это делать только в XIX столетии. Государство лишь *наказывало* преступников и не давало частным лицам вершить самосуд, поскольку претендовало на монополию правового энфорсмента. Но все тяготы поимки преступника, судебного процесса и в целом защиты от преступности (организации при необходимости патрулей, общих касс для покрытия судебных издержек и деятельности по отлову воров и грабителей) ложились на гражданское общество.

Таким образом, любой реальный механизм борьбы с преступностью основан прежде всего на том, что преступник оказывается в оппозиции не только к своей жертве, но и к «обществу в целом». Полиция, будь она частная или государственная, равно как и система наказаний, если она существует, просто увеличивает издержки для потенциальных и действующих преступников. Полиция хорошо работает там, где и так никто никого не убивает, не грабит и не насилует. Уровень преступности в том или ином сообществе зависит не столько от усилий полиции, сколько от уровня культуры его членов, т. е. от того места, которое они сами занимают на лестнице культурной эволюции, от того, насколько они сами не приемлют агрессии и

готовы сопротивляться ей. Подтверждением этого является существование в городах развитых стран районов, где «полиция бессильна» и куда она просто боится заходить, районов, где в силу естественной сегрегации количество людей, приемлющих агрессию, выше обычного.

Третье правило. Как и в случае языка, для успешного взаимодействия необходимо, чтобы набор правил в голове у взаимодействующих был примерно одинаков. То или иное правило становится правилом тогда, когда оно становится универсальным, т. е. всегда применимым в однотипных ситуациях. В свою очередь, правило будет универсальным, если оно будет справедливым, т. е. если каждый, примерив его к себе, согласится с ним. Пример наиболее универсального правила — запрет убийства (murder). С этим правилом согласны все люди, живущие на Земле, включая убийц. Они, как и все прочие, не хотят быть убитыми.

Часто говорят, что только государство обеспечивает равенство перед законом. На самом деле это не так. Это все равно, что утверждать, что только благодаря государству люди говорят на каком-то языке. Равенство перед законом — это просто другой способ заявить о справедливости (согласии с применением к себе) и универсальности правовых норм спонтанных порядков.

4.7. Обуздание агрессии. Институт страхования

И наконец, мы подошли к тому, как правовой спонтанный порядок ограничил агрессию. Здесь человечество выработало универсальное решение — страхование. Это решение вы найдете в обычном праве любого народа, исключений здесь, скорее всего, не существует. Суть механизма в том, что убийство имеет свою цену. И эту цену платят страхователи — семья (или так называемая расширенная семья) убийцы. Цену регулирует рынок, исходя из того, что она должна быть настолько высокой, чтобы один человек не мог ее выплатить. Например, вергельд в средневековой Исландии составлял сумму, которую обычный человек мог заработать за 12,5 лет. Поэтому убийце всегда нужно было обращаться к своим родственникам для того, чтобы заплатить за убийство. Более того, родственникам убитого вообще не нужно было знать, как будет поступать убийца, они просто сразу шли к его семье. Таким образом, страховая группа была кровно заинтересована в надлежащем поведении своих членов, так как именно она платила «цену крови»²⁴.

Другие проявления агрессии наказывались точно так же — компенсацией ущерба, в случае грабежа возвращалось украденное либо его денежный эквивалент (иногда с коэффициентом).

²⁴ В этой схеме семью легко заменить страховой компанией, и мы получим современное решение этой проблемы без государства и тюрем.

Суд нужен был для установления вины, он не наказывал, а лишь объявлял свое решение. После вынесения решения преступник становился должником своей жертвы. Обвинение было частным, как и решение суда, вы могли продать его, если были не в состоянии добиться компенсации. Если убийца сопротивлялся решению суда, тот обычно объявлял его вне закона. Это означало, что любой мог безнаказанно убить этого человека и завладеть его имуществом. В итоге это влекло за собой изгнание и часто смерть. Люди в те времена зависели друг от друга не только через механизмы невидимой руки, как сейчас, но и непосредственно, в буквальном смысле слова. Поэтому изгнание было самым страшным наказанием. Если же семья не хотела платить за своего члена, дело заканчивалось кровной местью. Таким образом, система работала так, чтобы издержки отказа от следования закону были выше прибылей. Это самоподдерживающийся спонтанный порядок. Он не нуждается в существовании «могущественного третьего» — внешней силы (в роли которой сегодня выступает государство), которая, будучи над схваткой, принуждала бы людей следовать закону.

Поэтому, возвращаясь к нашему вопросу «как люди победили агрессию?», можно совершенно точно сказать, что сделали они это неосознанно. Не существовало никакого супергероя, который, выступая на общем собрании будущих гомо сапиенсов, сказал: «А теперь я победу агрессию! Делайте все вот так и вот так, и мы станем людьми!» Ничего такого не было и быть не могло. Просто те, кто не последовал правилам, создающим полезные спонтанные порядки, не выжили. Точнее, эволюционировали в обезьян.

5. HOMO SOCIALIS VS HOMO LUPUS

Как видим, никакого Homo Lupus, который с совершенно одинаковым выражением лица может творить и добро, и зло, не существует. За два миллиона лет социальной эволюции люди создали (или, правильнее сказать, стали причиной появления) Системы взаимодействия незнакомцев, которая основана на одинаковых правилах спонтанных порядков (язык, деньги, право и множество других). Общество является таким порядком, который создает факторы, негативно влияющие на выбор в пользу агрессии и позитивно — в пользу сотрудничества. При этом эти факторы действуют как при прямом выборе между хорошим и плохим (мораль и этика), так и при косвенном²⁵. Очень часто выбор между «хорошим» и «плохим» поведением осуществляется не в виде прямого выбора, а в рутинных хозяйственных де-

²⁵ Очень показательно единство российских «консерваторов» и западных постмодерных леваков в вопросах морального релятивизма. И те, и другие твердо верят в то, что «хорошее» и «плохое» относительно, а добра и зла не существует. Это только кажущийся парадокс, поскольку и те, и другие являются разными ветвями одной идеологии — этатизма, в которой правила считаются внешними, а не внутренними атрибутами.

лах. Принимая решение о покупке или продаже, заключая сделки, человек тем самым создает и поддерживает систему согласования поведения, которая направляет его усилия на сотрудничество²⁶ с другими людьми.

Вообще сама идея Номо Лурис просто невероятно, фантастически слепа. Она не учитывает простого жизненного обстоятельства, с которым сталкивались все без исключения, а именно того, что человек рождается и воспитывается в семье, где и обучается правилам основных спонтанных порядков, где каждый день проходит «практические занятия» по их применению, часто с разбором полетов, теоретическими лекциями и семинарами, которые устраивают родители. Можно сказать, что Номо Лурис действительно существует — это ребенок, но этот Номо Лурис слаб и мал, его воспитывают, обучают и он постепенно выходит в социальную жизнь. При этом в любой правовой системе любого народа в любую эпоху родители до определенного возраста несут ответственность за поведение своего Номо Лурис. Семья является главным институтом, который передает правила спонтанных порядков и избавляет нас от проблемы Номо Лурис. Можно сказать, что на институте семьи держится весь социальный порядок²⁷.

5.1. Новые люди поступают в систему постепенно

Люди склонны не замечать еще одного решающе важного обстоятельства, которое сводит на нет проблему Номо Лурис, а именно тот факт, что новые люди поступают в систему постепенно. Представьте себе великолепно сыгранный оркестр. Если из него уволится один музыкант, конечно, возникнет некая пауза, пока оркестр достигнет прежней сыгранности, но особой проблемы не будет. Если два или три — проблема будет серьезнее. Когда число покинувших оркестр музыкантов перейдет определенный рубеж, уход каждого последующего приведет к катастрофе. Оркестра больше не будет. С обществом и правилами все то же самое. Оно не распадается и всегда способно «играть» по двум причинам. Первая: **правила, по которым мы живем, — это правила выживших**, т. е. те, которые направлены на поддержание кооперации и сотрудничества в обществе. Вторая причина состоит в том, что «новые люди» поступают в систему постепенно. А подавляющее большинство общества составляют люди, которые уже знакомы с правилами. «Новые люди» — это дети и подростки.

Мы все приходим в уже готовую среду, готовый социальный порядок и тратим очень много времени на то, чтобы освоить его правила. Посте-

²⁶ Везде в этой книге «сотрудничество» понимается в широком смысле, не как проявление доброй воли конкретными людьми и не как результат контракта, а как поведение взаимодействующих к общей выгоде людей, которые даже не знают о существовании друг друга.

²⁷ Именно по этой причине государство всегда и везде атакует семью, видя в ней главное препятствие своей тотальной власти. Наибольших успехов здесь достигли западные «либеральные» страны.

пенность попадания «новых людей» в ситуацию существования «готовых» правил есть не просто некое любопытное обстоятельство. Нет, это *условие работы системы*. Без этого она просто не сможет существовать. Если бы можно было в один миг заменить все население Земли новыми людьми, пусть даже с очень высоким уровнем IQ, но так, чтобы все — дедушки, бабушки, дети и взрослые — стали бы совершенно новыми и не имели бы социальных знаний и навыков, порожденных социальной эволюцией, вот тогда бы мы увидели гоббсовскую войну всех против всех. Скорее всего, люди бы быстро истребили друг друга, потому что для таких новых людей что бабушку резать, что контракт подписывать — все одинаково. Опять-таки, если бы каждое новое поколение действительно было «новой нацией», как говорил Токвиль, человечество не смогло бы существовать.

Человеческое сообщество может функционировать тогда, когда большинству известны правила поведения. Санкции и механизмы контроля являются частью этих правил. Они, как мы выяснили, работают так, чтобы потенциальный нарушитель всегда имел дело не только со своей жертвой, но и с целой коалицией, которая будет действовать против него как явным, так и неявным образом. Все это приводит к тому, что издержки «плохого» поведения всегда гораздо выше издержек «хорошего» и носители «плохого» оказываются на обочине.

5.2. Странный мейнстрим

Как это часто бывает в вопросах, затрагивающих суть политической власти, мейнстримная наука выступает на стороне заблуждений и игнорирования фактов. Элинор Остром начинает свою книгу [10] с упреков мейнстримной экономике в том, что она оказывается неспособной объяснить феномен кооперации людей. Собственно, вся ее работа — это разбор ситуаций, когда люди в реальности решали задачи, с точки зрения экономистов, неразрешимые. Я могу привести один такой пример, с которым многие сталкиваются каждый день, — это передача денег в маршрутке. Эта процедура — настоящий кошмар для мейнстримных экономистов. Их теории предполагают, что деньги никогда не дойдут до водителя, по пути их кто-то обязательно присвоит («это будет самый сильный самец в стае»). Ведь издержки для присваивающего минимальны, люди в маршрутке не знакомы друг с другом, за обиженного никто не вступится. Да что там самый сильный самец — каждый передающий отщипнет по пути по чуть-чуть, и что ты ему сделаешь и как докажешь? Он скажет, что это не он, «смотрите лучше за своими деньгами». Издержки такого вида воровства в этой ситуации тоже стремятся к нулю. Таким образом, если такому экономисту (а их в нашем мире подавляющее большинство) сказать, что часть общественного транспорта будет состоять из маршруток, где люди будут передавать деньги за проезд и сдачу из рук в руки, он рассмеется вам в лицо, назовет вас наивным, оторванным от жизни мечтателем. Он предскажет появление

специального бандитского промысла (немного пограбил, пригрозил водителю, вышел, сел в следующую маршрутку и так за день заработал себе на хлеб с маслом) и, конечно же, предскажет полное фиаско и неизбежное банкротство маршруточного бизнеса. Тем не менее маршрутки ездят.

Ключевой вопрос экономической теории — вопрос рациональности — на самом деле тоже упирается в понимание природы человека. «Человек социальный» неизбежно означает «человек действующий», это человек, в котором с детства «предустановлены» правила социального поведения, человек, который принимает эти правила и придерживается их в своей деятельности. «Рациональность» и «нерациональность» тут попросту не нужны, потому что рациональность — это оценка. Оценка может быть применима только тогда, когда мы считаем человеческое поведение «чистым листом», рациональность уместна только в случае, если человек может одинаково легко поступать как правильно, так и неправильно. Но такое равенство возможно лишь гипотетически, а предустановленные правила сдвигают поведение в сторону «хорошего»²⁸.

Даже инструменты, используемые экономистами, например теория игр, для анализа непригодны. Решение задачи по теории игр меняется от того, какие условия мы зададим. Эти условия, в свою очередь, прямо зависят от представлений их разработчика о жизни. Если он считает, что люди неспособны к кооперации, то это будет отражено в условиях и получено в «решении» такой задачи. Однако самая большая проблема подобных задач в том, что они не учитывают время и опыт. Их решения могут меняться на противоположные, когда пытаются учесть эти факторы. Плоский, невременной человек из теории игр или Гомо экономикус — это пример того, что бывает, когда игнорируется временная протяженность социальных отношений. Тем не менее ученые продолжают использовать этот псевдоматематический инструмент, доказывая с его помощью взаимоисключающие утверждения²⁹.

Логическая ошибка и публики, и ученых в том, что, по их представлениям, правила должны появиться до того, как появляется субъект, который по ним играет. Эта ошибка прямо вытекает из представления о государстве как источнике правил и арбитре, «могущественном третьем», который стоит над схваткой и поддерживает порядок. Получается, что если порядок можно поддерживать только таким образом, т. е. монопольным принуждением, то правила должны появиться раньше игроков (а словарь в таком случае должен появиться раньше языка).

²⁸ Интересный взгляд на проблему рациональности можно найти у Ростислава Капелюшникова https://wp.hse.ru/data/2018/05/10/1150883668/WP3_2018_04_____.pdf

²⁹ Разбор популярных игр, которые якобы доказывают необходимость государства, можно найти в этой заметке Бертрана Леминисьера http://mises.in.ua/article/fallacy_state/

Homo Lupus — это просто рационализация страха: «если государство исчезнет, то исчезнут и правила поведения». Это попытка объяснить самому себе, зачем нужна всеподавляющая и всеконтролирующая сила государства. Ведь если она существует, значит, она для чего-то необходима. На этой рационализации построены целые научные школы.

Когда наука пытается доказать, что государство неизбежно, нужно и полезно, она не только меняет местами выводы и исходные условия, но и совершает принципиальную ошибку, считая человека статичным чистым листом, расположенным вне времени и лишенным опыта и каналов его передачи.

5.3. Человека не-социального не существует

Наверное, мы несколько поспешили, назвав наш вид Homo Sapiens. Ведь главное его отличие, по сравнению с другими животными, состоит не в разуме, а в том, что он пребывает в перманентном состоянии социальной эволюции. Более того, как отмечает Хайек [4], похоже, что и сам «разум» — всего лишь плод этой эволюции. Правильно было бы назвать человека Homo Socialis, учитывая, что слово «socialis» означает как «дружественный», так и «общественный».

Убедиться в этом очень легко, и природа периодически проводит такие эксперименты. Наш «скворец-минус» из примера спонтанного порядка птичьей стаи прекрасно себя чувствует, с ним ничего не происходит, стая дает ему определенные преимущества, но они не такие огромные, как в случае человека, пребывающего в обществе. Человека-минус просто не может существовать. Тут следует уточнить, что «человеком-минус» не являются робинзоны, отшельники и прочие люди, изначально имеющие знания, которые они получили в социуме. Человек-минус — это Маугли, выросший и сформировавшийся вне общества, который является человеком лишь биологически. Робинзон на своем острове строит хижину и приручает животных. Но ведь всю эту структуру можно создать только в рамках социума, будучи вовлеченными в него. У Маугли таких навыков нет, поэтому он жил бы в пещере, а не в хижине, он собирал бы плоды, а не выращивал коз. Все, что в нас есть человеческого, — это результат социальной эволюции и работы спонтанных порядков, именно они делают нас людьми. И потому считать, что все то, что мы имеем, существует только потому, что где-то есть какие-то люди, называющие себя правительством и издающие законы, не только глупо, но и антинаучно. В конце концов, результат в виде Маугли случается с любым человеческим ребенком, вне зависимости от того, попал ли он в такую ситуацию в «государстве» или в «обществе без государства».

Система, в которой мы живем, не нуждается в «могущественном третьем» хотя бы потому, что в ней нет сферических в вакууме людей, не способных различать добро и зло. Эта система существует независимо от того,

существует в ней государство или нет. Жизнь этой системы обеспечивается спонтанными порядками и системой передачи правил «новым людям». Если понимать это, то мысль о том, что люди не будут наносить вред другим даже тогда, когда могли бы, не покажется радикальной и безумной³⁰.

Можно сказать, что определенное поведение индивидов (Non-aggression principle — NAP³¹) делает возможным существование системы, которую мы называем обществом. Это объективная закономерность, которая не зависит от нашего отношения и нашего мнения. Если индивиды будут в ходе взаимодействия между собой массово нарушать NAP, общество исчезнет.

6. ОБЪЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ

При этом крайне важным является следующее обстоятельство: объектом действия законов социума является общество, а не отдельный индивид. Поэтому крики «вы говорите, что социальные законы объективны, а вот смотрите, он убил, а ему ничего не было» раздаются не по адресу. Конкретный убийца или вор может остаться безнаказанным, его наказание — дело рук конкретных людей, общество же «наказывает» своих членов не за убийство, а за безнаказанность убийц и воров. Если люди не в состоянии организовать противодействие вора и убийцам, сообщество начнет приходить в упадок и исчезнет.

Мы уже говорили о том, что существует *степень* воздействия, которую, очевидно, невозможно измерить. Чем больше «плохого» (разрушающего процесс согласования) поведения в обществе, тем менее оно продуктивно, тем меньше приносит пользы своим членам — вот это и есть объективный социальный закон. Здесь, разумеется, нужно избегать холизма. Говоря о том, что объектом действия социальных законов является «общество в целом», мы не должны представлять себе некий целостный объект. Просто мы не можем сказать, как именно отразится нарушение объективного закона на конкретных людях, какие именно связи в обществе будут нарушены и, опять-таки, к каким именно последствиям и для кого именно это приведет. Мы можем только сказать, что связи будут разрушены и это будет иметь последствия для разных людей разные³².

³⁰ В шоу Adam ruins everything есть эпизод, где Адам Коннервер рассказывает о том, что в сети можно с легкостью найти множество разнообразных личных данных, включая номера платежных карт, пин-кодов и CVV к ним. Люди просто не пользуются этим.

³¹ Этот принцип можно понимать, как указание на правомерность применения насилия. Оно правомерно только в ответ на агрессию. Либертарианцы понимают под агрессией любое нарушение прав собственности, в том числе и ненасильственное.

³² На полях можно отметить, что существует два типа последствий: первый — очевидные последствия, которые наступают для участников взаимодействия. Второй тип — последствия «невидимой руки», которые касаются тех, кто прямо во взаимодействии не

Наиболее очевидными объективными социальными законами являются законы экономики. «Покупатели создают конкурентные предложения и способствуют увеличению цен. Продавцы конкурируют друг с другом и опускают цены. В тот момент, когда встречаются эти две силы, устанавливается рыночная цена, и каждый, кто готов торговать по такой цене, может делать это. Таким образом, закон спроса и предложения, а также все остальные рыночные законы являются самыми настоящими законами природы, непосредственным образом возникшими из природы и потребностей все той же специфической структурной единицы — человека. Тот факт, что рыночные законы — это законы природы, объясняет, почему свободный рынок так хорошо работает без всякого регулирования извне. Законы природы всегда практичны — они всегда работают»³³.

Спрос и предложение — самый простой и очевидный вариант. Нарушение этого закона имеет вполне предсказуемые последствия. Если кто-то прикажет под угрозой силы искусственно занижать цены, вы получите товарный дефицит, как в СССР. Если, наоборот, цены будут искусственно завышаться, как, например, в случае определения государственным приказом «минимальной заработной платы», мы получим избыток непроданного товара, в данном случае — безработицу среди дешевой, т. е. малоквалифицированной, рабочей силы.

При этом, нельзя сказать, кто именно пострадает от товарного дефицита и кто именно лишится работы. От экономической науки ожидают описания индивидуальной деятельности, например, как разбогатеть³⁴, но она дает лишь закономерности этой деятельности. Экономика может объяснить, как сделать общество более богатым, но ничего не может сказать о том, как сделать богатым конкретно вас. Это же относится и к пресловутой «предсказательной силе» экономики. Она действительно предсказывает. Например, она предсказывает, что если вы запретите наркотики, то до тех пор, пока существует спрос на них, будет процветать их нелегальное производство и сбыт, а значит, и мафия; она предсказывает, что если вы произвольно увеличите денежную массу, то будет инфляция и т. д. Чего она не делает, так это не дает количественных прогнозов. Количественные

участвовал. Парадокс состоит в том, что общество в большей степени объединяет мир «невидимой руки» и непредвиденные последствия наступают именно в этой области и именно они критически важны. В этой области и лежат социальные законы. Люди, как правило, видят только первый тип последствий. Поэтому они изобретают простые и линейные причинно-следственные связи (вроде религиозных норм, включая веру в государство), для того чтобы объяснить самим себе, что объединяет их в общество.

³³ <http://mises.in.ua/article/legislation-and-objective-law/>

³⁴ Я лично знаком с несколькими довольно образованными людьми, которые высказывали претензии экономической теории, поскольку она не содержит в себе рецептов достижения личного богатства. По их мнению, это означает, что теория не верна, иначе экономисты были бы самыми богатыми людьми.

прогнозы и в целом макроэкономические показатели слабо связаны с реальностью, это искусственные конструкции, которые существуют лишь для государственной отчетности.

Праксиологические аксиомы и теоремы тоже лежат в основе предсказаний и помогают определять линию поведения. Каждый Homo Socialis стремится избежать беспокойства (улучшить свое положение). Отсюда общелиберальная (в хорошем смысле этого слова) установка исходить из того, что любая организация должна работать, опираясь не на добрые намерения, а на интересы. Стремление устранить беспокойство (улучшить свое положение) присуще также чиновникам, поэтому странно ожидать от них, как этого требует господствующая этатистская идеология, того, что они будут руководствоваться альтруистическими соображениями.

В ранг универсальных закономерностей попадают не только формально экономические законы, но и то, что мы считаем этическими требованиями. Например, добровольность деятельности — это не просто этическое и моральное требование, это условие функционирования системы. Этика и мораль представляют собой эволюционные механизмы, побуждающие людей делать правильный, с точки зрения системы (т. е. самой возможности совместного проживания и максимальной продуктивности такого проживания), выбор.

И, разумеется, все это не означает, что мы должны сидеть, сложа руки, раз объективные законы сами все за нас делают. С этим удивительным мнением я сталкивался много раз, поэтому о нем стоит упомянуть. Объективные законы не «делают», а лишь описывают те закономерности, которые возникают, когда люди взаимодействуют в обществе. Весь вопрос в том, о каких именно действиях идет речь. Понимание объективности социальных законов означает неизбежность «наказания» за их нарушение.

«Отвлеченные умы разрабатывали грандиозные планы глубоких реформ и переустройства общества. Более скромные удовлетворялись сбором и систематизацией данных исторического опыта. Но все были абсолютно убеждены, что в событиях общественной жизни отсутствуют такие же регулярность и устойчивость явлений, какие уже были обнаружены в способе человеческих рассуждений и в последовательности природных явлений. Они не искали законов общественного сотрудничества потому, что считали, что человек способен организовать общество, как ему захочется. Если социальные условия не соответствовали желаниям реформаторов, если их утопии оказывались нереализуемыми, вина возлагалась на нравственные недостатки человека. Социальные проблемы рассматривались как проблемы этические. Все, что нужно для построения идеального общества, считали они, — хорошие государи и добродетельные граждане.

Открытие неотвратимой взаимозависимости рыночных явлений изменило это мнение. Сбитые с толку люди вынуждены были приспособиться к новому взгляду на общество. Они с ошеломлением узнали,

что человеческое действие может рассматриваться не только как хорошее или плохое, честное или нечестное, справедливое или несправедливое. Общественной жизни свойственна регулярность явлений, которую человек должен учитывать в своей деятельности, если хочет добиться успеха. Бесплезно относиться к общественной жизни с позиций цензора, который что-то одобряет или не одобряет в соответствии с вполне произвольными стандартами и субъективными оценками. Необходимо изучать законы человеческой деятельности и общественного сотрудничества, как физик изучает законы природы» [2]. Мизес написал эти слова 60 лет назад. К сожалению, количество желающих испытать объективные социальные законы «на слабо» не уменьшилось.

7. ВМЕШАТЕЛЬСТВО, ОШИБКИ И «ВСЕГО ЛИШЬ ДОБРОВОЛЬНОСТЬ»

Историю человечества можно представить как постоянную борьбу между NAP и правилами, а также шаблонами, которые его нарушают. В идеальном обществе NAP вообще не нарушается. Такое общество при прочих равных условиях будет самым развитым. Реальные же общества отличаются степенью, в которой NAP нарушается, точнее сказать, тем, насколько количество мирных взаимодействий превосходит количество случаев агрессии. Либертарианцев часто упрекают в том, что они хотят построить какое-то мифическое общество, в котором нет насилия (или, как вариант, либертарианское общество возможно, но лишь тогда, когда люди откажутся от агрессии). Это полная ерунда. Любое общество по определению либертарианское, общества отличаются лишь тем, как часто нарушается NAP. Либертарианцы знают, что агрессия будет существовать всегда. Можно сказать, что *либертарианская программа сводится к тому, чтобы нарушения NAP были исключительно частным делом*, и в дальнейшем мы поймем, почему.

Как мы говорили, процесс согласования поведения нарушается, когда индивиды совершают ошибки. Эти ошибки могут быть разной степени тяжести и, скажем так, запущенности. Одно дело, когда вы совершили ошибку, будучи предпринимателем, в этом случае пострадаете в основном вы. И вы сами, и другие предприниматели могут учесть вашу ошибку и сделать из нее выводы. Это относится к большинству частных ошибок, но если ваше поведение определяется заблуждением, которое разделяет множество людей? Например, в Сомали довольно низкий уровень жизни, хотя там вроде бы нет государства. Тем не менее сомалийское общество осуществляет перераспределение, которое, как и перераспределение через государство, порождает систематическую ошибку, которая в итоге не дает обществу развиваться, хотя в целом, по данным международных организаций (которые отнюдь не

заинтересованы показывать радужную картину победившего анархизма), сомалийцы живут без государства гораздо лучше, чем с ним.

Перераспределение имеет своей причиной существование страховых сообществ, о которых мы говорили ранее, «расширенной семьи», или *jilib*, которая объединяет несколько поколений родственников довольно дальней степени родства. Все эти люди платят «цену крови», если кто-то из них убил другого человека [11]. Согласно сомалийскому обычному праву, это означает, что ваши родственники могут претендовать на ваши доходы. Это выглядит так: вы ведете бизнес, и тут появляется ваша троюродная тетя из такого себе сомалийского Крыжополя и просит вас оказать ей материальную поддержку. Если вы откажете, она может обратиться в суд, и суд поддержит ее требование. Сомалийское право полагает, что ваши доходы стали следствием везения, а не старания и предприимчивости.

Мы можем найти множество таких примеров в истории всех народов. Как мы говорили ранее, процесс образования и функционирования спонтанных порядков не исключает существования «нормативного мусора», который мешает развитию общества и порой даже толкает его вспять. Этот мусор может иметь характер массовых заблуждений и даже правовых норм обычного права. В истории Рима «общественные земли» сыграли поистине роковую роль. В основе этих трагических политических событий лежит экономическое заблуждение. Другой известный пример — идея «справедливой цены» (Ротбард обнаружил ее еще в Дигестах), которая владела умами почти тысячу лет и откровенно тормозила развитие Европы.

Однако ошибки могут быть исправлены, а пережитки — пережиты, какими бы массовыми они ни были. Социальная эволюция и развитие спонтанных порядков (которое иногда называют «неумолимым ходом истории», хотя история не имеет никакого «хода», да еще и «неумолимого») означает, что выигрывают те, кто оказывается ближе к NAP. Хорошим примером здесь может служить эволюция римского права в отношении рабства. Ее можно отследить, читая, например, Савиньи [12]. Собственно, проблема для работы правовой системы в данном случае состоит в том, что рабство несовместимо с правом. Савиньи наглядно показал, как правовые нормы пытаются обойти это противоречие. Римское право в отношении рабства — это постоянно увеличивающееся множество костылей и подпорок, которые призваны как-то разрешить фундаментальное противоречие между рабством и правом. Все эти костыли и подпорки возникали на фоне улучшения положения рабов, которых с некоторого момента уже нельзя было просто так убить, которые могли иметь собственность и распоряжаться ею (хотя собственность принадлежала хозяину), которые, в конце концов, занимались бизнесом и получали прибыль. В итоге дошло до того, что некоторые юристы решили, что рабство несовместимо с правом: поскольку раб остается человеком, он продолжает распоряжаться собой и, следовательно, не может быть вещью другого человека [13].

Условием преодоления ошибки является добровольность выбора. Вы должны иметь возможность выбирать между разным поведением, в том числе — ошибочным и правильным поведением. Государство отличается тем, что его влияние на процесс согласования поведения выходит далеко за рамки обычных ошибок и массовых заблуждений.

Собственно, с точки зрения спонтанных порядков, государство выглядит как ситуация, в которой в некоторых случаях правила порядка «не убий — не укради» не вызывают ответной санкции других участников порядка, т. е. некоторым можно безнаказанно грабить и убивать. Безнаказанность иначе называется «перекладыванием издержек на других». Иными словами, издержки грабежа и убийства все равно существуют, но они обходят тех, кто этим занимается. Таким образом, у этих людей нет стимулов менять свое поведение и они могут продолжать действовать в том же духе.

Правда, даже если безнаказанные грабители и не получают санкций от своих жертв, они не могут отменить санкции «невидимой руки», которые, как мы помним, накладываются на сообщество в целом. Эти санкции затрагивают всех без исключения. Поэтому богатство общества с государством зависит от размеров этого государства. Чем больше государство, тем в большей степени нарушается порядок «не убий — не укради» и тем беднее люди, причем эта бедность распространяется и на представителей власти всех мастей. Вспомним, что советская номенклатура, по мировым стандартам, жила весьма бедно, уровень жизни партийного работника среднего звена был значительно ниже такового среднего американского рабочего. Впрочем, элиту никак не стимулирует абсолютное значение богатства, она движется за его относительным значением — элита всегда богаче «обычных» людей. «Национализируя» издержки, т. е. перекладывая их на общество в целом, государство может вводить самые разрушительные правила. Это отличает государственное вмешательство от любых других препятствий на пути согласования поведения в обществе.

7.1. Пример отсутствия добровольности. «Перекапитализация» экономики СССР

В первой главе мы говорили о том, как вследствие погони за прибылью капиталистов производственная структура удлиняется «сама собой» и таким образом достигаются более ценные цели. Капиталисты действуют каждый на своей стадии, реагируя на сигналы (прибыль и ставка процента). Никто из них не ставит задачи «а удлиню-ка я производственную структуру!», каждый действует в своих интересах, добровольно принимая решения, куда именно нужно приложить свои усилия.

Теперь представим, что некий экономический царь, что-то слышавший о теории капитала, решил поруководить процессом. Он знает, что в продуктивной экономике производственные цепочки должны удлиняться и что капитальных благ в ней всегда производится больше, чем потребительских.

Этот царь берется за работу, у него есть необходимые знания, и он решает пожертвовать *всего лишь* добровольностью (которая в его глазах выглядит как хаос и расточительство). Что получится у такого царя? История поставила такой эксперимент и называется он «социализм». Социализм — это не просто плановое хозяйство. Плановость — это просто средство. Социализм именно строил всю экономическую систему целиком, создавая своего рода «искусственный капитализм без капиталистов». Социалистическая доктрина предусматривала «приоритет производства средств производства», социалисты пытались построить всю производительную структуру. Эта затея не удалась нигде, ни в одной стране мира.

Очень показательно, что западная мейнстримная экономика весьма специфически понимала то, что происходит в СССР. Эта экономика анализировала «показатели», и по этим показателям получалось, что СССР вот-вот догонит и перегонит США (многие цитируют в связи с этим автора популярного учебника и лауреата Нобелевской премии Самуэльсона).

Вот другая цитата: «Сравнение советской и западной систем хозяйства свидетельствует, что возможно чрезмерное накопление капитала. Есть серьезные основания полагать, что нехватка потребительских благ неблагоприятно сказалась на интенсивности трудовых усилий, а значит, и на объеме производства в странах советского блока. Поскольку рост потребления есть в конечном счете главный стимул усилий, нужных для увеличения производства, никого не должно удивлять, что чрезмерное накопление капитала и недостаточное производство потребительских благ могут подорвать темпы экономического роста» [14]. Здесь речь идет как раз о нашем вопросе — попытках экономических царей имитировать капитализм простым воспроизводством пропорции между «предприятиями группы А» и «предприятиями группы Б». Эта деятельность не была ошибкой с точки зрения мейнстрима. Мейнстрим всерьез называет это «накоплением капитала» (мне приходилось и в других местах читать о «перекапитализации» экономики СССР).

На самом же деле «накопление капитала» всегда означает рост продуктивности и, как следствие, рост потребления. «Капитал — это рыночная ценность капитальных благ, ценность, определяемая индивидуальными действующими субъектами, покупающими и продающими капитальные блага на свободном рынке. Таким образом, капитал — это просто абстрактное понятие, инструмент расчета. Другими словами, это субъективная оценка или суждение о рыночной ценности, которую предприниматели приписывают капитальным благам и на основе которой они их постоянно покупают и продают, пытаясь извлечь из каждой такой сделки чистую предпринимательскую прибыль. Поэтому в социалистической экономике, где нет ни свободного рынка, ни рыночных цен, можно говорить о капитальных благах, но не о капитале, последний всегда требует рынка и цен» [1].

Иначе говоря, капитал требует добровольности действий всех участников процесса, т. е. разница между «настоящей» системой производственных

цепочек и ее имитацией состоит в добровольности. Таким образом, добровольность для нашей темы — это не оценочное и не моральное суждение, это, как мы сказали ранее, условие работы системы.

8. ДУМАТЬ ГЛАГОЛАМИ

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению того, что же такое государство и откуда вдруг оно взялось, нужно сделать одно очень важное замечание, которое вытекает из того, что мы обсуждали ранее. Это замечание состоит в том, что понимание праксиологии сильно меняет взгляд на социальную реальность. Оно учит тому, что в обществе нет статической картины, а есть процессы, направляемые достижением людьми своих целей. Сама по себе эта мысль вроде бы не вызывает возражений, однако если бы ее действительно понимали, мы жили бы в другом мире. В этой главе я попробую объяснить, что же именно следует из этой идеи, и приведу примеры привычных для многих заблуждений, которые как раз и возникают вследствие ее непонимания.

Путаница, которая возникает из-за игнорирования того, что любое статичное состояние является просто «мгновенным снимком» некоего этапа динамического процесса, сродни классическому парадоксу стакана, который то ли наполовину пуст, то ли наполовину полон. Чтобы разгадать этот парадокс, следует определить, что делали с водой в стакане, т. е. в процессе чего сделано «мгновенное фото»: если стакан *наполняли*, то он наполовину полон, если *опустошали*, то он наполовину пуст. Без этого знания мы обречены рассуждать о пессимистах и оптимистах и заниматься прочей подобной ерундой.

Мы живем «из будущего». Время, которое мы планируем потратить на достижение целей, построение промежуточных этапов и подбор необходимых для этого средств, начинается в точке достижения цели, т. е. в будущем. Планирование идет *из* будущего в сторону настоящего. Можно сказать, что будущее через представления о целях управляет нашим настоящим. Вся наша деятельность разворачивается подобным образом. Конструктор *сейчас* рисует чертежи машины, которая появится на рынке только через пять лет. Заработная плата рабочих — это всегда аванс за еще не сделанную и не проданную продукцию. И так далее. Это крайне важно понимать. Изменение или коррекция конечной цели меняет все планы по ее достижению. Бытовое представление о процессе, которое, конечно же, разделяют регуляторы, состоит в том, что человек действует в настоящем, его будущее поведение определяется только его настоящим поведением. Это бытовое представление можно оправдать тем, что нам действительно лучше известны и понятны стадии нашей деятельности, которые лежат ближе к настоящему. Стадии, которые находятся ближе к цели, обычно размыты и

основываются на самых общих допущениях. Но это не меняет того факта, что именно будущее управляет настоящим.

Мы всегда находимся на каком-то промежуточном этапе. Любое наше «сейчас» это какой-то этап на пути к цели, будущее никогда не наступает по-настоящему, просто цели достигаются или нет и человек опять живет и действует для достижения будущей цели.

Наши планы не существуют в вакууме, это планы в условиях реализации планов других людей, включая наших далеких предков. Представление человека в виде некой «колбасы», расположенной в пространственно-временном континууме, весьма полезно, так как позволяет понять, что любая попытка регуляции направлена только на отдельный срез этой «колбасы».

Регулирование не учитывает наличие времени³⁵ и процесса согласования. Основная ошибка любого регулирования в том, что власти полагают, что их вмешательство начинается в какой-то нулевой точке отсчета. Оркестр замер, вышел дирижер, взмахнул палочкой, и все начали играть. Однако картина, которую хочет исправить регулятор, — не что иное, как мгновенная фотография разных процессов в разной степени завершенности, процессов, идущих в разном направлении с разной скоростью. На «мгновенной фотографии» сами процессы во всей их полноте не отражены, есть лишь их плоский снимок, с которого, как кажется регулятору, можно начинать игру.

Наличие межвременного согласования предполагает, что мы **уже** находимся в процессе, и никакой нулевой точки, в которую мог бы прийти дирижер со своими «ценными вказивками» нет. Регулирования без ущерба для **уже** идущего процесса согласования, в котором участвуют люди, находящиеся на разных этапах этого процесса, быть не может.

Это можно объяснить еще и таким образом. Любой человек видит в производственном процессе только то, что происходит **сейчас**. Например, он видит только движение денег и товаров между предприятиями (внутри-временное), но не видит этого же движения денег и товаров по времени. Регулятор видит только полупустой или полуполный стакан, он не знает, с каким процессом он имеет дело, регулирование может привести к тому, что стакан, который наполнялся, начнут опустошать, и наоборот.

И по-другому тут просто не может быть — ни чиновник, ни кто-либо другой не способен находиться в будущем каждого из нас, а точнее, в точке воображаемого будущего, из которой мы строим свои планы. Только каждый из нас знает эту точку, точки других людей нам недоступны. Кстати говоря, это означает, что вся политическая повестка дня — внутривременная, хотя основная наша деятельность — междувременная. Поэтому вся политическая повестка дня вредна или в лучшем случае бесполезна.

³⁵ Регуляторы, эксперты, журналисты, политики и многие экономисты понимают время в человеческой деятельности как технологическое, т. е. физическое время, которое занимают те или иные производственные или предпринимательские процессы.

Правила порождаются процессом. Здесь мы переходим от акцента на времени к акценту на деятельности. Одно из главных заблуждений большинства политиков, экспертов и журналистов состоит в представлении о том, что правила³⁶ существуют отдельно от процесса, который они описывают. Почти никто не сомневается в том, что внедряемые насильно приказы, которые называются «законами», не только могут повлиять на процесс, но и создают его. Приведу всем знакомую иллюстрацию того, как работают и поддерживаются правила³⁷.

Дети собираются играть в прятки [24]. Для того чтобы определить «ведущего» (не знаю, как эти несчастные называются на современном детском языке), проводится такая процедура, как считалка, по ее результатам и назначается тот, кто закрывает глаза, громко считает до заданного числа и «идет искать».

Процедура считалки — это не что иное, как правило, а вся эта история — наглядная иллюстрация того, как общество вырабатывает правила к общей пользе. Смотрите. Участники процедуры имеют некую цель — в общем случае получить удовольствие от игры. На пути к этой цели они должны решить некую конфликтную ситуацию. Она состоит в том, что правила самой игры предусматривают, что «водит» проигравший. Но проигравшего еще нет, игра пока не началась. Нужен кто-то, кто должен будет исполнить эту роль первым. Вот для этого и прибегают к процедуре считалки.

Процедура не оговаривает вопросы типа до скольких считать, сколько раз кричать «тра-та-та за себя!» и т. п. Решение по ним принимается ситуативно по результатам обсуждения заинтересованных сторон.

Процедура существует потому, что она всем известна и ее легко объяснить новичку. Тот, на кого выпадает последнее слово стишка считалки, «водит».

Процедура существует потому, что в ней трудно обмануть. Нужно иметь недюжинные способности для того, чтобы предсказать, на кого выпадет последнее слово. По этой же причине считалки из трех-четырех слов будут «нелегитимными», т. е. просто не будут использоваться. Кстати, считалка «На золотом крыльце сидели...» содержит в себе защиту от читеров, поскольку

³⁶ Здесь мы говорим о правилах, порождаемых спонтанными порядками и основывающихся на согласии людей их использовать. Существует другая группа правил — правила собственников. Здесь картина совсем иная: поскольку собственник является автором правил, они служат его интересам. Эти две группы часто не различают, и из-за этого постоянно происходит путаница.

³⁷ Можно выделить «быстрые» и «медленные» формы правил. «Быстрые» правила — это те, которые устанавливаются по согласию сторон (контракты) или существуют в качестве приказов собственника. Теоретически содержание этих правил может быть каким угодно. Тем не менее они сами пребывают в рамках «медленных» правил, которые являются спонтанными порядками и развиваются медленно и эволюционно. Именно эти правила обычно определяют процедуры и общие нормы справедливости.

проводится в два этапа: на первом нужно выбрать, на каком слове заканчивать считалку при назначении «ведущего». Но это уже детали.

Вождеденный всеми «энфорсмент» и «санкции» тут просты до безобразия. Если некий мальчик или девочка не согласится с результатами считалки... ну что ж... мальчик или девочка отправится домой, т. е. не получит того, ради чего, собственно, пришел.

Правило считалки не обязательное условие для достижения целей. Дети вполне могут обойтись без нее, если кто-то согласится водить первым. Одна и та же процедура может использоваться в разных играх, и в одной и той же игре могут использоваться разные процедуры, все зависит от ситуации. Например, в моем детстве существовала альтернативная процедура большого пальца. Если нужно было поделиться на две команды, потенциальный лидер поднимал большой палец. Кто желал присоединиться, должен был ладонью обхватить его палец, подняв свой, и т. д. Однако иногда приходилось прибегать к помощи считалки, если, например, две команды хотели честно определить, какой из них достанется местный герой двора.

Наконец, процедура существует не для того, чтобы прийти к общему мнению, а для того, чтобы организовать взаимодействие. Участники игры могут иметь разное мнение относительно того, насколько «по-честному» были реализованы те или иные моменты, но, пока они играют, процедура работает.

Фактически мы описали параметры правила в том виде, в котором его производит общество. Итак, правило:

- не цель, а средство. Для достижения цели люди сами выбирают какое-либо правило или не выбирают никакого. Цели людей находятся вне самого правила;
- одинаково для всех участвующих в процессе. Остальных оно не касается;
- существует до тех пор, пока способно обеспечивать условия деятельности, например, разрешать (предотвращать) конфликты. Считалки существуют испокон веков, но если дети найдут другую, более удобную для них процедуру, о них рано или поздно забудут;
- существует, пока сохраняется согласие с процедурой. Голлум принял бормотание Бэггинса за загадку, и последний воспользовался этим. Сам Голлум считал загадку нечестной, но его, как говорится, за язык никто не тянул, если он взялся ее отгадывать — значит, принял участие в игре (и проиграл);
- просто, конкретно и очевидно, его легко объяснить новичку. Кстати, думаю, многие заметили, что сказки — это такие себе учебники права, истории о возможном читерстве и читерах.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что правила передаются из поколения в поколение в ходе игры. Точно так же дело обстоит и со «взрослыми» правилами, которые передаются в ходе деятельности людей.

Это подтверждает тезис, согласно которому каждый из нас попадает в ситуацию существования готовых правил. Дети, играющие сегодня во дворе, не являются авторами считалок и процедур. Однако они постоянно вносят какие-то изменения и в процедуры, и в считалки. Одни тексты выживают на протяжении многих поколений, другие — нет. Точно так же и с процедурами. Я, например, больше не встречаю процедуру «большого пальца», хотя, вполне вероятно, она где-то до сих пор применяется.

Думаю, одной из причин веры людей в то, что правила должны существовать отдельно от процесса (и, как следствие, веры в то, что кто-то должен придумывать эти правила), является эффект, о котором мы говорили ранее: каждый из нас попадает в систему с уже готовыми правилами. Это заставляет думать о правилах, как о неких данных кем-то свыше скрижалях. Но на самом деле эти правила меняются, они продукт эволюции и существуют только потому, что помогают нам достичь наших целей.

Людам, не различающим право и закон (т. е. приказ группы людей), трудно представить, что право может существовать отдельно от государства. Между тем право старше любого государства. Государство никогда не создавало своего права (оно не может этого сделать по определению). Оно использовало и искажало в свою пользу уже существующее. Знакомое нам всем римское право, которым мы до сих пор пользуемся, не было создано государством. Римское право — это «право юристов» [12], т. е. право, создаваемое практикой и поддерживаемое специалистами, которые получают деньги за свои услуги. Аналогично на протяжении примерно 1000 лет работала правовая система древней Ирландии, в которой юристы относились к особому рангу брегонов. В Ирландии насчитывалось от 80 до 100 независимых юрисдикций — туатов, однако ирландское право было общим для них всех. Это право было очень развитым для своего времени и превосходило, например, английское общее право. Торговое право, которым мы тоже пользуемся сегодня, появилось в Средние века. Создали его торговцы для взаимодействия друг с другом. Поскольку феодальное право было неповоротливым и часто исходило из фантазий и заблуждений (запрет ссудного процента, справедливая цена), появилось торговое право, которому следовали торговцы в отношениях друг с другом [15]. Оно не использовало феодальных предрассудков и позволяло быстро решать конфликты между торговцами в судах, которые действовали при больших ярмарках и в крупных торговых городах. Английские судьи, которые были относительно независимой кастой, первыми поняли преимущество этого права и, чтобы переманить к себе клиентов, начали использовать его в своей деятельности. Кстати, английское общее право тоже является примером относительно свободного права, поскольку в нем, помимо статуты, присутствует и *judge made law*. Это право могло бы прекрасно обойтись и без статутной части.

Вообще же даже в так называемых развитых странах люди взаимодействуют между собой в рамках того, что можно назвать «обычным пра-

вом» [26]. К государственному праву прибегают там, где без него нельзя обойтись, например, при получении наследства, заключении и особенно расторжении брака. Также государственное право используется частными лицами для того, чтобы засудить кого-нибудь, или для того, чтобы защититься от таких попыток. О том, как предприниматели относятся к государственному праву, говорит тот факт, что там, где они могут использовать другие механизмы для решения споров между собой, они их используют. При заключении сделок в США в среднем 80 % предпринимателей для решения споров прибегают к услугам частного арбитража [15].

О главной проблеме мысленных экспериментов. Мысленные эксперименты моделируют некую ситуацию, часто забывая указать главное — как люди в ней оказались? В качестве примера возьмем популярные рассуждения о том, что будет, если не будет государства. Обычно вам расскажут, что отсутствие государства — это банды, насилие, голод и прочие ужасы. Но в этих рассуждениях опускается главный момент — каким образом получилось так, что государства больше нет. Оно мгновенно исчезло? Испарилось? Очевидно, нет. Рассуждения об обществе без государства бессмысленны без указания на то, что с ним случилось. Если люди каким-то образом осознанно избавились от государства, значит, они уже в состоянии жить без него, поэтому все эти домыслы попросту беспочвенны. Банды и прочие подобные ужасы угрожают лишь в том случае, если государство мгновенно испарилось, например, в результате кризиса или если какие-то идиоты решили по своему желанию «отменить» государство, захватив политическую власть. Тогда такой ход событий действительно возможен. Таким образом, мы опять возвращаемся к стакану, который можно наполнять и опустошать. Мало того, в ситуации, когда «государство развалилось и вместо него появились банды», государство на самом деле не исчезает, потому что банды — это просто личинки государств. «Исчезновение государства» по-настоящему означает исчезновение шаблонов поведения, допускающих узаконенную агрессию. Если узаконенной агрессии нет, то количество банд остается в рамках не угрожающей обществу нормы.

Другой типичный пример такой ошибки — это проведение аналогии между обществом с государством и многоквартирным домом. Каждый может наглядно представить себе проблему «общественных благ» — подъездов, коммуникаций, стен, крыш и лифтов, — которые не будут предоставляться, если «все не будут скидываться». Аналогия красивая, но ошибочная. Ибо многоквартирный дом, в котором жильцы владеют только квартирами, а самим домом — непонятно кто, является чистым порождением социализма. Те, кто приводит эту аналогию в качестве иллюстрации необходимости государства, подчеркивают естественность ситуации. Но она, напротив, искусственна. Многоквартирные дома в нашей нынешней конфигурации — это плод половинчатого решения о приватизации жилья, в результате которого жильцы бывших государственных домов вдруг оказались собственниками

квартиры, но не дома и коммуникаций. Если же изучить данный вопрос в относительно свободных странах, то, во-первых, мы обнаружим там не так много многоквартирных домов и, во-вторых, это, как правило, дома, у которых есть владельцы, а квартиры сдаются в аренду. Еще там есть такой вариант, как кондоминиум. А многоквартирный дом, в котором жильцы должны скидываться абсолютно на все, чтобы он не развалился, нельзя назвать примером естественно возникшей проблемы, которую можно решить только одним образом.

В большинстве выдуманных ситуаций и мысленных экспериментов хочется задать их авторам вопрос: «А как люди здесь оказались? Как эта ситуация возникла?» Мы не сможем «воспроизвести ситуацию», если не будем учитывать судьбы конкретных людей и их истории о том, как они в этих ситуациях оказались.

Ваши моральные принципы не универсальны. Другая разновидность пространственных ошибок — это попытка с помощью каких-то искусственных ситуаций доказать, что «моральные принципы не работают» потому, что невозможно разрешить какую-то выдуманную проблему, не нарушив их. Думаю, многим знакомы такие «моральные парадоксы», вроде того, как определить, кого первым съесть на спасательной шлюпке, затерявшейся в океане после кораблекрушения. Заметим, что все примеры такого рода обычно описывают катастрофическую ситуацию. Но моральные принципы не рассчитаны на такие ситуации, поскольку катастрофы случаются не так уж часто. Моральные принципы работают в ситуациях, которые нам кажутся «обычными», при этом ничего обычного в них нет. Это ситуации, когда человек не убил, не украл, не напал, не оскорбил, — вот те ситуации, когда мы можем сказать, что «принципы работают», и к ним относится подавляющее большинство ситуаций человеческого взаимодействия. Если бы в нашем мире случалось больше катастроф, моральные правила были бы другими. Это лишнее доказательство эволюционного происхождения и поддержания моральных и этических норм. Авторы же мнимых парадоксов придают морали характер обязательных, внешних, непонятно кем придуманных норм, но это эволюционно появившиеся нормы. И появились они в условиях, в которых люди не так часто оказываются на плотике в океане и им нужно выбрать, кого съесть³⁸.

Грабеж всегда более выгоден. Множество людей, не моргнув глазом, произносит это утверждение, обычно подразумевая, что только заботливая длань государства защищает нас от ужасов тотального грабежа. Им почему-то не приходит в голову, что если бы это было так, то мы бы до сих пор ходили в шкурах и промышляли грабежом. Государство, функция которо-

³⁸ Все это не отменяет морального выбора в ситуации на плотике. Эта ситуация вовсе не является исключением из правил. Речь о том, что из такого рода ситуаций нельзя сделать вывод: «мораль не работает». Просто в данном случае вы выбираете между плохим и очень плохим.

го состоит якобы в том, чтобы сократить количество грабежей, просто не могло бы появиться по условиям задачи. Мало того, эти люди видят только одну часть картины — вооруженный и хорошо подготовленный грабитель нападает на слабого и безоружного мирного труженика. И кажется, что это «всегда» выгодно. Однако существует и другая часть картины, которая включает в себя, например, попытку сбыта награбленного, и уже на этой стадии начинаются проблемы. Суровая правда жизни состоит в том, что грабитель, как и все прочие, должен получать блага на открытом рынке. Он создается усилиями людей, следующих правилам, которые, среди прочего, запрещают грабеж, — иначе никакого рынка не было бы. Это означает, например, что с грабителем на этом рынке попросту стараются не иметь дела. Он вынужден продавать награбленное с большим дисконтом. Жизни его постоянно угрожает опасность, поэтому он либо обитает в трущобах, либо вообще скрывается в лесу. В итоге оказывается, что профессия грабителя и разбойника — удел маргиналов или доведенных до отчаяния людей.

Те, кто убежден, будто бы грабеж выгоден, сравнивают разные прибыли и издержки — прибыли самого акта грабежа с прибылями той или иной мирной деятельности в целом (за короткое время акта грабежа можно получить больше, чем за то же время мирной деятельности). На самом деле нужно сравнивать прибыли и издержки грабежа как вида деятельности с прибылями и издержками мирной деятельности, т. е. видеть всю картину.

Хороший и плохой человек. Пожалуй, самой распространенной ошибкой, возникающей в рамках рассматриваемой нами темы, является перенос бытовых представлений о «хороших» и «плохих» людях на анализ работы общества. Хороший и плохой — это характеристика, предполагающая однородность. Один человек всегда хороший, а другой всегда плохой. Однако для согласования в обществе важны конкретные акты взаимодействия людей. Когда либертарианцы говорят, что люди должны соблюдать NAP, это не означает, что они должны быть «хорошими». Это означает, что поступки, в которых соблюдается NAP, должны доминировать. Даже плохие бандиты и плохие милиционеры соблюдают NAP. По мнению либертарианцев, система устроена так, что она направляет выбор в пользу «хорошего». Кстати, неслучайно принцип «поступки, а не люди» прямо отражен в праве. Право не определяет, насколько хороши или плохи люди, оно выясняет, насколько хороши или плохи их поступки.

9. КАК И ПОЧЕМУ ПОЯВИЛОСЬ ГОСУДАРСТВО

Из школьного курса истории нам знакома не вызывающая сомнений последовательность, в которой «племена» и «кланы» предшествуют государству в качестве более «отсталых» образований. Греческие полисы и римская республика обычно оказываются среди государств, и в целом государство считается более прогрессивным и современным образованием.

Если попробовать более дотошно в этом разобраться, то окажется, что данная последовательность, мягко говоря, неверна. Среди племен мы найдем более богатые и развитые, чем некоторые государства, да и в целом, присмотревшись внимательно, мы обнаружим, что то, что скопом записывается в разряд государства, часто в своем функционировании имеет гораздо больше общего с кланами и племенами. Для выделения какого-то явления в самостоятельный класс нужны функциональные признаки, которые регулярно повторялись бы в разных объектах.

В предыдущей главе мы говорили о том, что разнообразные правила возникают и поддерживаются потому, что они приносят пользу. Такие правила, пускай даже дикие, поддерживаются добровольно. Это в полной мере относится и к форме организации общества. Эти формы — не что иное, как правила поведения. И все они выглядят логично и закономерно, за исключением одного, присущего некоторым сообществам. Это правило состоит в том, что некая группа имеет привилегию на легальный грабеж и насилие по отношению к другим членам. Важно, что речь идет о свободных людях, т. е. одни свободные люди в «своем»³⁹ сообществе могут с помощью силы присваивать собственность других свободных людей. Собственно, это и есть регулярно повторяющиеся функциональные признаки, которые позволяют нам разбить сообщества на две группы: «свободные общества», или просто «общества», в которых агрессия запрещена для всех членов, и «государства», в которых существует группа, для которой разрешена агрессия (в этом случае греческие полисы⁴⁰, республиканский Рим и, возможно, древняя цивилизация Инда окажутся не-государствами).

Если сообщество ограничивает агрессию, если грабеж невыгоден, то как же тогда возникает государство? Ранее мы выяснили, как человеческие сообщества ограничили агрессию. Это случилось благодаря эволюции практик и правил, в которой выжили те правила, которые помогают ограничивать агрессию и наказывать за нее. Эти правила действительно универсальны и одинаковы у всех народов. Тот факт, что они совпадают даже у разных расовых групп, особенно впечатляет, ведь расовые отличия появились потому, что большие группы людей (точнее, большие группы сообществ) были изолированы друг от друга. Таким образом, они не могли заимствовать правила и практики у других расовых групп. И тем не менее все эти группы имеют одинаковые правила, причем каждая из них пришла к ним самостоятельно.

Не существует и никогда не существовало ни одного народа или племени, в котором было бы разрешено грабить или убивать своих соплемен-

³⁹ Элиты, по крайней мере в начале существования государства, не были «своими», это были завоеватели и их потомки. Но важно, что покоренным оставляли свободу, и завоеватели, и их жертвы формально имели один статус.

⁴⁰ Объединять греческие полисы в некую целостность, разумеется, нельзя. Речь идет о классических демократиях и олигархиях.

ников, в котором не существовало бы наказания за воровство или убийство. Это не совпадение, это просто подтверждение того факта, что иначе этих народов или племен вовсе не существовало бы. Те, кто не следовал таким практикам, не выжили.

Теперь перейдем к тому, почему появление государств стало возможным. Напомню, что универсальным решением проблемы агрессии были страховые группы, которые получали компенсацию в случае агрессии против своих членов и платили ее, если кто-то из членов этой группы совершал преступление. Это создавало систему контроля и подавления агрессии, так как агрессор сталкивался с сопротивлением целой коалиции, он всегда оказывался в меньшинстве. Это не означает, что агрессии не было вовсе или не существовало удачливых агрессоров. Это означает, что системе в большинстве случаев удавалось сделать издержки агрессивного поведения выше, чем поведения мирного.

Здесь мы подходим к самому главному, а именно к тому факту, что группы, какими бы большими они ни были, имеют свои четкие границы. Обычное право построено по членскому принципу, при этом членов группы всегда ограниченное число. Те, кто не входит в это число, не имеет никаких прав. Чужак не включен в систему взаимного страхования данной группы, за действия чужака никто не отвечает, поэтому он представляет собой как потенциальную угрозу, так и потенциальную цель для атаки. Отсюда, кстати, появились правила гостеприимства. В дошедшей до нас форме это главным образом ритуал ублажения гостя, но раньше (а кое-где и сейчас) оно имело ясный правовой смысл — гость (чужак) находится под защитой хозяина, а хозяин отвечает за поведение гостя перед своим сообществом.

В общем, поскольку право распространялось только на «своих», оно не затрагивало «чужих». Чужаки по определению были вне закона. Для своей безопасности им нужно было либо стать членом сообщества (что означало стать членом какой-либо страховой группы), либо воспользоваться услугами гостеприимства.

Нашим предкам не был знаком современный универсализм, когда все люди видятся равными в своих правах. Не случайно самоназвания многих племен и народов переводятся как «люди». Мы — люди. Все прочие — не люди, они вне закона, их можно грабить и убивать.

Агрессия, запрещенная в рамках сообщества, проявлялась в полную силу вне этих рамок. Племена могли нападать друг на друга, грабить, брать в рабство и устраивать геноцид по той простой причине, что право не запрещало это. Решение о войне находилось в области политики, а не права. Война, в свою очередь, узаконивала агрессию. В племенах, промышлявших разбоем, укреплялась власть военных вождей, появлялась военная аристократия⁴¹. Отсюда уже было рукой подать до государства.

⁴¹ Здесь весьма уместен пример Исландии, которая была заселена людьми, бежавшими от норвежского державотворца Харольда Прекрасноволосого. Эти люди уже

Теперь, вернувшись к нашему вопросу о возникновении государства, мы можем совершенно определенно сказать, что оно не может появиться в рамках *jural community*, т. е. сообщества, связанного между собой правом. Оно может появиться только извне и только в результате войны.

Никакой универсальной закономерности, приводящей к такому явлению, как государство, не существует. Государство, несмотря на его полное доминирование в современном мире, — это сугубо историческое явление, его появление и, главное, его выживание и последующее распространение — результат стечения обстоятельств, а не действия закономерностей.

Собственно, проблема, которой воспользовалась агрессия для того, чтобы институционализироваться в виде государства, состоит в том, что обычное право заканчивается на уровне страховых групп и не распространяется на «чужих». Для того чтобы выяснить, насколько критична эта уязвимость обычного права, нужно ответить на два вопроса. Первый — масштабируются ли страховые группы (если это не так, то обычное право не может объединить большие группы людей), и второй — способно ли обычное право выйти за пределы групп (если это не так, то война является неизбежным злом).

Может показаться, что размер страховой группы ограничен, поскольку, на первый взгляд, в нее попадают только ближайшие родственники. Однако это не так. Обычное право масштабирует страховые группы от семьи через «расширенную семью» к клану, причем последний не имеет тех естественных ограничений численности, которые имеют семьи. Сомалийские кланы насчитывают до двух миллионов членов, т. е. масштабируемость страховой группы не является проблемой. Теоретически история могла бы развиваться так, что все земляне были бы членами двух-трех огромных кланов, действующих в рамках общего права.

Точно так же право способно выйти за рамки страховых групп и кланов. У тех же сомалийцев существуют процедуры решения споров между членами разных кланов путем судов справедливости, когда судьи назначаются от каждого клана. Более того, сомалийское право Хеег является общим для всех кланов. Другим, более привычным для нас примером является «право peregrinorum», которое зародилось в республиканском Риме (т. е. во времена, когда римское право в полной мере было обычным правом). Перегрины — это неграждане Рима, которые тем не менее жили и работали в Риме. Это как раз та ситуация, когда человек находится вне своей страховой группы и не имеет никаких обязательств перед чужой группой, но должен как-то взаимодействовать с ее членами. Римские юристы замечательно справились

промышляли разбоем, и у них была военная аристократия. Однако все это исчезло, как только они опять оказались в условиях свободы. Норвежские колонисты создали «анархо-капиталистическое» сообщество, которое существовало 300 лет. Никакой «потребности» в государстве у них не возникло, даже при том, что они уже были прекрасно знакомы с этой системой.

с этой задачей, перегрины в результате могли свободно действовать почти во всех областях жизни: могли вступать в брак, наследовать, вести дела и заключать сделки. Единственное, чего они были лишены, — это, как мы бы сейчас сказали, «политических прав», на мой взгляд, весьма незначительная потеря.

В общем, государство выжило исключительно благодаря совпадению множества разнообразных обстоятельств. Эти обстоятельства могли бы быть и совсем другими, т. е. государство — это историческое явление (такое же, как, например, рабство), а не заданная объективными закономерностями неизбежность.

Теперь мы должны сделать следующий важный шаг, а именно признать, что «общество» и «государство» не являются элементами одного ряда. Племена, кланы, полисы и республики — являются, а «государство» — нет. Государства могут возникать на основе племен (африканские государства вроде Конго), кланов (европейские государства после распада Римской империи), полисов и республик (Римская империя). Иными словами, государство — это не форма организации людей, а ее *изменение*, вызванное, как правило, поражением в войне.

По этой же причине нельзя говорить о том, что государство «оказалось более эффективным, чем общество». Не существует никакой эволюционной последовательности между племенами, полисами и государствами. Существует лишь историческая последовательность, в которой государства появились позже, и это вполне закономерно, так как для того, чтобы осуществлять регулярный грабёж, нужно иметь, что грабить, нужна система, постоянно воспроизводящая богатство, т. е. развитое общество. Со временем зараза распространилась на весь мир, но это ничего не говорит о ее «эффективности» по сравнению с обществом, поскольку «задачи» у государства и общества совершенно разные. Общества помогают согласованию поведения людей, государства нарушают этот процесс. Об эффективности можно говорить лишь применительно к одинаковым задачам. Иными словами, можно сравнивать между собой племена, кланы, полисы и республики. Это будет корректное сравнение. И можно сравнивать между собой государства. Последние нужно сравнивать по степени удачности грабежа, по «соотношению прибылей и затрат», которые нужны для отъема «на душу населения». Украина, кстати, с этой точки зрения будет одним из самых эффективных (или «сильных») государств в мире.

Понимая все это, мы должны заметить, что государства в «чистом виде» не существует. Полисы, республики, кланы и племена являются формами осуществления процесса согласования человеческой деятельности (пусть часто с ошибками и багами в виде той же общинной земли в Риме). Государства же являются паразитами, нарушающими этот процесс. То есть это разные сущности, которые нельзя сравнивать, поскольку паразит нуждается в хозяине, без него он просто не существует. Представьте банду рэкетиоров в

пустыне. Вот это и есть государство в «чистом виде». В пустыне рэкетирам некого рэкетирить. Им придется либо заняться решением проблемы своего выживания, либо погибнуть. И в том, и в другом случае они перестанут быть рэкетирами, т. е. «государством».

Очевидно, что после того, как в обществе заводится паразит, само общество никуда не исчезает. Оно продолжает функционировать и часто даже развиваться. Поэтому, говоря о каких-то достижениях разных народов, вы всегда сравниваете достижения обществ⁴². Некорректно сравнивать «дикие безгосударственные племена», которые якобы являются идеалом либертарианцев, и «современные государства». Это просто два общества, одно более развито, чем другое. Человек с паразитом может быть более развитым, чем человек без него. И избавление от паразита не превращает его в менее развитого. Он остается собой, но без паразита. И, скорее всего, он будет чувствовать себя лучше⁴³.

Строго говоря, необходимо новое слово для обозначения паразита, для того чтобы не отождествлять его с обществом, на котором он паразитирует. В этой книге я буду стараться называть «государством» именно самого паразита. Когда же речь будет идти о том, что обычно называется государством, я буду говорить об «обществе с государством».

Общество с государством имеет четкие признаки, которые позволяют отделить его от свободного организованного сообщества. Во-первых, это территориальный признак, который лежит в основе его функционирования. Племена, кланы, полисы и республики построены по членскому или родственному признаку. Это означает, что вы «носите свою юрисдикцию с собой» — где бы вы ни находились, вы являетесь субъектом права вашей группы (клана, полиса и т. п.). Государству же все равно, кто, как и почему

⁴² Нужно быть очень осторожным, читая исторические труды. Историки, поскольку они, как правило, не знакомы даже с социологической концепцией государства, не говоря уже об экономической, склонны называть государством любое организованное сообщество. Например, они называют государством древнюю цивилизацию долины Инда, хотя не обнаруживают там следов организованного принуждения и рабства. Зато они обнаруживают там сложные сооружения, и «государство» немедленно возникает в их головах, поскольку лишенный экономических знаний разум предполагает единственно возможным способом строительства огромных каменных сооружений «государство». Точно так же древнекитайские философы были уверены в том, что только государство может добывать железо и медь, а еще совсем недавно широкая публика не сомневалась в том, что только государство может запускать ракеты в космос.

⁴³ Чаще всего этот демагогический трюк используют на примере Сомали, когда говорят: «смотрите, в Сомали нет государства. Вы хотите, чтобы было так, как в Сомали»? Нельзя сравнивать жизнь в Сомали (без государства) и жизнь в Швейцарии (с государством). Можно сравнивать жизнь в Сомали с государством и без него. Как мы говорили, даже по данным заинтересованных в существовании государств организаций, сомалийцы без государства живут лучше, чем с ним. Причиной бедности является не отсутствие государства, а перераспределение богатства, поддерживаемое обычным правом.

оказался на его территории, все должны платить ему дань. Современное государство имитирует членский принцип в виде «гражданства», но налогообложение и обязанность подчиняться законам, имеющим территориальные границы, выдают эту имитацию. Во-вторых, это наличие налога, того, ради чего и создается государство. Налог отличается принудительным характером взимания, регулярностью и безусловностью, т. е. отсутствием или, скажем так, необязательным наличием каких бы то ни было «целей», на которые он должен тратиться. Существование у некоторых налогов таких целей в истории государств чаще всего связано с маскировкой налога под целевые взносы. В-третьих, должна существовать ясно очерченная постоянная группа, в интересах которой проводится налогообложение. В-четвертых, должна существовать постоянная организованная группа, которая занималась бы принуждением к налогообложению. В-пятых, по-видимому, неизбежной (но необязательной на самых ранних этапах) является монополия на правовой энфорсмент, а затем и на создание правовых норм.

Эти пять признаков обязательны, и именно они отличают сообщество, пораженное государством, от сообщества, где его нет. Чтобы избежать ненужных вопросов, скажу, что поскольку государство не создает ничего своего, кроме налогообложения, то общество, пораженное государством, часто может иметь институты, существующие параллельно с государством. Например, вместе с налогами могут существовать и целевые сборы, вместе с государственным правом — собственное право и его институты, включая суды и даже энфорсмент (с которым государство борется в первую очередь), вместе с силами принуждения правящей группы — собственные силы в виде ополчения, которое разрешается использовать в определенных ситуациях, и т. д.

10. НЕ БАГ, А ФИЧА, или ВОЛШЕБНАЯ ТАРЕЛОЧКА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Изображение на картинке содержит оптическую иллюзию. Как правило, при первом взгляде люди видят тарелки лежащими сверху дном. Так происходит потому, что привычный нам паттерн восприятия предполагает, что источник света расположен сверху. Но если вы заметите маленькую тарелку слева, у которой тени лежат так, как будто свет расположен справа, то все волшебным образом изменится и тарелки перевернутся, причем сразу на всей картинке.

Мы видим мир готовыми паттернами, мы вставляем информацию в некие готовые рамки. Это не хорошо и не плохо, это так есть и понятно почему — паттерны упрощают восприятие, значительно сокращают время на обработку информации и принятие решений, именно потому они и существуют. Паттерн позволяет «дорисовать» картину по ее элементам. Если А, В и С связаны некоторым образом, то, увидев А и В в подобающей связи,

мы «дорисовываем» С и двигаемся дальше. И так дело обстоит не только в зрительном восприятии. Сложный мыслительный процесс подвержен паттернизации в гораздо большей степени. Собственно, абстрактные конструкции, которыми мы описываем мир, начиная с языка, на котором мы это делаем, не что иное, как шаблоны разной степени сложности. Мыслить «вне шаблонов», как призывают нас тренеры по личностному росту, попросту невозможно. Однако шаблоны можно изменить, отказаться от тех, которые неверно описывают мир и заставляют нас совершать ошибки.

Обычно для изменения шаблона необходимо больше информации, больше фактов и часто другой угол зрения (другая концепция, другое описание целого). Большинство оптических иллюзий построено именно на этом обстоятельстве: мы обманываемся в рамках данных нам обстоятельств, но, если мы сможем выйти за их пределы, мы получим новые данные, которые позволят избежать ошибки. Поэтому в реальной жизни те же оптические иллюзии встречаются в основном на картинках, в «живой природе», увидев нечто необычное, мы сразу же начнем искать информацию, с которой можно сравнить то, что мы видим, и, как правило, быстро ее находим, после чего иллюзия исчезает. Оставаясь же в рамках рисунка, мы обречены видеть то, чего нет, поскольку в нем нет новых фактов, а сам рисунок есть заданная концепция, заданное описание, за которое невозможно выйти. Иллюзии-перевертыши вроде нашей картинке с тарелками или знаменитого рисунка с девушкой и старухой работают потому, что содержат в себе «новый факт», некую «ошибку», заметив которую, ваш мозг может собрать старые данные в рамках новой концепции и получить вместо старухи девушку. Если таких зацепок и сознательно внесенных «ошибок» на рисунке нет, вы обречены наблюдать отрезки разной длины (которые на самом деле одинаковы), кривые линии вместо параллельных прямых и прочие трюки зрения, вызванные заданностью концепции рисунка и ограниченностью информации на нем.

Вы можете убедиться в иллюзии, только прибегнув к другому способу анализа, например, заменить простое визуальное наблюдение на измерение. Отрезки, которые кажутся вам разными, окажутся одинаковыми, а кривые станут прямыми.

Эта же механика лежит в основе и более сложных процессов. Мышление о таких абстрактных вещах, как «общество» или «государство», тоже строится на многочисленных шаблонах. Правда, ситуация здесь радикально отличается от оптической иллюзии тем, что всегда есть возможность узнать новые идеи и факты и выйти за пределы заданного «рисунка». Если это не помогает, можно сменить аналитические инструменты и приемы, скажем, вместо социологических моделей использовать экономические, и тогда мы увидим, что прямые на самом деле параллельны, а отрезки равны. В любом случае у нас есть способы увидеть истинную картину.

Чаще всего смена шаблона происходит, когда среди фактов и идей вам попадает своя волшебная тарелочка, которая вдруг выстраивает известные вам факты в совсем другую картину, которая мгновенно складывается у вас в голове. Для меня такой тарелочкой (точнее, одной из них) стала мысль о том, что, возможно, все, что нам кажется неправильным и недостаточно хорошим в государстве, является не багом, а фичей, т. е. не налоги собираются для государственных школ и больниц, а школы и больницы строятся *ради налогов*. И так далее. Такое понимание сразу поставило все на свои места, и картинка приобрела логичный и законченный вид.

Действительно, если смотреть на государство, воспринимая его как производителя «общественных благ», то оказывается, что существует слишком много вопросов, на которые нельзя дать ответы. И чем глубже вы исследуете предмет, тем больше таких вопросов возникает. Кто, с кем и на каком основании заключил «общественный договор»? Почему этот договор касается всех, включая тех, кто его никогда не подписывал? Если даже понимать «общественный договор» как подразумеваемые нормы отношений «власти» и «народа», то каким образом из подразумеваемых эти отношения переходят в форму конкретных финансовых обязательств (налоги), за неисполнение которых предусматривается наказание, т. е. переходят в форму контракта, но сам контракт при этом отсутствует? Если это контракт, то когда прекращается его действие? Как выйти из него? Если это контракт, то почему арбитром в нем выступает одна из сторон («нельзя быть судьей в своем деле» — правовой принцип, без которого нет правосудия). Почему налоги, которые даже современным уголовным правом описываются как грабеж, таковым не считаются? На каком основании люди, которые не имеют никакого права принуждать меня, «делегируют» это несуществующее право другим людям? Какая магия превращает неправовые решения, принятые большинством, в правовые?

Все эти вопросы теряют свой смысл, когда вы понимаете, что государство возникло из удачливой банды. Ей удалось удержать территорию,

с которой она собирала дань, два-три поколения. Все эти «демократии», «общественные договоры» и «общественные блага», как до них «божественное право», просто способы объяснить и оправдать существование этой системы, причем объяснить так, чтобы всем была видна не только польза такого положения дел, но и его неизбежность. Поскольку на самом деле никакой пользы и неизбежности не существует, то «баги» и «противоречия» в концепциях, изобретенных задним числом, неизбежны. И существуют они не потому, что отцы-основатели что-то недодумали, и не потому, что система развивалась как-то кособоко, а просто потому, что описание не соответствует реальности. Налоги «похожи» на грабеж потому, что это и есть грабеж, «законодательство» является просто приказами правящей группы, а «демократия», выборы и прочие процедуры призваны обеспечить согласие налогоплательщиков.

Если вы представляете, как работает рынок, то у вас исчезнет и другая иллюзия — иллюзия осознанного замысла. Чиновники, политики, журналисты и эксперты не являются злодеями, они обычно ничего не «скрывают от народа» и довольно часто даже не пытаются его обмануть. Банда, которая грабила некую территорию, прекрасно понимала, что она делает, но через несколько поколений это понимание исчезло, появилось «божественное право», затем оно сменилось «правом народа» и прочей демагогией, и все это происходило на фоне борьбы не только идей, но и людей, которые действительно верили во все это. Но рынку не интересны ваши намерения, ему интересны и понятны только ваши действия. Вы можете думать все что угодно, вы можете верить в демократию и права человека, но если вы зарабатываете на государственном принуждении, то ваши действия будут развивать те институты и те концепции, которые помогают вам это принуждение осуществлять. Будет ли это «божественное право», «демократия», «права человека», «принцип фюрера», «коммунизм» или «проект Венера» — это просто вопрос того, как сложатся обстоятельства на рынке.

В следующей главе мы рассмотрим, как эволюционировало государство и как оно постепенно обрастало своими «функциями», которые теперь кажутся нам органично ему присущими, но которые являются либо способом удержать «право на грабеж», либо присвоенными институтами гражданского общества.

11. ЭКСКУРС РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Мы выяснили, что появление государства является прямым следствием войны, а сама война становится возможной потому, что страховые группы, обеспечивающие защиту от агрессии, имеют границы. Они защищают от агрессии внутри, но не снаружи. Это обстоятельство дает возможность появиться государству, однако возникает оно далеко не сразу. Это довольно сложная «технология», которая в своем развитии прошла несколько этапов.

Сразу отмечу, что эти этапы не исторические, а технологические, это этапы развития определенной идеи, определенных способов грабежа. В один и тот же отрезок истории существовали как государства-новички, пребывающие практически на стадии рэкета, так и продвинутое государства, освоившие премудрости паразитирования.

Итак, первый этап — это набеги и стычки между племенами. Это самая распространенная практика. Обычно после нескольких стычек все успокаивается и дальше следует своим чередом, правда, иногда такие столкновения приводят к геноциду.

Второй этап — это набеги и войны, которые заканчиваются наложением дани. Это уже более продвинутое версия войны.

Третий этап можно назвать «рэкетом». Он отличается тем, что, в отличие от ситуации с наложением дани, когда агрессор после победы удаляется к себе домой и оставляет данника наедине с его горем, здесь агрессор никуда не уходит. Мало того, дань, представляющая собой определенную конечную сумму, которую нужно выплатить за определенное время, после чего данник становится свободным, заменяется налогом. Налог, в отличие от дани, не имеет ни срока, ни размера, он взимается всегда и в объемах, которые ограничены лишь способностью его собрать.

Однако, для того чтобы этот переход совершился, нужны некоторые географические условия. Неоднократно отмечалось, что первые государства возникли в местах, откуда трудно куда-либо перебраться, вроде долины Нила. Заметим на полях: если бы земная суша представляла собой в основном степи или лесные массивы, то государства попросту не возникли бы, так как самый распространенный и очевидный способ борьбы с государством — «голосование ногами». Это еще один камень в огород тех, кто считает, что государство возникает «само собой», т. е. его появление «запрограммировано» в мирных социальных отношениях.

И, наконец, четвертый этап — это переход к «медленной войне», т. е. появление государства как такового. Он отличается от рэкета тем, что теперь завоеватели не только живут среди завоеванных и берут с них налог, но и «охраняют закон». Как правило, это происходит потому, что завоеватели пытаются установить монополию на закон и таким образом узаконить и налогообложение.

Эта инновация позволяет увековечить войну. Теперь после военной победы война не прекращается, она просто переходит в новое состояние — становится «медленной», или «законной», войной. Теперь завоеватели «на законном основании» могут вести бесконечную войну против завоеванных, подвергая их регулярному грабежу. Сопротивление парализуется тем, что государство так или иначе начинает «решать вопросы» завоеванных, хотя и делает это потому, что пытается получить монополию на право.

На полях здесь нужно отметить, что в этой ситуации выигрывают только завоеватели. Теория Олсона о «стационарном бандите», которая пытается

связать Гоббса с экономикой, глубоко ошибочна. Налогооблагаемые никак не выигрывают от того, что после завоевания у них не забирают все подчистую, не подвергают их набегам и не разрушают их жилища. Набеги не альтернатива налогам. Альтернативой как набегам, так и налогам является их отсутствие. И именно этой альтернативы счастливо избегает бандит, который теперь становится стационарным и гарантированно получает свой доход, сводя риск для себя к минимуму.

Государство не привносит никакого дополнительного порядка в уже существовавший, скорее наоборот. Например, можно напомнить о том, что государство не «охраняло порядок» и не ловило преступников. Оно только их наказывало. Государство по понятным причинам очень ревниво относится к тому, чтобы кто-то еще вершил суд на его территории, поэтому людям, поймавшим преступника, нужно было тащить его в государственный суд. Многим трудно будет поверить в то, что «охрана порядка» и «борьба с преступностью», которые принято считать чуть ли не причиной возникновения государства, начали интересоваться его только в XVIII—XIX веках с воцарением демократии. Ну и, конечно же, то, что государственное право заменило реституцию, принятую в обычном праве на наказание, тоже не добавило порядка. Замена реституции наказанием создала фабрики, производящие преступников и являющиеся для них курсами повышения квалификации, — тюрьмы.

В общем, этап «медленной войны» стал критически важной инновацией, которая позволила государству выжить и эволюционировать. До тех пор, пока не было сделано это открытие, государства доходили до этапа рэкета, существовали максимум одно-два поколения и исчезали. Подавляющее большинство государств, существовавших на Земле, не оставило после себя никаких следов ввиду скоротечности своего существования. Только открытие «медленной войны» позволило государствам закрепиться сначала на специфических в географическом отношении территориях (с которых трудно было убежать), а потом постепенно расползтись по планете, причем процесс их расползания закончился совсем недавно.

Здесь нужно заметить, что, когда я говорю о том, что государство исчезало, я имею в виду то, что рэкетиров либо убивали, либо от них уходили, т. е. государство исчезало в буквальном смысле слова, а люди возвращались к своим делам и привычному безгосударственному образу жизни. Мы путаем исчезновение государства со сменой правящей элиты. Но замена флагов, гимнов, «смена политического строя», завоевания одних государств другими и прочие революции с переворотами не создают новых государств, они лишь меняют группы людей, имеющих привилегию творить беззаконие на некой территории. Украинцы, например, живут «при государстве» со времен варягов. «Новое государство» возникло здесь тогда, когда варяги организовали тут «медленную войну», больше новых государств тут не было (точнее, в рамках современной Украины новым было государство

на территории Дикой Степи, когда оно стало закрепляться там во времена Российской империи).

Почему «медленная война» позволила государству выжить? Она узаконила агрессию. Преступные группировки в обычных условиях маргинальны, поскольку преступная деятельность сопровождается высокими издержками на любом этапе.

Мне скажут, что существуют же всяческие мафии, которые, судя по всему, неплохо себя чувствуют, но это, скорее, аргумент в мою пользу. Мафии существуют в основном на рынках, искусственно криминализированных государством, или на зарегулированных рынках, где регулирование трудно поддается контролю (например, строительство). Проституция, производство и продажа наркотиков, производство и продажа оружия не является преступлением с точки зрения права. Исключительно государственные предрассудки делают эту деятельность преступной, и потому на этих рынках возникает мафия, и именно с этой деятельности она кормится. Преступная деятельность как таковая, т. е. убийства или киднеппинг, здесь скорее необходимое обеспечение основного бизнеса. Не существует устойчивых расширяющихся и процветающих структур, которые бы занимались исключительно преступлениями — убийствами и грабежами. Профессиональных убийц, живущих только с заказов и рассматривающих эту деятельность как постоянный бизнес, — считанные единицы, в масштабах всей планеты, возможно, несколько тысяч человек.

И вот представьте себе, что мы оказываемся в мире, где преступность почетна и уважаема. Воры, грабители и убийцы не скрываются, они открыто живут среди нас, мало того, это уважаемые люди и их довольно много. В телевизорах эксперты обсуждают, как улучшить показатели грабежей, в фейсбуках высмеивают маргиналов, доказывая им, что грабеж — это всегда полезно и что ограбляемые на самом деле отдают свои вещички добровольно. Сопротивляться грабителям запрещено, за сопротивление наказывают. Вокруг всего этого существует идеология и наука. Тысячи ученых получают престижные премии за доказательства полезности воровства, тысячи философов, экспертов, журналистов объясняют, почему грабить и убивать — это в «человеческой природе» и что это на самом деле хорошо. Ну и, конечно, в отличие от «нелегальных» маргиналов, количество профессиональных легальных убийц в таком обществе, т. е. разного рода милиционеров и военных, измеряется десятками, если не сотнями миллионов.

Как можно дойти до такого? Можно, если узаконить грабеж и силой поддерживать этот закон. Именно это и произошло на этапе появления «медленной войны». Завоеватели, которые через несколько столетий стали уже «своей» элитой, отличаются от прочих членов сообщества тем, что получают доход путем регулярного узаконенного грабежа. Узаконивание создает и еще один важнейший эффект — государственная и околосударственная деятельность становится легальной, а в последние 100 лет даже престижной

и уважаемой. Философам, обосновывающим необходимость государства, не нужно прятаться. Экономистов, изобретающих одну чушь за другой, никто не ловит на улицах. Журналистов, воспевающих государство, не вешают на фонарях. Даже милиционеры и налоговики живут спокойно и счастливо. Легальность означает, что вся эта деятельность внедрена в ткань обычной мирной деятельности, которой занимаются люди. В результате вокруг нее образуется своего рода рынок, который начинает действовать «сам по себе». Это самое важное и самое радикальное последствие «медленной войны», последствие, которое позволило государству выжить и эволюционировать.

Теперь вкратце рассмотрим первые этапы этой эволюции. Для примера возьмем государства Западной Европы, хотя бы потому, что их история достаточно хорошо известна и непосредственно касается нас самих. Разумеется, основной целью этой эволюции является рост власти и доходов правящей верхушки. Поэтому для этой эволюции полезно все, что увеличивает размеры грабежа, и все, что делает его менее заметным. В Европе, о которой мы говорим, эволюция государств в силу некоторых причин проходила в большей степени в замаскированном виде, что, разумеется, не отменяло периодических попыток увеличить открытый грабеж. Однако такие попытки часто плохо заканчивались для тех элит, которые их предпринимали, поэтому эволюционно победила стратегия маскировки.

Каждый из этих этапов характеризуется двумя качествами. Первое — это способность увеличивать доходы правящей группы, второе — способность обмануть жертву, замаскировать грабеж и даже заинтересовать в нем жертву. Здесь нужно заметить, что большинство этих этапов обладает обоими качествами одновременно. Так, например, национализация образования и увеличивает бюджет, и маскирует государство, делая его якобы полезным.

Разделяй и властвуй, появление и стимулирование «групп интересов». Само существование «верховного арбитра» и единственного законного источника правил в виде государства провоцирует появление тех, кто будет пытаться воздействовать на него в своих целях. Получение разнообразных льгот и привилегий от правителей и борьба вокруг этого — типичный сюжет с самых древних времен. «Группы интересов» и их бесконечная возня стали настолько привычными, что многие полагают это свойством общества как такового. Разумеется, «группы интересов» могут существовать как с государством, так и без него (например, религиозные группы или, скажем, противники абортот), но социально опасными делает их только государство. Дело тут в том, что «группы интересов» будут постоянно возникать потому, что государство может радикально уменьшить их издержки за счет перекладывания их на всех остальных. Например, если противники абортот в свободном обществе могут добиться своих целей только с помощью агитации, что подразумевает использование собственных ресурсов, то аналогичной группе давления в государстве достаточно добиться принятия

закона. После этого исполнение закона становится обязанностью государства, что перекладывает издержки на все общество.

Правители могут использовать опцию «разделяй и властвуй» в своих интересах, а могут и нет, но она всегда существует. Само по себе появление «групп интересов» не есть этап некой эволюции, это системный фактор, прямое следствие монополии на власть. Подданные разделены (а значит, ослаблены) самим фактом существования монопольной власти.

Исполнение законов. Как мы уже говорили, это был наиболее удачный ход, позволивший государству выжить. Победители взялись исполнять закон побежденных. Специфика этого процесса состояла в том, что побежденные, если это было свободное сообщество, жили по «горизонтальному» праву, а государство в силу своей природы создавало «вертикальное» право приказов, фактически становясь собственником территории. Процесс подавления приказами обычного «горизонтального» права шел по-разному и с разной скоростью. В отдельных случаях он закончился совсем недавно (англосаксонские страны), в других — очень давно (Россия), и иногда даже можно проследить, как этот процесс протекал [15]. В любом случае везде, где государство заразило общество, страховый принцип уходит и вместо него появляется «уголовное право», в котором преступления против личности становятся преступлениями против суверена. Таким образом, «уголовное право» рассматривает вас как собственность государства.

Разумеется, нам понятнее ситуация, когда завоеватели приносят с собой свое право, но она характерна уже для эпохи, когда государства завоевывали друг друга. Первоначальная же ситуация была такой: обе группы — и победители и побежденные — живут по обычному праву, но группа победителей также использует в отношении побежденных приказы, т. е. нормы, характерные для прав собственности. Поэтому победившая группа закономерно стремится быть единственным источником правил, арбитром в использовании этих правил и палачом, наказывающим за их несоблюдение.

Разнообразие налогов. Дань является окончательным решением конфликта между агрессором и его жертвой. Заплатил — и больше ничего не должен. Налог тоже некоторое время взимался таким образом, т. е. был неопределенной по времени и объему версией дани, пока у кого-то не возникла светлая мысль обкладывать налогом не людей, а их деятельность и разнообразные события (например, вступление в наследство). Такие налоги существовали в Римской империи (а возможно, и раньше). Вероятно, корни таких налогов, по крайней мере в случае Рима, уходят в практику полисов взимать плату за те или иные действия (например, стоянку кораблей в гавани и т. п.). Так или иначе, эта идея прекрасно справляется с обеими задачами — увеличивает доход правителей и маскирует реальные убытки, которые несет сообщество от налогообложения, неравномерно распределяя их как по времени, так и между людьми. Кроме того, публика

меньше сопротивляется таким налогам. Если налогообложение «размазано» по видам деятельности, можно выдумать какое-нибудь «обоснование» для каждого случая. Кроме того, борьбу с налогообложением как таковым теперь можно заменить борьбой с «отдельными недостатками», отдельными «несправедливыми» налогами и т. п.

Появление обязательств у аристократии. «Наши» и «ваши». Если государство выживало, то со временем победители и побежденные «притирались» друг к другу. Европейская феодальная система часто ошибочно представляется некой иерархией (пусть и более сложной и замысловатой, чем привычное нам национальное государство), однако в этой системе сословия имели не только свою «долю» власти, но и обязательства друг перед другом. Романтизация Средневековья в эпоху промышленной революции, бывшая своего рода протестом против новой «обезличенной» реальности, противопоставляла ей правильную, «более человечную» реальность Средних веков. Это был не просто интеллектуальный каприз, для такого противопоставления есть некоторые основания. Хотя истинное Средневековье, очевидно, сильно отличается от его романтизированной версии, совершенно точно можно сказать, что нет никаких причин для того, чтобы именовать эту часть истории Европы Dark Age.

Так или иначе, со временем аристократия начинает восприниматься как «своя», хотя сословное деление сохраняется очень долго и его следы можно найти и сегодня, причем не только в таких странах, как Англия, но и, например, в Польше. Восприятие начальства как «своего» снижает сопротивление налогооблагаемых.

Появление этатистских идеологий. «Право сильного» несовместимо с правом, поэтому если государство начинает защищать закон (что необходимо ему для выживания), то следующим этапом должно стать появление идей, оправдывающих или маскирующих противоречие между «правом сильного» и правом. Такие идеи начинают появляться. К примеру, Фома Аквинский называет налоги грабежом, кроме тех случаев, когда они идут «на благие цели». Это очень полезная оговорка, сделавшая возможной всю последующую апологику государства.

Инфляция. Помимо налогов, старейшим способом обогащения является инфляция, которая раньше называлась более честно — «порча монеты». Уменьшая содержание драгоценных металлов в монетах, государство тем самым зарабатывало себе на жизнь. Правда, в старину возможности для этого были ограничены хождением конкурирующих монет, а также тем, что монеты меняли на вес. Широкомасштабную «порчу монеты» можно было организовать, только если вы Римская империя и поблизости нет конкурентов, выпускающих собственные деньги. Со временем государства избавились от этих досадных недостатков.

Рост власти правителя. С утверждением государства основным политическим сюжетом становится борьба за личную власть верховного пра-

вителя. Этот процесс всегда сопровождается ростом «полномочий» и сокращением власти конкурентов, что на данном этапе становится одним из основных направлений в расширении государства. Монархии Европы (кроме Англии) приходят к абсолютизму.

Да, конечно, в этой схеме тоже заключена очевидная проблема. Первоначально территория государства была захвачена, а не куплена или приобретена другим законным образом, поэтому никаких договоров, отражающих сделку на уровне права, между фактическими собственниками участков и вновь образовавшимся «верховным» собственником, не было. Это означает, среди прочего, невозможность создания непротиворечивой системы права, которая бы охватывала в равной степени захватчиков и захваченных. Поэтому постоянно изобретались разнообразные идейные и юридические костыли, которые бы поддерживали эту хрупкую систему. Одним из таких костылей, доживших до наших дней, была концепция суверенитета — набор софизмов, призванный объяснить, почему все устроено именно так, как устроено (показательно, как тот же Альберт Дэйси [16], обычно отличающийся ясностью изложения, начинает путаться, как только дело доходит до доктрины парламентского суверенитета, в которой сувереном является забавная фикция под названием «король в парламенте»).

Тем не менее, несмотря на костыли, общая схема, в которой король и бароны являются собственниками, худо-бедно решала поставленные задачи. По крайней мере, сама элита придерживалась такой трактовки в своей практике, что позволяло сохранять мир и стабильность. Например, вопреки распространенному заблуждению, феодалы не воевали постоянно друг с другом по той простой причине, что... не могли. Для того чтобы другие феодалы не рассматривали вас как нарушителя конвенции и не вмешивались, вам нужно было найти обоснования войны, и в качестве таковых наиболее надежными были претензии на титул собственности. Без такого обоснования феодал-агрессор становился изгоем, против него тут же образовывалась коалиция и он немножко страдал; в общем, действовала та же механика, что и в обычном праве. По этой причине фабрикация претензий на титулы занимала долгие годы. По этой же причине заключение браков в те времена было настоящей наукой, а изменения правил наследования могли вызвать революцию.

Все это радикально изменилось в Новое время. Собственник исчез. Место государя из плоти и крови заняла абстракция под названием «государство».

Итак, принципиально важным моментом стало появление профессиональной бюрократии. Именно коллективный интерес этой группы становится главным мотором всех последующих изменений. Бюрократия появилась как неизбежный результат расширения государства «вовнутрь» и, в частности, если мы говорим о Европе, как один из результатов политики меркантилизма, т. е. попыток государства зарабатывать на регулировании

экономической деятельности, для чего были необходимы орды чиновников. Рост этой группы людей, находящихся на жаловании и кровно заинтересованных в стабильности государства, был поначалу незаметен, но уже во времена абсолютизма эта группа обладала серьезной властью. «Ваше величество всего лишь традиция», — эти слова были сказаны французскому абсолютному монарху в момент наивысшего расцвета этой самой монархии.

Вместе с бюрократией появилась и идея «государственного» — концепция организации общества, независимая от монарха, монархии и вообще от способа управления. Классиком жанра здесь, конечно же, является Гоббс, который отличается от большинства своих предшественников тем, что преподносит государство не как продукт истории конкретных народов и не как продукт воли монархов, а как неизбежную форму организации человечества. Идею «государственного», существующего отдельно от конкретного государства, можно назвать матерью всех последующих инноваций.

Сейчас для нас важны две из них. Первая — это «государственный долг». Фактически это мошенничество, в котором заемщик — физическое лицо заменяется на весьма специфическое юридическое лицо, проще говоря, подменяет конкретного короля абстрактным государством. Некоторые виды юридических лиц тоже национализируют издержки, однако они все равно находятся в общем для всех правовом поле и несут ущерб от банкротства. В случае государства не происходит ни того, ни другого. Государство само создает «правовое поле», и решение о том, как именно будет возвращен займ и будет ли возвращен вообще, является политическим, а не юридическим. Банкротство государства ограничивается лишь признанием его неспособности платить по счетам, оно не ликвидируется, как предприятие, и лишь в наиболее одиозных случаях политики несут реальную ответственность за свои действия. Самое же главное тут то, что государственные займы «обеспечиваются» налогообложением, т. е. они делаются от имени государства, а отвечают по ним налогоплательщики.

Первоначально цель «государственного долга» как раз и состояла в том, чтобы избавить монарха от необходимости продавать земли и замки в уплату своих долгов и переложить свои проблемы на налогоплательщиков. Несколько позже государства открыли все прелести невозможности реального банкротства, а еще позже выяснилась простая вещь — король не нужен. Для того чтобы брать займы и вешать их на государственный долг, не нужна монархия. Эта история — прекрасная иллюстрация моего тезиса о том, что государство, стремясь к расширению, находит все более совершенные формы паразитирования. И в ходе этого процесса могут меняться и «формы правления» и «социальное устройство», в том числе и ликвидироваться либо сводиться к декоративной роли институты, еще вчера казавшиеся всемогущими и незыблемыми.

Вторая инновация — это государственный бюджет, а точнее, появление «государственных расходов» и отделение от них расходов короны. Проще

говоря, казна государя превращается в государственную казну, в которой расходы на нужды короны являются лишь одной из статей. В наиболее вызывающей форме это было сделано в Англии, где королю причиталась фиксированная сумма, выплачиваемая раз в год.

Появление государственного бюджета трудно переоценить. Это одно из величайших достижений паразитирования. Еще каких-то 150–200 лет назад состояние королевской казны интересовало лишь ее кредиторов. Человек (не чиновник и не вельможа), переживающий о том, что в казне нет денег, воспринимался бы как сумасшедший. Никому и в голову не могло прийти считать государственные деньги «нашими» деньгами.

Параллельно происходили идеологические изменения. Борьба с монархами породила идею народного суверенитета. Это еще одна прекрасная иллюстрация эволюции паразитирования, в данном случае, на примере идей. Дело обстоит так. Одновременно с народным суверенитетом, начиная с левеллеров, высказывается и идея личного суверенитета, а попросту говоря, неприкосновенности прав собственности. Но эта идея, в случае ее удачной реализации, ликвидировала бы паразитирование. Поэтому личный суверенитет игнорируется (эта идея остается на заднем плане у Локка и опять появляется только у Ротбарда), а политически актуальным становится суверенитет народный. Все это в итоге порождает политическое течение, которое можно обобщенно назвать «республиканством». Его идейная суть состоит в замене суверенитета (предположительно эгоистического и развращенного) монарха на суверенитет (предположительно доброго и справедливого) народа.

Республиканство выросло, в том числе и из увлечения античностью, которое началось еще в эпоху Возрождения. Европейцы вдруг вспомнили о греческих полисах и римской республике, которые давали им воодушевляющие примеры «служения народу» (особенно римляне) и снабдили их рядом идей, среди которых, например, была идея о том, что должность может существовать отдельно от человека. Это придало становлению бюрократии характер прогрессивного движения. Республиканство просуществовало как самостоятельное политическое течение (и чуть ли не идеология) вплоть до объединения Италии.

Здесь, опять-таки, показательно то, что римляне, которых республиканцы ставили в пример и которым подражали, понятия не имели ни о каком суверенитете — ни монаршем, ни тем более народном. Некое подобие идеи суверенитета монарха появляется там только при Диоклетиане, т. е. совсем незадолго до краха империи. До этого момента император считается одним из сенаторов, а его эдикты — обычными преторскими эдиктами. Понятно, что в республиканские времена, которые взяли за образец деятели прогрессивной общественности того времени, вообще никаких идей «суверенитета» не было.

Последний гвоздь в гроб старого порядка забило Просвещение со своим рационализмом, который из естественных наук неизбежно распространился и на «социальную сферу», где благополучно превратился в позитивизм. Теперь считалось, что государство может и должно приносить пользу (если, конечно, будет правильно и рационально организовано).

Итак, монарха заменила абстракция государства, теперь не монархи, а «народы» владели территориями и изъявляли свою волю через государственные институты. Чиновники и политики были лишь слугами, «людьми, которых мы наняли на работу», а само государство, которое всегда воспринималось как (неизбежное) зло, превратилось в инструмент причинения добра. Идея Гоббса об «искусственном человеке», состоящем из множества людей, воплотилась в жизнь.

Итак, в течение каких-то трехсот лет государство изменилось до неузнаваемости. Реальный субъект — монарх — был заменен народом — искусственным человеком Гоббса, фикцией, от имени которой осуществлялось теперь налогообложение того же самого «народа». Это полностью поменяло взаимоотношения налогоплательщиков и тех, кто получал доход от налогов. Теперь налогоплательщики могли верить в то, что государство приносит пользу, и рассматривать его как «свое». Руки Левиафана оказались развязаны, и он немедленно принялся за дело.

В течение исторически короткого времени было закончено присвоение государством денежной системы. Процесс занял примерно 300 лет, но шел он с неодинаковой скоростью, начиная со второй половины XIX века он ускорялся и завершился в 1971 году. В XIX веке начался процесс присвоения системы образования. Кстати, цель получения детьми знаний никогда не рассматривалась в качестве главной ни в прусской модели, счастливыми наследниками которой мы являемся, ни в американской. В обоих случаях главной и нескрываемой целью присвоенной государством системы была индокринация правильных, с точки зрения Левиафана, идей. Собственно говоря, все, что нужно знать об этой системе, это то, что государство практически повсеместно наказывает родителей, которые пытаются уберечь от нее своих детей.

В конце XIX века в Германии и в начале XX в Англии государство начало присваивать себе систему социального страхования, которая базировалась на добровольных обществах взаимопомощи. Этот процесс породил сразу двух монстров современного государства — систему здравоохранения, которая практически во всех странах в большей или меньшей степени финансируется из налогов, и систему «социальной защиты», которая полностью финансируется из бюджета. Наивысшим достижением последней являются пенсии по возрасту, которые заставляют младшее поколение работать на старшее и создают своего рода эффект дедовщины.

Вся эта новая система складывалась на фоне становления представительской демократии, которая стала важнейшей ее частью, по сути, мото-

ром, который приводит всю эту машину в движение. Мнение о том, что государство, оказывается, полезно и должно приносить пользу, оправдывало рост государственных расходов и вмешательства в области, до которых еще вчера государству не было никакого дела (охрана порядка, медицина, образование, социальное страхование). Одновременно с этим прогрессивная общественность боролась за расширение избирательных прав, что привело к тому, что выгодополучатели расширения государства и роста бюджетов оказались в его законодательном органе.

До этого момента парламент (по крайней мере, в его классической британской версии) был в некотором смысле тормозом расширения государства, так как обладал «правом кармана». Парламент был органом налогоплательщиков, заинтересованных в том, чтобы налогов было меньше. Для того чтобы государство что-то получило и что-то потратило, парламент должен был согласиться с расходами короны, что он делал, мягко говоря, не всегда. В отсутствие понятия «бюджета» расходы короны были явлением регулярным, но не «автоматическим». Вопрос расходов подлежал рассмотрению каждый раз, когда он возникал и рассматривался в комплексе, т. е. предметом регулярной дискуссии в парламенте была не только величина расходов, но и источники дохода. Поэтому налоги не были постоянными, они принимались и отменялись в связи с конкретными запросами короны, и все это было предметом политической борьбы. Кстати, лозунг «нет налогообложения без представительства» связан именно с этой особенностью системы. Для того чтобы мы сегодня правильно его поняли, он должен звучать так: «нет налогообложения без представительства и согласия налогоплательщиков». Для авторов этого лозунга тот факт, что в парламенте заседают налогоплательщики и что они решают, какими будут расходы короны, являлся само собой разумеющимся.

Чем больше расширялось государство, тем в большей степени выгодополучатели налогообложения наполняли собой парламент через механизм расширения избирательных прав. В конце концов это привело к удивительному положению дел, когда процесс налогообложения оказался полностью вне политического процесса. Налоги теперь никак не привязаны к некоей политически определяемой цели, а собираются «вообще». Они представляют собой непрерывный денежный поток, образующийся от средств, изъятых из экономики множеством самых разных способов. Бюджет в этой системе лишь регулярная процедура перераспределения этого потока на более мелкие потоки и ручейки.

Таким образом, реальное функционирование современной демократии давно не имеет ничего общего с популярным представлением, в котором «мы» с помощью налогов «собираем деньги» на некие цели. Нет, деньги собираются «вообще», и этот процесс никак не зависит от «целей» и от политической борьбы как таковой.

Среди прочего, такое положение дел делает возможной имитацию «правого дискурса» — в данном случае борьбу за снижение ставок или отмену тех или иных налогов. Как правило, такая борьба никак не сказывается на государственных расходах в целом, зато защищает систему, так как привлекает кажущейся простотой и эффективностью ее потенциальных врагов.

В итоге современная демократия представляет собой воплощение гоббсовской «борьбы всех против всех». Поскольку расширение государства сделало большинство, если не всех, выгодополучателями бюджетного распределения, то политический процесс превратился в борьбу за долю в этом распределении, при этом количество групп, которые якобы нуждаются в государственном вмешательстве и в государственных деньгах, постоянно растет.

Теперь перейдем к главному. Ранее я обещал рассказать, почему государству удалось добиться таких впечатляющих успехов. Давайте рассмотрим график мирового ВВП за последние 2000 лет (рис. 5).

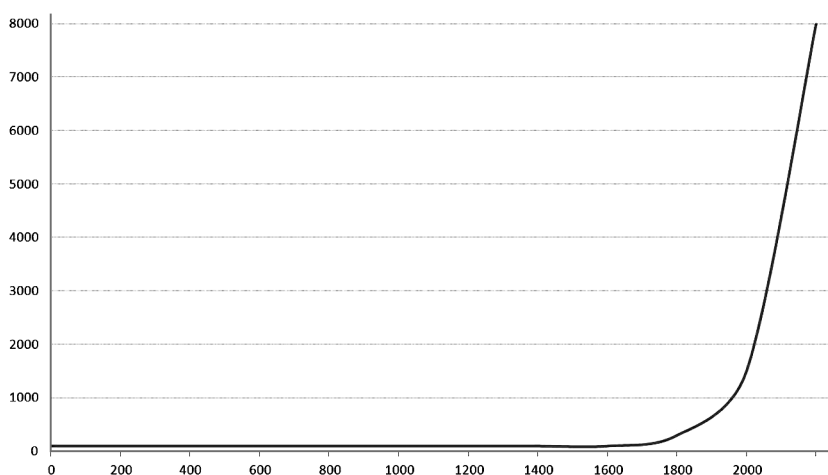

Рис. 5. Рост мирового ВВП за 200 лет

Источник: World Bank

Понятно, что показатель ВВП, мягко говоря, не идеален. Понятно также, что посчитать ВВП в первом году нашей эры — весьма сомнительная затея. Тем не менее если рассматривать этот график исключительно как качественное представление процесса, то он весьма полезен, так как наглядно иллюстрирует три важных тезиса. Первый — большую часть своей истории человечество жило очень бедно. Второй — рост богатства начался совсем недавно. И третий — этот рост имеет поистине взрывной характер.

Приведенный на рис. 5 график позволяет понять причины, по которым государствам в течение каких-то 200–300 лет удалось невероятно увеличить

налогообложение. Эти 200—300 лет приходятся на период взрывного роста благосостояния, и в данном случае это не просто корреляция, а причинно-следственная связь.

Однако для начала нужно сказать о том, что экономический рост совсем не обязателен. Если бы всяческие войны, эпидемии и прочие катастрофы случались чаще или государствам удавалось бы регулярно изымать все излишки, этот график так и колебался бы в районе нуля. С другой стороны, экономический рост обусловлен предыдущим развитием и прежде всего накоплением капитала во всех его возможных формах, совершенствованием правил и институтов. Если бы не было катастроф, эпидемий и государств, график рос бы более равномерно, но все равно имел бы характер экспоненты, т. е. «развитие» на ранних этапах было бы менее заметным и медленным и сильно ускорялось бы ближе к «нашему времени».

Таким образом, у взрывного роста, который начался с промышленной революции, было две причины. Первая, скажем так, «объективная» — это достижения предыдущей истории человечества, без которых взрыв никогда бы не случился. А вторая причина — «ситуативная», т. е. обстоятельства места и времени Британии XVIII—XIX веков. Без ситуативных причин взрыв бы тоже не случился, но он мог произойти раньше или позже и в другом месте. Суть «ситуативных» причин состоит в том, что они должны позволить раскрыться «объективным» причинам экономического роста.

Таким образом, нам остается выяснить, в чем состояли «ситуативные» причины, сложившиеся в Британии. Их можно обозначить как «свободу», которая в свою очередь имеет множество других причин. Среди них специфическая история Британии, в которой короли так и не получили абсолютной власти, в которой сохранилась более-менее независимая судебная система, в которой существовало уникальное общее право и главное — некая либеральная, в хорошем смысле, идеология, и эту идеологию разделяли как часть представителей «податного сословия», так и часть элиты.

Грубо говоря, совокупность всех перечисленных факторов говорит о том, что государство здесь было слабым. Напомню, что слабость государства не означает неспособность чиновников выполнять свои «обязанности», просто граница дозволенного для них пролегает таким образом, что дозволенного остается очень мало. И самое главное — эта граница устанавливается не «законами» и приказами начальства, а представлениями налогоплательщиков и части элиты о том, что «позволено», а что нет.

Слабость государства означает, что оно не может легко увеличить размеры налогообложения в широком смысле, и когда у людей остаются излишки, они получают возможность распоряжаться ими по своему усмотрению, прежде всего инвестировать. Будучи уверенными в том, что они смогут распоряжаться плодами своего труда, люди занимаются им с большей отдачей, что и приводит в итоге к экономическому росту.

Однако дальше начинается самое интересное. Поскольку, как мы

сказали, государство здесь слабое, оно не может просто так наложить лапу на возрастающее богатство подданных. Поэтому оно начинает изменяться, мимикрировать для того, чтобы понизить «цену согласия». Для этого ему нужно предстать в новой роли, роли, которая найдет одобрение и поддержку у самих налогооблагаемых. Государство прекрасно справилось с этой задачей. Не случайно Британия является не только родиной промышленной революции, но и родиной демократии, т. е. всего того ужаса, в котором мы сегодня процветаем. Именно быстрый экономический рост и невозможность обратить его себе на пользу традиционными способами, т. е. буквальным и прямым ростом налогообложения, вызвал эволюцию государства, в ходе которой оно радикально трансформировалось из прозрачной системы эксплуатации в якобы нейтральный «инструмент», служащий благо общества.

Это был настоящий успех, можно даже сказать — триумф. Если в начале промышленной революции государство присваивало себе жалкие несколько процентов национального продукта, то сегодня пожираемая им доля составляет 50–60 %. Да, мы стали больше производить и больше потреблять, но и паразит теперь отнимает у нас большую долю⁴⁴.

12. КАК ГОСУДАРСТВО ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД

Какой вред приносит государство? Очевидные вещи заметны даже в рамках политического дискурса. Государство откровенно грабит, создает произвольное законодательство, которое легко нарушает и игнорирует. Государство развязывает войны и совершает геноцид, постоянно создает все новые и новые враждующие группы по принципу разделяй и властвуй, оно вмешивается в саморегулирующийся рыночный механизм. Государство разрушает семью, занимается принудительной индокринацией детей в эатистскую веру, разрушает мораль. Государство присвоило себе ваши деньги, которые в любой момент может конфисковать прямым образом, путем «регулирования» или просто через инфляцию. Государство воспитывает бюджетозависимых людей, которые во всем надеются на его подачки и всегда выступают против того, чтобы другие имели возможность самостоятельно

⁴⁴ Быстрое расширение государства в XX веке является неоспоримым фактом и не вызывает сомнений. Описание этого процесса не входит в задачи этой книги. Тем не менее я позволю себе привести цитату, иллюстрирующую причинно-следственные связи. «В 1906–1914 годах либеральные кабинеты Герберта Аксвита и Дэвида Ллойд Джорджа стали тратить государственные средства на построение общедоступной системы публичных услуг, включая здравоохранение, помощь безработным, государственные пенсии, поддержку минимальной заработной платы. В результате этих финансовых нововведений налоги, в пересчете на долю национального продукта, увеличились более чем вдвое за первые три десятилетия XX века» [17].

зарабатывать себе на жизнь. Государство создает якобы бесплатные блага вроде дорог, судов, полиции. Государство является главным производителем трагедии общин, потому что все «бесплатные» блага, доступ к которым не определяется ценой на рынке, будут использованы по максимуму с наихудшим социальным результатом. В «бесплатный» суд пойдет и бабка-сутяга, и человек, нуждающийся в защите, «бесплатная» полиция будет выезжать и на преступления и для того, чтобы снять котика с дерева, а на «бесплатных» улицах гарантированы пробки. Таким образом, вы получаете заведомо худшую, чем на рынке, услугу, которая страдает всеми недостатками бесплатных благ, но при этом эта услуга все равно оплачивается вами из налогов. Вообще все, что делает государство, обходится налогоплательщику в несколько раз дороже, чем если бы это делалось на рынке, по той же причине — все бюджетные средства будут освоены⁴⁵.

Меня могут упрекнуть в том, что я описываю какое-то неправильное государство. Действительно, государства отличаются по степени распространения в них всех тех болезней, которые я перечислил выше. Можно было бы спорить о том, что устраивать войны, портить деньги и грабить с помощью налогов — уже достаточно весомый список преступлений для того, чтобы задуматься о необходимости такой системы. Но мы поступим проще: посмотрим на проблему с точки зрения согласования поведения.

Давайте представим некоторое идеальное государство, которое не страдает никакими эксцессами, ведет мирную политику, всегда исполняет законы и т. д. Но оно все равно собирает налоги. Что это означает? Вы получаете деньги за некую работу. Общество вознаграждает ваши усилия определенной суммой денег. На этом обыденное знание, как и большинство учебников экономики, останавливается. Считается, что на этом все заканчивается. Но это лишь один из этапов бесконечного процесса согласования поведения. Дальнейшее использование заработанной вами суммы будет следующим этапом. Использование вами для потребления и инвестирования именно той суммы, которую другие люди считают возможным передать в ваше распоряжение, и порождает согласованное поведение. Это поведение пошлет в систему правдивые сигналы, однако, заплатив налоги, вы потеряете часть суммы, поэтому сигнал станет ошибочным.

Даже идеальное государство постоянно создает ошибки в согласовании поведения. Для меня это достаточный аргумент против государства. Ведь основной спонтанный порядок, который поддерживает само существование общества, — порядок «не убий — не укради» направлен на минимизацию этой ошибки принудительного перераспределения. Государство, причем даже самое идеальное, нарушает именно его. Цивилизованность достигается

⁴⁵ Один из моих любимых примеров — это сайт obamacare, который стоил 2 миллиарда долларов и мог обслуживать только шесть посетителей одновременно <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-09-24/obamacare-website-costs-exceed-2-billion-study-finds>

там, где координация в обществе работает наиболее эффективно, поэтому государство всегда работает против цивилизации.

Процесс согласования поведения в обществе может показаться слишком абстрактным. Давайте рассмотрим налогообложение на примере нарушения согласования индивидуального поведения. Давайте даже допустим, что государство действительно «возвращает» вам ваши налоги, причем не в виде «общественных благ», а непосредственно деньгами. Пусть у нас есть два общества — А и Б. В первом обществе налоги полностью отсутствуют. Во втором обществе государство изъяло у каждого некую сумму, а через некоторое время вернуло ему ту же самую сумму денег, при этом ни процесс изъятия, ни процесс возврата не связаны с какими-либо потерями.

Допустим, в обществе А живет некий Смит, а в обществе Б — его брат-близнец. Оба они в одно и то же время начинают собирать из готовых деталей компьютер определенной мощности. И тут в обществе Б появляется государство со своими налогами. Смит в обществе А через некоторое время соберет свой компьютер, и на этом история закончится. Смит в обществе Б будет вынужден поменять свои планы, так как теперь ему не хватит денег на необходимые детали. Он начнет собирать более дешевую модель, но тут вдруг государство возвращает ему ровно ту сумму, которую оно изъяло в виде налогов. Но процесс-то уже пошел. Часть деталей уже куплена. Более мощный компьютер требовал, например, другого мазерборда и другого корпуса, но мы уже купили эти детали. Таким образом, Смиту удастся собрать только менее мощную машину, несмотря на то что ему вернули отнятые ранее деньги.

Напомню, что мы рассмотрели идеальный случай, когда каждому возвращается ровно столько, сколько у него забрали, и государство никак не влияет на выбор людей, т. е. не подсовывает им якобы бесплатных дорог и прочих сомнительных прелестей. (В скобках замечу, что если кто-то сейчас пребывает в недоумении и задается вопросом: «а зачем же государству было вообще забирать налоги?», то он окажется весьма близок к истине, ибо если отбросить цели людей, составляющих государство, то налогообложение действительно выглядит полным абсурдом.)

Вернувшись к нашему примеру, заметим следующее: если полагать, что склонность людей совершать ошибки и прочие факторы их деятельности были постоянны, то общество А будет богаче общества Б.

Случилось это потому, что деятельность людей, направленная на достижение неких целей, всегда состоит из этапов и занимает какое-то время, причем очень часто весьма значительное. Налогообложение обычно рассматривается как статический и одномоментный процесс — отняли столько-то, «отдали» столько-то, а все разговоры на наших кухнях чаще всего посвящены тому, сколько украли по дороге и что лучше бы «отдали» то, а не это. Однако главный удар налогообложение наносит по самому процессу создания богатства, ведь если не изымать у людей часть дохода, они смогут достичь более ценных результатов. Ресурсы, которые люди теряют из-за

налогообложения, нужны им для достижения определенных целей, и даже если полагать, что они что-то «получают» от налогов, то все равно налоги позволяют достичь лишь менее ценных результатов. Это иллюстрирует наш пример с компьютерными деталями братьев Смит. Блага никогда не могут быть взаимозаменяемыми, а сам процесс создания нового блага занимает определенное время. Поскольку этот эффект касается самого процесса деятельности и, следовательно, присутствует в деятельности каждого, независимо от того, знает он об этом или нет, то совершенно очевидно, что общество, в котором нет налогообложения, при прочих равных условиях, всегда богаче общества, где оно есть.

Наш пример еще весьма и весьма благоприятен. В большинстве случаев реальной жизни промежуточные результаты, которых мы достигли, следуя некому плану (в примере — купленные братьями корпус и мазер), очень трудно, а часто и вовсе невозможно обменять на что-то другое, если планы вдруг вынужденно меняются. Например, вы пять лет учились играть в го. Но тут государство запретило го. Ваши деньги и время выброшены на ветер.

Ничего не поменяется и в том случае, если предположить, что государство отбирает и возвращает деньги всегда в одно и то же заранее установленное время. В этом случае, понятно, что проблема возникает на этапе реализации проектов, поскольку жизнь всегда вносит свои изменения в планы. При прочих равных условиях вы всегда достигаете лучших результатов, когда планируете свою деятельность сами.

Ну и, разумеется, реальное государство, пусть даже максимально близкое к идеальному, всегда «возвращает» не деньгами, а общественными⁴⁶ благами и не в одно и то же, а в разное время.

Государство не просто узаконило грабеж, оно значительно расширило его масштабы. Даже если не принимать в расчет случаи прямого насилия и грабежа со стороны самих чиновников (службы правопорядка в некоторых странах совершают больше преступлений, чем предотвращают), государство все равно будет оставаться лидером по производству агрессии, оно производит агрессии на порядки больше, чем любые частники. Обычное

⁴⁶ Нам говорят, что изъятые принудительным образом деньги уходят на некие блага, которые мы с вами потребляем. В таких случаях я предлагаю провести мысленный эксперимент (хотя такой эксперимент был бы весьма уместен и в жизни, например, в формате какого-то реалити-шоу). Суть его заключается в следующем. Сейчас наше государство перераспределяет через бюджет 44,5 % ВВП. По условиям эксперимента, я буду отбирать у вас 44,5 % вашего дохода и (за вычетом моего содержания) тратить их вроде бы на ваши нужды. При этом для того, чтобы этот процесс напоминал государство, не вы, а я буду устанавливать список товаров, которые буду покупать на эти деньги, т. е. решать, что вам нужно, а что нет. Я же буду выбирать, какие именно и какого качества товары приобретать. Я также буду составлять совершенно произвольный список того, какие товары вам запрещено приобретать даже за оставшиеся у вас деньги и буду вас строго наказывать, если, не дай бог, вам вздумается их приобрести. Предлагаю делать ставки на то, как долго вы протянете.

налогообложение — это акт агрессии. Просто подумайте о том, сколько покупок вы делаете в день, сколько сделок совершают между собой предприятия и частные лица. И все это облагается налогами. В отличие от обычного частного ограбления, такое ограбление происходит мгновенно и в большинстве случаев незаметно. Эти обстоятельства лишь парализуют вашу ответную реакцию, но они никак не отменяют последствий, в частности, рассогласования поведения людей в обществе.

Как можно оценить потери, которые несет общество от деятельности государства? Ну, во-первых, размер государственного бюджета — это чистые денежные потери общества. Правда, это только «внутривременные» потери. К потерям такого рода можно добавить все случаи государственных репрессий и «злоупотреблений властью»; потери от проверок предприятий и от их закрытия; потери от протекционизма, инфляции и других мер, которые можно отнести к внутривременным. Однако, как мы видим, главный ущерб наносится межвременной координации. Собственно, простое сравнение между бедными и богатыми странами покажет нам величину ущерба. Бедные страны — это то, чем могли бы стать богатые страны, если бы в них в таких же объемах проводилось насильственное перераспределение и нарушение межвременной координации⁴⁷. Здесь нужно заметить, что мы говорим о насильственном перераспределении, которое может осуществлять не только государство. Это могут делать также всяческие банды и прочие личинки государств. Однако в современном мире такие случаи редки, главным перераспределителем все-таки остается государство. В заключение специально для любителей цифр приведу результаты исследований⁴⁸ ученых из Аппалачского университета, которые утверждают, что, если бы регулирование в США не менялось и осталось на уровне 1949 года, реальный ВВП в 2013 году составил бы не 15 триллионов, а 54 триллиона долларов. Чтобы оценить величину этой цифры, просто попробуйте представить себе триллион долларов в масштабах своих расходов.

⁴⁷ Разумеется, «уровень налогообложения», «уровень регулирования» и прочие «уровни» мало скажут нам о реальном масштабе перераспределения и величине и характере ущерба, который оно наносит. Нужно разбираться с налоговой и регуляторной системой каждой страны, для того чтобы сказать, что именно и как влияет на процесс. Все эти подробности и кажущиеся парадоксы вроде высокого уровня налогообложения в Европе, соседствующего с высоким уровнем жизни, никак не отменяют общих закономерностей. Они состоят в том, что «уровень жизни» зависит от капитала, накопленного в стране. Налоги, например, могут быть высокими, но страна может иметь большой накопленный капитал, как Швеция, и уровень жизни будет сохраняться до тех пор, пока скорость уничтожения капитала не превысит скорость его воспроизводства. Также уровень жизни зависит от скорости воспроизводства капитала. Она, опять-таки, тем выше, чем больше капитала было накоплено. В любом случае, бедная страна (то есть с малым капиталом) вроде Украины не может себе позволить такого, как сейчас, уровня регулирования и налогообложения.

⁴⁸ <http://www4.ncsu.edu/~jjseater/regulationandgrowth.pdf>

13. ЕСТЬ ЛИ В ЭТОМ ЗАМЫСЕЛ?

Прежде чем мы попытаемся объяснить, чем, собственно, является современное государство, мы должны ответить на один вопрос, который всегда звучит или, по крайней мере, подразумевается в дискуссиях. Вопрос этот сводится к тому, является ли государственная политика, а точнее, воздействие государства на общество результатом осознанного замысла? Ответ на него очень важен, поскольку от него прямо зависят методы борьбы с этим явлением.

Брайен Каплан когда-то написал эссе «Почему я больше не австриец». В нем он объясняет, почему он больше не является сторонником австрийской экономической школы. Среди его сугубо теоретических аргументов были и лирические отступления, непосредственно относящиеся к нашей теме. Каплан вспоминал, как он, будучи студентом, начитался коварного Ротбарда, который внушил юному неокрепшему уму, что государство — это «фу» и государство — это «кака». Когда же Каплан повзрослел, он увидел, что государство — это не «фу» и не «кака», а добрые, отзывчивые люди с усталыми глазами. Про глаза я, конечно, немного загнул, но суть претензии была примерно такова — Ротбард считает государство злом, но посмотрите на госслужащих и на госкомпании, они совсем не похожи на исчадия ада. Эти самые компании и служащие работают и приносят пользу, и потому все совсем не так, как утверждал Ротбард.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что достаточно много людей, впервые услышавших, как либертарианцы обвиняют государство, испытывают этот «эффект Каплана». Причина очевидна — они не воспринимают чиновников, с которыми либертарианцы ассоциируют государство, в качестве правящего класса. И действительно, чиновники (или в широком смысле выгодополучатели налогообложения, т. е. «бюджетники») в большинстве своем не выглядят хозяевами жизни. Как правило, это люди, которые работают какую-то «работу» с 9 до 18, и, как правило, это люди небогатые. Да, их начальство часто «злоупотребляет положением», но бывает же и хорошее начальство, чему тоже есть примеры. Мало того, злоупотребляющие явно же нарушают какие-то там законы и инструкции, т. е. они виновны даже по критериям самой системы, которой служат, и только попустительство и коррупция позволяют им существовать.

В ответ на эту критику можно напомнить, что самые страшные преступления нередко превращаются в рутинную работу, а сами преступники вполне могут быть не злодеями и кровопийцами, а весьма заурядными людьми, которым ничто человеческое не чуждо. Все это продемонстрировали времена большевизма, ГУЛАГа и Второй мировой войны, когда уничтожение людей проводилось в промышленных масштабах. Поэтому совсем не стоит ожидать, что чиновники все как один должны быть человеконена-

вистниками. Для того чтобы делать зло, человеконенавистничество — вовсе не обязательная опция.

Все это верно, но это лишь часть ответа на вопрос, точнее — лишь один маленький нюанс этого ответа. На самом деле, если разобраться, «эффект Каплана» возникает не столько от того, что бюджетники, чиновники и даже политики не сильно похожи на злодеев, сколько от того, что за всей их деятельностью не видно никакой зловещей осознанности и целенаправленности. Иными словами, если государство существует для того, чтобы грабить, то оно и должно заниматься грабежом, по крайней мере, эта его функция должна четко прослеживаться в политической и идеологической практике. Опять-таки, если либертарианцы говорят, что государство на самом деле грабит, но оно просто «замаскировалось», они должны объяснить, в чем состоит эта маскировка, почему она возникла и кто же все-таки дергает за ниточки.

Например, в случае монархии легко увидеть и правящий класс, и организацию принуждения и грабежа. Здесь все очевидно — аристократия является правящим классом, она, как правило, не платит никаких налогов, напротив, налоги собираются для ее последующего потребления. Вся эта публика не работает и не приносит никакой пользы, а жирует на отобранные у трудового народа деньги. Общество разделено на сословия, это разделение очевидно и наглядно, бедный аристократ все равно остается аристократом, т. е. всегда имеет привилегии. Здесь четко прослеживается намерение ограбить простого человека и целенаправленная деятельность для реализации этого намерения путем создания соответствующих организаций и распоряжений (законов).

При демократии же ничего этого нет. Политики у власти постоянно меняются, чиновники и бюджетники тоже особо не жируют, четких сословных границ нет, вчерашний политик может ездить в трамвае, как простой инженер, чиновник может потерять работу и легко лишиться всех привилегий. Более того, не просматривается никакого злого умысла ни в речах, ни в действиях политиков. Монархи и аристократы в общем-то никогда особо не скрывали своих намерений и своего отношения к нижестоящим классам. При демократии же ничего этого не наблюдается. Политики получают свою власть от народа и после того, как они поработают на народ, опять становятся его частью. Да, еще не все у нас хорошо и есть отдельные недостатки, политики и чиновники часто используют власть, данную им народом, в корыстных целях, но это не свойство системы, а ее баги, которые необходимо исправить. Государство на самом деле — это не зло, как говорят либертарианцы. Государство — это нейтральный инструмент, который раньше находился в руках аристократов-эксплуататоров, а теперь служит интересам всего народа. Либертарианцы, которые часто употребляют такие выражения, как «государство делает» или «государство хочет», либо страдают примитивным антропоморфизмом, либо просто выдумывают за-

говоры, т. е. видят намерения и организованные действия там, где их нет. Ничто не указывает на то, что «государство», т. е. чиновники и политики, осознанно планирует и осуществляет сложную деятельность по сокращению свободы и захвату тех или иных рынков и видов деятельности. Если что-то подобное и происходит, то это просто от непонимания чиновниками общественных интересов, либо это делается под влиянием групп давления (олигархов). В любом случае, все это может быть исправлено, если к власти придут правильные люди.

Таким образом, в общем виде «эффект Каплана» сводится к следующему утверждению: если вы полагаете, что государство является реализацией некоего преступного замысла (безопасного регулярного грабежа, например), покажите нам субъектов этого замысла и покажите нам этот замысел непосредственно в их деятельности.

Справедливости ради надо сказать, что этакисты редко формулируют этот вопрос именно в таком виде, но, так или иначе, значительная часть дискуссий вращается вокруг него и может быть к нему сведена, особенно когда речь заходит о том, как можно «ликвидировать», или «отменить», государство. Интересно, что либертарианцам будет непросто ответить на него. И тому есть объективные причины. Дело в том, что наиболее последовательная и радикальная ветвь либертарианцев сформировалась под влиянием работ Мюррея Ротбарда. Ротбард был выдающимся экономистом, последователем Людвиг фон Мизеса. Но свой анализ государства он строил на этике и праве, а не на экономике и прaxeиологии. Ротбард исследовал причины того, почему государство причиняет и всегда будет причинять вред (потому что нарушает права собственности). Но возникновение, функционирование и эволюция государства остаются за пределами этого анализа и, соответственно, значительной части либертарианского дискурса. Поэтому «эффект Каплана» остается без внимания. Либертарианцы просто отмахиваются, когда их обвиняют в следовании теории заговора (хотя, конечно, среди них есть и такие, кто действительно в нее верит). Но тем не менее, чтобы быть до конца понятыми, они должны объяснить, каким образом функционирует государство. Если его деятельность является результатом осознанного замысла некоего правящего класса, то тогда они должны предъявить и класс, и его замысел, и планы по его реализации.

«Эффект Каплана» можно объяснить, если вернуться к экономическому анализу, к начальным прaxeиологическим аксиомам. Тогда станет ясно, что не существует ни злого замысла, ни планов по его реализации. Существует взаимодействие людей в определенных условиях, которое и создает в итоге результат, который можно интерпретировать как результат осознанного заговора. Но об этом мы поговорим в следующей главе.

14. КАК В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВЫГЛЯДИТ СИСТЕМА

В предыдущей главе я говорил о том, что, для того чтобы ответить на вопрос о том, в чем же заключается злой умысел в действиях государства и кто его реализует, нам нужно взглянуть на него с экономической точки зрения. При этом для анализа нам потребуются только самые базовые представления. Разумеется, лучше было бы иметь под рукой подробную теорию функционирования государства с точки зрения экономики, но, пока ее нет, для предварительных ответов на наши вопросы вполне достаточно основ экономической теории.

Для начала зафиксируем важный момент, который состоит в том, что в реальности мы имеем дело только с взаимодействием людей. Только индивиды действуют. Этот принцип называется «методологическим индивидуализмом», он лежит в основе экономической науки. Даже мейнстрим на словах придерживается методологического индивидуализма, хотя на практике игнорирует его.

Конечно, в экономическом анализе можно говорить о «деятельности» организаций и о влиянии на любую деятельность институтов, т. е. шаблонов поведения. Однако при этом всегда подразумевается, что это определенно-го рода упрощение, которое помогает в анализе и должно использоваться до тех пор, пока оно не критично для его результатов. Так вот, государство никогда не рассматривается с учетом этого принципа. Оно рассматривается *as it is*, т. е. как «данная» организация или как институты, но никогда дело не доходит до попыток рассмотреть его как деятельность людей.

14.1. Узаконенный грабеж и рынки

Если рассмотреть государство через призму человеческой деятельности, то выяснится, что это специфическая деятельность людей, которую можно назвать «узаконенным грабежом» или «безнаказанной агрессией». В обычном обществе грабеж не может быть узаконенным, а агрессия наказывается. Это условие существования общества — если оно не будет исполняться, общество распадется. В обществе, в котором есть государство, это условие тоже соблюдается, но за одним исключением — оно не распространяется на «государство» в его человеческой ипостаси, т. е. на чиновников, политиков и всех, непосредственно связанных с этой деятельностью.

Это означает, что деятельность по «узаконенному грабежу» становится легальной, т. е. частью человеческой деятельности как таковой. Таким образом, она становится и частью «рынка» или «расширенного порядка», т. е. системы координации деятельности многих людей.

Это полностью расходится с привычными представлениями о государстве и способе его функционирования. Мы представляем государство как

организацию, и это представление в рамках нашей темы имеет как минимум два недостатка. Во-первых, оно ограничивает воздействие государства нормами — приказами, регулированием — либо прямым воздействием, следующим из исполнения норм, — государственными закупками, денежной политикой в широком смысле слова и т. п. Наш взгляд на это воздействие значительно шире. Во-вторых, понимая государство как организацию, мы ограничиваем выбор целей и средств только выбором людей, принимающих ответственные решения в государстве. Но это в корне неверно. Если мы попробуем посмотреть на государство с точки зрения человеческой деятельности, нам предстанет совсем другая картина.

Мы увидим, что выбор целей и средств всегда остается за индивидами, даже если эти индивиды — части такой могущественной иерархии, как государство. Государство не является неким всегда одинаково действующим механизмом. Приглядевшись к этой системе, мы сперва обнаружим в ней некоторые «недостатки» и несоответствия (известные как «бюрократизм» и так хорошо описанные Паркинсоном). Более внимательный взгляд выявит, что эти недостатки на удивление регулярны и однообразны и представляют собой, скорее, закономерности, нежели ошибки, правила, а не исключения из них. Наконец, мы обнаружим, что внешние границы нашей организации весьма расплывчаты и прозрачны, трудно определить, где заканчивается «государство» и начинается «общество». Мы также выясним, что решения ее «руководства», наоборот, имеют четкие границы в отношении своих «подчиненных» (неизбираемые и защищенные от увольнений госслужащие составляют большинство государства⁴⁹), и прочие удивительные вещи.

Мы также обнаружим и другие обстоятельства. Мы поймем, что праксиологическая аксиома «человек действует» относится ко всем людям без исключения, даже к чиновникам. Точно так же к ним относится и следующая аксиома: целью действия является устранение беспокойства. Поскольку человек действует не в вакууме, а среди других людей, т. е. в обществе, его деятельность направлена, как правило, на прямое или косвенное взаимодействие с другими. В ходе этого взаимодействия возникают институты или шаблоны поведения. В обществе без государства человек устраняет беспокойство путем мирного обмена и сотрудничества, и вследствие этого возникают и совершенствуются соответствующие институты. В обществе с государством наряду с практиками сотрудничества легальными для некоторых людей являются и практики грабежа. Соответственно, это порождает свои шаблоны и свои институты (например, фиатные деньги) и свои организации (сборщики налогов, парламент, центральный банк, прокуратура и т. п.).

⁴⁹ <http://mises.in.ua/article/what-about-the-unelected/>

Важно, что легализованные практики грабежа действуют одновременно с законными мирными практиками, т. е. «узаконенный грабеж» представляет собой часть рынка⁵⁰. Он вплетен в его ткань, и потому «рынок в целом» создает для этих практик такие же эффекты, как и для «обычных» практик сотрудничества. И главный в нашей теме эффект — это удивительная гибкость и приспособляемость, которая достигается «сама собой» без централизованного замысла и планирования.

Результаты, которых достигает «обычный» рынок, поражают воображение, но вряд ли кому-то придет в голову говорить о заговоре в целях получения этих результатов. Конечно, большинство людей не понимает, как работает вся эта экономическая механика, но все настолько привыкли к особенностям ее функционирования, что мысль о заговоре кажется дикой.

Однако «государство», как мы выяснили, на уровне человеческой деятельности тоже оказывается частью рынка. И это означает, что, для того чтобы объяснить, как и почему государство изменилось в XIX веке, и понять, во что именно оно превратилось, гипотеза о заговоре вовсе не нужна. Как и на обычном рынке, людям, связанным с государством, достаточно преследовать лишь свои собственные цели, чтобы «система в целом» проявила удивительную гибкость и приспособляемость, что и создает иллюзию замысла и целенаправленного действия.

И последнее замечание. Когда мы говорим об отсутствии замысла, мы имеем в виду отсутствие *общего* замысла. Модель государства, навязываемая начиная со школьных уроков обществоведения, выглядит как сознательно планируемая организация, предназначенная для обеспечения неких «функций». Поэтому, когда либертарианцы говорят, что государство «делает» то или это⁵¹, в голове у слушателя обычно возникает именно такая модель сознательно планируемой организации. Как следствие, тут же возникает и идея заговора, ведь если это организация и она действует так, как говорят либертарианцы, а не так, как учит учебник, то единственной причиной может быть заговор. Конечно, такой заговор отрицается, то ли по причине «этого не может быть», то ли потому, что никаких его видимых следов не наблюдается. Однако, повторю, никакого заговора попросту нет, потому что нет никакой системы, созданной в результате «общего замысла». Государство не является плодом осознанного конструирования, но его текущее

⁵⁰ Частный грабитель вынужден действовать в условиях, которые самыми разными способами препятствуют повторению акта грабежа. Они также препятствуют расширению и развитию этой деятельности. Узаконенный грабеж для системы выглядит так, как будто бы ничего страшного не произошло. Частная агрессия не влияет на сами порядки. Она просто нарушает их работу. Регулярная узаконенная агрессия искажает сами порядки.

⁵¹ Понятно, что государство — не субъект и оно не может «делать» что-то. Нужно всегда понимать, что это вынужденный антропоморфизм. С другой стороны, мы должны максимально избегать этого устоявшегося речевого оборота.

состояние есть результат частных *осознанных*⁵² усилий множества людей, преследующих свои цели, — от государственных деятелей и политиков до простых жертв налогообложения.

14.2. Что такое агрессия?

Об агрессии обычно рассуждают в правовых или этических терминах. Мейнстримная экономика делает вид, что эта проблема ее не касается. Между тем в предыдущих главах мы показали, как агрессия разрушает процесс согласования поведения людей, т. е. как она работает на экономическом уровне. Это и есть ответ на вопрос, почему агрессия запрещена⁵³, т. е. почему вообще существует подобная этика и подобное право. Теперь мы говорим не просто об агрессии, а об узаконенной агрессии. В отличие от обычной частной агрессии, узаконенная агрессия порождает специфические феномены, которые имеют экономическую природу.

Ниже мы покажем, как можно обнаружить эти феномены. Рассмотрим пример двух древнеримских рабов. Пусть первый будет банкиром (это распространенная практика во времена Античности), а второй — обычным рабом в кандалах, скажем, на каких-нибудь рудниках. Первый имеет хороший доход, семью и детей и в целом живет весьма неплохо. Второй является, по сути, говорящей киркой. Он целый день работает, получая взамен жалкую похлебку. С точки зрения права, статус этих людей одинаков. Но с точки зрения экономики — нет. Правовой статус как бы прикреплен к вам и «действует» постоянно, до тех пор пока не изменится на новый статус. Экономика же имеет дело с ролями, которые могут играть разные люди в разное время, причем один и тот же человек может играть разные роли. Именно эти роли, т. е. поведение определенного типа, и составляют «экономические отношения».

Все то же самое мы можем сказать и о свободных людях. Допустим, один человек живет в богатой стране с низкими налогами и предсказуемым регулированием. Он занимается предпринимательством, богат, имеет семью и детей. Другой живет в стране с непредсказуемым регулированием и непо-

⁵² Удивительно, но многие считают, что если рынок «действует сам собой», то осознанных усилий индивидов не существует. На самом деле именно осознанные усилия индивидов в рамках спонтанных порядков и создают иллюзию того, что все делается «само собой».

⁵³ Мы воспринимаем запрет агрессии как некий эффект сугубо межличностных отношений. Большинство считает, что люди сопротивляются агрессии точно так же, как ей сопротивляются все другие животные, когда защищают себя, свое потомство и свою территорию. С одной стороны, это действительно так. С другой — у людей запрет агрессии существует в виде правила, которому должен следовать каждый, и каждый должен пресекать агрессию независимо от того, атакован ли он сам или кто-то другой. Мы говорим именно об этом социальном аспекте агрессии и ее запрета.

мерными налогами, плоды его труда регулярно изымаются государством и он еле сводит концы с концами, хотя тоже считается предпринимателем.

С точки зрения экономики, первый раб и первый свободный человек почти неотличимы друг от друга, они являются участниками множества производственных цепочек, производителями благ и их потребителями, они выполняют предпринимательскую функцию в обществе, их вклад в общество значительно больше, чем у раба на рудниках и свободного предпринимателя в бедной стране. Точно так же второй раб весьма похож на второго свободного индивида.

Таким образом, экономическая суть того, что мы называем рабством и считаем воплощением агрессии, заключается не в правовом статусе. Мы найдем ответ на вопрос, чем является агрессия для социального порядка в экономической теории, когда вспомним о том, что она рассматривает поведение определенного типа (роль), а не конкретного человека. Мы можем добавить к традиционному набору экономических ролей роль объекта (ресурса). В экономической теории функция ресурса не рассматривается, так как это обычно физические объекты, а не люди. Эти объекты не могут менять свое поведение, поэтому говорить о ролях здесь нет смысла. Однако суть агрессии как раз и состоит в том, что вы оказываетесь в положении объекта, лишаетесь своей воли и оказываетесь ресурсом для субъекта, который совершает агрессию в отношении вас.

Такая точка зрения сразу расставляет все на свои места. Человек из нашего первого примера находится в состоянии объекта только тогда, когда отдает часть прибыли хозяину, и в том случае, когда хозяин должен принимать участие в правоотношениях, поскольку раб не может этого делать. Второй раб проводит в состоянии объекта гораздо больше времени, и свободные люди, которых регулярно и помногу грабят частные грабители или государство, тоже часто оказываются в состоянии объектов и в этом смысле не отличаются от рабов.

Степень вашего благополучия и той пользы, которую вы приносите другим людям, а также в целом эффективность процессов согласования в обществе определяются тем, насколько часто вы из субъекта превращаетесь в объект⁵⁴, и, конечно же, тем, как много вы теряете в таком «объектном» состоянии.

⁵⁴ Взгляд на насилие как потерю субъектности проясняет следующий момент. Даже находясь в рабстве, человек не все время является объектом чужой воли. Так или иначе, он оказывается предоставлен сам себе, и у него неизбежно появляются собственные цели, которых он будет пытаться достичь всеми доступными ему средствами. В конце концов, у раба всегда остается выход в виде самоубийства. Поэтому ни один человек не может владеть другим человеком, как вещью. Это не этическое и не моральное утверждение, это аналитический вывод.

14.3. Рынки и согласие

Таким образом, с точки зрения экономики, агрессия — это акт «объективизации», в котором ваша воля и цели заменяются волей и целями агрессивного субъекта.

Фактически мы живем в двух экономиках: первая, в которой, собственно, создаются и присваиваются объекты разной ценности; вторая — паразитическая, в которой субъекты присваивают себе ценности, созданные в первой экономике за счет агрессии, т. е. превращения субъектов в объекты. Таким образом, государство, с точки зрения праксиологии, — это присваивающая экономика, деятельность охотников, собирателей (до XIX века), а позже земледельцев и скотоводов (после XIX века).

Здесь опять-таки нужно помнить о том, что эти две экономики образуются ролями, которые играют люди. Допустим, вы чиновник. Но вы не являетесь чиновником все время. Пока вы действуете как чиновник, вы играете одну роль, пока вы действуете как налогоплательщик — другую, пока вы выращиваете яблоки на даче и продаете или просто раздаете их знакомым — вы играете третью роль. Один человек выступает в трех ролях — паразита, жертвы и производителя благ. Не существует никаких «классов», есть экономические роли. Индивид «переключается» между производительной и паразитической экономикой, меняя роли, и он является частью этих систем ровно настолько, насколько играет определенную роль.

Отметим, что блага производятся только свободной экономикой. Поэтому, очевидно, что процветание «страны в целом» будет зависеть от соотношения между свободной и паразитической экономикой. Здесь также существует интересный эффект: в краткосрочной перспективе присваивающие имеют относительное преимущество в доходах, однако в долгосрочной перспективе богатство элиты падает, поскольку уменьшается богатство общества, на котором она паразитирует. Это как раз подтверждает рыночный характер процесса, в котором итоговый результат определяется в большей степени характером используемых средств, а не целями, которые ставят себе участники. И в свободной экономике, и в паразитической люди стремятся повысить свое благополучие здесь и сейчас. Именно это стремление определяет их поведение. Разница состоит в том, что в свободной экономике для того, чтобы это сделать, они должны использовать средства, которые делают богаче других, а в паразитической — средства, которые обедняют других.

Таким образом, привычная нам картинка, в которой государство представлено как набор связанных между собой организаций, неверна. В действительности, организации, которые мы видим, все эти министерства и ведомства являются просто внешней формой предприятий, действующих на рынках десубъективизации и присвоения, часто их границы не совпадают с границами реальных предприятий, действующих на этих рынках. Состав

и структура реальных предприятий определяются «темами»⁵⁵, которые они осваивают («хавают»). В нашей стране эти предприятия называют также «олигархическими кланами» и другими столь же эмоциональными словами подобного рода, которые выдают скорее страх и ненависть их жертв, чем понимание или хотя бы стремление понять, как в реальности устроена паразитическая социальная система. На Западе с пониманием дело обстоит еще хуже, поскольку паразитические структуры там действуют не столь откровенно и брутально. Тем не менее очевидные проявления деятельности этих реальных предприятий, осваивающих ресурсы на рынках присвоения и перераспределения, становятся все более заметны. Американцы как огня боятся некоторых внешних проявлений этой системы, например, непотизма. Но им все труднее отрицать наличие политических династий вроде Кеннеди, Бушей или Клинтонов. Самым ярким проявлением деятельности паразитических предприятий, которые обобщенно называют *deep state*, является сопротивление Трампу. Это сопротивление не имеет идейной природы, Трампа трудно назвать каким-то идейным консерватором. Это сопротивление именно системное, которое вызвано той простой причиной, что Трамп не является частью системы, его нельзя контролировать. Вся эта история с расследованием «калюжена» ярко и очевидно показывает цену «свободной» прессы и тот факт, что она является важной частью системы и работает на нее, а силовые ведомства, такие как ЦРУ и ФБР, фактически организовали заговор против «законно избранной власти». Собственно, сама эта история, чем бы она ни закончилась, ясно дает понять, где действительно находится «власть» в США и какое отношение к ней имеют избиратели.

Собственно, государство включает в себя единственную организацию, без которой оно не сможет существовать, — организацию регулярного принуждения на некоторой территории. Этот факт и есть то обстоятельство, которое не дает рассматривать государство как «естественное» образование, т. е. такое, которое возникло как результат взаимодействия множества людей, преследующих свои цели. Спонтанные порядки нельзя «ввести» или «отменить». Организации же можно как создавать, так и ликвидировать. Территориальная монополия на силовое принуждение является организацией. Но, как мы уже сказали, ее деятельность вносит искажения в спонтанные порядки, самый важный из которых — это «законность» силового присвоения имущества налогоплательщиков.

Государственное право древнейший и важнейший рынок присваивающей экономики, на котором действуют такие предприятия (мы говорим о формальной части, реальная конфигурация всегда уникальна для каждой эпохи и каждой страны), как парламенты, органы исполнительной и местной власти, прокуратуры и суды.

⁵⁵ Само по себе появление специальной (пусть и достаточно брутальной) лексики, которая описывает этот процесс, весьма показательно.

Второй важнейший и древнейший рынок — это рынок пропаганды⁵⁶. Это объясняется тем, что ключевым элементом всей системы является поведение ее жертв, которые, с одной стороны, должны создавать блага для присвоения на паразитических рынках, а с другой — по возможности не замечать или даже одобрять акты присвоения своего имущества. На самом деле никакой силовой аппарат государства не сможет никого принудить, если люди не верят в необходимость и полезность такого принуждения. Ключевым фактором является согласие людей. При этом согласие проявляется не в словах и убеждениях, а в делах. Например, Советский Союз начал разрушаться задолго до перестройки, тогда, когда советские люди стали все более активно использовать систему блага, а рабочие места на государственных предприятиях служили для их личного обогащения. Это и есть нарушение согласия. При этом все массово продолжали верить в построение коммунизма, осуждать «спекулянтов» и требовать у властей «наведения порядка».

Между «обществом» и «государством» всегда идет торг по поводу согласия. Согласие имеет цену, которая в общем случае выражается в степени потери субъектности. Торг идет по поводу того, сколько власти будет отобрано у «общества» и передано «государству» (или наоборот). Поэтому главное направление деятельности присваивающих рынков лежит в области поиска согласия, снижения его цены. Тут могут возникать самые разные комбинации, однако следует заметить, что тоталитаризм есть идеальная форма, так как цена согласия тут минимальна, люди согласны следовать любым прихотям государства и идти ради него на любые жертвы. Любое государство стремится к тоталитаризму.

До XIX века государство состояло из организации принуждения и двух-трех рынков, возникших за счет искажения спонтанных порядков. В основном это были рынки права, экономического регулирования (особенно в меркантилистской системе) и пропаганды (маскировки). В Англии по разным причинам рынок экономического регулирования оказался заметно ослабленным, а правовая система так до конца и не была присвоена государством. Это означало необычайно «льготные» условия для производительных рынков, и в результате именно здесь началась промышленная революция. Дальше случилось самое интересное — быстрый рост благосостояния людей породил и попытки роста присвоения, но они были безуспешными из-за отсутствия согласия. Люди не готовы были отдавать свое на старых условиях, необходимы были новые причины, которые заставили бы их расстаться со своими деньгами. И эти причины появились. Одновременно система эволюционировала в нужном направлении, превращая парламент из места ограничения запросов короны в место все большего расширения государства. Самое важное здесь понять, что все это происходило не

⁵⁶ Древнекитайские легисты, например, объясняли, что только государство может добывать железо.

столько усилиями политиков и государственных мужей, сколько усилиями разного рода доброхотов, журналистов и философов. Опять-таки все они преследовали локальные цели, а не цели «радикального преобразования общества». Например, борьба за расширение избирательного права, создавшая один из столпов современного государства, начиналась как борьба за представительство новых промышленных центров вроде Шеффилда и Манчестера в органе, ограничивающем налоги. Никто из активных участников этой борьбы не предполагал, что она в итоге полностью изменит суть парламента.

Английское государство в XIX веке осуществило сделку с английским обществом. Оно снизило цену согласия в обмен на (якобы) возможность участия граждан в «управлении государством», а уже в XX веке к этому добавились и «социальные программы». Доля грабежа выросла, особенно в абсолютном значении, так как выросло и благосостояние людей, но публика была согласна⁵⁷ с этим.

Современное государство можно представить как набор паразитических рынков, на которых под флагами формальных государственных органов действуют неформальные предприятия. Их деятельность и само существование этих рынков обусловлены организованным регулярным насилием. Предприятия паразитических рынков конкурируют между собой за ресурсы, в общем виде — за бюджеты. Наблюдаемая нами картина обусловлена множеством факторов. Немаловажную роль играет то обстоятельство, что «ресурсы» паразитических рынков на самом деле являются живыми людьми, которые меняют свои предпочтения. Поэтому паразитические рынки довольно часто меняются, многие «темы» вырабатываются и просто исчезают. С этим связана постоянная идейная чехарда и изобретение все новых и все более «прогрессивных» способов честного и гарантированного отъема денег (последним большим изобретением является безусловный основной доход). Предпринимателями на этом рынке выступают прогрессивные чиновники, активисты, политики, журналисты, эксперты и философы⁵⁸. Все они ищут любую возможность для того, чтобы получить и освоить бюджет или придумать какое-то очередное оправдание для расширения государства. Они всегда создают возможности для понижения цены согласия и никогда не упускают случая ими воспользоваться. Пример этого мы наблюдаем прямо сейчас, когда, воспользовавшись войной, предприниматели паразитических рынков за несколько лет отобрали у украинцев свобод больше, чем мог мечтать Янукович.

То, что я описал выше, можно назвать своего рода проектом идеи. Что может здесь изучать экономическая наука, а точнее — как она должна изучать

⁵⁷ Не случайно массовая государственная школа тоже возникла в XIX веке как средство достижения согласия, когда оно особенно потребовалось.

⁵⁸ Ноам Хомски — замечательный пример удивительной путаницы и белиберды, которую вырабатывает система в попытках не дать людям понять, где же именно их обманули.

государство или общество, в котором действует государство? Достойного ответа пока что нет. Есть попытки экономического анализа деятельности государства вроде школы общественного выбора в институционализме или микроэкономических моделей Нисканена, в которых агентства конкурируют за бюджеты, предоставляемые «спонсором», но они точно так же игнорируют тот факт, что государство есть присвоение одних людей другими людьми.

Мы не сможем до конца понять, как работает государство, пока не создадим концепцию, которая учитывает его реальную, а не желаемую (на самом деле выдуманную задним числом) природу. Для такой концепции очевидно, что «общество» для «государства» есть внешняя среда, а деятельность присвоенных государством институтов (вроде «охраны порядка», «бесплатной медицины» и т. п.) сродни окучиванию почв и одомашниванию диких животных, т. е. она просто уменьшает затраты на присвоение ресурса. Понятно, что «окучивание» — это аналогия, но могу привести и сугубо экономический вывод: спроса на государство как таковое нет и быть не может просто потому, что спрос и предложение существуют в мире добровольного обмена, а не присвоения. Спрос предъявляется «рынку», т. е., грубо говоря, другим людям, участвующим в производственной и торговой деятельности. Например, нельзя сказать, что Робинзон «предъявляет спрос» на ягоды, которые он собирает в лесу. Спрос и предложение как аналитический инструмент в этой ситуации просто не нужны. Они обретают смысл тогда, когда человек покупает эти ягоды в супермаркете, т. е. тогда, когда мы хотим найти закономерности во взаимодействии огромного количества людей, имеющих свои цели и планы.

Тем не менее спрос уже можно с уверенностью отнести к тому, что государство выдает за свои «услуги». В общем, со всей этой путаницей необходимо разобраться, при этом первым шагом, как мне кажется, должно стать понимание экономической природы агрессии как акта десубъективизации, присвоения, охоты и собирательства.

14.4. Что объясняют рынки?

Взгляд на государство как на набор паразитических рынков позволяет объяснить многие отчетливо наблюдаемые эффекты. Прежде всего удивительную согласованность в деятельности конкурирующих между собой чиновников⁵⁹, когда речь идет об их общем интересе. Все государства

⁵⁹ Сокращение числа чиновников нужно не для «бюджетной экономии», а потому, что каждый чиновник — это агент расширения государства, это человек, который 24 часа в сутки занят тем, что выдумывает новые способы получения новых бюджетов, а значит, присвоения ваших свобод и контроля над вами. Как и на обычном рынке, чем больше предпринимателей, тем сильнее эффект, поскольку они работают друг для друга, создавая возможности друг для друга и даже не замечая этого. Они координируют свое поведение, опять-таки даже не замечая этого и не стремясь к этому. Все вместе они образуют силу, которая, как раковая опухоль, разползается, уничтожая все живое.

расширяются, все они эволюционируют в сторону тоталитаризма, все они заняты снижением цены согласия.

Однако это не является продуктом осознанного замысла. Как и предпринимателям в свободной экономике, чиновникам ничего не нужно знать о том, как работает и как устроена система и что она производит. Как и в свободной экономике, они согласуют свое поведение, просто преследуя собственные совершенно локальные цели. Когда вы понимаете, что государство всегда работает на собственное расширение, всяческие вопросы отпадают и вы наблюдаете исключительно согласованное поведение. И хотя все сто процентов чиновников, активистов и прочих паразитов могут искренне верить в то, что их предназначение — приносить пользу людям, в результате все равно будет потеря свободы, рост конфликтов и снижение уровня благосостояния в обществе.

Рыночный взгляд объясняет так же и тот полужаконченный вид, который имеют государственные действия и инициативы с точки зрения осознанного замысла. Если что-то прижмут, то не до конца, если решат, то пополам, поэтому все это выглядит недоделанным с точки зрения идеи, замысла и представления о том, что осознанный замысел определяет их действия. Но суть существования государства в освоении ресурса, а не продвижении идеи. И оно пребывает в том виде, который позволяет приносить прибыль, именно это, а не что другое определяет, какой будет внешняя картинка, которую транслируют СМИ.

Наконец, рыночный подход объясняет главное — почему государство всегда расширяется и почему этот процесс невозможно остановить. Расширение государства — это расширение паразитических рынков. Оно происходит по тем же причинам, что и расширение «обычного» рынка: люди стремятся достичь состояния лучшего, чем у них есть, но в случае государства для этого им нужно нарушать правила, принятые в социуме, которые помогают обществу в целом развиваться. Для того чтобы сделать такое нарушение возможным и постоянным, и существует организованная сила, т. е. в росте государства есть *условие*, которое отсутствует в условии роста общества. Общество растет без организованной монопольной силы принуждения. Принуждение там децентрализовано, не организовано и возникает в тех случаях, когда нарушаются правила. ***Государству нужно постоянно преодолевать правила общества, поэтому и существует регулярное монопольное принуждение. Эти правила нельзя преодолеть один раз, это нужно делать регулярно.*** Иными словами, рост государства требует «искусственности», наличия организованного принуждения, в то время как рост общества происходит «сам собой», за счет социальной эволюции и отбора правил, все сильнее приближающихся к NAP.

Взгляд на государство как на рынки, основанные на эксплуатации, позволяет объяснить также некоторые феномены, которые будоражат мозг прогрессивной общественности. И прежде всего это феномен «иррациональ-

ности», или, точнее, «нерациональности» государства. Почему государства часто поступают нерационально? Почему они убивают бизнес, с которого сами же кормятся, почему, куда ни глянь, ведут «неразумную», с точки зрения прогрессивной общественности, политику?

Ответ на вопрос, почему государство ведет себя неразумно, нужно начать с того, что прогрессивная общественность ошибается относительно свойств объекта, под названием «государство». Она считает его организацией и потому приписывает ему способность действовать осознанно в «своих интересах». Общественность различается в этом вопросе только пониманием этих самых интересов. Наибольшая часть общественности исповедует наивную веру в то, что государство — это «нанятые менеджеры», и прочее в том же духе, и потому «интересы государства» состоят в кормлении подданных и заботе о них. Более продвинутое меньшинство полагает, что государство — это просто такая корпорация, которая зарабатывает деньги, прежде всего узаконенным грабежом. Но ни те, ни другие не могут объяснить нерациональности государства.

Действительно, если бы государство было иерархической организацией и его «интересом» было бы обогащение его членов (версию «государства как нанятых менеджеров» мы не рассматриваем ввиду ее полной фантастичности), то кругом был бы Сингапур и Гонконг. Если ты зарабатываешь на грабеже и этот грабеж регулярен и законен, то единственной рациональной стратегией будет минархизм, который сводится к тому, чтобы сделать вмешательство государства в жизнь человека минимальным и предсказуемым. Это обогатит этого самого человека и превратит его в буржуина. Ты получишь дохода с такого буржуина куда больше, чем с нищего и озлобленного пейзана (доходы бюджета Сингапура в 2016 году — 44,86 млрд долларов, при численности населения 5,6 млн человек, доходы бюджета Украины в 2017 году — 35,6 млрд долларов при численности населения около 40 млн).

Именно взывание к разуму элиты, которая по каким-то причинам не может понять этих очевидных вещей, и является сутью классического либерализма в его политической версии. Его стратегия — объяснить элите, просветить элиту или привести к власти свою элиту, которая наконец-то сделает так, чтобы «и овцы были целы, и волки сыты». Минархистам почему-то не приходит в голову задуматься о том, почему рациональность никогда не оставляет людей, когда они зарабатывают себе на жизнь вне пределов государственной корпорации. Здесь они проявляют удивительную находчивость и сноровку, которые вдруг куда-то волшебным образом улетучиваются, стоит им только занять государственный пост. При этом речь не идет о какой-то сложной стратегии, нет, минархизм предлагает очевидное, лежащее на поверхности решение, имеющее к тому же прямые аналогии с такой обыденной вещью, как животноводство.

На самом деле рациональность исчезает туда же, куда и осознанный замысел. Каждый чиновник по отдельности действует рационально, когда

пытается «принести пользу людям», или просто ворует из бюджета. Но поскольку государство является не организацией, а набором рынков, совокупный результат, как мы уже говорили, будет определяться *средствами*, которые выбирает каждый. На «обычном» рынке этот каждый, чтобы заработать, должен удовлетворить потребности других, на «государственном» рынке — использовать принуждение и грабеж. Поэтому «обычный» рынок приводит к «неуклонному росту благосостояния трудящихся», а «государственный» — к обнищанию. Мы можем также аналитически определить предельное состояние, к которому «стремится» рынок, и в случае государственного рынка это будет абсолютная власть. Подчеркиваю, не рост «фронта работ», не рост бюджета, не набивание карманов чиновниками и не их благополучие, а *власть одной группы людей над всеми остальными*.

Понимание этого обстоятельства позволяет объяснить все то, что кажется прогрессивной общественности странным, нелогичным и нерациональным. Государственные рынки могут складываться в самые разные конфигурации, среди которых мы увидим и неподкупных финских чиновников, и минимальных швейцарских бюрократов, и другие примеры из «стран, в которых все работает». Однако в большинстве случаев государственные рынки существуют как система откровенного грабежа и транжирства. Конфигурации могут быть разными, но мы не найдем ни одной, в которой государство со временем теряло бы свою власть. Во всех без исключения странах она только возрастает. И, собственно, проявления этого процесса и выглядят как «нерациональность», «недальновидность», ну и, конечно же, как «маразм» и даже «полный маразм».

Финляндия, в которой, по твердому убеждению прогрессивной общественности, нет коррупции, отличается от Украины, которую можно смело назвать лидером в этой сфере, только начальными условиями и скоростью процесса. То же самое можно сказать о «легкости ведения бизнеса» и других показателях «цивилизованности». Во всех странах идет один и тот же процесс, просто его начальные условия и скорость разные. Горение внешне не похоже на гниение, но это один и тот же процесс окисления.

В общем, никакой особой нерациональности в поведении государства не существует. Например, «нерациональная» прогрессивная шкала налогообложения, которая обедняет, а не обогащает государственный бюджет, просто не служит для цели его «наполнения». Она привлекает голоса невежественных и бедных, она нужна для «маскировки», а не для получения дохода. Точно так же западные правительства не поступают неразумно, когда завозят в промышленных масштабах мигрантов, ненавидящих западную культуру. Мигранты создают проблемы, а проблемы в свою очередь дают государству власть. По этой же причине процветает культурный марксизм и постмодернизм, которые нацелены на уничтожение цивилизации как таковой. И опять-таки, в какую именно конфигурацию вырулит бюрократ-

тический рынок, зависит от множества факторов и обстоятельств. На Западе он вырубивает в сторону торжества левацкого «либерализма», в России — к псевдоконсервативному «самодержавию, православию, народности». Форма не имеет значения, это просто те конфигурации, в которых государство в условиях данной культуры может получить больше власти. И всегда нужно помнить, что эта конфигурация не есть продукт осознанного замысла. Чиновники, как правило, не преследуют каких-то злонамеренных целей, они, как и все люди, стремятся достичь своих целей наиболее простым способом, результат их совокупных с другими людьми усилий в данных конкретных обстоятельствах и определяет то, «как живет страна».

Кстати, совсем недавно украинская прогрессивная общественность получила опыт несоответствия ожиданий действительности в рамках исследуемой нами темы. Понятно, что этот опыт ничему ее не научил (точнее, научил, как обычно, не тому), но тем не менее о нем стоит упомянуть. Я имею в виду настроения, распространившиеся среди прогрессивной общественности в начале войны. Настроения эти были таковы: вот сейчас «объективные обстоятельства» обязательно подтолкнут Порошенко проводить решительные реформы, потому что только так можно наполнить бюджет и получить такую нужную нам поддержку Запада. Прогрессивная общественность потирала лапки и радостно попискивала в ожидании «объективно неизбежных» реформ и даже придумала для них название «проект витрина». Дескать, из Украины сделают витрину свободного мира, чтобы москали смотрели и завидовали. Разумно? Да! Рационально? Конечно! Но, как всегда, ничего не получилось. Общественность винит в этом Порошенко, но на самом деле был бы вместо него Золоторев, все равно ничего не вышло бы, ибо общая картина на рынке (то, к чему «стремится» рынок) определяется не целями, а средствами. А бюрократический рынок Украины пока что не просто существует, он цветет и пахнет, на нем делаются состояния и отъедаются морды, и потому все реформы, даже если у кого-то и возникнет желание их проводить, обречены на провал.

15. РЫНОК МАСКИРОВКИ ИЛИ МИР ТОТАЛЬНЫХ ОШИБОК?

Мы говорили о том, что поведение людей, которых система организованного принуждения превращает в объекты, определяет то, каким будет то или иное общество. Чем меньше люди готовы позволять государству вмешиваться в их жизнь (т. е. чем выше цена согласия), тем богаче общество и беднее государство. Поэтому поведение рынков, образующихся на искажении спонтанных порядков, направлено прежде всего на то, чтобы сделать грабеж незаметным и убедить субъектов легче превращаться в объекты. Рынок «маскировки» — самый обширный из всех рынков принуждения,

он охватывает широчайшее поле деятельности: от прямой пропаганды и контроля «оппозиционного» дискурса (включая прежде всего философские концепции и идеологии), до того, какой именно будет налоговая и регуляторная система в данной конкретной стране. В этой главе мы бросим беглый взгляд на этот огромный рынок. Надеюсь, что читателю станут понятнее масштабы явления, с которым мы столкнулись.

Понимание того, что мы имеем дело с рынком, т. е. с процессом координации усилий незнакомых друг с другом людей, где видимый результат не является результатом осознанного замысла, позволяет совсем по-другому посмотреть на политическую систему. В частности, избавиться от главной ошибки — восприятия существующей системы как некоего ответа общества на свои нужды. Это восприятие содержит слишком много катастрофических нестыковок, но вера в то, что «по-другому нельзя», позволяет закрывать на них глаза, считая их «недостатками», которые мы можем исправить.

Когда начинаются споры о том, что лучше — государство или какие-то его альтернативы, всегда неявно предполагается, что государство возникло и добавляло свои функции как ответ на какую-то общественную проблему и на новые проблемы. Вот возникла преступность, давайте создадим полицию с монопольными функциями, при этом предполагается, что монополия есть некое обдуманное решение, результат практики и опыта. Но ничего этого никогда не было⁶⁰. Государство никогда не создавалось некими озбоченными проблемами гражданами, которые попробовали все способы и вот наконец решили остановиться на государстве. Во всех случаях, где государство претендует на монополию, оно просто присваивало и монополизировало уже существовавшие в обществе институты и делало это со своими весьма конкретными целями.

Если же вы понимаете, что имеете дело с результатом эволюционного процесса, то вы понимаете и то, что это не бэг, а фича. Когда вы поймете, что вы имеете дело с рыночными процессами, вы поймете и то, что исправить здесь ничего нельзя. Можно лишь ослабить воздействие этих рынков и минимизировать потери.

⁶⁰ Государство никогда не создавалось для функций, никто не собирался и не решал, а давайте будем делать вот так, поэтому то, что мы имеем сегодня в идеологии этатизма, — это попытка описать задним числом то, что уже существует, причем описать так, чтобы это выглядело результатом рационального спланированного действия, а не эволюции и приспособления паразита. Эта рационализация очень важна, так как она нивелирует состояние жертвы, улучшает наше психическое состояние — мы не жертвы грабежа, а участники конструктивного процесса, просто что-то немного поломалось, надо починить, еще чуть-чуть, еще одни выборы, и все будет хорошо. Эта идеология существует потому, что маскирует реальное состояние дел, ее все отстаивают потому, что она рисует более приятную картину мира, в которой просто нужно чтобы (другие) люди вели себя правильно, у людей в такой картине статус не регулярно обворовываемого лоха, а полноправного участника процесса.

Государственное вмешательство — это не ошибка каких-то людей, которые его придумали⁶¹. Бесполезно убеждать в том, что вмешательство вредно. То, что множество философов, начиная от древнекитайских легистов, находили его полезным, не означает, что само вмешательство стало результатом интеллектуальной дискуссии, что какие-то люди осознанно выбирали между вмешательством и невмешательством. Вмешательство — это способ существования системы, а все философские, идеологические и экономические концепции, защищающие его это, просто оправдания, сделанные задним числом, явления, рожденные рынком маскировки.

15.1. Если бы государство действительно создали

Чтобы сделать мой тезис более понятным, давайте представим, что люди действительно решили создать государство для защиты⁶² своих интересов. Каким бы оно было? Во-первых, очевидно, что это была бы либо проектная оплата, либо один налог, распределять который по проектам должен избранный законодательный орган. Однако совершенно очевидно, что любое изменение налога⁶³ и видов деятельности, на которые он тратится, требовало бы согласия налогоплательщиков. Подчеркиваю, не депутатов парламента, а каждого налогоплательщика. Несогласные с новыми налогами имели бы полное право их не платить. Если бы это был рациональный процесс, то существующего разнообразия налогов — налогов на деятельность или на соль, на окна или на что-то подобное — не могло бы быть.

Точно так же, если бы в XVIII—XIX веках действительно происходила передача власти из рук аристократии в руки народа и государство после этого стало служить своему «суверену», то этот процесс означал бы то, о чем мы только что сказали: переход к целевому налогообложению и полный контроль налогов налогоплательщиками. В реальности же это был обратный процесс — полная потеря какого бы то ни было контроля.

Дальше больше. Невозможно себе представить, чтобы некая контора, существование которой должны оплачивать все жители некой территории, создавалась бы без определения целей и четких критериев успеха. У современного государства их нет (об этом мы поговорим ниже). Получается,

⁶¹ Вообще говоря, этот термин довольно лукавый. Он как бы подразумевает, что существует еще какая-то государственная деятельность, кроме «вмешательства». На самом деле ее не существует.

⁶² Показательно, что в реальности, а не в фантазиях этатистов усиление государства прямо связано с ограничением прав граждан, чему свидетельством является военное положение. При этом мало кто вообще замечает парадокс, что для того, чтобы лучше защитить права граждан (ведь считается, что государство создано именно для этого), государство должно их ограничить.

⁶³ Здесь, как и во всей книге, мы говорим о «налогах в широком смысле слова», понимая под налогом все поступления в государственный бюджет, поскольку все они имеют принудительный характер.

что контора уже работает, а вот зачем она работает — непонятно⁶⁴. Интересно, что отсутствие критерия успеха нехотя признается приверженцами мейнстримной экономики и по этому поводу до сих пор ведется дискуссия. При этом самое забавное состоит в том, что они хотят отказаться от ВВП в пользу еще более неопределенных и фантастических критериев вроде «индекса счастья».

Однако, размышляя дальше, мы столкнемся с неразрешимой проблемой. Если бы государство было создано, оно бы существовало отдельно от правовой системы, т. е. в такой стране господствовал бы принцип *rule of law*. Однако это явное противоречие. Может существовать или монополия на принуждение (а значит, и иммунитет от правового преследования для чиновников), или *rule of law*. Интересно, что с подобной проблемой столкнулась в XIX веке Британия. Мы уже говорили, что английское право не до конца было узурпировано государством (это стало одной из причин расцвета Британии, а также того, что именно там произошла промышленная революция). Еще в конце XIX века разница между континентальным и британским правом в вопросах роли государства была очень велика. Классик английского правоведения Альберт Дэйси, исследуя французское административное право, писал: «*Droit administratif* есть термин, для которого нет равнозначного термина в английской юридической фразеологии. Выражение “административное право”, которое ближе всего передает *droit administratif*, незнакомо английским судьям и адвокатам и само по себе вряд ли будет понятно без дальнейших разъяснений. Это отсутствие в английском языке подходящего слова для передачи *droit administratif* знаменательно: названия не существует потому, что у нас неизвестен сам предмет» [16]. Затем Дэйси описывает хорошо знакомое нам административное право, в котором начальник всегда прав и замечает: «По понятиям французов частное лицо в сношениях с государством находится в совершенно ином положении, чем при сношении со своим соседом» и «фактически, административное право является набором привилегий, защищающих государство». Уже к началу XX века и особенно после Первой мировой противоречия между британским правом и государством были разрешены в пользу последнего.

В целом, если представить, что государство может быть создано договором, то необходимо, чтобы выполнялись три условия. Первое — объем власти, создаваемый таким договором (т. е. объем власти над собой, передаваемой учредителями правительству), никогда не должен меняться. Это условие невозможно выполнить, так как договор создает монополиста как минимум в энфорсменте. Никаких ограничителей такая система не предусматривает, и они принципиально невозможны, повторю, в силу абсолютного монополизма. «Разделение властей» — это сугубая формаль-

⁶⁴ Этот парадокс будет быстро устранен, если мы поймем, что целью функционирования государства являются налоги в широком смысле, т. е. получение выгоды бенефициарами налогообложения.

ность, и, как показывает опыт той же Украины, само по себе оно не дает никакого результата. Вопрос «кто будет сторожить сторожей?» в такой системе не имеет ответа.

Более того, если право остается вне такой системы, то ее существование теряет всякий смысл. Рано или поздно ее деятельность придет в неразрешимое противоречие с правом, так, как это случилось с рабством в римском праве. Если же право интегрируется в систему, т. е. становится монопольным законодательством, то объем власти всегда будет меняться по желанию законодателя, а не тех, кто учредил государство.

Второе условие — учредителями должны быть все без исключения лица, на которых будет распространяться действие договора. Если есть хотя бы один человек, не согласный с договором, на него не может распространяться «регулирование», которое создает этот договор, он не должен платить налоги и т. д.

Наконец, третье условие. Даже если все жители некой страны согласились с договором и подписали его, действие этого договора не распространяется на всех вновь прибывших, т. е. прежде всего на тех, кто вступит в дееспособный возраст и родится после этого события. Таким образом, если кому-то придет в голову фантазия учредить правительство путем договора, такой договор необходимо перезаключать каждый год-два. И даже в этом случае в таком обществе большая группа людей на совершенно законных основаниях сможет не подчиняться созданной договором власти просто потому, что эти люди этот договор не подписывали.

В общем, надеюсь, читателей не удивит мой вывод — государство невозможно «учредить» или создать каким-либо правовым образом. Монополия на принуждение прямо противоречит правовому порядку.

И последнее. Мы говорили о том, что было бы, если бы государство действительно создавалось для достижения неких положительных целей. Интересно, что люди уже давно нашли такой способ. Ведь если вы начнете придумывать систему, в которой все работают на благо друг друга и приносят друг другу пользу и при этом этот процесс не зависит от личных качеств участников и от их желания приносить пользу, то вы придумаете рынок. Таким образом, сама идея государства, приносящего пользу, абсурдна, это просто маскировка, оправдание, выдуманное задним числом.

15.2. Осознанный замысел

Большинство заблуждений, связанных с государством основаны на двух связанных между собой ошибочных представлениях о природе общества. Первое заблуждение состоит в том, что общество можно создать. Это заблуждение породило целую религию. Собственно, религия, как и положено, состоит в креационистской вере в Осознанный Замысел. Государство стало итогом осознанного замысла. С моментом сотворения, правда, у этой религии (как, впрочем, и у любой другой) большие проблемы. Предъявить

мудрых старцев, которые заключили Общественный Договор, а также объяснить, по каким причинам их договор, если таковой действительно был заключен, каким-то образом касается и нас с вами, сторонники этой веры не могут. Не помогают и всевозможные продвинутые версии вроде того, что Общественный Договор — это подразумеваемый договор. Никакой подразумеваемый договор не может вести к финансовым обязательствам и не может сам собой передаваться из поколения в поколение.

Но, собственно говоря, от этой религии и не требуется убедительного объяснения момента сотворения, от нее требуется вера в Осознанный Замысел как таковой. В рамках этой веры вся социальная жизнь может меняться путем Осознанного Замысла, государство — это просто инструмент, тоже созданный путем такого замысла.

Вера в Замысел играет ту же эволюционную роль, что и маскировка у животных. Она призвана обмануть хозяина паразита, т. е. нас с вами. Более того, здесь эволюция пошла еще дальше и сумела направить усилия хозяина на пользу паразиту.

Давайте посмотрим, как работает этот механизм. Само государство «маскируется», оно выносятся за скобки, притворяясь абстрактным инструментом для Осознанного Замысла — всеми этими законами, парламентами, судами и прокурорами. Оно недоступно для критики, поскольку все, что происходит, является реализацией Осознанного Замысла, а государство лишь инструмент в этом процессе. И если что-то пошло не так, то виноват исполнитель или, в крайнем случае, это был плохой Замысел. Но поскольку Осознанный Замысел существует, то, как говорится, все двери открыты. Не нравятся исполнители — меняйте исполнителей. Не нравится Замысел — создавайте свой, участвуйте в выборах, создавайте партии, создавайте разные там «прозорро», контролируйте власть, пишите петиции и жалобы в ЖЭК.

Таким образом, энергия недовольства системой, поскольку большинство проблем, с которыми мы сталкиваемся, являются прямым следствием ее существования, направляется на совершенствование этой системы. Системе абсолютно все равно, какой флаг на сельраде, какая партия или какой диктатор у власти, и ее не волнует, какой именно Осознанный Замысел реализуется и как это происходит. Главное, чтобы сохранялась группа людей, получающих свой «законный» доход от принудительного изъятия собственности. И если в этом процессе одна «элита» полностью истребит другую «элику» и всех, кто подвернулся под руку в ходе борьбы за власть, система только укрепитя, это просто будет означать, что неэффективная с точки зрения системы элита уступила место более эффективной. Идеологическая «марка», под которой это все случится, набор институтов, в которых будет осуществляться ее власть, и станут новым этапом эволюции системы, приспособлением ее к меняющимся обстоятельствам и к попыткам хозяина — общества — избавиться от нее.

Итак, подводя итог, зафиксируем три основных догмата этатистской религии. Первый — все в обществе является результатом Осознанного Замысла (а не спонтанной эволюции). Второй — государство — нейтральный, находящийся «над схваткой» и потому недоступный для критики инструмент реализации Осознанного Замысла. Третий — если вам что-то не нравится, то это всего лишь эксцессы исполнителя или ошибки Замысла. Новые Замыслы всегда открыты для вас. Кстати, в СССР было дозволено критиковать отдельные недостатки. Был целый жанр «производственной драмы», героем которой выступал некий новатор, которому мешали бюрократы и консерваторы. Все сводилось к проблеме исполнителя, мысль о недостатках системы как таковой была одной из самых революционных в годы перестройки, она поменяла очень многое. Сейчас мы должны опять продумать эту мысль применительно к системе, в которой мы живем.

15.3. Неконтролируемые намерения

Другая ошибка представляет собой вариант предыдущей. Если в первом случае государство было инструментом для создания Общего Блага, то вторая ошибка связана с представлением о нем как о контролере, ограничивающем плохие замыслы и плохие намерения других людей. Коль скоро люди верят в то, что общество есть результат взаимодействия осознанных намерений, то единственный способ достичь координации и порядка — контроль этих намерений третьей силой. Здесь, кстати, весьма заметна разница между классической либеральной и либертарианской (какой она должна быть) аргументацией. Либералы считают, что контроль государства не должен быть чрезмерным, либертарианцы должны делать упор на том, что контроль поведения существует вне всякого государства в виде эволюционно развивающихся спонтанных порядков морали, этики и права. Государство не просто лишнее в этой системе, оно разрушает ее, мешая осуществлению эффективного контроля нежелательного поведения.

Упор на то, что некоторые люди могут себя плохо вести, до сих пор является аргументом в государственных запретах. Люди могут использовать во вред другим оружие, шифрование данных, анонимные банковские счета и так далее и тому подобное. Конечно же, государство запрещает все это не потому, что пытается пресечь плохое поведение. Оно просто увеличивает свою власть под предлогами, которые кажутся обществу убедительными.

В конце концов, если дело только в намерениях, то почему бы не доверить чиновникам вообще делать все для людей, как это было в СССР? Это же технически возможно, пусть хорошие чиновники пекут хлеб, ловят рыбу и клеят обои. Мне скажут, что это неэффективно, но где критерий эффективности? Чем отличается неэффективный государственный рыболов от эффективного государственного полицейского?

15.4. Рациональность

Намерения и замыслы могут быть не просто плохими. Они могут быть неправильными. Это следующий шаг в маскировке. Государство теперь нужно не только для того, чтобы препятствовать плохому поведению. Оно нужно для того, чтобы регулировать поведение, поскольку оно может быть иррациональным.

Вопрос рациональности относится к фундаментальным вопросам мейнстримной экономической науки. Неоклассическая теория основывалась на представлениях о «хомо экономикусе» — абсолютно рациональном человеке. Теперь поведенческая экономика пытается опровергать этот постулат, доказывая с помощью сомнительных экспериментов иррациональность людей. На самом деле поведенческие экономисты не опровергли постулат о рациональности, они просто зарезервировали право на рациональность исключительно за собой.

Здоровая экономическая теория вообще избегает понятия рациональности ввиду его бессмысленности. «Человеческая деятельность всегда необходимо рациональна. Понятие “рациональная деятельность” избыточно и в качестве такового должно быть отброшено. В приложении к конечным целям деятельности понятия “рациональный” и “иррациональный” неуместны и бессмысленны. Конечная цель деятельности всегда состоит в удовлетворении определенных желаний действующего человека. Поскольку никто не в состоянии заменить свои собственные субъективные оценки субъективными оценками действующего субъекта, бессмысленно распространять свои суждения на цели и желания других людей. Никто не имеет права объявлять, что сделает другого человека счастливее или менее неудовлетворенным. Критик или говорит нам, что, по его мнению, он бы имел в виду, если бы был на месте другого, или с диктаторской самонадеянностью беспечно распоряжается желаниями и устремлениями ближнего своего, заявляя, какие условия этого другого человека больше подходят ему, критику» [2].

15.5. Общественный договор

Идея общественного договора является ошибкой. Она была простибельна для ее авторов — Гоббса, Локка и Руссо, поскольку в то время не была известна идея эволюции, а право отождествлялось с приказами государя. Обнаружив, что люди в своем поведении следуют определенным правилам и что они готовы подчиняться тем, кто следит за соблюдением этих правил, нетрудно прийти к выводу, что это происходит потому, что люди каким-то образом договорились между собой об этом. В частности, договорились учредить государство, чтобы оно за ними следило.

Однако такая идея несет в себе ошибку. В варианте Гоббса, когда люди находятся в состоянии «войны всех против всех» и государство учреждается для того, чтобы прекратить эту войну, совершенно непонятно, откуда у

государства взяли знания о правилах человеческой кооперации. В варианте Локка, где государство создается для обеспечения общего блага, то же самое — непонятно, откуда государству известно о том, что такое «общее благо» и как его достичь. Если государство является неким внешним по отношению к обществу органом, при этом в него входят такие же люди, как и в обществе, то, принимая во внимание внешний характер правил, мы должны наделить их создателей сверхспособностями, а государство считать некой божественной и непогрешимой силой. Собственно, это и делает наш рациональный ум, который стремится связать все в логически непротиворечивую концепцию.

Мы можем проиллюстрировать ошибку общественного договора другим примером — языком. Переноса идею общественного договора на язык, который тоже является важнейшим порядком, обеспечивающим взаимодействие людей, мы должны представить ситуацию, в которой немые люди собрались вместе и решили, что им не хватает языка, после чего они не только придумали его, но и начали на нем разговаривать.

Очевидно, что то, что люди ведут себя одинаково в одинаковых ситуациях, еще не означает, что они договорились об этом. Для того чтобы принимать вправо, когда вам нужно разъехаться на дороге, не нужно общее собрание, которое постановит поступать таким образом.

На самом деле «общественный договор», позволяющий людям эффективно сотрудничать, уже давно существует, и он возник естественным путем в ходе эволюции. Это нормы социального порядка — мораль, этика и право. Никакое государство для этого не нужно.

15.6. Общественное благо

Идея о том, что государство делает нечто полезное «всем», но не «каждому», стара как мир. Она попросту отражает то факт, что государственная элита является собственником территории, а во многих ситуациях и населения, и потому его приказы равным образом касаются каждого. Идея «общего блага» — это просто-напросто пожелание, чтобы эти приказы были направлены не только на благо элиты, но и на благо налогоплательщиков. Классическим примером путаницы в причинах и следствиях является государственная армия. Во время войны эта армия защищает территорию, поскольку территория является рамками, которые обозначают принадлежность ресурсов на ней государственной элите. Тот факт, что вы тоже находитесь на этой территории, не означает, что армия защищает вас, и тем более не означает, что она предназначена для этого.

Идея общественных благ (public goods) относительно нова и представляет собой попытку подвести экономическую основу под идею «общего блага». Общественные блага — это товары особого вида, из потребления которых невозможно исключить посторонних. По этой причине их должно производить только государство.

Критика данной теории обширна и убедительна, и один момент в ней особенно показателен, так как он четко объясняет, для чего эта теория нужна. Давайте зададим простой вопрос: сколько должно быть произведено общественных благ? Если производство других благ регулируется спросом и предложением, конкуренцией и редкостью ресурсов, то как решить, сколько нужно благ общественных? Получается, что это решение находится исключительно в компетенции чиновников.

Иллюстрацией вышесказанного может служить такая проблема, как вечная нехватка бюджетных средств. У чиновников на все вопросы один ответ: не хватает финансирования. Ну а скажите, когда вам хватит финансирования? Каким образом можно это узнать? Если ресурсы всегда ограничены, как узнать, сколько их должно быть направлено на производство общественного блага (на рынке это определяют цены)? Логично предположить, что дело обстоит наоборот, что общественные блага — это просто оправдание ситуации, когда государство безнаказанно изымает ресурсы, безнаказанно увеличивает бюджет, ссылаясь на существование каких-то благ, которые и благами-то не являются, так как непонятно чем, кроме тыканья пальцем в небо, регулируется их выпуск.

Как видим, эта теория лишь еще один вариант идеи об изначальной глупости человека. Только в данном случае вместо разговоров о том, что люди иррациональны, нам рассказывают, что существуют специальные товары, которые можно производить только принудительно, отбирая у людей часть их дохода. Эти товары полезны тем, у кого этот доход отбирают, но сами эти люди добровольно их почему-то не покупают.

15.7. Чудо государственного бюджета

Зачем нужен бюджет, и какова его роль в современном демократическом обществе? Чем государственный бюджет кардинально отличается от семейного? Почему забота политиков о бюджете и его наполнении не имеет ничего общего с заботой о благосостоянии и социальных стандартах для тех самых налогоплательщиков?

Хорошо известно, что лучше всего скрыто то, что лежит на поверхности. Вот, например, государственный бюджет. Чем он кажется большинству экспертов, политиков, журналистов и завсегдатаев «фейсбука»? Не ошибусь, если скажу, что он им видится неким аналогом семейного бюджета, т. е. ситуации, когда вы планируете свои доходы и расходы на свои цели. Другим близким аналогом может служить «смета работ». Необходимо сделать то-то и то-то, для этого нужно столько-то денег. С их точки зрения, парламентские бюджетные дебаты — это и есть составление и обсуждение такой сметы, определение представителями народа вот этих самых необходимых народу целей и объемов необходимых для этого средств.

Во всем этом есть настолько очевидное «но», что я много лет не перестаю удивляться тому, как его можно не замечать. Состоит это «но» в том,

что существующие формы налогообложения полностью противоречат таким представлениям.

Судите сами. И модель семейного бюджета, и модель сметы предполагают условный характер расходов, т. е. ваши расходы возможны только при условии выполнения конкретных работ. Сначала смета, потом ее обсуждение, а уж потом — деньги под конкретные задачи (тут уже неважно, частями или сразу). Современное налогообложение не имеет с этим ничего общего.

Поясню. Представим себе модель «сметы». Эта модель работает так: «Нам совершенно необходима вот такая чудо-фигня. Чудо-фигня стоит 100 500 гривен». Как работает модель сметы? Те, кому нужна чудо-фигня (допустим даже, что это «все»), обсуждают цену (может, найдут подешевле), если цена устраивает — делят расходы на чудо-фигню между участниками мероприятия.

Если кому-то опять нужно что-то (опять же допустим, что это нужно «всем»), эти кто-то снова собираются и проделывают ту же процедуру, даже если речь вновь идет о той же чудо-фигне, которую они покупали в прошлый раз. Они будут повторять эту процедуру каждый раз, даже если приобретают одну и ту же вещь или услугу. При этом абсолютно не важно — отдаются деньги сразу или частями, платятся одинаковые или разные доли, решение принимают непосредственно покупатели или их доверенные лица. Модель сметы означает, что набор целей и средств определяется каждый раз (пусть даже он повторяется), взносы платятся исключительно для достижения этих согласованных целей этими согласованными средствами⁶⁵.

А теперь представим современное «решение» той же «проблемы». Оно состоит в том, что у «всех» отбирают 20 % от дохода, предприятия заплатят нам еще 15 % от прибыли (я беру произвольные цифры), вы будете платить лицензии, тарифы акцизы и штрафы, вы будете платить за землю и с каждой покупки вы будете платить НДС. Это я очень и очень сильно все упростил, реальная система в разы сложнее.

Для чего? Якобы для того, чтобы купить чудо-фигню за 100 500 гривен.

Что такое современное налогообложение? Что такое «мы отбираем у вас 20 % каждый раз, когда вы получаете доход в рамках установленного нами временного отрезка», или «мы отбираем 20 % от прибыли предприятия в месяц», или «мы отбираем 20 % с цены каждой сделки, которую вы заключите», или «вы будете платить каждый раз, когда вам захочется заняться той или иной деятельностью или открыть предприятие», или «вы будете платить каждый раз, когда покупаете бутылку алкоголя и пачку сигарет», «вы будете

⁶⁵ Именно так финансировались расходы на «общие цели» в полисах и свободных городах Средневековья. Историки, часто будучи людьми экономически неграмотными, называют такие взносы «налогами». т. е., как правило, деньги собирались под известные цели, например в фонд на случай войны. Причем никакой уравниловки в такой системе не было. Основную долю вносили богатые граждане.

платить каждый раз, когда вы покупаете импортные товары». Что это такое? *Это не финансирование конкретных целей, это денежные потоки.*

Современное налогообложение создает денежные потоки. Налоги поступают всегда, везде, те или другие. Это означает, что никакой «сметы» не существует. Налоги поступают вне всякой связи с тем, что считается политическим процессом.

Такая форма налогов означает, что потоки будут всегда, вне зависимости от самого существования бюджета. Для «наполнения казны» при такой системе в принципе не нужен никакой бюджет. Потоки будут, даже если не будет никаких государственных расходов, т. е. даже если правящий класс тупо будет съедать все, что собирает, не тратясь на оборону, фундаментальную науку и назовите-что-там-еще кажется вам причиной, по которой собираются налоги.

Зачем же тогда нужен бюджет, и какова его роль? Бюджет — это своего рода урожай, который удастся собрать политическому классу за некий период времени, это то, что сгенерировали налоговые потоки за год. И, конечно, этот бюджет нужно поделить, т. е. «освоить». Вот процесс дележа — это и есть бюджетный процесс, это и есть содержание дебатов при обсуждении бюджета.

Нужно четко уяснить, что бюджет никак не связан с «задачами», на решение которых он якобы тратится. Бюджет определяет не то, куда и сколько «мы» (налогоплательщики) потратим, а то, кому и сколько из сгенерированных налоговыми потоками средств достанется. Размер бюджета определяется не целями налогоплательщиков и не мифическими потребностями «функций государства», а тем, сколько удастся собрать налогов в широком смысле и сколько удастся занять на внутреннем и внешнем рынке.

В итоге размер бюджета определяется только согласием общественности отдать свои деньги и тем, сколько эта общественность утаила от любимого государства. Именно с согласием связано, например, очередное обострение «борьбы с неравенством» в развитых странах, все эти Пикетти и прочие жулики из academia, настойчиво проталкивающие многократно опровергнутые заблуждения. Широкую публику нужно убедить в том, что все беды от того, что кто-то более богат, чем другие, и что решить эту «проблему» можно только с помощью новых налогов. Разумеется, сами эти активисты могут искренне верить в свои теории, я в данном случае говорю о работе системы в целом, о работе «бюрократического рынка», который отбирает те идеи и концепции, которые помогают расширению государства.

В общем, когда вам говорят о бюджете, представляйте себе урожай, который собирают трудолюбивые чиновники и политики с вас, налогоплательщиков. Тот факт, что на мешках с отобранным чиновники пишут «образование» или «медицина», ничего не меняет. Они могут написать там что угодно. Или вообще ничего не писать. Почему они сейчас пишут эти надписи? Потому что это помогает им собирать урожай. Вы верите в эти

надписи и не сопротивляетесь. С точки зрения паразитических рынков, все эти «расходы на образование» или «на медицину» можно рассматривать как инвестиции в плодородие почв, например. Да, часть ваших денег они потратят на то, что называют «здравоохранением», но делается это для того, чтобы получить и остальные деньги, а не потому, что это рациональный способ заботы о здоровье.

Ошибкой, прямо следующей из представления о бюджете как о «смете», является то, что бюджет мыслится управляемым со стороны налогоплательщиков. Это не так. Не существует ни сметы, ни управления, границы бюджета определяются только возможностями его собрать.

15.8. «Макроэкономика». Естественнонаучные методы в социальных науках

Существует огромная группа заблуждений и ошибок, которые своими корнями уходят в представление о государстве как о субъекте. В свою очередь, в наше время эти ошибки опираются на использование естественнонаучных методов в социальных науках и прежде всего в экономике. Что отличает естественнонаучный метод от метода социальных наук? Наука ищет в окружающем нас мире универсальные закономерности. Это позволяет отделить события, происходящие в рамках «законов природы», от феноменов — событий уникальных, невозпроизводимых, — предсказывать те или иные явления в рамках этих закономерностей и иногда управлять этими явлениями.

«Естествоиспытатель» движется от наблюдения к пониманию причин того или иного явления. В ходе этого движения он строит гипотезы, которые проверяются опытом, затем возникает теория, в той или иной степени описывающая универсальные закономерности для неких классов объектов и их взаимодействий. Поскольку причины явлений никогда до конца не известны, то рано или поздно другие ученые фальсифицируют имеющиеся теории и корректируют введенные ими универсальные закономерности с учетом имеющихся у них новых данных и гипотез. И так до бесконечности.

Это метод естественных наук. В случае же науки о людях причина явлений хорошо известна. Она состоит в том, что человек действует для достижения своих целей и выбирает среди имеющихся альтернатив их достижения наиболее подходящую. Соответственно, и метод наук о людях отличается от естественнонаучного. Наука о людях ищет универсальные закономерности в деятельности людей, опираясь на априорное знание о ее причинах.

Собственно, проблема ненаучного в экономике и других социальных науках появляется от попыток использования естественнонаучного метода для случая человеческого общества. Для нашей темы здесь важно то, что такое представление утвердилось далеко не сразу. Оно начало распространять-

ся с появлением профессии экономиста, некоего специалиста-советника при правительстве. Вместе с появлением этой профессии поменялась и доктрина экономической науки. До 30-х годов XX века австрийская школа в целом не выходила за рамки экономического мейнстрима, но после Великой депрессии, кейнсианства и превращения экономистов в жрецов государства положение изменилось. Фактически перед нами пример того, как научные и связанные с ними идеологические представления изменились для обоснования государственного регулирования.

Думаю, многие читатели заметили, что рекомендации экономистов часто, мягко говоря, странные. Живые люди не только не поступают так, как экономисты считают «правильным», но в большинстве случаев поступают прямо противоположным образом. Прекрасный текст, иллюстрирующий это явление, можно прочесть по ссылке⁶⁶. Эта странность есть прямое следствие ошибочной методологии. Попробуем кратко указать на наиболее очевидные эффекты, к которым приводит методология естественных наук, примененная к человеческому обществу.

Проблема субъекта и объекта. Ложный субъект. В естественных науках, будь то изучение камней или галактик, исследователь является субъектом, а камни или галактики — объектами. Таким образом, только исследователь имеет здесь цели, связанные с пониманием закономерностей, и только он, поняв закономерности, управляющие поведением камней или галактик, может использовать их себе на пользу. По крайней мере, такое положение дел будет сохраняться до тех пор, пока нам не станет известно, каковы собственные цели галактик и камней.

В случае науки о людях исследователь — такой же субъект, как и те, кого он исследует. И он, и другие люди действуют, имея свои собственные цели. С этим обстоятельством и связано то, что метод социальных наук должен отличаться от метода наук естественных⁶⁷.

Если же при исследовании социума оставаться в рамках естественнонаучной методологии, то неизбежно возникает, «достраивается сам собой» в ходе рассуждений, ложный субъект, для которого другие люди являются просто объектами, «однородными и предсказуемыми частями данных», по выражению Мюррея Ротбарда. Этим иллюзорным сверхсубъектом чаще всего выступает «общество» или «государство», от имени которых якобы действует исследователь. Абсурдность рецептов, о которой мы говорили выше, связана именно с несоответствием действий реальных субъектов

⁶⁶ <https://kryzhny.blogspot.com/2011/08/chto-delat-nakanune-krizisa-10-shagov.html>

⁶⁷ Естественнонаучный метод вполне может применяться к людям, если они рассматриваются как объекты. Что и делают, например, эпидемиология, некоторые разделы этнографии и пр. Естественнонаучный метод непригоден для исследования тех явлений, в которых люди выступают как субъекты, совершающие выбор и преследующие собственные цели. Например, в экономике.

представлениям, которые вытекают из подразумеваемого существования ложного сверхсубъекта.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Я говорю не о том, что «нас считают винтиками», и не о том, что такое представление обидно и как-то ущемляет наше достоинство. Я говорю о том, что оно методологически неверно, и, следовательно, все практические рекомендации, полученные таким методом, ошибочны.

Люди могут быть объектами только для некоего всезнающего разума — Бога, для которого не существует неопределенности будущего и проблемы выбора среди альтернатив. Неудивительно, что ложная субъектность фактически приводит к обожествлению политической власти, приписыванию ей магических качеств и способностей. Хочу уточнить, что речь идет не о каком-то излишне восторженном отношении к политикам, партиям и внешним атрибутам государства. Речь идет о вере в сверхспособности некоего мифического, не существующего в реальности субъекта. Примером такой веры является, например, классический вопрос «кто же будет строить дороги без государства?» Между тем государство не строит дорог, в чем нетрудно убедиться, посетив строительство и не обнаружив там чиновников с лопатами. Дороги строят частные компании. Точно так же государство не производит материалы для строительства дорог, их производят другие компании. И наконец, государство не получает волшебным образом «средства» на строительство дорог, оно их просто отнимает у других людей. Между тем подавляющее большинство верит в то, что, если государства не будет, дороги перестанут строиться.

Проблема регулирования. Информация, которую макроэкономика называет данными, собирается для решения вопроса «что же с этим делать?», т. е. непосредственно для последующего регулирования. Однако ответ на вопрос «что с этим делать?» уже дан, либо дается, либо будет дан. Ведь то, что считается «данными», возникает в результате деятельности людей и является частью информации, которую они учитывают либо не учитывают в своей деятельности, причем каждый по-своему, в зависимости от собственных целей и средств. Поэтому, если даже допустить, что данные, собранные регулятором валидны (что, конечно же, не так), ситуация, когда бы он мог «принять меры» лучше, чем это сделали (делают, сделают) участники рынка, просто невозможна.

Кроме того, регулирование происходит не само по себе, не как реализация воли субъекта в отношении безвольных объектов. Все регулирование — это просто еще один набор сигналов для всё тех же действующих субъектов, поскольку в этой области ничего другого в природе не существует. Действующие субъекты, конечно же, вынуждены будут учитывать воздействие регулирования, но они будут преследовать свои цели, а не цели регулятора.

Кстати, именно это порождает желание регуляторов превратить регулируемых в беспомощные объекты (справедливости ради отметим, что это стремление поддерживается и желанием обычных людей превратить других, не нравящихся им людей в объекты). Так возникают коммунизм, социализм и прочие системы, которые являются не некой аномалией, а результатом последовательного применения естественнонаучного метода.

Проблема данных и проблема будущего. Есть несколько проблем, связанных с «данными», которые используются в макроэкономике. Самая очевидная и простая — это то, что непонятно, что же именно является данными и почему. Информации, существующей даже в виде сведений (не говоря уже о знаниях) попросту слишком много. Другая, более существенная проблема состоит в том, что информация не «дана» изначально, она осознается субъектами в ходе деятельности и, что самое плохое для регуляторов, она еще и создается в ходе деятельности. Субъекты меняют цели и средства в зависимости от доступной им информации, это, в свою очередь, создает новую информацию для других субъектов и так далее. Но самая плохая новость для регулятора в том, что его деятельность имеет хоть какой-то смысл (если, конечно, допустить, что все остальные проблемы регулирования волшебным образом испарились) только в том случае, если сам он находится в будущем и ему известны последствия всех решений, которые сегодня принимают независимо друг от друга действующие субъекты.

Проблема функциональных отношений. Как пишет Х. Уэрта де Сото: «В экономике, в отличие от физики и естественных наук, не существует функциональных соотношений (и, следовательно, функции спроса, предложения, издержек и т. п.). С точки зрения математики, точнее, теории множеств, функция — это всего лишь взаимно однозначное соответствие между элементами или точками двух множеств, “начального” и “конечного”. Очевидно, что в экономике не выполняется ни одного из трех условий, необходимых для наличия функциональной взаимосвязи: 1) элементы начального множества не даны и не являются постоянными; 2) элементы конечного множества не даны и не являются постоянными; 3) что самое главное, соответствие между элементами двух множеств тоже не является ни заданным, ни постоянным, а все время меняющимся в результате деятельности и творческой способности людей. Соответственно, чтобы использовать функции в нашей науке, нужно исходить из гипотезы о неизменности информации, т. е. исключить из рассмотрения главного фигуранта социального процесса: наделенного врожденной творческой и предпринимательской способностью человека» [18].

Проблема равновесия. Подражание естественным наукам, особенно физике, в которой энергия не исчезает и не создается, а трансформируется из одного состояния в другое, привело к тому, что предметом анализа макроэкономики стали состояния статического равновесия. Экономика рассматривается как система, в которой существуют «данные» и однозначные

зависимости. Равновесие такой системы — это и есть цель, все упирается лишь в то, что считать критерием эффективности системы.

Если вы обратитесь к моделям «совершенной конкуренции» или «совершенного рынка», то обнаружите, что это системы, в которых ничего не происходит. Фактически они просто описывают «кругооборот» ресурсов в рамках такой системы.

В реальности равновесия в экономике не существует, и само по себе равновесие не является и не может являться некой целью, к которой следует стремиться. Разумеется, рынки стремятся к равновесию, и некоторые из них могут находиться в состоянии, близком к равновесию, определенное время, достаточное для того, чтобы это заметили и обсудили экономисты. Однако такое равновесие просто результат выбора действующих на этих рынках субъектов, которые пока что не видят причин действовать иначе. Поскольку информация не «дана», а меняется и создается (вместе с целями и средствами субъектов), локальные состояния равновесия неизбежно нарушаются. Таким образом, «равновесие» — это просто одно из состояний, которое может возникнуть (а может и нет) в ходе бесконечного развития.

Все это оставалось бы исключительно предметом любознательного интереса, если бы практическая политика правительств не строилась на макроэкономических теориях. Практические методы макроэкономики фактически предполагают решение уравнений, правая часть которых «дана», а в левой — нужно найти такие значения переменных, которые бы соответствовали данному значению, после чего добиться их реализации на практике. Все дискуссии, которые мы слышим, происходят вокруг того, какие именно переменные и в каких зависимостях должны быть в левой части, а какие «данные» — в правой.

Таким образом, экономическое регулирование правительства ошибочно уже в самой постановке задачи. Не имеет значения, насколько оно «грамотно», оно всегда является лишь источником помех и ошибок для действующих субъектов.

Проблема моделирования. Невозможно описать явления без определенной степени упрощения. Моделирование как метод здорового редуционизма, по-видимому, неизбежно. В рамках этого метода вполне могут существовать допущения, совместимые с естественнонаучным методом. Такие модели могут быть весьма полезны, важно лишь помнить о тех ограничениях, в которых они существуют. Большое количество ошибок в экономической науке связано с неоправданным распространением зависимостей, которые показывают модели, на ситуации, на которые они не должны распространяться. Классика жанра — всем известные кривые спроса и предложения. На самом деле не существует точки, в которой эти кривые пересекаются, так как сделка происходит не при равенстве цен, а при неравенстве ценностей покупателя и продавца. Если мы учтем тот факт, что ценности субъективны и могут быть ранжированы только самим

субъектом, модель пересекающихся кривых вообще потеряет смысл. Однако для большого класса событий это упрощение допустимо, и если экономист пишет, что «это сдвигает кривую спроса вправо», и нигде не проявляет непонимания ограниченности самой модели, то использование этих кривых вполне закономерно. Но из этой же модели можно сделать и далеко идущие ложные выводы, например, о «равенстве спроса и предложения», о «равноценном обмене» и «разумной экономической политике», которая бы всегда одинаково и предсказуемо сдвигала кривые спроса и предложения в нужном для моделирующего направлении.

Проблема приоритета модели над реальностью. Злоупотребление моделированием и математикой приводит к тому, что модели сами по себе начинают восприниматься как реальность. Возьмем для примера другой известный показатель — кривую Лаффера. На самом деле здесь, как и в случае кривых спроса и предложения, никакой кривой в виде однозначно расположенной на плоскости совокупности точек не существует. Кривая Лаффера просто графически иллюстрирует тот факт, что при некотором уровне налогообложения люди начинают более активно уходить от налогов, и чем выше налоги, тем меньше у людей можно забрать и тем меньше они готовы отдать. То есть в лучшем случае эта кривая может использоваться как иллюстрация этого очевидного тезиса. Между тем дело обстоит совсем не так — на кривую ссылаются, как на объективно существующее явление, характер которого позволяет делать выводы о том, что начиная с некоторого уровня налогов доходы бюджета падают. Более того, на этой кривой даже пытаются найти «точку оптимального налогообложения». Между тем если эта точка и существует, то она зависит не от кривой, а от цены согласия, о которой мы говорили выше. Эта цена в разных обществах в разное время может быть совершенно разной.

Проблема психологии. Эта проблема не связана непосредственно с естественнонаучным методом, она, скорее, вызвана неспособностью понять его недостатки и предложением в качестве альтернативы моделей, основанных на анализе поведения людей, в широком смысле «психологических».

Потребность в экономике как науке возникает в социуме. Деятельность, так сказать, существует между субъектами. И потому здесь важно действие, а не исследование его мотивов. Мы каждый день имеем дело с последствиями действий сотен миллионов людей, которых не знаем и никогда не узнаем. Нет никакой надежды понять их мотивацию, о которой они часто и сами не задумываются. Если на вас напали в подворотне, вы дадите сдачи, либо убежите, либо скрутите нападавшего для того, чтобы доставить его в «органы правопорядка». Для вашего действия не имеет значения мотивация агрессора — был ли он пьян, поссорился ли с женой или он просто гопник. Для вашей реакции имеет значение только его действие. Мотивацией будет (да и то не всегда) интересоваться суд, т. е. социальные процедуры, которые, как считается, предназначены для работы с ошибка-

ми. Модная нынче психология никак не может помочь экономике. В терминах экономики психология изучает ошибки, т. е. занимается анализом мотиваций и причин, которые приводят к ошибочным, по мнению самого субъекта, действиям (либо не приводят к желаемым, что, собственно, одно и то же). Экономика же исследует закономерности самой деятельности, вне зависимости от мотивов, которые к ней ведут.

Аналогия больницы. Для обобщения сказанного в качестве иллюстрации (разумеется, сильно упрощенной) можно привести аналогию больницы. Давайте представим, что в некой больнице решили использовать макроэкономические методы. В качестве модели равновесия была выбрана модель температурного баланса человеческого тела с идеальным значением температуры 36,6 °С. Соответственно, данными, которыми оперирует начальство больницы, являются данные измерений температуры больных, после чего они усредняются, как это делается в макроэкономике, для «больницы в целом». Ориентиром, которым руководствуется больничное начальство, является средняя температура по больнице. Если показатель растет, всем прописывается жаропонижающее. Если падает — «жароповышающее».

Если больные и их родственники платят начальству исходя из показателя средней температуры, то в скором времени они обнаружат, что в риторике начальства больные уступят место больнице. Начальство будет говорить от имени больницы и о больнице, как о живом существе. Больница станет самостоятельным субъектом. О ней будут говорить «больница болеет» или «больница выздоравливает». Появятся такие категории, как «температура больницы», «кровь больницы» или «моча больницы» (с реальным государством происходила обратная история — нужно было найти концепции, которые бы постфактум оправдывали существование лжесубъекта). И, конечно же, обязательно появятся «интересы больницы». Люди, которые понимают, что меры, принимаемые больницей, приведут их на кладбище, начнут уклоняться от них. Возникнет теневая экономика и коррупция. Людей, которые будут уклоняться от прописанного начальством лечения (и, следовательно, портить показатели и отчетность), назовут эгоистами, не думающими о благе больницы.

Если мы организуем здесь выборы и внедрим демократический процесс, то станет еще интереснее. Появятся как минимум две политические партии — «повышатели» и «понижатели». Появятся научные школы. Скажем, местные «либералы» будут утверждать, что помимо температуры нужно учитывать еще и среднее значение сахара в крови больницы. Кое-кто (радикалы) может договориться до того, что подвергнет сомнению эффективность больницы при средней температуре 36,6 °С, а кто-то даже осмелится утверждать, что не всегда следует прописывать жаропонижающее при росте средней температуры. Жизнь станет интересной и насыщенной событиями. Здесь могут быть импичменты, перевороты, революции и кровопролития, но априори не может быть только одного — правильного лечения.

Но вот что интересно. Нам с вами совсем не нужно разбираться в том, какую именно среднюю температуру следует считать равновесной, или в том, нужно ли учитывать уровень сахара в крови, для того чтобы сделать вывод об абсурдности происходящего, поскольку мы знаем, что вся эта информация имеет смысл только в индивидуальном измерении, в рамках индивидуальных диагнозов и программ лечения. Мы априори можем заявить, что лечение проводится неверно, поскольку лечится больница, а не больные. Мы сделаем этот вывод потому, что найдется не так много людей, которые не согласятся с тем, что лечение является последствием индивидуального выбора и отказа от других альтернатив использования ресурсов; что цель лечения — добиться более здорового, чем было до него, состояния организма; что это лечение индивидуально, состоит из последовательности шагов и что разнообразные данные, получаемые в результате анализов, должны интерпретироваться в рамках этого лечения и оценки эффективности применяемых средств в данном конкретном случае. Фактически я сейчас озвучил аксиоматику науки о людях. Субъекты, придерживающиеся противоположного естественнонаучного метода, не могут отвергать абсурдность описанной выше ситуации. Они должны углубиться в подробности «критерия эффективности системы» при средней температуре 36,6 и дискуссии о правомерности использования содержания сахара, а их идеологи — начать рассуждать о том, что «больница — это люди», а потому существует и кровь больницы и ее моча, а интересы больницы не только существуют, но и должны иметь приоритет над интересами больного и т. д.

Вывод. Проблема мейнстримной экономической науки в том, что она часто использует непригодный для изучения социума естественнонаучный метод. Причиной этого является практика государственного регулирования, поскольку только применение методов естественных наук позволяет создать в рамках анализа ложный субъект — государство — и представить людей в качестве объектов. В отсутствие государств и их отчетности невозможно представить, кому могут понадобиться сведения, которыми оперирует макроэкономика.

В методе социальных наук, основанном на аксиоматичности человеческой деятельности, просто нет места для ложных сверхсубъектов (государства, общества и т. п.), от имени которых можно осуществлять регулирование.

Естественнонаучные методы в экономике приводят к постоянным ошибкам, кризисам и т. п. Отказ от них сложен для истеблишмента, поскольку отказаться — значит явно признать ненужность не только макроэкономики, но и государственного регулирования и государства в целом.

15.9. Проблема критериев и проблема роста

Критерием эффективности государства обычно считается экономический рост, который выражается в процентах изменения (увеличения) ВВП за некоторый промежуток времени (обычно год). Сейчас мы немного поговорим о том, почему выбран именно этот критерий и что дает его использование.

Аджемоглу и Робинсон [17] подтолкнули меня к этим наблюдениям своим утверждением о том, что, несмотря на очевидное превосходство инклюзивных институтов, при экстрактивных⁶⁸ институтах (которыми наслаждается большинство населения Земли) рост тоже возможен, но, правда, он рано или поздно останавливается. В качестве примера они приводят... Советский Союз, в котором якобы наблюдался быстрый экономический рост, до тех пор, пока он не сменился застоем 70–80-х годов XX столетия, после чего СССР развалился.

Собственно, этот выбор СССР в качестве примера экономического роста, пусть и при неправильных институтах, представляет собой тот поворот сюжета, который раскрывает всю картину с правильной стороны.

Однако начнем мы с мысленных экспериментов. Давайте представим, что на некой территории живут люди, которые свободно производят продукты и затем обмениваются ими. Поскольку человек всегда неудовлетворен своим текущим состоянием, люди производят все лучшие и лучшие продукты, т. е. производители все время стремятся произвести нечто, что выглядит в глазах потребителя более ценным, чем уже существующие товары. Вот это изменение ценности в краткосрочной и среднесрочной перспективе и может быть названо «экономическим ростом».

Теперь давайте представим, что кому-то пришла в голову идея (хотя весьма затруднительно придумать причины, по которым она могла бы туда прийти) каким-то образом измерить этот самый рост. Что должен сделать такой человек? Поскольку содержание экономического роста состоит в улучшении жизни людей, он каким-то образом должен его зафиксировать. Есть только один способ сделать это — измерить личное потребление и изменения в нем. Этот способ нельзя назвать надежным, поскольку сравнивать между собой можно только или физические объемы потребляемого, или потребление в денежном выражении. Ценности же разных людей сравнить невозможно, здесь обязательно возникнут казусы. Например, вы можете бросить пить и сесть на диету и, если вы не увеличите свое потребление на других фронтах, то ваше совокупное потребление сократится, хотя ценность нового образа жизни для вас выше, чем предыдущего, т. е. для статистики вы стали жить хуже (особенно если складываете высвободившиеся деньги

⁶⁸ «Инклюзивными» называют институты, работающие на общество, «экстрактивными» — работающие на элиту.

под матрац), хотя на самом деле — улучшили свое положение по сравнению с предыдущим.

Однако даже при таких очевидных недостатках (добавим сюда и необходимость отдельного учета благ длительного потребления, вроде домов и автомобилей) рост личного потребления за некий период времени и есть единственный маркер того, что можно считать «экономическим ростом» в некой группе людей.

Теперь представим другое общество, в котором люди находятся в рабстве и производят то, что им скажет начальство. Допустим, начальство решило построить себе новый дворец. И вот все эти люди не покладая рук строили, строили и наконец построили этот дворец. Если наш измеритель экономического роста решит проделать свои манипуляции в этом обществе, он обнаружит, что выросло потребление только одной крайне малочисленной группы — правителя и его окружения. Этот рост состоит в появлении нового дворца, который упомянутая группа теперь будет потреблять. Очевидно, что в первом обществе экономический рост больше (выше, лучше, сильнее?), чем во втором, поскольку там значительно больше людей улучшило свое положение.

Теперь представим, что вместо улучшения личного потребления мы ввели другой критерий. Например, мы подсчитываем сумму всех сделок за год, называем это ВВП, затем подсчитываем ее в следующем году и изменения этого числа и называем ростом (если в следующем году цифра больше) или спадом (если меньше).

Разница с предыдущим методом состоит в том, что мы гораздо чаще будем получать совершенно неадекватные результаты. *Разительное отличие между нашими двумя сообществами потеряется*, ведь строительство дворцов, или танков, или пушек, или межконтинентальных ракет, или любой другой дорогой бессмыслицы в этом случае приведет к тому же результату, что и рост личного потребления, — ВВП будет расти и это будет считаться «ростом». Собственно, это и происходило в СССР, его «рост» отражал в основном «стройки коммунизма», «производство товаров группы А» и вооружений. Люди жили в нищете, и уровень их жизни менялся незначительно.

Возникает вопрос — почему же мейнстрим использует в качестве показателя роста проценты изменения ВВП, а не изменения личного потребления? Ответ станет очевидным, если мы обратим внимание на одну простую вещь: единственным потребителем показателя экономического роста, в чем бы он ни выражался и как бы ни измерялся, является правительство. Действительно, на рынке никому не нужна информация (причем, как мы видели, крайне неточная) о том, насколько улучшилась жизнь всех людей на некой произвольной территории за некий произвольный отрезок времени. Только правительство, которое выдает себя за главного улучшателя жизни, причем не каждого в отдельности человека, а именно всех оказавшихся на

контролируемой им территории, может интересоваться такими показателями. Точнее, оно является непосредственной причиной их существования.

Выбирая среди возможных способов оценки того, насколько веселее стало жить под руководством того или иного правительства, государства в ходе, так сказать, эволюционного отбора естественным образом остановились на процентах изменения ВВП во времени, и произошло это потому, что *такой показатель может оправдывать любую политику*. Пример «экономического роста», якобы имевшего место в СССР иллюстрирует это максимально наглядно. Если вы считаете «ростом» изменения ВВП, то государственная политика в ее главном измерении — величине вмешательства государства — перестает иметь какое бы то ни было значение. С таким показателем окажется, что «капитализм» приводит к росту и «социализм» приводит к росту, соответственно к росту могут приводить и бесчисленные вариации между одним и другим (именно эта концепция «вариаций между» долгое время лежала в основе идеологии чиновничества США). Более того, здесь открываются возможности для серьезного идейного трюка. Ведь экономический рост — это не нейтральный показатель. Экономический рост — морально окрашенный концепт, поскольку рост — это цель государственной политики, потому что рост — это хорошо. И если мы наблюдаем рост и «при капитализме», и «при социализме», т. е. и то, и другое делает людям «хорошо», то их противостояние выглядит просто как конкуренция разных систем, каждая из которых имеет свои преимущества. Таким образом, задача умного правительства — оценить преимущества, недостатки и сделать выбор либо в пользу одной из систем, либо в пользу их комбинации.

Теперь скажите мне, в какой ситуации у правительства и его obsługi появляется больше «работы»? В ситуации, когда преимущество совершенно однозначно оказывается за невмешательством и капитализмом, поскольку личное потребление здесь уверенно растет, или в ситуации, когда ничего невозможно понять и все средства оказываются одинаково хорошими? Вот то-то же. Это и есть та «особенность политэкономических концепций», о которой я обещал сказать. Эти концепции отбираются бюрократическим рынком по критерию пользы, которую они могут принести в оправдание деятельности государства.

Прекрасным примером того, как работает бюрократический рынок в сфере идей, является наша дорогая отчизна. Мы все уверены в том, что живем все хуже и хуже. Политики борются за рост ВВП, он у них то падает, то растет, то с ним еще что-то происходит. Если же оценить жизнь украинца по критерию личного потребления, то наверняка выяснится, что в Украине существует довольно устойчивый рост (такие исследования проводились Е. Головахой и наделали в свое время много шума именно потому, что противоречили общепринятой доктрине зубожіння. При этом, заметьте, выбор всегда делает «рынок в целом». Правящая группа и рада бы вцепиться за любой показатель, который бы говорил о том, что при ее власти люди

стали жить лучше, но не она решает. Решает «рынок в целом», куда входят все действующие лица, включая и электорат, которому тоже выгодно прикидываться бедным в надежде на то, что ему что-то дадут. Поэтому, несмотря на объективный рост личного потребления (который, конечно, происходит не благодаря, а вопреки усилиям правителей), украинцы верят в то, что они неуклонно зубожіють. Просто так лучше для отчетности.

15.10. Смешная налоговая политика

А сейчас я хочу поделиться с вами одним наблюдением, которое развлекает меня уже много лет. Речь, как водится, пойдет о налогах. Не знаю, заметили вы или нет, но среди широкой публики снижение налогов как способ быстрого поднятия экономики, считается не то чтобы приемлемым, а вполне даже очевидным. «Тю! — скажет тебе какой-нибудь фейсбукровский эксперт. — Это же коню понятно! Они снизили налоги, и сразу начался экономический рост!» Эту фразу можно услышать фактически по поводу любых реформ, которые можно считать успешными. Вы не найдете реформ, где бы налоги или регулирование в целом не снижалось, а увеличивалось и это приводило бы к успеху. Об этом знают даже разработчики компьютерных стратегических игр, которые в остальных экономических вопросах руководствуются самыми фантастическими и противоречивыми представлениями.

В общем, отметим себе, что по поводу «чем меньше налогов, тем лучше» практически существует консенсус.

Теперь рассмотрим другую идею — повышение налогов, т. е. идею «наполнения бюджета», бесплатной медицины, бесплатного образования, пенсий, безусловного дохода, строительства дорог, мостов, портов и прочей инфраструктуры и, конечно же, фундаментальной науки, куда уж без нее. Хорошо это или нет? По этому поводу тоже существует консенсус, который состоит в том, что это хорошо. Чем больше налогов — тем лучше. «Конечно, — скажет вам еще один фейсбукровский эксперт, — это же коню понятно! Там высокие налоги, поэтому там чистота и порядок и МАФов нет!»

Таким образом, зафиксируем второй консенсус — чем больше налогов, тем лучше.

Интересно, что носители этих консенсусов — одни и те же люди. Они с радостью поддержат снижение налогов для роста благосостояния и рост налогов ровно для той же цели.

Но самое любопытное тут вот что. Если вы скажете, что для большей пользы нужно отменить налоги — ведь все согласны, что их снижение приводит к экономическому росту, — на вас начнут махать руками и обвинять в радикализме. То же самое произойдет, если вы предложите 100 %-е налогодобложение, т. е. просто отбирать у всех все и отдавать чиновникам, которые и будут правильно распределять, а вы будете сидеть в клетке, зато с

уверенностью в завтрашнем дне и трехразовой пайкой. Это тоже нехорошо и считается неправильным.

Иными словами, если вы поворачиваете воображаемый рычаг налогов влево и они уменьшаются, это хорошо, но если он доходит до упора — то это плохо. Если же вы поворачиваете рычаг вправо, то это хорошо, но до упора — плохо. Но самое замысловатое в этой конструкции то, что среднее, «умеренное», положение рычага является наихудшим, ибо совершенно очевидно, что оно может быть легко улучшено поворотом рычага вправо или влево.

Вот в таком непростом и захватывающе интересном мире живет наша прогрессивная общественность.

15.11. Не акционерное общество

Не имея твердых научных объяснений того, почему и для чего существует государство, люди сами изобретают себе всякие теории. Одним из расхожих представлений такого рода является «теория АО», согласно которой государство — это такое себе специфическое акционерное общество. Рассмотрим это заблуждение подробнее.

Итак, отличие первое и главное: АО — это предприятие, государство — нет. Предприятия существуют для получения прибыли. В случае АО с прибыли кормится не только нанятый персонал, но и акционеры, именно поэтому они и покупают акции. Неизвестно, что такое «прибыль» в случае государства.

Вообще-то говорить о том, что государство что-то производит, начали совсем недавно. 3000 лет государства даже не пытались убеждать кого-то в том, что они делают нечто полезное. Поскольку сами государства с тех пор никак не изменились, то идею о «прибыли» следует считать в лучшем случае метафорой.

ВВП как некий универсальный оценщик был изобретен тоже совсем недавно, но с его помощью можно лишь приблизительно оценить рост экономики, а не эффективность государства, и тем более этот показатель ничего не говорит нам о прибыли, которую получает каждый участник воображаемого «АО государство». Я уже не говорю о том, что сегодня сам этот показатель заслуженно критикуют даже его бывшие адепты, а никаких других показателей просто нет. Получается, что государство что-то делает, но оценить эту деятельность в терминах прибыли и даже полезности невозможно.

Понятно, что в случае коммерческого АО вам достаточно ознакомиться с курсом акций, чтобы понять, получили вы прибыли или понесли убытки. Отсюда сразу же следует второе принципиальное отличие — государство не может разориться. Если не понятно, в чем состоит прибыль, то это же верно и в отношении убытков. «Суверенный дефолт» не является в строгом смысле «банкротством», это часть финансовой деятельности государства,

но, повторю, ее нельзя описать на языке прибылей и убытков, как это делается для частного предприятия. Впрочем, даже «суверенный дефолт» не приводит к ликвидации государства, в лучшем случае пострадают несколько чиновников. Это обстоятельство радикально меняет стимулы как «менеджмента» государства, так и его «акционеров».

Третье, не менее важное отличие — добровольное членство. Люди покупают акции потому, что хотят получить прибыль. Они выбирают между предприятиями в надежде найти наилучшее предложение для инвестирования своего капитала. Кстати, обычно инвестируют в «портфели», т. е. в акции нескольких компаний. В случае государства, никто не спрашивает вашего согласия. Родились — вы уже акционер, простите, гражданин, хотите вы того или нет. Опять-таки, люди «вступают» в АО, покупая акции. АО — это совокупность тех, кто добровольно купил акции плюс персонал, который они наняли. Государство же работает не по членскому, а по территориальному принципу, если вас угораздило жить на некой территории — вы становитесь участником местного «АО». Помимо того, что вы не можете иметь «портфеля» акций разных государств (двойное гражданство допускается в очень редких случаях), государства ведут успешную борьбу против тех, кто вообще не желает покупать никаких акций (лиц без гражданства). Невозможно представить нормальные коммерческие АО, действующие по таким же принципам.

Четвертое и самое смешное. В «акционерном обществе государство» нет никаких акций. Идея об акциях проистекает, очевидно, из «общенародной собственности» на какие-нибудь реки, горы и моря, но — сюрпрайз! — фактическим собственником всего этого является государство, т. е. чиновники, а не «народ». Эта «собственность» выступает только как ресурс, которым распоряжаются чиновники. То, что они делают это от имени «народа», ничего не меняет. Акция — это право на часть собственности. Никаких акций в случае государства просто нет, следовательно, нет и акционерного общества.

Отсюда следует пятое отличие — «акции» невозможно купить или продать. Это означает, что наиболее эффективного механизма, регулирующего деятельность акционерных обществ в случае государства не существует.

Шестое отличие — коммерческие АО продают свою продукцию всем, кто готов обменять ее на свои деньги. Государство ничего не продает. Его продукция, т. е. «услуги», которые оно якобы оказывает, почти всегда является монополией, навязываемой силовым образом.

Седьмое отличие. «АО государство» получает свой доход от принудительного регулярного изъятия собственности своих «акционеров» — налогов. «Акционеры» никак не влияют ни на размер этих платежей, ни на характер их использования. Поэтому доход такого «АО» не зависит от мнения акционеров, которые одновременно являются и покупателями, принуждаемыми к покупке «продукции» этого «АО».

Коммерческие АО получают доход от продажи своей продукции, а капитал привлекают с помощью эмиссии акций.

Восьмое отличие. Приказы менеджмента коммерческого АО касаются только самого менеджмента. Менеджмент не может приказывать что-то делать акционерам, он не может заставлять их покупать или продавать акции, делать взносы и наказывать их штрафами и тюрьмой, если они не хотят выполнять эти приказы. Менеджмент не может регулировать личную жизнь и предпочтения акционеров, его полномочия заканчиваются на организационной и производственной деятельности АО. Менеджмент АО не может заставлять одних акционеров кормить других акционеров за свой счет, идти воевать за интересы АО и так далее, и тому подобное.

В общем, единственное сходств между АО и государством — процедура выборов. Правда, опять-таки, государства долгое время прекрасно обходились без всяких выборов, оставаясь при этом государствами. Кроме того, в большинстве коммерческих АО количество голосов на выборах связано с количеством акций, трудно представить тут систему «один человек — один голос», особенно если этот человек находится на принудительном иждивении у остальных акционеров.

15.12. Отравленный язык

Государство всегда старается манипулировать языком для того, чтобы скрыть какие-то явления (IRS, например, называет свои жертвы customers), разделять, властвовать и внушать чувство вины (феминистический и прочий политкорректный новояз). Иногда его потуги очевидны и вызывают только смех, но существует несколько примеров того, как государству удалось с помощью языка нанести удар по очень важным понятиям и идеям.

Разумеется, эти манипуляции не производились осознанно некими масонами или рептилоидами, это просто очередной пример того, как работает «невидимая рука», в данном случае «невидимая рука» бюрократического рынка.

Итак, наша социальная реальность выстраивается вокруг того, что можно назвать «правами собственности», т. е. вокруг совокупности правил, которые помогают избегать конфликтов по поводу использования тех или иных ресурсов и разрешать эти конфликты. Соответственно, в конфликтной ситуации возможны два типа действия — действия того, кто нарушает чужие права собственности (агрессия), и действия того, кто защищается (защита). Первые действия — неправомерные, вторые — правомерные.

При этом, для того чтобы социум работал исправно, люди должны де-факто придерживаться этих правил, для этого им даже не нужно их формулировать. Совсем не обязательно наличие толстого свода законов и «развитой правовой системы». Часто эти правила существуют в неявной форме либо как моральные ограничения. Например, в Библии говорится «Thou shalt not murder», т. е. ты не должен убивать (быть агрессором). И если

кто-то хочет тебя to murder, то в ответ ты можешь его to kill, твои действия в этом случае законны.

Кажется, все просто и логично. Тем не менее эта заповедь все чаще встречается в виде «Thou shalt not kill». Но что будет, если murder заменить на kill, слово, обозначающее убийство вообще? «Thou shalt not kill» — ты не должен убивать, вообще никого и никогда. Что теперь получается? Теперь получается, что эта моральная заповедь не осуждает агрессию, а осуждает «убийство вообще», в том числе, и в целях защиты от агрессии. Агрессор и его жертва уравнины в осуждении.

Зачем и кому это нужно? Это нужно тем, кто хочет легитимизации грабежа, ведь если есть право защищаться легитимно, то вы можете и даже должны защищаться и от государства с его налогами и прочим грабежом. Объявив грехом «убийство вообще», вы объявляете грехом и агрессию, и защиту от нее, тем самым снижаете сопротивление и делаете грабеж легитимным.

В англосаксонском мире еще можно найти версию заповеди «Thou shalt not murder», а вот в русском языке, что характерно, даже нет аналога слова murder, коллективизм здесь победил давно, причем уже на уровне языка.

Следующий прием из этой серии — это пресловутое «насилие» и «монополия» на него. Здесь подмена несколько иная и более замысловатая. Почему, говоря о государстве, говорится о «монополии на насилие»? Что имеется в виду? Это означает, что только государство может применять насилие, все остальные делают это незаконно.

Действительно, бандит оказывается преступником (не в формально-юридическом смысле, а в рамках логики всей этой конструкции) не потому, что посягает на собственность других людей, а потому, что посягает на государственную монополию. Сомневающимся напомним, что «уголовное право» считает государство пострадавшей стороной в случае преступления против личности.

Но точно так же преступником оказывается и тот, кто защищается от бандита. Он тоже нарушает «монополию на насилие». Именно этот результат и нужен государству. В результате вооруженная защита от агрессии максимально ограничена во всем мире. Даже там, где оружие «разрешено», существуют «меры необходимой самообороны», которые сильно ограничивают, а иногда и фактически делают невозможной защиту от насильственной агрессии.

Ну и теперь совершенно закономерно оказывается, что отбирание у вас государством денег и собственности легитимно, потому что у государства должна быть «монополия на насилие». Вы не можете выступать против налогов и прочего грабежа, потому что тогда вы выступаете против «монополии на насилие» и (о ужас!) вы фактически выступаете за то, чтобы бандиты грабили и убивали нас, ведь если у государства нет «монополии на насилие», значит, все позволено!

Как работает трюк с «насилием»? Напомню, что с точки зрения права у нас есть агрессия и защита от нее. Это два противоположных действия. Что же такое «насилие»? Оно является просто-напросто характеристикой действия, ведь агрессия может быть и без насилия (ограбление или мошенничество), точно так же без насилия может быть и защита (стены, двери, сигнализация и т. п.).

Таким образом, мы подменяем содержание действия его характеристикой. Главное не отсутствие агрессии, а отсутствие насилия, для этого мы отдадим «монополию» на него государству. Вуаля! «Монополия на насилие» выносит за скобки правомерность этого насилия, она сама по себе, а не соответствие тех или иных действий праву объявляется ценностью.

Если манипуляция с «монополией на насилие» подрывает вашу способность к вооруженной защите, то следующее понятие, о котором пойдет речь — понятие «коррупции», — направлено на дискредитацию невооруженной, ненасильственной защиты. Вообще говоря, то, что называют коррупцией, является частным случаем более общего понятия «оппортунизм». Оппортунизм — это использование наемным работником тех или иных служебных возможностей для собственного обогащения.

В случае оппортунистического поведения в какой-нибудь корпорации имеет место нарушение контрактного права, что, как правило, приводит к убыткам собственника. С точки зрения государства, коррумпированный чиновник тоже наносит ущерб собственнику — государству, но вот с точки зрения права дело обстоит совсем не так. Переноса оппортунизм на поле чиновничьей деятельности, мы обнаруживаем, что его правовое содержание меняется, поскольку государство занимается как правомерными, так и неправомерными делами.

Если вы даете взятку налоговому инспектору, чтобы ваше предприятие оставили в покое, или если вы подкупаете таможенника, чтобы провести контрабандный товар, ваши действия правомерны и «социально полезны», ваше предприятие и дальше работает и приносит пользу потребителям, а контрабандный товар удовлетворяет спрос и создает конкуренцию. Вы откупаетесь от институционализированной агрессии государства, от его «законов» и прочих правил и инструкций, и это правомерное действие. С другой стороны, когда убийца или грабитель дает взятку следователю или судье, это нарушает правовой порядок.

И то и другое действие государство называет «коррупцией», но правовое содержание этих действий совершенно разное.

Объединяя противоположные по содержанию действия в одно, государство маскирует разницу между ними, оно делает вашу защиту нелегитимной. Для государства чиновник, который берет взятку у предпринимателя и оставляет его в покое, и чиновник, берущий взятку у грабителя и убийцы, одинаково преступны. Но самое важное тут то, что в результате этого отождествления, навязываемого государством, со временем и в глазах общества

человек, защищающийся от агрессии, начинает выглядеть агрессором, это парализует нашу защиту от государства и усиливает его власть.

Подведем итоги. Давайте представим, что мы — рептилоиды, придумавшие государство, и мы хотим его усовершенствовать. Наша задача снизить сопротивление грабежу, которым мы занимаемся на «законной» основе. Хороший способ добиться этого — сделать сопротивление любой агрессии нелегитимным. Заметим, что люди используют одни и те же средства как для агрессии, так и для защиты от нее. Если мы объявим грехом или преступлением эти средства, т. е. способ действия, а не его содержание, то грехом станут и правомерные, и неправомерные действия. Они будут уравнены в грехе, и тем самым правомерные цели будут дискредитированы. Во всех трех случаях, о которых идет речь, используется именно этот прием — средства отождествляются с содержанием. Убийство как защита и убийство как агрессия уравниваются между собой, насилие как средство защиты уравнивается с насилием, используемым для агрессии, откуп от чиновника для защиты уравнивается с откупом для агрессии.

15.13. Внушенная компетентность

Один из сильнейших защитных механизмов государства — это то обстоятельство, что каждый считает себя компетентным в том, как оно устроено, для чего служит и как работает. Соответственно, каждый знает, как сделать все правильно. Вот и пишут математики, физики, специалисты по продажам и особенно программисты проекты спасения отечества, вокруг которых разгораются нешуточные страсти.

Государство имеет здесь свой профит в том, что ни один из таких проектов никак не может ослабить его власти, а большинство даже усиливает ее, а также в том, что публика воспринимает это все всерьез и тратит время и ресурсы для обсуждения или, того хуже, проталкивания таких проектов.

Для того чтобы действительно ослабить государство или хотя бы «реформировать» его, нужно знать, что это такое, как и зачем оно работает, т. е. нужно быть компетентным. Компетентность достигается здесь так же, как и в других областях знания, — с помощью изучения теорий, наблюдений над объектом и т. п. Но вся эта публика почему-то считает, что школьных знаний обществоведения им достаточно для того, чтобы делать глубокомысленные выводы.

Существует множество очень простых и очевидных вопросов, на которые у государственных теорий нет ответа. Тем не менее все считают, что ответы на эти вопросы существуют, что они вполне удовлетворительны и что их вообще можно оставить за скобками. Дело только в том, чтобы сесть и написать правильный план.

Это очень сильный механизм защиты. С одной стороны, каждый уверен в том, что знает, как и зачем работает государство. С другой стороны, в рамках этого знания государство работает плохо и всячески демонстрирует

это. «В нашем правительстве — идиоты». Вы это услышите в любой стране мира. Так же как легко услышите советы, как исправить такое положение дел и что бы сделал ваш визави, будь он премьером или президентом. Дело остается за малым — написать правильный план и прийти к власти. Но поскольку главные вопросы в силу иллюзии компетентности остаются за кадром, публика из года в год добровольно и не жалея живота своего работает над решением проблем, созданных предшественниками, и над созданием проблем, над которыми будут трудиться потомки. Поскольку все это приводит к созданию фронта работ для государства и расширению этого фронта работ, оно защищено от упразднения политическим путем, да и от какого-то реформирования, которое бы уменьшило его власть, тоже защищено.

Но откуда эта уверенность в компетентности? Почему люди, которые рассуждают о государстве так, как будто что-то о нем знают, не лезут так же легко и непринужденно в вопросы физики, программирования или маркетинга?

Это очень интересный и важный вопрос. Думаю, одной из главных причин являются выборы. «Внушенная компетентность» — один из побочных продуктов всеобщего избирательного права, продукт, оказавшийся крайне полезным для системы. Судите сами. Давайте представим, что на выборы выносятся вопросы физики. На ток-шоу обсуждают, скажем, теорию относительности, специалисты ругаются в кадре, а публика голосует за принцип неопределенности — насколько он ей понравился. Потом это все становится темой избирательных кампаний. «Даешь равенство гравитационной и инертной массы!» — требуют одни. «Запретим принцип наименьшего действия!» — кричат другие.

Вы думаете, что это абсурд? Напрасно. Если вас вполне серьезно попросят «проголосовать» за постоянную Планка, вы, наверное, откажетесь. Но кто-то проголосует. И чем дальше, тем больше будет таких людей. А если еще попросившие будут вести себя так, будто результаты голосования действительно на что-то влияют, то вы скоро останетесь в гордом одиночестве. Через поколение все будут уверены, что это единственно возможный способ научной дискуссии, и главное все будут уверены в своей компетентности в этих вопросах.

Но самое интересное тут то, что с самой физикой и с явлениями, которые она описывает, ничего не случится. Постоянная Планка не изменится, а равенство гравитационной и инертной масс не нарушится. И если бы доход некой вооруженной группы зависел от того, что для широкой публики оставались бы скрытыми реальные физические закономерности, и от того, что она бы считала, что они определяются ее волей, уверяю вас, мы бы голосовали за законы Ньютона.

15.14. Иррациональный избиратель

Теперь обратимся к важнейшему злу нашего времени — к демократии. Точнее, поговорим об одном ее аспекте — почему избиратели ведут себя как идиоты? Может ли существовать в природе «нормальный» избиратель и откуда он возьмется? Я уже долгое время утверждаю, что демократия создает такие условия, в которых люди живут и действуют в мире собственных фантазий, поскольку суть условий, создаваемых демократией, такова, что они могут себе это позволить. Избиратель, собственно, ничего не выбирает, поскольку ни от чего не отказывается, он фактически пытается приказывать другим, как им жить.

Пишу я об этом потому, что эти выводы получили, так сказать, неожиданную поддержку. Речь идет о книге Брайана Каплана «Миф о рациональном избирателе» [20]. Поддержка эта тем более ценна, что сам Каплан — представитель экономического мейнстрима. Хуже того, Каплан — перебежчик из «австрийцев» в мейнстрим, что, на мой взгляд, делает его выводы особенно показательными.

Рациональная иррациональность. Каплан начинает с критики «теории общественного выбора». Один из основных посылов этой теории состоит в том, что избирателю выгодно быть невежественным, поскольку его голос на выборах ничего не решает. Это называется «рациональное невежество». Избирателю не нужно разбираться с партийными программами, знать экономическую теорию и логику, поскольку это не дает никакого результата.

Мейнстримная критика этого тезиса опирается на закон больших чисел. То есть контраргумент состоит в том, что среди избирателей, голосующих как попало, найдется парочка экспертов, вклад которых в голосование и будет решающим. Это аргумент «мудрости толпы». Классический пример — это точность, с которой толпа определяет вес быка на ярмарке, средняя оценка оказывается самой точной.

Каплан критикует мейнстримное возражение «теории общественного выбора», утверждая, что закон больших чисел не может здесь работать, поскольку имеет место систематическая ошибка. Таким образом, индивидуальные акты голосования на выборах не являются одинаковыми и независимыми случайными факторами (как в оценке веса быка), поскольку избиратели предвзяты. Это очевидное обстоятельство он долго доказывает, анализируя масштабные социологические исследования, в которых сравниваются предпочтения экономистов и «обычных людей».

Предвзятость избирателя заставляет уточнить и исходный тезис о «рациональном невежестве» избирателя. Дело не в невежестве, пишет Каплан, дело в предвзятости. Если избиратель начнет копаться в партийных программах и в политических теориях, лучше не станет, станет даже хуже. Это обстоятельство очень хорошо иллюстрируют результаты исследований, приводимые Капланом, в которых подвергается сомнению «гипотеза о се-

блялюбивом избирателе». По умолчанию считается, что избиратели голосуют за «собственные интересы», что на практике оказывается совсем не так. Избиратели голосуют за мифы и легенды. Богатые голосуют за социализм и перераспределение так же, как и бедные, при этом образованная публика часто показывает в этом самоубийственном деле даже лучшие результаты, чем необразованная.

Все это заставляет Каплана предложить новый тезис — заменить «рациональное невежество» «рациональной иррациональностью». «Иррациональность» состоит здесь в том, что голосование за чушь, в которую верит избиратель, приносит ущерб ему самому. «Рациональность» состоит в том, что ценность того, во что верит избиратель, выше для него, чем последствия этой веры, которые он часто вообще не может идентифицировать. В конце концов Каплан приходит к выводу о том, что демократия — это скорее «общинные выпасы» (все помнят их трагедию, верно?), чем «покупка в магазине», и дает ряд довольно бессмысленных рекомендаций, как это все можно исправить.

Разумеется, для выводов, которые делает Каплан, не нужно заниматься тем, на что он потратил большую часть своей книги. Не нужно анализировать результаты социологических исследований, рисовать графики спроса на иррациональность и решать системы из 37 уравнений. Все это совершенно избыточно. Точно так же избыточна «рациональность», которая всегда является мнением наблюдателя, а уж тем более рациональность «иррациональная». Достаточно понимать, что картина мира избирателя является для него благом. Это довольно специфическое благо, но у него тоже есть своя цена. И именно с этой ценой (цена здесь в значении cost) и «работает» демократическое государство. В лице политических верований мы имеем дело с благом, на которое: а) занижена цена; б) завышен спрос.

Заниженная цена глупости. Давайте рассмотрим оба этих фактора. Что такое цена в нашем случае? Это альтернатива, которая заставит вас отказаться от верования. Что снижает цену верований в демократии? Прежде всего тот факт, что в большинстве случаев демократическое голосование — это голосование для других людей. Это обстоятельство игнорируют как теория общественного выбора, так и, разумеется, мейнстримная ее критика. Считается, что избиратель выбирает политику *для себя*, экономисты заняты расчетами игр, в которых избиратели, голосуя, выигрывают или проигрывают те или иные суммы. Разумеется, в конечном счете все мы действуем в свою пользу, но в данном случае избиратели получают пользу через насильственное регулирование поведения других людей. Проведите простой мысленный эксперимент — представьте, что результаты выборов касаются только тех, кто за них проголосовал. Нетрудно догадаться, что на выборы в таких условиях ходило бы совсем мало народу, если бы вообще кто-то ходил. Если бедные не могут заставить платить богатых, женщины не могут ограничить мужчин, а цветные — белых, если никто не может

запретить другим курить, пить и употреблять наркотики, заниматься проституцией и смотреть порнографию, выборы теряют львиную долю своего очарования.

Так вот, в обществе, где нет демократии, цена различных верований для их носителей определяется рынком, т. е. тем, насколько они полезны или опасны для других людей. Скажем, вера в то, что только убийство всех рыжих способно спасти этот мир, в обществе без демократии будет воспринята без особого энтузиазма. Если кто-то из верующих решит перейти к реализации своей доктрины, ценой его веры будет его жизнь. Поэтому ввиду высокой цены, такая вера не будет распространена. В демократии все не так. Решение убить всех рыжих может быть вполне привлекательным, поскольку голосующий ничем здесь не рискует, цена его бреда искусственно занижается «законностью» решения и тем фактом, что ему самому не нужно будет никого убивать, а все вполне культурненько проделают компетентные органы.

Вторым обстоятельством, снижающим цену политических верований, является тот факт, что очень часто невозможно однозначно идентифицировать последствия той или иной политики. Это достигается множеством приемов. Во-первых, избиратель почти никогда не голосует за конкретную политику, он голосует за политиков. Во-вторых, одна и та же политическая цель на самом деле может быть достигнута множеством способов. В-третьих, объемы государственного регулирования таковы, что только малая их часть является предметом интереса публики, какое именно регулирование приводит к последствиям, которые идентифицирует избиратель, непонятно. В-четвертых, государство вольно практически как угодно менять свою политику между выборами. В-пятых, государственная машина работает таким образом, чтобы максимально исключить понимание того, во что обходится та или иная политика конкретному избирателю («налоговая анестезия» — наиболее яркий пример). В-шестых, государственная политика никогда не бывает (и не может быть) строго последовательной.

Отдельно укажем на то, что задача политика — выиграть выборы, а не провести те или иные меры, политик и особенно, политическая партия — это машина по улавливанию настроений и переделке их в те или иные лозунги.

В этих условиях избиратель не может понять, какую цену он платит за свою веру, более того, всегда можно сказать, что негативные явления, которые он наблюдает, есть проявление противоположной (неверной) политики или недостаточно последовательно проводимой верной политики.

Поэтому сторонник протекционизма, который ездит на иномарке и лечится импортными лекарствами, — совсем не редкость. Более того, это, скорее, правило, чем исключение. Вопреки представлениям просветителей, в которых подобные персонажи должны испытывать когнитивные диссонансы, никаких диссонансов тут нет, а есть полная гармония с мировым

эфиром. Для диссонанса нужно, чтобы одна концепция противоречила другой, а в данном случае есть концепция и некий неопределенный хаос окружающего мира, который можно трактовать как угодно⁶⁹.

Кстати, это плохая новость для просветителей. Их потенциальными жертвами могут стать только предельные избиратели, для которых ценность истины выше, чем ценность их веры. Чем ниже цена верований, тем меньше число тех, кто готов внять чужим аргументам. Это объясняет то удивляющее многих обстоятельство, что, казалось бы, железные доводы в политических и экономических спорах никого не переубеждают. Но давайте подумаем, какова альтернатива отказа от веры? Переход в другую веру? В лагерь врагов? Практика показывает, что радость от осознания того, что, бросая бюллетень в урну, ты спасаешь галактику, для большинства превалирует над радостью от того, что твоя теория верна. Ценность истины и внимание к аргументам высоки там, где цена верований регулируется рынком. Если объяснить верующим в благость убийства рыжих, что ценой их действий будет их жизнь, то большинство из них откажется от своей затеи, останутся только сумасшедшие, которые в итоге погибнут, поскольку цена очевидно высока. Но в случае демократии все не так. Когда от верующего требуется только проголосовать на выборах, аргументы бессильны.

Завышенный спрос на глупости. О факторах, которые приводят к заниженной цене верований пишут довольно много. Этого нельзя сказать о втором обстоятельстве, которое мы должны рассмотреть, — завышенном спросе на политическую веру. Это обстоятельство практически не рассматривается, хотя оно является столь же важным (даже, может, более важным), чем заниженная цена.

Речь идет о том, что подавляющее большинство «проблем», которые являются темой выборов и, соответственно, предметом политической веры, проблемы искусственные, т. е. порожденные государством. Их нельзя назвать «социальными» проблемами. Возьмем, к примеру, безработицу. Всегда будут люди, которые потеряли работу потому, что разорилось предприятие. Или потому, что они плохие работники. Или потому, что они ищут другую работу. Эта «проблема» (на самом деле, как хорошо видно, это разные проблемы) решается условиями контрактов, учебой, страховыми компаниями и так далее. Или возьмем другую «проблему» — однополые браки. Ее тоже нельзя назвать «социальной» проблемой, поскольку права наследования, управления имуществом и тому подобное связаны с полом только в государственном «семейном праве». Право как таковое в этом вопросе нейтрально. Я уже не говорю о торговых балансах, курсах валют и том же протекционизме. Этих «проблем» в обществе просто не существует, поскольку в обществе нет границ. Тот же протекционизм мо-

⁶⁹ Яркий пример этого явления — социалисты. Если вы перечислите все страны, которые пробовали построить социализм и у в результате получили только нищету и разруху, вам каждый раз будут возражать, что это был неправильный социализм.

жет существовать только как персональный бзик не покупать товары из какой-то местности, но опять-таки только до тех пор, пока носитель бзика не столкнется с его ценой.

Какую «проблему» вы не возьмете, она в подавляющем большинстве случаев не является социальной, т. е. присущей обществу. Государство постоянно создает все новые «проблемы», чтобы повышать спрос на политические решения этих «проблем» и, соответственно, на ту или иную политическую веру.

В итоге мы имеем дело со своего рода государственным регулированием, которое занижает цену политической веры и повышает спрос на политические решения. Пока это будет продолжаться, говорить о каких-то позитивных изменениях бессмысленно. Мы видели, как в начале 1990-х публика с высоким спросом на политические решения самостоятельно восстановила развалившееся под собственной тяжестью государство. Поэтому, если мы хотим изменений, главной точкой приложения усилий должно стать максимально возможное возвращение «на место» цены верований и спроса на политические решения. Все тот же подушный налог и в целом ликвидация налоговой «анестезии», например, очень хорошо прочищают мозги и возвращают избирателя из области эротических фантазий в реальность.

15.15. Безусловный основной доход

Как мы уже говорили, рынок маскировки занят, в том числе, и тем, что постоянно генерирует новые идеи, которые должны либо оправдать существование государства, либо увеличить его власть. Иногда эти идеи внедряются, но обычно мода на них проходит и рынок рождает следующую спасительную идею, в которую тут же вцепляется прогрессивная общественность. Одной из последних идей такого сорта стала идея «безусловного основного дохода» (БОД). Она уже довольно давно муссируется в кругах разнообразных экспертов и аналитиков и преподносится как прогрессивная альтернатива государственному патернализму — субсидиям, льготам и тому подобному. Кроме того, ей приписываются и другие способности, например, считается, что БОД может каким-то образом помочь всякого рода креативным людям, непризнанным гениям и изобретателям, которые сейчас вынуждены ходить на нелюбимую работу, дабы не умереть с голоду, а в их голове в это время протухают гениальные идеи.

Понятное дело, идея эта нашла живой отклик в сердцах украинцев, которые теперь приводят Финляндию в качестве примера места, где «правильное» государство правильно заботится о своих гражданах.

Давайте вкратце разберем, что такое БОД, может ли быть от него польза и какую цель он преследует.

Первое. Как обычно бывает с левыми идеями, название не соответствует действительности. «Безусловный основной доход» не является безусловным. Он называется так потому, что получатель не должен предпринимать

усилий для его получения, т. е. что бы он ни делал, 800 евро ему все-равно дадут. Однако, для того чтобы дать ему 800 евро, все-таки необходимо выполнить одно условие. Нужно кого-нибудь на эти 800 евро ограбить. Иначе никак не получится. БОД «выделяет» государство, а его доходы — это наши расходы, те самые «налоги в широком смысле слова» — собственно налоги, акцизы, займы, инфляция, плата за лицензии и прочие разрешения, «доходы» от государственных монополий и так далее. Иными словами, ничего «безусловного» в БОДе нет, это просто другая форма все того же старого доброго перераспределения.

Второе. Заменяет ли БОД субсидии и льготы? Здесь он выступает как способ монетизации льгот. Мы вам даем 800 евро и отменяем всякие там субсидии и льготы, а вы сами покупаете, что вам нужно. Считается, что от реализации такого решения государственные расходы сократятся, потому что вместе с субсидиями и льготами ликвидируются обслуживающие их бюрократы и соответствующие расходы. Я бы поверил в это, если бы не знал о том, что государство постоянно расширяется и что этот процесс следует рассматривать как рынок. То, что кажется уступкой государства, всегда оборачивается его ростом где-нибудь в другом месте. И это естественный, спонтанный процесс. В данном случае я бы говорил о том, что система просто удаляет неэффективные для ее целей сегменты, заменяя их на более эффективные. В общем, не надо удивляться, если через несколько лет выяснится, что государственные расходы после введения БОД только увеличились (скорее всего, случится так: БОД будет введен, но субсидии тоже сохранятся).

Третье. Помогает ли БОД непризнанным гениям? Логика здесь такая — мы даем деньги на удовлетворение «повседневных нужд», что позволит людям проявлять свою креативность. Леваки — вообще интересные люди. Обычно они считают людей недалекими агрессивными идиотами, за которыми нужен глаз да глаз. Именно поэтому необходимо государство и перераспределение с его помощью. В данном же случае люди видятся им поголовно креативными гениями, которые пропадают от недостатка средств. Как видим, представления о человеческой природе легко могут меняться на противоположные, лишь бы перераспределение усиливалось. Но мы немного отвлеклись от темы.

Существуют ли несчастные гении, страдающие от нехватки средств? Конечно, существуют. Но, согласитесь, раздать деньги всем подряд — это довольно странный способ помочь гению. Если хочешь помочь гению, то... помоги гению. Это одна сторона проблемы. Вторая еще проще. Для того чтобы тонким слоем разбросать по 800 евро каждому в карман, их нужно, как мы сказали, у кого-то забрать. И тут выходит та же самая история, что и с гениями, томящимися от нехватки средств. 800 евро тоже может не хватить тем, у кого их отняли для каких-то важных «для общества в целом» вещей. Эти деньги могли быть инвестированы. На них могли быть куплены

какие-нибудь... ээээ... лицензии. На них могли бы быть наняты на работу все те же непризнанные гении. Мир стал бы значительно лучше, если бы эти деньги не отбирались.

И последнее. Не нужно быть историком, чтобы увидеть в истории прямой аналог БОД. Это, конечно же, раздача хлеба плебсу в Древнем Риме. Данный механизм позволял борющимся между собой партиям использовать плебс в своих целях. Мнение толпы, как известно, весьма недалекое и агрессивное. Хлеба и зрелищ, вот, собственно, и все. Популизм стал основой политики в Риме, республика деградировала до империи, а потом развалилась. Интересно, что опасность этого механизма понимали еще в республиканские времена. Но никто не смог его отменить. Лишь однажды это удалось Сулле, но после того, как он отошел от дел, раздачу хлеба быстренько восстановили.

Подозреваю, что именно в этом и состоит оптимизация государства, о которой я говорил выше. *Для государства БОД эффективней, чем льготы и субсидии, потому что его труднее отменить. Льготы и субсидии распространены неравномерно, они адресованы разным группам и потому при желании могут быть куда легче отменены.* Коалиция избирателей в пользу сохранения БОД всегда будет больше, чем коалиция в пользу сохранения любой отдельно взятой льготы. БОД — это та же пенсия только для людей среднего возраста. Напомню, что пенсия вводилась как временная мера для небольшого круга, но со временем охватила все население. На Западе считают, что пенсию по старости отменить политически невозможно. БОД делается именно таким образом и именно с такой же целью — создать новую область государственных расходов (а значит, и налогов), которую будет невозможно отменить. Вот, собственно, и вся суть затеи.

16. ПРАВА СОБСТВЕННИКА И ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Прежде чем мы перейдем к обсуждению возможных мер по ограничению государства, обсудим очень важный вопрос прав собственности. Понимание этого вопроса понадобится нам для того, чтобы выяснить, что же делать с государством. Оно также пригодится для аргументации в пользу «общества ничем не ограниченной частной собственности» как единственной альтернативе.

Итак, для начала отметим, что взаимодействие людей в обществе — это взаимодействие собственников⁷⁰. Мы все являемся собственниками своих тел и в разной мере ресурсов, которые используем для достижения своих целей. То, как мы можем распоряжаться этими ресурсами, и то, как мы строим отношения друг с другом, т. е. между собственниками, называется

⁷⁰ Фактически, все «права» сводятся к единственному праву на самого себя.

правами собственности. Таким образом, права собственности — это правила присвоения ресурсов, правила их использования и процедуры разрешения конфликтов.

Здесь очень важно отметить, что мы говорим не о некоем «праве» как выданной кем-то бумажке, а о фактическом состоянии дел. В любой группе людей есть права собственности, поскольку они могут существовать в качестве группы только в том случае, если способны определять и поддерживать границы, которые отделяют «твое» от «моего»⁷¹. Это право существует как спонтанный порядок, оно основано на «справедливости», т. е. на согласии следовать этим правилам, до тех пор, пока они одинаково применяются ко всем. Если попытаться описать образование и функционирование правил такого типа, то мы получим приблизительно следующую картину. Правилom становится та норма поведения, с которой в отношении себя согласится большинство взаимодействующих в данном сообществе людей. Например, никто не хочет быть убитым и ограбленным, включая воров и убийц. На этих базовых правилах основываются более сложные и специфические правила. Например, права собственности законны, если они получены путем: а) создания объекта; б) присвоения ничейного объекта (гомстед); в) передачи титула в результате контракта (сделки купли-продажи и т. п.) или законного отчуждения. Эти и множество подобных им правил имеют эволюционное происхождение, они являются конвенцией, а не выдуманными начальством приказами.

Мы можем назвать право собственности правилами горизонтального типа. Все собственники равны в своем статусе, они должны решать споры и конфликты путем соглашения и не могут приказывать друг другу.

Однако совсем по-другому выглядят отношения между собственником и тем, кто использует его собственность. Собственник полностью свободен распоряжаться собственностью по своему усмотрению, и он волен указывать людям, которые используют его собственность, как именно они должны это делать. Примером такого поведения являются разнообразные «по газонам не ходить», правила дорожного движения и т. п. Здесь действует принцип «мой дом — мои правила». Я бы не называл это «правом», скорее это нужно назвать «приказами». Очевидно, что приказы существуют в нормативной сфере, их содержание и цель ясны, как и предполагаемое воздействие. Для контроля за исполнением приказов необходима сила, поскольку приказы

⁷¹ Непонимание этого обстоятельства вызвало к жизни легенду о первобытном коммунизме. Отсутствие формализованных институтов у «диких народов» было воспринято экономически неграмотными антропологами как отсутствие прав собственности. Если люди умеют решать, где чье, у них есть права собственности. Даже наличие «общего» не отменяет прав собственности и частной собственности. «Общее», как показала Остром, — это просто форма организации индивидуального потребления. Она все равно, как и обычная частная собственность, исключает из потребления посторонних.

отражают волю собственника, которая может не совпадать с волей тех, кто использует его собственность.

Таким образом, мы имеем дело с отношениями вертикального типа. Собственник и использующий собственность находятся в разном статусе и последний должен подчиняться приказам, которые издает собственник.

Теперь следующий вопрос: чем ограничен собственник в своих приказах? Может ли он приказать, скажем, ходить на голове всем, кто проходит по его земле? Такой собственник ограничен двумя вещами. Первая — это права собственности. Поскольку их содержание и функционирование зависят от согласия очень многих людей, права собственности всегда будут ограничивать волюнтаризм собственника. По крайней мере, совершенно точно, он не может действовать произвольно по отношению к тем, кто использует его собственность. т. е. он должен установить правила использования своей собственности. Если хочет наказывать тех, кто ходит по его газонам, он должен поставить табличку «по газонам не ходить». Второе, чем ограничен собственник, — это связи, в которых он участвует. Поэтому объем «суверенитета», т. е. возможности поступать по своему усмотрению, не получая никаких дополнительных издержек, ограничивается степенью вашей вовлеченности в сеть взаимодействий, этот объем уникален для каждого собственника и постоянно меняется.

В качестве иллюстрации вышесказанного можно привести «парадокс богатого», а именно тот факт, что чем «больше» ваша собственность и чем, следовательно, больше вы вовлечены в сеть взаимоотношений с другими людьми, тем большие издержки вы несете от их ненадлежащего поведения. Скажем, слесарь Вася Пупкин, бросивший жену с тремя детьми, является темой для разговоров только для бабушек у подъезда. Какой-нибудь богатей, сделавший то же самое, не только станет объектом пересудов в прессе, но и может понести прямой материальный ущерб в результате потери репутации. Этот парадокс работает даже сейчас, хотя государство делает все возможное для атомизации общества и разрушения горизонтальных связей.

Все это позволяет нам сделать два важных наблюдения. Первое, простое, состоит в том, что не существует «частной» и «государственной» собственности. Любая собственность частная, поскольку любые ресурсы используются частными лицами, собственно, «ресурсы» и существуют только по причине существования у людей целей и средств. Поэтому старый спор о «неэффективности» государственной или частной собственности не имеет смысла. Вся проблема упирается в то, как используется собственность собственником. Если мы понимаем, что собственник — это всегда частное лицо или группа таких лиц, вне зависимости от «формы собственности», то нам станет ясна причина того, что называется «неэффективностью государственной собственности». А состоит она в том, что частное лицо на свободном рынке использует собственность для других целей, нежели частное лицо — государственный служащий. Частное лицо на рынке, решая, какими

объектами ему владеть, исходит из того, какую прибыль он может от них получить, а это, в свою очередь, зависит от того, насколько использование им этого ресурса может быть полезным другим людям. Собственник — государственный служащий получает свою прибыль в рамках иерархии. Он будет использовать находящуюся в его распоряжении собственность для удовлетворения представлений начальства о плохом и хорошем и своего продвижения по карьерной лестнице. Поэтому, скажем, председатель колхоза и частный фермер на одном и том же участке земли получают разный результат. Фермер использует землю для производства сельхозпродукции, с продажи которой он живет. Председателя колхоза сельхозпродукция интересует лишь в той мере, в которой она способна удовлетворить его начальство.

Это объясняет разные мнимые парадоксы. Например, тот факт, что государство на Западе в состоянии построить хорошую дорогу, а наше не может. Разница здесь в представлениях начальства о должном, оно определяется культурой, которая, в свою очередь, зависит от конкретной цены согласия в данном обществе, т. е. от представлений о том, что можно, а что нельзя делать чиновнику. Точно так же в СССР могли быть отдельные подвижники — директора школ или заводов, — которые производили качественный продукт. Это означает лишь то, что такой продукт они ценили выше, чем мнение начальства, с которым, кстати, у них всегда были проблемы. Это объясняет и парадокс «частных» компаний вроде ФРС, которые на самом деле, действуют в таких условиях (принудительная монополия на денежную единицу), что их формальный статус не имеет значения, они составляют часть государственной машины.

Второе наблюдение состоит в том, что, с точки зрения прав собственности, государство оказалось в интересной ситуации. Оно действует как собственник, т. е. то, с чем мы имеем дело в виде законодательства, не что иное, как право собственника. С другой стороны, выходит так, что, в отличие от общества, где это право ограничено правами собственности, здесь такого ограничения нет. Люди, представляющие государство, действуют как собственники в отношении всех остальных людей (кроме таких же, как они). Однако непонятно, откуда возникает право этих людей приказывать другим собственникам.

Для того чтобы «замазать» это явное противоречие была придумана идея суверенитета. Король не владел всей землей и часто даже не был самым большим землевладельцем. У другой земли были другие собственники. Поэтому нужно было найти форму, которая бы обходила формальные права собственности, но подразумевала ее черты, — право приказывать. Так появился суверенитет, король приказывает потому, что суверен, а не потому, что собственник.

Однако, как мы выяснили выше, права собственника и право приказывать даются и ограничиваются правами собственности. Иными словами, для того чтобы система работала без сбоев, короли и прочее начальство

должны следовать одинаковым для всех правам собственности. Для того чтобы они могли приказывать, они должны находиться с теми, кому приказывают, в формализованных отношениях с ясным статусом. Но в этом случае государство не сможет больше делать то, что оно делает сейчас. Грубо говоря, государство никогда не сможет действовать в правовом поле, его действия по определению противоречат праву. Оно не сможет «узаконить» первоначальный захват территории, оно сможет это сделать, только перестав быть государством.

17. КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПАРАЗИТА. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Представители всех идеологий традиционно воспринимают государство как организацию. И если идеология допускает критику государства, значит, она основывается на этой предпосылке. Направление критики зависит от идейных предпочтений критика. Диапазон простирается от несогласия с агрессивными, «неразумными» и «недальновидными» действиями правительства до отрицания его необходимости. Понимание задач, которые решает организация «государство» опять-таки зависит от идейных установок: от задачи сделать всех счастливыми до «минимальных функций полиции и обороны» или вполне реалистического понимания государства, как «организации узаконенного грабежа». И наконец, понимание сложности самой этой организации тоже может быть разным: от представления о государстве как простой иерархии («чиновники должны подчиняться закону») до взгляда на государство как форму сосуществования множества конкурирующих группировок, обогащающихся за счет организованного принуждения.

По-разному может пониматься и природа вреда, который причиняет государство. В самом простом и распространенном случае вред государства видится в «злоупотреблениях», неправильных законах и прочих очевидных, легко фиксируемых действиях. В более сложном варианте вред наносит государство как таковое, независимо от наличия в нем злоупотреблений и беззакония, поскольку оно в силу своей природы всегда выполняет свои «функции» неэффективно (либо потому, что эти «функции» просто не нужны и могут выполняться агентами свободного рынка).

Набор рецептов по исправлению ситуации тоже очень широк: от привычных лозунгов прогрессивной общественности по поводу патриотов у власти, до электрического правительства, которое с помощью «парочки скриптов» и голосования по телеграфу принесет счастье в каждый дом. Опять-таки, среди тех, кто ратует не просто за изменение, а за радикальное сокращение государства, есть две группы. Первые делают это, исходя из бухгалтерских предположений, что, если государство будет меньше вмешиваться (меньше отбирать), люди будут богаче. Вторая, более адекватная, группа (школа общественного выбора) понимает, что государство имеет

системные пороки, которые невозможно устранить в рамках этой системы и потому его нужно сократить радикально, чтобы минимизировать «провалы государства». Особняком стоит группа (судя по всему, достаточно быстро расширяющаяся) антидемократов, которые связывают все беды именно с демократическим устройством современного государства и видят рецепт либо в восстановлении неких аналогов монархии, либо в сецессии существующих государств на как можно большее число мелких государств, которые предположительно будут иметь устройство, напоминающее монархическое.

Наконец, представление о государстве как организации разделяют и многие «анархо-капиталисты». Среди них есть даже институционалисты, которые доказывают с помощью теории игр, что «анархия в принципе возможна» (в то время как их коллеги из других лагерей с помощью той же теории игр доказывают, что она невозможна никогда).

Все эти на вид разные и часто противоречащие друг другу рецепты объединяет одна общая черта — взгляд на государство как на организацию. Отсюда вполне логично, что методом любого его изменения, включая сокращение и даже уничтожение государства, является воздействие на организацию — путем кооптации (прогрессивные реформаторы-технократы), победы на выборах (партии), внедрения технологических изменений (электрическое правительство), переворота или революции. Поэтому все, кто хочет изменить государство, сократить государство и вообще что-то с ним сделать, указывают исключительно на политические методы. Анархо-капиталисты, которые хотят его отменить, здесь благоразумно отмалчиваются, потому что не могут объяснить, как можно отменить государство политическими методами, а других методов представление о государстве как организации не допускает.

Политические методы, если и критикуют, то либо в связи с их нереалистичностью в текущей ситуации (еще недостаточна популярность «нашей» партии, народ темен и ментальность не та), либо в связи с особенностями государства как организации (школа общественного выбора критикует крайне низкую эффективность политических методов).

Взгляд на государство через призму праксиологии и спонтанных порядков приводит к совсем другим выводам. Во-первых, он показывает, что ограничить государство и заставить его действовать в жестких и предсказуемых рамках невозможно. Если такое ограничение и произойдет, оно будет временным (реформы Тетчер и Рейгана лишь незначительно приостановили рост государства в их странах). Праксиология говорит о том, что государство всегда будет расширяться, а концепция спонтанных порядков показывает, что это расширение невозможно предугадать, а значит, и контролировать. Государство всегда найдет способ расширяться, так как множество людей независимо друг от друга будут заниматься этим осознанно или неосознанно 24 часа в сутки 7 дней в неделю, пока система не найдет решение. Таким образом, праксиологический подход диктует скептическое отношение к по-

литическим методам, поскольку они в принципе не могут дать устойчивого результата.

Из этого следует наше во-вторых, а именно то, что коль скоро государство невозможно ограничить, то от него можно только избавиться.

При этом концепция спонтанных порядков позволяет увидеть, что избавиться от государства политическими методами невозможно. Нельзя захватить власть и «отменить» государство. Выборы, перевороты и революции не могут ничего с государством поделать. Сейчас я объясню почему.

Как мы помним, спонтанные порядки образуются там, где люди (осознанно или нет) следуют неким одинаковым правилам. Основой социума является спонтанный порядок «не убий — не укради». У него есть одна особенность — он предусматривает санкции для его нарушителей, которые накладывают сами участники этого порядка. В современном обществе существует два вида нарушителей — это криминал и государство (напомню, что государство нарушает порядок «не убий — не укради» своей обычной деятельностью — налогообложением и регулированием). Эти нарушители отличаются друг от друга только тем, как их воспринимают их жертвы. Криминал воспринимается как нарушение порядка частными лицами и, как и положено, жертвы оказывают им сопротивление, а другие участники порядка в меру своих сил и возможностей накладывают на нарушителей санкции. Но стоит частному лицу надеть форму, т. е. перестать быть Иваном Петренко и превратиться в представителя абстракции по имени «государство», как сопротивление прекращается.

Как видим, именно согласие с агрессией «людей в форме» является искажением спонтанного порядка, что создает возможности для паразитирования одних людей на других.

Политические методы никак не меняют эту ситуацию. С точки зрения концепции спонтанных порядков, политическая «отмена» государства означает либо ликвидацию формального статуса (отобрали форму) данных конкретных нарушителей, либо их физическое уничтожение. Но спонтанный порядок — это неформальные правила, чьи-то приказы (а «отмена государства» такой же приказ, как и прочее государственное регулирование) никак не воздействуют на сам спонтанный порядок и на факторы, его образующие. Пока согласие на безнаказанное нарушение правил «не убий — не укради» людьми, которые назовут себя представителями некой абстракции — «государства», «нации» или «общества», — является частью правил спонтанного порядка, государство может восстановиться, даже если вы физически перебьете всех политиков и чиновников. Вместо них придут другие, и перед вами предстанет государство, восстановленное руками его жертв.

Концепция спонтанных порядков также утверждает, что политические методы не просто бесполезны для тех, кто хочет ограничить или уничтожить государство, дело обстоит гораздо хуже, ибо политические методы работают

на сохранение и укрепление государства. Здесь можно изложить довольно много разнообразных наблюдений, в рамках данной главы ограничимся лишь тем обстоятельством, что конкурирующие версии государственных идеологий создают образ некоего идеального государства, который никогда не совпадает с реальностью. Государство всегда выглядит несовершенным («Україна гине!»), нуждающемся в срочном ремонте. Этому же способствует и наличие различных картин идеального государства. В представлении большинства государством в данный момент владеют «враги», т. е. представители другой картины государства, и это представление не зависит от смены политической власти. Все это создает устойчивую политическую повестку дня по совершенствованию и даже спасению государства и привлекает к этой деятельности не только жуликов и авантюристов, но и людей вполне честных и добросовестных, которые искренне желают блага окружающим.

Поскольку государство не является организацией, а улучшения в рамках любой идеологии видятся как улучшения организации, то вся эта реформаторская возня никогда не дает и не может дать удовлетворительных результатов. Соответственно, спрос на реформы никогда не падает, а наиболее активные люди вместо сопротивления узаконенному грабежу занимаются его совершенствованием.

Ну и наконец, концепция спонтанных порядков дает ответ на вопрос: как избавиться от государства? Коль скоро государство существует благодаря искажению правил индивидуального поведения, то от него можно избавиться, только устранив эти искажения. Поскольку правила спонтанных порядков не задаются извне, а возникают и самоподдерживаются изнутри, то исправление возможно только индивидуальным действием, корректировкой индивидуальных правил поведения. Если по какому-то волшебству украинцы вдруг забудут о том, что они должны подчиняться человеку в форме, государство мгновенно исчезнет. Но поскольку чудес не бывает, это может стать только результатом длительного процесса.

Этот процесс я бы разделил на два разных направления. ***Собственно, целью одного и другого является отказ индивида от согласия на грабеж со стороны людей в форме.*** Первое направление — это то, что называется «просветительством», когда отказ от согласия достигается путем изучения экономической теории, истории и т. п., т. е. осознания сути государства и общественных отношений. В этом случае индивид корректирует свое поведение, опираясь на имеющиеся у него знания. Второе направление можно назвать инструментальным. Здесь требуется не осознание, а практика, альтернативная существующей в рамках государства. Теневая экономика, криптовалюты, альтернативные способы разрешения споров — все это приводит к сокращению спроса на государство, а значит, и к его ослаблению. В этом случае люди просто действуют так, как будто государства нет, при этом сами они могут верить в необходимость государства. Подобным спо-

собом развалился СССР, когда практически все его население использовало свои «государственные» рабочие места для личного обогащения, а также использовало систему блага для обмена друг с другом. При этом эти люди продолжали верить в социализм.

18. ПОТЕРЯ СОГЛАСИЯ. РЕФОРМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Итак, ключевым фактором для сокращения государства является потеря согласия на налогообложение⁷². Вторым решающим фактором можно назвать «выработку» рынков принуждения. Обычно второе вытекает из первого. Люди не хотят больше быть объектами, они убегают или прячутся от государства, и рынки беднеют. Шахты вырабатываются, и скудеют поля. Если и когда это происходит, элита теряет свой статус.

18.1. Тайна власти

Давайте еще раз максимально простым языком поговорим о согласии, так как это ключевое понятие в механике отношений государства и общества. Поговорим на примере недавней украинской истории. Начнем с такого понятия, как «власть». У власти две стороны — тот, кто давит на рычаг в своих интересах, и тот, кто соглашается с тем, чтобы его давили. И тут уже не важно, приветствует он это радостными криками или недовольно ворчит под нос, важен сам факт согласия. Вторая сторона куда важнее первой, без нее власть теряет всякий смысл и просто не работает. Более того, если разобраться, то власть не существует изначально и не возникает из ниоткуда и вообще не является чем-то добавочным к уже существующим возможностям людей. Власть — это способность делать выбор за другого. Вот вы можете копать, а можете не копать. Властью над вами обладает тот, кто может вас заставить силой или обманом копать, когда вы этого делать не хотите. Но главным действующим лицом здесь все равно являетесь вы и ваша способность копать. В общем, правильно было бы говорить не «А обладает властью над Б», а «А обладает властью Б». Если вы понимаете это, то вы понимаете и всю последующую государственную механику, если нет, то никогда не сможете ее понять.

Тайна власти как раз и состоит в том, что она основана на согласии людей, т. е. без него власти просто не существует. Я всегда по этому поводу цитирую Дайси: «Турецкий султан обладает огромной властью, но он не может отменить магометанство» [16]. Иными словами, султан в своей власти полностью зависит от подданных и на некоторые вопросы (магометанство) его власть вообще не распространяется.

⁷² Этантисы называют это «потерей доверия к власти» — еще один пример извращенного языка.

Соответственно, потерять власть — это прежде всего потерять согласие управляемых. Другого варианта потери власти одних людей над другими (а не смены одного управляющего на другого) не существует.

На полях заметим, что эти моменты всегда кажутся иррациональными. Вот существует какое-то государство, и тут вдруг (всегда присутствует это «вдруг») что-то в нем щелкает, правительство теряет власть, и пошло-поехало. На самом деле «иррациональность» — это проблема инструментов, которые используются в анализе государственной и политической деятельности. Эта деятельность преподносится как взаимодействие рациональных политических субъектов (политиков и партий) с известными интересами. Это как если бы рынок анализировали только как взаимодействие между собой отдельных предприятий. В общем, никакой иррациональности здесь нет, есть неадекватность аналитических методов и инструментов.

Для того чтобы потерять согласие, его нужно иметь. Согласие — это вера, которая оправдывает существующее положение дел. Нас грабят, зато... И вот то, что следует дальше, и есть текущий вариант согласия.

Давайте разберемся, как это бывает, на примере девяностых. Что тогда произошло? Коммунистическое согласие было основано на вере в обязательное наступление «светлого будущего», ради которого нужно принести жертвы и просто немного потерпеть. К началу 80-х годов XX столетия стало ясно, что светлое будущее немного задерживается. Одновременно (это, в общем, был один процесс) советская экономика начала входить в свой последний кризис. Горбачев пытался найти новую форму согласия в виде «социализма с человеческим лицом», но было уже поздно. Гласность похоронила коммунистическую мифологию и вместе с ней СССР.

Дальше начинается самое интересное. Государство в Украине никуда не исчезло. В 1990-х люди, составляющие государство, никуда не делись. Они ходили на работу, получали свою зарплату и тихонько пытались что-то мутить. Мутилось с трудом.

Государство не исчезло, но исчезла его власть. Та Украина мало чем напоминает нынешнюю, где удалое правительство чуть ли не каждый день радуется все новыми и новыми запретами. Такое было невозможно в девяностые. Разумеется, государство активничало, это его работа, но когда оно пыталось выходить за определенные рамки, его просто игнорировали (Кучма жаловался, что только 14 % его указов исполняются, а его правительство имело, на секундочку, чрезвычайные полномочия, оно могло издавать декреты, имеющие силу закона). Украинское государство тогда напоминало римский сенат, оно было занято, но занято самим собой, а не жизнью обычных граждан. Если же вдруг оно выходило за рамки и игнорирование не помогало, его останавливало проявление недовольства. При малейших попытках открытого сопротивления государство немедленно давало задний ход.

Причина такой «либеральности» — отсутствие согласия. Украинцы не

видели причин для того, чтобы ими рулили какие-то непонятные деятели. Кроме того, им просто-напросто было не до них. Жизнь тогда была весьма непростой.

Дальше произошло вот что. Относительная свобода позволила украинцам довольно быстро наладить собственную жизнь, и, если мерить материальными мерками, они зажили гораздо лучше, чем при СССР. Параллельно государство изобретало все новые и новые формулы для того, чтобы получить согласие от разжиревших и подболевших украинцев. Окончательная формула так и не сложилась, она бултыхается где-то в районе «как в Европе». Но отметим принципиально важный момент — новое согласие было получено в весьма усеченной форме. Государство не вернулось полностью и везде, это был уже не СССР. Согласие не было дано на вмешательство в личную жизнь, в квазипредпринимательство и квазисобственность («квази» потому, что «вообще-то нельзя, но иногда можно»).

Однако государство не остановилось, оно в принципе не может останавливаться, даже если текущее «руководство» будет считать это необходимым. Государство ищет согласия на вмешательство в права собственности в широком смысле (т. е. в то же предпринимательство, личную жизнь и, разумеется, «гражданские свободы»).

Здесь показателен пример Януковича, который с донецкой простодушностью не стал ничего искать, а просто начал, как говорится, «тупо» вмешиваться в то, во что, как считала публика, вмешиваться нельзя. В итоге он оказался в Ростове, два раза покусившись на святое: первый раз нарушив ожидания на выборах 2004-го, второй раз демонстративно силой (и главное — без особой причины) разогнав митинг в столице — вещь недопустимая даже по нынешним меркам.

Порошенко оказался гораздо успешнее Януковича. Он получил согласие на фоне российской агрессии, и она до сих пор является главным основанием его власти. Петр Алексеевич должен в ножки кланяться Владимиру Владимировичу, без него не известно, что было бы. Порошенко во всем превзошел Януковича, он достиг такой степени вмешательства, которая Януковичу и не снилась. Вот в этом и проявляется волшебная сила согласия.

18.2. Можно ли сократить государство политическими методами?

Теперь нам станет понятен ответ на этот вопрос. Допустим, у нас есть некая партия, которая хочет сократить вмешательство государства. Что это означает на практике? Допустим, партия добилась изменения законов, сокращения чиновников и бюджетов. Что произойдет? Ничего. Если что-то и изменится, то лишь на короткое время. Как мы выяснили, «вмешательство государства» осуществляется через специфические рынки, возникающие вокруг регулярного организованного принуждения. Проблема реформа-

тора здесь точно та же, что и проблема любого регулятора рынков. Если деятельность приносит прибыль, ее очень трудно запретить и ограничить. Она переместится в «тень» или вообще на криминальные рынки. По этой причине государственное регулирование считается неэффективным, т. е. почти никогда ему не удастся достичь заявленных целей. Реформатор сталкивается с той же проблемой, только вместо бабушек, торгующих сигаретами у метро, ему нужно урегулировать поведение чиновников. Таким образом, пока эти рынки дают доход, с ними практически ничего нельзя поделать. Устранив какого-нибудь Ахметова, вы не решите вопрос до тех пор, пока будут условия для существования рынков, на которых он «работал», в виде конфигурации нормативных актов и представлений жертв этих рынков о том, как должен быть устроен мир.

На самом деле на работающих доходных бюрократических рынках такой партии не дадут ничего сделать. Есть бесчисленное множество способов, как саботировать любые намерения такого рода. Вероятнее всего, саботаж начнется еще на уровне идей, в виде подсовывания ложных альтернатив, в которые могут поверить как в более «реалистичные». Безусловный основной доход — пример такой ложной альтернативы.

Мне возражат: а как же примеры успешных реформ? Такие примеры действительно есть, но, если внимательно к ним присмотреться, мы увидим одну особенность — все они проходили в условиях разрухи или сильного «ослабления» бюрократических рынков и потери согласия.

Тот факт, что все известные реформы случились в ситуациях катастрофы или близких к ним, объясняет нам, откуда берутся реформаторы. Германия во время реформ Эрхарда находилась в руинах после войны и под оккупацией (оккупанты, как известно, были против этих реформ). Ли Куан Ю был сепаратистом (Сингапур отделился от Малайзии) во времена распада Британской империи. Грузия при президентстве Саакашвили находилась в состоянии, к которому Украина еще даже не приблизилась. Во всех этих случаях (включая Америку и Британию времен Рейгана и Тетчер) чиновничьи рынки были либо истощены и разрушены, либо ослаблены. На этих рынках было мало игроков, там не было прибыли, и потому там некоторое время можно было творить реформаторское самоуправство. Однако, как только там начинала снова расти трава и заводилась какая-то жизнь, государственный рынок возвращался, реформы останавливались и процесс оборачивался вспять. Исключений из этого правила нет.

Реформы есть способ возродить к жизни бюрократические рынки, ранее убитые тем же самым государством, они не доказывают, что государство всегда можно организовать и направить к благой цели. Реформа может случиться (а может и нет), причем только там и тогда, где и когда чиновники потеряют интерес к своим рынкам и не будут сопротивляться реформатору. Как я уже говорил, Украине еще далеко до такого состояния, кроме того, достижение этого состояния само по себе не гарантирует реформ.

Таким образом, мы можем сказать, что в «обычных» условиях против рынков принуждения политические методы бессильны. Однако существует теоретическая возможность использования политических методов в условиях снижения уровня согласия и выработки рынков. Если согласие окончательно утеряно, а рынки выработаны, элита не будет сопротивляться.

18.3. Почему элита не будет сопротивляться?

Этот момент нужно рассмотреть отдельно. Считается, что «элита», будет противиться потере власти, «так просто власть не отдаст». То есть ситуация представляется обычно таким образом: «народ» перестает подчиняться, а государство пытается силой его заставить. Неподчинение, в свою очередь, выглядит как осознанный отказ соблюдать законы, размахивание флагами, постройка баррикад и т. п.

Между тем «потеря власти», конечно, может сопровождаться баррикадами, но в наиболее эффективной своей форме представляет собой обычные бытовые действия, не направленные на подрыв чего-то там такого особенного. Если вы вместо выполнения квеста из ста пятидесяти задач в различных государственных органах покупаете в свой дом котел на черном рынке и устанавливаете его, опять же игнорируя все связанные с этим квесты, вы подрываете власть государства похлеще любого революционера. То, что вам не приходится в голову трактовать ваши действия, как революцию, в последствиях ваших действий ничего не меняет.

Теперь вернемся к нашей элите и тому, что она будет бороться за власть, т. е. силой принуждать несогласных к покорности. Напомню, что по условиям задачи согласие уже утеряно, и вот элита, обнаружив это и вооружившись законами и милиционерами, идет отвоевывать свое у зарвавшихся бюргеров.

Я утверждаю, что если согласие действительно утеряно, то ничего такого просто не может случиться, власть государства растворится как дым. Однако что же мешает элите бороться за власть? Процессы внутри самой элиты, самого государства.

Какие процессы? Давайте вернемся к нашему взгляду на государство, в котором «правлящая элита» — это собиратели, земледельцы и окучиватели нас с вами, т. е. в отношениях с нами они занимаются присвоением, а не обменом. Но что происходит среди самих окучивателей? Там как раз с обменом все в порядке. Соответственно, все в порядке и с правом. «Элиты» всех стран живут по обычному праву, которое возникает в ходе взаимодействия внутри этих элит. И нетрудно догадаться, что реальное распределение влияния и власти не соответствует тому, что мы видим в телевизоре. Для украинцев это не нуждается в доказательстве, как и то, что, например, «оппозиция» — это просто такое начальство, которое пока (или уже) не занимает формальных должностей, но точно так же является частью «эли-

ты», как и «представители власти» (т. е. занимает реальные «должности» в системе присвоения и окучивания).

Опять-таки непотизм, столь любимый украинским начальством, имеет своей причиной тот факт, что родственные и дружеские отношения внутри элиты прекрасно работают, в отличие от государственных «законов», которые предназначены для внешнего использования и ритуального оформления решений, принятых внутри элиты. Система «кум, сват, брат» — это не какая-то прихоть и, как полагают многие, не признак общей недоразвитости и частной тупости. Эта система позволяет элите выстраивать продуктивные отношения между собой, а вот инструкции и законы не позволяют этого делать, поскольку они для этого просто не предназначены. Интересно, что это присутствует во всех странах без исключения. Можно, например, сослаться на факт существования в США законодательства «по борьбе с непотизмом» или на факт наличия трудовых династий конгрессменов—сенаторов—президентов.

Для тех, кто не верит в полевые наблюдения, приведу простой аргумент. Думаю, никто не будет оспаривать тот факт, что государственное право построено иерархически (а обычное право — горизонтально). Таким образом, для государственного права всегда актуальна проблема «кто будет сторожить сторожей», иначе говоря, если бы государственное право было реальным, а не полуритуальным правом, над элитой с необходимостью возвышалась бы еще одна элита, а над ней еще одна и так до бесконечности. Коль скоро этого нет, то очевидно, что государственное «вертикальное» право не является в полной мере реально действующим для элиты и что взаимоотношения внутри нее самой строятся на основе горизонтального обычного права.

И последнее. Здесь может возникнуть вопрос: почему же тогда существует государственное право? Ответ прост: государственное право пытается объединить нормы и правила, реально необходимые людям в их практике (возникшие преимущественно в обычном праве), с нормами, узаконивающими окучивание и собирательство в рамках одной принудительной монополии. Поэтому такое право пользуется спросом у окучиваемых, так как позволяет решать их проблемы и тем самым легитимизирует систему окучивания в целом.

В общем, давайте представим себе эдакую деревню, а в ней дид Петра, у которого есть хата, скотина, луг, кусок леса, поле, запруда на реке и водяная мельничка. Взаимоотношения с дидом Петром односельчан, характер и объем их взаимных обязательств определяются ценностью его собственности, тем, как он ею распоряжается, ценностью производимой им продукции и тем, как он строит отношения с другими людьми. Скажем, если дид Петро надумает жениться, то, мне кажется, он довольно легко найдет невесту.

Теперь представим, что все это богатство неожиданно исчезло. Слово диды Петра, его намеки и даже просьбы имеют уже совсем другой вес, никто больше не интересуется его мнением, ну и с женитьбой ему, скорее всего, придется подождать.

То же самое происходит с элитой, когда она теряет согласие управляемых. Когда вы перестаете верить в очередной коммунизм (и даже принимаете в связи с этим некие действия), все эти пастбища, уголья и запруды, богатые рыбой, вдруг исчезают, буквально растворяются в воздухе как дым, и это **неизбежно приводит к параличу системы взаимодействия, построенной вокруг этой деятельности.**

Элита не сможет «бороться за власть» потому, что эта борьба невозможна без наличия системы взаимодействия и понятных причин для такого взаимодействия. Борьба за власть предполагается наблюдателями каким-то автоматическим действием, которое магическим образом вызывается заклинанием под названием «закон» или «приказ», но на самом деле, выйдут ли войска или полиция, сколько их будет и как они будут действовать, зависит от перспектив урожая на окучиваемой делянке рынка принуждения и от того, считается ли теперь долгом диду Петру занятый когда-то мешок картошки и вытекают ли из этого факта какие-то обязательства во вновь открывшихся обстоятельствах.

Поэтому, если согласие отсутствует полностью, элита теряет власть и парализуется. Она больше не способна ни к какой «борьбе». Примерно так развалился СССР. Гражданские же войны начинаются там, где они являются, по крайней мере, поначалу, разборками внутри элиты, или там, где согласие утеряно не полностью, но события подогреваются недалекими революционерами.

Давайте для закрепления вернемся к фразе «элита просто так не отдаст власть». В обыденном (да и не только) представлении власть видится предметом, который находится или у одного персонажа, или у другого, и перейти она может только физически, если один отдаст ее другому. На самом деле тайна власти состоит в том, что когда тот, у кого ее нет, начинает поступать так, как будто она у него есть, т. е. начинает самостоятельно делать те вещи, в которых он раньше испрашивал санкции власть предержащего, последний «теряет» власть, ибо самая эта власть и состоит в том, что вы исполняете дурацкий квест из 150 бумажек и разрешений вместо того, чтобы просто пойти и купить котел на рынке. Ваше согласие утрачено, а вместе с ним и власть того, кто ее «предержал».

Плохой новостью во всем этом деле является то, что не существует никаких способов выяснить, утрачено ли уже согласие или еще нет. Поэтому никто не предсказал и не сможет предсказать майданы, но сам факт того, что майданы состоялись и закончились победой, говорит о том, что именно для случая этих майданов (а ведь были же бесчисленные попытки собрать другие майданы) согласие было утеряно в достаточной для этого степени.

Это в общем дело интуиции, опыта и веселых экспериментов. Здесь никто ничего не может гарантировать, и в данной главе я не собираюсь писать инструкцию по проведению революции, а просто опровергаю расхожее мнение о том, что «элита всегда будет бороться за свою власть». Если в нее никто не верит, то нет, не будет, потому что она окажется парализованной.

19. НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ШАНС ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ. ВАРИАНТ 1

Итак, давайте представим, что согласие утеряно, паразитические рынки выработаны и власть досталась правильным реформаторам, которые хотят не просто получить новое согласие, а радикально изменить государство. Что здесь можно сделать?⁷³ Первый вариант: сделать государство зависимым от нас.

Самый главный момент, который здесь нужно понять, состоит в том, что формальные правила могут влиять на поведение власть имущих только тогда, когда правила диктуют те, от кого это поведение зависит. Что дает здесь «силу»? Факт определенной зависимости. Средневековые бароны были военной опорой короля, и король зависел от них. Позднее государства зависели от городов, гильдий, цехов, церкви и той же аристократии. В целом они зависели и зависят по сей день от налогоплательщика в широком смысле этого слова. И особенно там, где налогоплательщик заседает в парламенте и влияет на налогообложение. Собственно, основная функция парламента и состояла не в «законодательстве», а в обсуждении налогов и их утверждении. Отсюда и принцип «нет налогообложения без представительства». Если король обкладывает колонистов налогами, да еще эти налоги постоянно растут, значит, у колонистов должны быть места в парламенте, чтобы контролировать процесс. Если король противится этому, колонисты устраивают революцию.

Государства всю свою историю стремились сделать так, чтобы как можно меньше зависеть от налогоплательщиков. Эволюционно победил способ «размытия» налогоплательщика, т. е. различные уловки, которые не позволяют понять, кто именно и сколько налогов платит. С давних времен государства делали налоговыми агентами гильдии и цеха, но окончательного успеха они добились XX веке, когда процесс корпоратизации экономической деятельности был доведен до совершенства.

⁷³ Ошибка всех реформаторов заключается в постепенности, которая понимается так: «сейчас мы ограничим немного, чтобы ограничить потом побольше», т. е. малое ограничение является предшественником большого. На самом деле, понимая логику государства, то, что оно всегда будет расширяться, политика возможного — это максимальное ограничение с пониманием того, что государство будет все время увеличиваться.

Основными налогоплательщиками стали не частные лица, а предприятия⁷⁴. Они же во многих случаях стали налоговыми агентами для «физических лиц». Корпоратизация означает, что фактически невозможно заниматься бизнесом, не будучи «легализованным», т. е. не попав в зависимость от государства через необходимость «стать на учет» в той или иной форме.

Таким образом, сегодня **ключевые политэкономические взаимоотношения находятся на уровне государство — предприятие, а политические существуют на уровне государство — избиратели**. Но частные лица-избиратели больше не являются формальными налогоплательщиками. И потому никакой зависимости от их мнения государство больше не испытывает (это главная причина того, что политика во всем мире все больше превращается в фарс). Таким образом, для того чтобы придать хоть какую-то внутреннюю логику системе и создать реальную, а не мнимую обратную связь между государством и гражданами, нужно либо предоставить предприятиям право голоса на выборах, либо ликвидировать корпоратистскую систему.

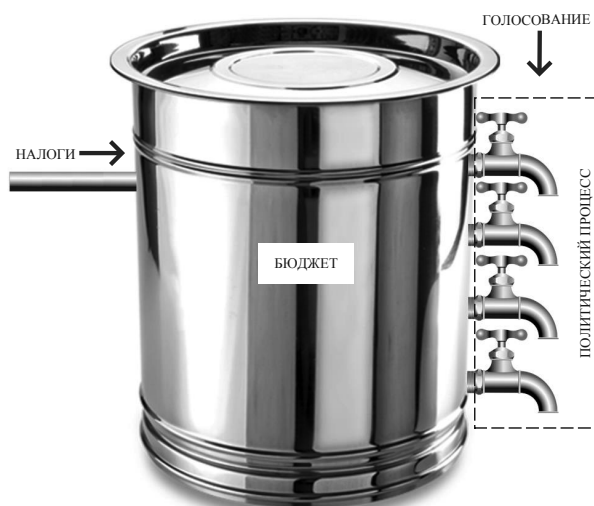

Рис. 6. Политический процесс

Пока налоги создают постоянный денежный поток, а бюджет представляет собой способ перераспределения того, что «набежало» за некий отрезок времени, политический процесс будет сосредоточен исключительно на этом перераспределении. Мысль о сокращении и оптимизации не мо-

⁷⁴ Понятно, что в итоге ущерб от налогообложения несут только частные лица. Предприятия являются юридической фикцией, способом организации частных лиц. В данном случае мы говорим о том, что налогообложение предприятий является способом «налоговой анестезии». В рамках проекта «ціна держави» выяснилось, что средний украинец отдает государству около половины своего дохода. Но он этого не замечает.

жет прийти в голову в условиях, когда бюджет «дан». Любой бюджет будет освоен. Любого бюджета будет мало. Мне скажут, что Клинтон несколько лет имел профицит бюджета. Профицит — это просто локальное явление, через год-два никакого профицита уже не будет, при том что доходы бюджета не упадут. Клинтон имел профицит, но тут важно, вернулись ли эти деньги налогоплательщику? Может, государство сказало: «возьмите назад, нам больше не надо»? Нет, эти средства тоже были потрачены государством, просто вне рамок обычного бюджетного процесса.

Все реформаторские упражнения с «прозрачными правами собственности», судебной системой и даже сокращением государственных расходов будут иметь локальное значение до тех пор, пока государство свободно в определении объема собственных «услуг», а значит, и объема ресурсов, которые оно будет изымать из общества. Пока это положение сохраняется, все останется как есть, может меняться только внешний вид системы, а суть ее останется прежней.

Сделать государство зависимым от граждан в политическом смысле можно, только сделав его полностью зависимым от них в финансовом смысле. Нужно сделать так, чтобы получение государством денег стало условным, а не безусловным, каковым оно является сегодня. Напомню, что именно так функционирует любое современное государство — налогообложение в широком смысле слова проводится в нем «вообще», безо всякой привязки к чему-либо, т. е. доход государства является безусловным. Правительства приходят и уходят, меняются партии и президенты, пишутся и реализуются программы, а деньги собираются всегда и безо всякой связи с этим процессом.

По сути, мы должны вернуть и усовершенствовать принцип «нет налогообложения без представительства», который у нас (да уже и не только у нас) понимается неверно. Этот принцип означает, что плательщики налогов не просто «представлены» (в законодательном органе, например), они, кроме того, дают согласие на налоги. Причем это согласие дается регулярно, а не «вообще». Хочу напомнить, что именно это обстоятельство — введение налогов без согласия облагаемых — стало главным поводом к американской революции.

Мы должны поставить дополнительный краник на трубе, по которой идет налоговый поток. Сейчас политический процесс формируется вопросом «как мы поделим награбленное?», который никак не относится к самой проблеме грабежа и лишь маскирует ее. Мы должны сформировать политический процесс вокруг вопроса «сколько нам удастся награбить?». Если политическая повестка дня будет формироваться вокруг этого вопроса, то это даст возможность управлять грабежом и постепенно избавиться от него.

Такая система может работать следующим образом. Все государственные поступления производятся исключительно за счет одного-единственного

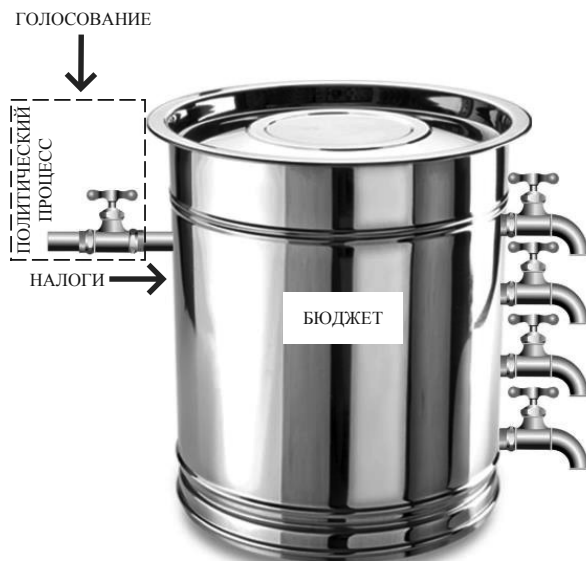

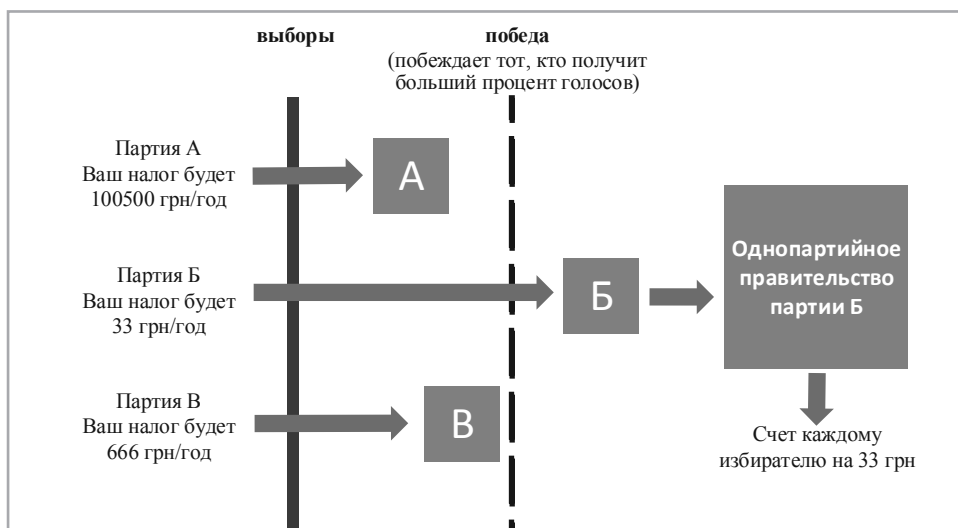
Рис. 7. Политический процесс в новой системе

налога⁷⁵. Этот налог платят исключительно «физические лица». Сумма налога устанавливается проектом бюджета победившей партии. Партия должна на выборах указать сумму налога и направления, на которые она будет его тратить. Собственно, за размер этой суммы и приоритетность тех или иных направлений и идет конкуренция на выборах. После выборов сумма налога не может измениться (например, сразу же в день выборов каждый избиратель получает счет от государства, который он должен оплатить в течение некоторого времени, этим и ограничивается все налогообложение).

Правительство может формироваться по системе, применяемой когда-то в Швейцарии. Партия, получившая относительное большинство голосов, формирует правительство, которое не может быть отправлено в отставку в течение срока его полномочий. Парламентское большинство приобретает несколько другое, чем сегодня, значение. Правительство заинтересовано в нем тогда, когда ему для реализации своего бюджета требуются принятие каких-то законов. Очевидно, что срок полномочий должен быть небольшим — один год. На этот срок формируется бюджет и соответственно сумма налога. Таким образом, в подобной системе:

- а) доходы бюджета образуются от единственного налога;
- б) они периодичны, а не постоянны и существуют только на период между выборами;
- в) доходы обсуждаются до выборов;

⁷⁵ То, что вся работа системы направлена на то, чтобы спрятать и сделать незаметным грабёж, говорит о том, что заметность и личное переживание ущерба являются самыми важными в системе и именно на них должны быть направлены все усилия.

Рис. 8. Образование налога в новой системе

в) проекты бюджетов (а значит, и суммы налога) конкурируют на выборах и реализуются по их окончании;

г) налог формируется каждый раз для данного объема и назначения расходов, не существует никаких постоянных государственных расходов и постоянных налогов.

Очевидно, что налоги не должны платить те, кто получает деньги из бюджета. Очевидно также, что эти люди не имеют права участвовать в выборах.

Ясно, что в такой системе невозможны косвенные налоги и вообще налогообложение, использующее «анестезию», когда плательщик не отдает себе отчета в том, что он является плательщиком. Невозможно налогообложение предприятий, деятельности и т. п., наиболее логичным представляется подушный налог на избирателей. Разумеется, о каких-то расчетах сейчас говорить не имеет смысла, но можно предварительно оценить такой налог в категориях много—мало. Если даже оперировать расходами украинского бюджета и просто избавиться в них от очевидно одиозных направлений вроде здравоохранения, образования и пенсионной системы, то оставшиеся 152 миллиарда при 22 миллионах трудоспособных дают нам 7 тысяч гривен налога в год, что не такая уж большая сумма. Если учесть, что сокращение государственных расходов означает экономический рост, то влияние этой суммы на личный бюджет будет уменьшаться. Фактически на каждых выборах будет обсуждаться величина этого налога, и партиям, естественно, придется конкурировать за более низкую цифру (в то время как сегодня они конкурируют за более высокую).

Понятно, что в такой системе не могут существовать как само собой разумеющийся институт государственные займы, ни внутренние, ни внешние. Это же относится и к прочим «доходам» государства. Если они не могут быть аннулированы перед новыми выборами, они должны быть ликвидированы (например, доходы от государственных предприятий и т. п.).

Все это верно и по отношению к инфляции. Такая система явным образом требует «честных денег», независимых от государства, ликвидации центрального банка и свободной банковской деятельности.

Таким образом, мы получаем систему, которая рассчитана на то, чтобы бюджет уменьшался, а с ним и власть государства.

Система выносит за скобки огромную проблему, связанную с попытками организовать бюрократию так, чтобы число бюрократов не увеличивалось и они контролировали друг друга. Все эти бесконечные сокращения штатов, попытки хитроумных организационных реформ, а также значительная часть коррупции теряют актуальность и уходят в прошлое. Размеры государственного аппарата, объем распределяемых им средств, а значит, и его власть определяются тем, сколько денег согласны выделить на это избиратели. Наиболее вероятным развитием здесь видится минимальное количество постоянных чиновников плюс люди, которых правительства нанимают для реализации одобренных избирателями проектов.

В такой системе законодательство теряет свое значение. Законодательная активность часто, если не всегда, движима перспективами освоения тех или иных бюджетных расходов. В нашем случае роль парламента сводится к чисто контролирующей. Это место, в котором депутаты проигравших партий будут рассказывать о том, что если они выиграют, то сделают лучше и дешевле.

Такая система может быть способом постепенного «растворения» государства, перехода его «функций» к частным компаниям. Это можно сделать следующим образом. Конституция, которая вводит эту систему, становится договором между гражданами и государством. Все граждане Украины по умолчанию считаются подписавшими этот договор. Однако после первых выборов открывается возможность выхода. Каждый, кто не хочет платить налог и получать «услуги» от государства, вправе выйти из договора, о чем он должен поставить в известность государство в письменном виде до очередных выборов. Такой человек должен будет платить государству в том случае, если он будет использовать государственную собственность.

Это означает, что государственной монополии больше не существует. Рядом с «услугами», оплачиваемыми из налога, образуются рынки добровольно оплачиваемых услуг.

20. НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ШАНС ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ. ВАРИАНТ 2

Тридцать лет назад автор этих строк жил в стране, где государство производило все — от «услуг» обороны до обычного хлеба. Государство не только владело производством, но и организовывало распределение всех без исключения товаров и услуг.

Сегодня такой подход считается неправильным, но чем отличаются от СССР «обычные» государства? Тем, что государство производит не все товары и услуги, а только их часть. При этом нет никаких доказательств того, что существуют некие услуги, которые могут производиться только государством, т. е. только путем территориальной монополии и налогообложения.

Попыткой обосновать территориальную монополию и налогообложение является идея «общественных благ», однако она не выдерживает критики. Кроме того, государства считают своими «естественными» функциями не только то, что формально попадает в категорию «общественных благ», но и такие вещи, которые к ним никак не относятся, например, денежная монополия, которая есть фактически у всех государств.

Наконец, к удивлению очень многих, оказалось, что на практике в тех ситуациях, когда экономический мейнстрим предсказывает фиаско и требует вмешательства государства, мотивируя это предотвращением «трагедии общин» или «общественным характером» благ, люди прекрасно справляются сами [10].

Нет никаких критериев, которые можно было бы применить для того, чтобы отделить те товары и услуги, которые «должно» производить государство, от тех, которых оно производить не должно. Общественность полагает, например, что такие критерии следует выбирать исходя из «важности для всех», «критической необходимости» того или иного товара. Но под такой критерий попадет прежде всего производство еды. Нет ничего более «важного», чем производство еды. Еда — это «стратегически важный ресурс», без нее население быстро погибнет. Между тем государство не производит еду, а там, где оно это делало, всегда ощущался дефицит, переходящий в голод.

С «национализированным», «общественным», «публичным» связано также одно заблуждение, которое широко распространено даже среди людей, знакомых с предметом. Это представление о том, что «национализированное», или «государственное», оказывает услуги «всем», а «частное» — только потребителям, которые их оплачивают. Однако любыми услугами, государственными или частными, всегда пользуются конкретные люди. «Государственное» не делает услуги более доступными, поскольку приказная «бесплатность» услуги немедленно компенсируется ее дефицитом. Никакое государство по определению ничего не может поделать с редкостью, и если

доступ к ресурсу не регулируется ценами, то ресурс либо уничтожается (трагедия общин), либо доступ к нему регулируется явочным порядком административными (чаще всего полулегальными) мерами.

Дефицит и перепотребление «ничейного» ресурса (трагедия общин) типичны для всех сфер, где хозяйничает государство. Та часть экономического мейнстрима, которая изучает действия государственных агентов через призму прибылей и издержек (в основном это разные ветви институционализма), давно не питает иллюзий на этот счет. Многолетние очереди в американских судах или стремление полиции снимать котиков с деревьев вместо того, чтобы ловить бандитов, имеют те же причины, что и хронический дефицит товаров в советских магазинах. Судьи и полицейские делают то, что принесет им политические дивиденды (прежде всего правильную отчетность), а не то, что нужно потребителям, в результате тюрьмы переполнены «пирожковыми ворами», а реальный криминал относительно спокойно проворачивает свои дела.

Несмотря на то что значительная часть теоретиков-институционалистов предпринимают попытки если не спасти, то хотя бы как-то оправдать существующую систему, мысль о приватизации государства становится все более и более очевидной, поскольку это единственное результативное решение.

Точно так же можно сказать, что необходима национализация государства. Сейчас я объясню, почему. Дело в том, что от национализации обычно ожидают «общественного контроля», «лучшей управляемости», «доступности», «качества» и т. д. Это похвальные цели, но они достигаются совсем другим образом. Чтобы понять, как именно можно достичь такого результата, нужно уточнить один принципиально важный момент отличия «государственной» собственности от «частной». С точки зрения экономической теории, любая собственность является «частной», поскольку выгоды от использования редких ресурсов всегда достаются конкретным индивидам. Если мы говорим не о собственности, используемой для личного потребления, а о собственности для производства благ для других людей («государственная» собственность выступает в такой роли в большинстве случаев), то разница между тем, что мы называем «частной» и «государственной» собственностью, определяется тем, кто принимает решение о том, что именно и в каких количествах должно производиться и кто контролирует эффективность такого производства.

В случае «частной» собственности в этой роли выступают потребители, которые ежечасно голосуют своей трудовой гривной за тот или иной товар, и производители, получающие недвусмысленные сигналы в виде прибылей или убытков.

В случае «государственной» собственности в этой роли выступают чиновники, решения которых зависят от политических и карьерных соображений, перспектив выборов и т. п.

Таким образом, реальная картина абсолютно противоположна массовой иллюзии, в которой «частник» представлен всесильным волонтаристом-одиночкой, который «делает то, что хочет», а «государство» есть некая добрая, заботливая сущность, которая беспокоится об «общем благе». ***Фактически приватизацию следовало бы именовать национализацией, так как эта процедура возвращает под «народный контроль» бдительных потребителей то, что раньше находилось в руках узкой группы людей, никак лично не зависящих от того, насколько хорошо используются ресурсы, которыми они распоряжались.***

Разумеется, я не ратую за смену устоявшейся терминологии, это просто публицистический прием, которым я хочу показать, что цели «контроля» и всех прочих удовольствий достигаются переносом ***всех*** убытков и прибылей на тех, кто распоряжается ресурсом, т. е. приватизацией.

Итак, государственная принудительная монополия приводит к тому, что производятся услуги плохого качества (отсутствует конкуренция); производятся дорогие (в смысле издержек) услуги (государственные агенты осваивают бюджеты, а не продают услуги на рынке); для потребителя эти услуги не бесплатны, так как он в любом случае платит налоги; производятся одинаковые услуги, ассортимент устанавливают чиновники (на открытом рынке были бы разные услуги одного типа по разным ценам); проблемы, которые призваны решать государственные монополии не решаются (полиция ловит «пирожковых воров», а судьи отправляют их в тюрьмы, все при деле, но преступность не меняется).

Разумеется, приватизация государства — нетривиальная проблема, и у нее есть очевидные особенности. Для того чтобы она была успешной, нужно решить следующие задачи:

Во-первых, в данном случае особенно верно правило, что успех состоит в открытии рынков, а не формальном изменении «формы собственности». Напомню, что ФРС или «Киевэнерго» — это формально частные структуры, но они ничем не отличаются от государственных монополий. В то же время подавляющее большинство предприятий, которых коснулся «отпуск цен» в начале девяностых, формально находились в государственной собственности, что никак не помешало им моментально наполнить рынок товарами и решить проблему дефицита. Приватизация этих предприятий произошла несколько позже.

Во-вторых, такая приватизация пройдет успешно, если у нее будет достаточно много союзников. Приватизация в Украине провалилась как раз по причине того, что широкая публика не увидела в ней своего интереса.

В-третьих, она должна быть окончательной. Политическое распределение прав собственности следует исключить. Провал приватизации, о котором я говорил, произошел потому, что политическое распределение не только не исчезло, но и усиливалось все годы независимости. «Народ» и «чиновники» не согласились с тем, что собственность может быть «свя-

щенной и неприкосновенной», а ее приумножение — результатом труда, а не политического влияния.

В-четвертых, нужно избежать сопротивления бенефициаров нынешнего статус-кво. Напомню, что в девяностых уже случилась успешная революция, о которой (очевидно, в силу привычки жалеть себя) совершенно забыли. Эта революция проявилась не только в том, что магазины, как по волшебству, наполнились товарами, но и в том, что в мгновение ока исчез целый класс людей, власть которых основывалась на распределении. Напомню, что, помимо относительно немногочисленной номенклатуры, в СССР совсем неплохо жили «работники торговли» и другие представители «сферы обслуживания». Эти люди, находившиеся непосредственно там, где распределялись товары и услуги, не только были богаты (по советским меркам, разумеется), но и имели большое политическое влияние, особенно на местном уровне, фактически они и составляли основу «правлящего класса» СССР. Конкурсы в высшие учебные заведения, где готовили специалистов этих областей, были огромны, туда невозможно было попасть без протекции, как тогда шутили: «умный и здоровый идет в торговый, слегка психический — в политехнический». И вот в один момент все эти люди потеряли свою власть. Для этого не нужно было никаких репрессий и люстраций, никто никого не убивал и не сажал в тюрьму, просто в одно мгновение все изменилось «само собой». Достаточно было убрать государственное регулирование цен, и произошла самая настоящая революция.

Кроме того, у приватизации государства есть одна существенная особенность. Она состоит в том, что, если приватизацию проводить «по частям», приватизированное остается в законодательном и политическом поле государства. Это означает не только то, что приватизация может быть отменена, но и то, что приватизированное тянет за собой выросшее за годы регулирование [21].

Кроме того, наличие «регулятора» и «законодательства» сохраняет старые стимулы для менеджмента приватизированной отрасли. Когда началась приватизация в Украине, директора вновь приватизированных предприятий вместо того, чтобы заниматься поиском рынков и реструктуризацией своих производств, отправились в Кабмин. В то время Кабинет министров просто кишел такими директорами, они считали, что чиновники просто обязаны найти им рынки сбыта и обеспечить комплектующими, предоставить льготы и преференции. В итоге значительная часть, если не большинство предприятий советской поры так и остались хронически «убыточными» производителями непонятно чего.

Сама по себе смена формы собственности ничего не меняет, перемены несет смена условий деятельности (смена формы собственности может приводить к этому, а может и нет). Весь вопрос в том, каковы эти условия, а точнее, кто их создает. Если это «регулирование» и лишь потом «потребитель», то дела не будет. Приватизация должна пройти так, чтобы

предприятие оказалось в ситуации, когда оно полностью зависит от «рынка», т. е. в итоге от потребителя.

В случае государства это означает, что приватизация должна проводиться «целиком» и одновременно.

Решением задачи может стать превращение «государства в целом» в акционерное общество. Подчеркну: ценность формы акционерного общества в этом вопросе не в том, что оно является неким «хорошим» готовым состоянием, в которое нужно «перейти» из состояния государства. Нет, ценность акционерного общества прежде всего в том, что это **способ** приватизации, способ, при котором поведение и последующие трансформации постприватизированного государства определяются не политическими хотелками, не «законодательным полем», а спросом и предложением, а также прибылями и издержками.

Итак, акционирование, во-первых, позволит приватизировать государство «в целом», причем практически одновременно. Бывшее государство превращается в монструозное предприятие, занимающееся совершенно разным бизнесом и владеющее огромной собственностью: дорогами, больницами, школами, землей, недрами и т. д. Его дальнейшая трансформация определяется тем, насколько оно способно приносить прибыль своим акционерам. Очевидно, что новому АО придется продать довольно много собственности другим компаниям, как и кому опять-таки будет диктовать рынок.

Во-вторых, приватизация государства «в целом» путем акционирования означает, что бывшее государство больше не является главным источником норм «правового поля», а тем более судьей и исполнителем. Оно становится одним из игроков на этом поле, пусть поначалу и очень большим игроком.

В-третьих, идея стать акционером (бывшего) государства найдет поддержку и ослабит противостояние такой приватизации. Очень многие наши сограждане верят в миф о том, что государственная собственность каким-то магическим образом означает и их собственность на те или иные ресурсы. Что ж, если они считают себя собственниками лесов, полей и рек, то пусть они станут ими на самом деле.

В-четвертых, форма АО позволяет направить энергию новых собственников бывшего государства в более-менее конструктивное русло. Помимо чисто рыночных механизмов, таких как курс акций, АО, как правило, предусматривают и столь любимые в народе регулярные отчеты и выборы менеджмента. Это хорошая практика для перехода от безответственных хотелок ко все более осознанному управлению своей собственностью и отказа людей от «государственнического» способа мышления. Менеджмент АО какое-то время будет многими восприниматься как «начальство», и существование выборов и отчетности играет здесь положительную роль.

Акционер будет разрываться между желанием получить прибыль и желанием платить дешевле за услуги, от которых он сам же эту прибыль получает. Трудно придумать более отрезвляющие процедуры.

В-пятых, форма АО легко масштабируется. Принцип приватизации «в целом» может быть применен и к «коммунальной собственности» городов, а в дальнейшем для создания механизмов управления там, где они необходимы. Иными словами, после того как будут созданы «АО Киев» и «АО Днепр», может оказаться, что весьма удобны также «АО Троещина» или «АО Слобожанщина».

В-пятых, бенефициары нынешней системы предпочтут такой выход из ситуации, скажем, революции или гражданской войне (о чем мы говорим ниже). Украинская элита все более охотно доверяет руководящие посты «людям из бизнеса», а для последних будет куда проще управлять настоящим коммерческим предприятием.

Стоимость государственной собственности делится на части по количеству взрослого населения. Каждый получает свою акцию. Понятно, что оценка стоимости «государственной собственности» условна, номинал у таких акций будет «от фонаря». В дальнейшем акции продаются и покупаются, акционеры голосуют на выборах правления, проводятся эмиссии новых акций и так далее, и тому подобное.

Все нынешнее государственное имущество, включая недра, горы, озера и моря, становится собственностью АО. Это означает, что оно может быть затем продано третьим лицам (а также то, что АО может покупать собственность у других собственников).

За использование собственности и за производимые услуги АО, очевидно, будет взимать плату. Эта плата станет источником прибыли акционеров.

Приватизация открывает все рынки, монополизированные до этого государством. Это означает, что станет возможным создание предприятий, конкурирующих с АО «Бывшее государство» на соответствующих рынках.

Разумеется, исчезает институт «гражданства» и все, что с ним связано. «Обязанности» станут результатом добровольного принятия, контракта или требований собственника в отношении использования его собственности. Люди, владеющие акциями, не имеют никаких привилегий, все одинаково платят за конкретные услуги, оказываемые АО «Бывшее государство» и его конкурентами. Налогообложение исчезает в любом виде.

В современном государстве существует ряд агентств, деятельность которых не нужна на свободном рынке. Например, никому не нужен парламент как орган, производящий монопольные, одинаковые для всех «законы». Никому не нужна прокуратура, так как в свободной правовой системе такой стороны процесса, как «государство» не существует. Никому не нужен центральный банк, производящий монопольную «валюту». Все эти учреждения ликвидируются.

Наиболее важным и, возможно, наиболее сложным моментом является приватизация правовой системы. Разумеется, АО «Бывшее государство» может владеть и бывшими государственными судами, но в этом случае процесс превращения учреждений бывшего государства в общественно полезные институты может затянуться на годы и даже обращен вспять.

Понятно, что о приватизации говорить бессмысленно, если рынки остаются закрытыми. Владение АО «Бывшее государство» бывшими государственными судами может сильно затормозить открытие рынков, поэтому суды должны просто приватизироваться без включения в состав АО. Каждый государственный суд, если он желает продолжать свою деятельность после «часа X», может это сделать как отдельное частное предприятие.

То же самое желательно сделать и с государственной полицией. Отдельный полицейский юнит может продолжить свою деятельность после приватизации как самостоятельное охрannое агентство, но в процессе приватизации МВД как целостная структура должно быть ликвидировано. АО «Бывшее государство» может нанимать для своих целей охранные агентства.

Чем будет распоряжаться АО, или, скажем так, где оно может командовать? АО может устанавливать правила использования своей собственности: лесов, полей и рек, недр, дорог, аэропортов и прочая, и прочая; нанимать охранные агентства для того, чтобы они следили за порядком на этой собственности, наказывали тех, кто не соблюдает созданные им правила. Все это верно для любого другого собственника.

Большинство вопросов, которые могут возникнуть, связаны с непониманием того, как может работать правовая система без государства. Поскольку это весьма обширная тема, ее лучше рассмотреть отдельно. Здесь можно лишь указать на то, что источниками права в свободной правовой системе являются контракты, добровольные обязательства (включая, например, уставы организаций) и приказы собственников относительно использования их собственности. Уголовного права в нашем понимании здесь больше нет, нет и «экономических преступлений» и «преступлений без пострадавшего». Никто не может, например, запретить «всем» курить или употреблять алкоголь, это может сделать только конкретный индивид на своей собственности. «Регуляторная» деятельность государства (например, безопасность продуктов или строительные нормы) заменяется стандартами, которые производители выбирают добровольно либо не выбирают никаких. Владельцы стандартов следят за их исполнением (для тех, кто не понимает механику этой системы, скажу, что стандарт дает производителю конкурентное преимущество).

Суды в такой системе работают скорее как арбитраж, чем как часть системы принуждения. Энфорсмент (если речь не идет о преступлениях против собственности) основан на страховании рисков, системе гарантий

и обязательств (в том числе и денежных) и репутационных издержках, роль которых в такой системе многократно возрастает.

Разумеется, сразу же возникает вопрос: кому будет принадлежать армия? Это зависит от ситуации, которая сложится на момент приватизации. Нужно понимать, что «ничейной» собственности больше не существует, границы бывшего государства являются границами частных участков и их владельцы будут сами заботиться о своей безопасности. Не существует «та-можни», хотя владельцы участков могут запрещать ввоз какой-то продукции на свою территорию. Они же могут договариваться о совместной обороне, жители могут организовывать территориальные обороны, страховые компании и корпорации могут нанимать частные армии.

Государственная армия небоеспособна и крайне дорога, однако, вполне вероятно, что на какой-то период времени ее нужно будет сохранить в виде некой оборонной организации (это зависит от политической ситуации на момент приватизации). Этой организацией могут совместно владеть АО, возникшие после приватизации, например АО «Бывшее государство», АО крупных городов, крупные компании и т. д. Договор о владении может предусматривать реформу бывшей государственной армии, распределение ее имущества между территориальными оборонами, превращение ее в одну или несколько частных армий или ликвидацию за ненадобностью.

Попробуем обобщить вышесказанное в форме таблицы. Разумеется, «функции», о которых идет речь, являются таковыми только в государственническом понимании реальности. Тем не менее данные, приведенные в табл. 1, дают некоторое представление о том, «что будет взамен» в случае приватизации государства.

Понятно, что, говоря о приватизации, причем о преобразовании государства, мы говорим о политической деятельности. Понятно также, что в данном случае нельзя рассчитывать на партию, которая поставит себе целью «приватизацию государства», так как партия является частью государственного механизма и такая цель никогда не будет достигнута через выборы.

Речь может идти только о наступлении некоего момента в деградации государства, когда (и если) элита почувствует, что лучше «вот это вот», чем висеть на дереве. В начале 1990-х сложилась похожая ситуация: одномоментное революционное решение «отпуска цен» стало возможным только потому, что были девальвированы политические механизмы, элита не знала, «чем это все закончится», и предложение поступиться порядком усохшей и малоперспективной политической властью, сохранив при этом устойчивый доход (для тех, кто мог приспособиться к новым условиям, разумеется), было принято практически без сопротивления.

Кроме того, в конце 1980-х — начале 1990-х годов происходил конфликт между «партийной» и «хозяйственной» элитой. «Хозяйственники» рассматривали «партийных» как ненужных паразитов, мешающих продуктивной деятельности. Поэтому они спокойно отнеслись к тому, что партийная но-

Таблица 1. Государство и общество

Функции	Государство	Общество без государства
Коммерческие. Предоставление товаров и услуг	Медицина, образование, пенсии, социальное страхование, производство денег, использование недр, дороги и инфраструктура	Частные предприятия, страховые компании и общества взаимопомощи в случаях страхования
Третейские услуги	Государственные монопольные суды	Частные суды, арбитры и медиаторы
Принуждение к исполнению контрактов	Государственная монопольная полиция	Денежные (и неденежные) гарантии, страхование, репутационные механизмы
Принуждение в случае агрессии против собственности	Государственная монопольная полиция	Частные полиции
Охрана собственности	Государственная монопольная полиция, частные агентства (без возможностей полиции, т. е. без права применять оружие и т. д.)	Частные полиции, вооруженные граждане
Регуляторные функции	Законы, монопольные (одинаковые и обязательные для всех) правила и нормы, контролируемые государством	Частные стандарты, добровольно выбираемые производителями
Оборона «общей» территории	Государственная монопольная армия	Частные армии, страховые компании, территориальные самообороны

менклатура начала терять власть. Мы имеем похожую ситуацию, а именно конфликт «предпринимателей» и «чиновников» (при этом, правда, нужно понимать, что большинство крупных и даже средних предпринимателей находятся в зависимости от привилегий, данных чиновниками).

В кризисные моменты элитам уже не до обсуждения и разработки каких-то решений, обычно делается то, что уже разработано и существует в качестве проекта. Поэтому тем, кто считает, что государство должно быть приватизировано, следовало бы заняться созданием готового проекта и способов его защиты от поползновений, желающих улучшить и углубить.

Думаю, такой критический момент еще впереди. Я уже говорил о том, что в 1990-х приватизация не достигла своей цели, так как между «властью» и «народом» сложился общественный договор, суть которого — отсутствие прав собственности в обмен на дешевую и доступную коррупцию (это просто разные стороны одного и того же явления). Каждый украинец знал, что он может уйти от ответственности или даже, если удастся, присвоить чужое политическими методами. Начиная с Януковича этот «общественный договор» разрушается, коррупция дорожает и закрывается для «низших слоев», а доступ к их собственности облегчается.

При этом важно отметить, что данный процесс идет с двух сторон — со стороны власти и со стороны «народа», где на стороне власти играет прогрессивная общественность. Поясню. Представьте, что во времена позднего СССР ОБХСС, «народному контролю» и «правоохранительным органам» удалось победить систему блата, т. е. систему прямого обмена товарами и услугами между гражданами. Тем, кто жил в то время, очевидно, что результатом был бы очередной голод. Точно так же прогрессивная общественность, которая желает, чтобы «все было по закону», играет на стороне власти, поскольку «по закону» практически всегда означает против интересов «обычных граждан».

Поскольку большинство украинцев пока что готово поддерживать прогрессивную общественность, то, вероятнее всего, как предсказывал Хайек, «плохие» и нерешительные реформаторы закономерно сменяются «хорошими» и решительными [20]. То есть случится то, что произошло в 1930-х годах в Германии, где нерешительных социал-демократов сменили решительные национал-социалисты. Правильные, патриотичные и профессиональные реформаторы неизбежно окончательно разрушат систему, государство полностью деградирует, и тут и появится возможность для смены общественного договора на что-то вроде «не твое — не тронь», отчего уже легче будет двигаться в сторону «священной и неприкосновенной».

Где-то здесь после катастрофы правления честных и решительных реформаторов и будет «окно» для быстрой приватизации государства. Понятно, что «оформление» этого решения уже не будет иметь значения. Это может быть «закон», «указ», «приказ диктатора», что угодно, здесь важно иметь заранее подготовленные решения и фактическое согласие части элиты на переход в новое состояние.

И последнее. Очевидной проблемой такой приватизации является то, что до ее начала на рынках, которые откроются по ее результату, не было игроков, кроме государства. Не было судов, кроме государственных, не было полиции, кроме государственной, и т. д. Это кажется мне наиболее серьезной и сложной проблемой, над решением которой следует подумать.

21. РЕЦЕПТ БОГАТОЙ УКРАИНЫ. ОСНОВА РЕАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Выше мы говорили о гипотетических ситуациях, когда паразитические рынки оказались выработанными, а согласие на налогообложение ослабло. Ни бенефициары налогообложения, ни «простые люди» не могут оказать сопротивления. В этот момент при должной готовности возникает «окно», в котором существует возможность для быстрых политических изменений.

Однако как быть в «штатной» ситуации, когда паразитические рынки приносят доход и согласие существует? Или поставим вопрос иначе: возможно ли ограничение государства без реформ, т. е. не в результате спланированного политического действия? Ведь мы не найдем никаких следов «реформ», которые бы ограничили государство в Британии и в США, что дало возможность этим странам стать мировыми лидерами. Самое интересное, что мы не найдем и следов «реформ», которые случились в СССР и в той же Украине. А ведь то, что произошло здесь, следует признать масштабной реформой: легализация частной собственности, отказ от регулирования цен — для социалистической экономики это радикальнейшее изменение. И нет даже намека на конкретных реформаторов, которые бы все это спланировали и осуществили. Все трансформации (особенно в Украине) происходили явочным порядком и чаще всего как ответ на уже сложившуюся ситуацию.

Как мы покажем ниже, именно такая «сложившаяся ситуация» и есть главный ограничитель государства. И если мы говорим о том, что должны делать либертарианцы, должны ли они создавать партии или действовать как-то еще, то это, как мне кажется, единственно возможный ответ на этот вопрос.

Перечитывая книжки перуанца де Сото [22, 23], я поймал себя на мысли о том, что они могут стать замечательным предисловием к либертарианской программе. Обычно де Сото воспринимают только как человека, который «показал роль теневой экономики в нашей жизни». Это, как мне кажется, достаточно узкое представление. Материал, который представляет в своих книгах де Сото, имеет гораздо более серьезное применение⁷⁶.

Напомню, что в первой его книге, «Иной путь», приведена картина перуанской «внезаконной» экономики и примеры западных меркантилистских экономик, с которыми де Сото сравнивает экономики третьего мира. Вторая книга, «Загадка капитала», посвящена в большей степени проблемам прав собственности, но также содержит замечательный исторический материал, в частности посвященный 100-летней истории скваттерства в США

⁷⁶ Хочу подчеркнуть, что я не делаю выводов на основе материала де Сото. Выводы следуют из всего предыдущего содержания этой книги, материалы де Сото просто прекрасно их иллюстрируют.

и удивительной самоорганизации прав собственности во времена «золотой лихорадки» в Калифорнии.

Итак, что говорит де Сото в рамках либертарианской программы? Во-первых, нужно сразу сказать, что «теневая», или «внезаконная», экономика, о которой пойдет речь ниже, — это самая обычная экономика, которая просто-напросто находится частично или полностью вне государственного регулирования. *«Внезаконность редко имеет антисоциальную направленность. “Преступления” внезаконников представляют собой акты нормальной человеческой деятельности: они строят дома, предоставляют услуги, производят товары»*. Как вы понимаете, ничего жуткого и криминального в этой экономике нет. Она является «теневой» лишь с точки зрения государственного регулирования. Тем не менее в этой книге мы вслед за де Сото будем употреблять термины «теневая», или «внезаконная», экономика, чтобы подчеркнуть ее отличие от «официальной» экономики.

Объемы внезаконной экономики огромны. Институт де Сото много лет собирал данные по странам третьего мира, и эти данные поражают воображение. *«В одной только Лиме черный рынок (включая производство) дает работу 439 тыс. человек. Из 331 рынка в городе 274 (83 %) были построены нелегалами. Без преувеличения можно сказать, что именно благодаря им жители Лимы могут свободно перемещаться по городу, ибо им же принадлежит 95 % общественного транспорта. Теневики вложили более 1 млрд долл. в приобретение и обслуживание транспортных средств. Данные о жилищном строительстве впечатляют не меньше. Половина населения Лимы живет в домах, возведенных теневиками. В период с 1960 по 1984 г. государство построило дешевого жилья на сумму 173,6 млн долл. В тот же период теневики построили жилья на фантастическую сумму: 8319,8 млн долл. (что в 47 раз больше затраченного государством)»*. По Украине таких данных нет, но, думаю, они были бы близки к данным стран третьего мира.

Причина всего вышесказанного кроется в том, что «законная» деятельность является недоступной для обычных людей. Издержки государственного закона слишком высоки, и поэтому люди выбирают внезаконную деятельность. *«Нам удалось зарегистрировать нашу швейную мастерскую за 289 дней. Хотя в заявке на регистрацию указывалось, что в мастерской будет работать только одна швея, нам пришлось выложить 1231 долл. — в 30 раз больше ставки минимальной месячной заработной платы. Чтобы получить разрешение на строительство частного жилого дома на земле, принадлежащей государству, потребовалось шесть лет и одиннадцать месяцев. Нам пришлось побывать в 52 канцеляриях разного рода и пройти 207 административных этапов. Для получения законного права на использование этого участка земли пришлось пройти 728 административных этапов. Мы также обнаружили, что водителю частного автобуса или такси для получения официального права на обслуживание своего маршрута требуется затратить на прохождение административных процедур 26 месяцев»*.

Оказавшись вне государственного закона, тенивики фактически создают свое обычное право, которым руководствуются в реальной жизни. В книгах де Сото вы найдете достаточно подробное описание обычного права внелегальных поселений, уличных торговцев и «маршрутчиков» Лимы. Точно так же обычное право создавали жители пригородов и нелегальных мастерских Англии, Франции и Испании, а также американские колонисты.

«В 1785–1890 гг. конгресс Соединенных Штатов, постоянно ссылаясь на идеалы Джефферсона — вся земля должна принадлежать гражданам, принял более 500 различных законов, направленных на реформирование системы земельной собственности. В итоге возникли чрезвычайно усложненные процедуры, зачастую препятствовавшие реализации этого идеала. Ситуация усугублялась еще и тем, что отдельные штаты создавали свои законы о собственности и распределяли земельные фонды в интересах главным образом богатых землевладельцев.

Как выход, внезалконы используют свое право. Законы США стали настолько неудобными, что превратились в главный камень преткновения для поселенцев, желавших узаконить свои права на землю и таким образом избавиться от статуса скваттеров. У них остался единственный выход — создавать собственные “законы” на основе слияния английской правовой традиции, возникших в Америке правовых норм и собственного здравого смысла. Результатом стала “множественность законных прав собственности”, определенных в двух разных правовых и экономических системах, одной — кодифицированной и отраженной в своде законов, другой — применяемой в житейской практике. В итоге Соединенные Штаты начали жить в рамках плюралистической правовой системы, в которой многие права и отношения собственности определялись внезаконным правом. <...>

В хаосе неопределенности по поводу законов, земли и прав собственности поселенцы поняли, что главное — жить в мире между собой, а для этого нужен хоть какой-то порядок, пусть даже он будет за рамками легального закона. Скваттеры начали изобретать собственные разновидности прав собственности, известные как “права томагавка”, “права хижины” и “права посевов”. Для закрепления “права томагавка” было достаточно окольцевать несколько деревьев у источника и пометить хотя бы один ствол инициалами того, кто провел обустройство. Уже в 1660-х гг. среди скваттеров Мэриленда распространился обычай метить деревья на участке, выбранном для освоения, в ожидании того, когда “главный землемер” колонии даст разрешение на его обмер. К концу американской революции практика закрепления права собственности с помощью помеченных деревьев распространилась настолько, что один армейский чиновник писал министру обороны: “Эти люди на пограничных территориях привыкли занимать лучшие земли, для чего используют “права томагавка или обустройства”, как они

это называют, и предполагается, что это в достаточной степени закрепляет их право собственности».

Загнав людей в тень, государство ничего не делает для реального изменения ситуации. Думаю, многие помнят эту цитату: *«Даже в самых бедных странах у бедняков есть сбережения. И объем этих сбережений грандиозен — в 40 раз больше, чем вся сумма иностранной помощи, предоставленной миру после 1945 г. В Египте, например, накопленные бедняками богатства в 55 раз превышают сумму прямых иностранных инвестиций, включая расходы на строительство Суэцкого канала и Асуанской плотины. На Гаити, в беднейшей стране Латинской Америки, суммарные активы бедняков более чем в 150 раз превышают сумму иностранных инвестиций, полученных после 1804 г., когда страна освободилась от французского колониального владычества. Если бы Соединенные Штаты решили довести бюджет иностранной помощи до рекомендуемого ООН уровня — 0,7 % от национального дохода, — богатейшей стране мира понадобилось бы более 150 лет, чтобы закачать в беднейшие страны мира ресурсы, которыми те уже располагают».*

Иными словами, большинство государств мира в буквальном смысле сидят на мешках с деньгами и ничего не предпринимают для того, чтобы эти средства можно было превратить в капитал.

Более того, государства часто не в силах совладать с собственным регулированием. *«В одной стране местная газета решила выяснить, на какой земле построена резиденция премьер-министра. Оказалось, что земля и постройка нелегалы». В Перу государственные чиновники, как и все прочие перуанцы, прибегают к тактике нелегального захвата земли. «15 июля 1984 г. 7 тыс. семей захватили 640 га земли вблизи ущелья Айякан. Захват был спланирован, организован и проведен самим Советом столицы. Большинство захватчиков являлись либо государственными служащими, либо работниками организаций, которые трудно причислить к внезаконным. <...> Тот факт, что мэр и министр, опиравшиеся на всю мощь своего аппарата, не совладали с установленными процедурами и были вынуждены прибегнуть к захвату, ясно показал, что законная система не в состоянии обеспечить людей жильем».*

Интересно, что все то же самое еще совсем недавно происходило в странах, которые мы сегодня считаем развитыми. *«Необходимость считаться с законами настолько возросла, что в 1688 г. примерно 3 % жителей Англии были юристами». Де Сото подробно описывает меркантилистские государства в Англии, Франции и Испании. «Во Франции регламенты были кодифицированы Кольбером — министром финансов при короле Людовике XIV в период 1666—1730 гг. Тогда все правила, касающиеся производства, были сведены в четыре тома общим объемом в 2200 страниц, плюс три дополнительных, где описывались практически все виды производства. Например, имела 51 статья, касающаяся производства тканей, в то время как три основных раздела правил, касающихся окраски тканей, содержали 317, 62 и*

98 статей соответственно. В 1737 г. 208 статей регламентировали производство лионского шелка». В Англии «были приняты законы, призванные гарантировать потребление товаров, производимых монополиями. В 1571 г. появилось правило, обязывавшее всех граждан носить по воскресеньям английские шерстяные шапки. В 1662 г. правила потребовали, чтобы покойников хоронили в английских шерстяных тканях. Это требование более детально было подтверждено в 1666, 1678 и 1680 гг.».

Точно так же, как сегодня в странах третьего мира, люди, двинувшиеся из деревни в город в странах Западной Европы, не могли вписаться в тотально регламентированную экономику. Они селились вокруг городов, создавая «внезаконные поселения». Привилегии гильдий распространялись только на города, поэтому теневая экономика находилась за их пределами. Адам Смит писал: «Если вы хотите, чтобы ваша работа была выполнена пристойно, ее следует заказывать на окраинах [во внезаконных поселениях], где работники, не имея исключительных привилегий, полагаются только на свой характер [репутацию], а затем вы должны контрабандой [чтобы не видели власти] доставить готовую работу в город».

В США наиболее острое столкновение государственного права с реальностью случилось в вопросе прав на землю. Британское земельное право основывалось на феодальных практиках и было непригодно к условиям колоний, которые имели как минимум одно принципиальное отличие — большое количество свободной земли. В условиях правовой путаницы, когда один и тот же участок земли мог принадлежать нескольким разным людям, развилось такое явление, как скваттерство — самовольный захват земли. Де Сото подробно описывает это масштабное явление и те изменения, которые оно постепенно вносило в земельное право.

Во всех перечисленных случаях — современных стран третьего мира, меркантилистских Англии, Франции и Испании, а также «развивающихся» США — ответ государства на рост теневого сектора был один — дальнейший рост регулирования.

«Англичане, начавшие уже либерализацию правил, наладили производство более дешевых набивных ситцев. В 1686—1759 гг., пытаясь защитить свою текстильную промышленность, французы приняли многочисленные законы, запрещающие использование и производство таких тканей. К концу этого периода соответствующие правила представляли собой два законодательных акта, почти 90 указов и еще большее число административных норм. Так же, как и в современном Перу, меркантилистская бюрократия увеличивала издержки деловых операций вместо того, чтобы уменьшать их. Правительство Людовика XIV (1661—1715 гг.) ввело институт “промышленных инспекторов”, чья единственная функция заключалась в контроле за соблюдением промышленных правил. Хекшер цитирует комментарий Оливера Голдсмита, сделанный им в 1762 г.: “Мало найдется англичан, которые бы ежедневно в течение всей жизни не нарушали безнаказанно каких-либо

законов... и только развращенные и продажные пытались добиться исполнения этих законов”». Американское правительство регулярно принимало репрессивные законы и посылало войска против скваттеров, уничтожая их фермы и посеы.

А теперь самое интересное. Что, собственно, стало причиной того, что одни страны вырвались вперед, в то время как другие надолго, если не навсегда, отстали?

Государство само по себе не способно на какие-то результативные и продуманные действия. В силу своей природы оно может только реагировать на вызовы, и реакция эта почти всегда имеет вид новых запретов и нового регулирования, при этом предыдущие фиаско совсем не останавливают его. *«Торговцам (в Перу. — В.З.) предписывалось получать разрешения в 1617, 1670, 1936, 1947 и 1959 гг. Запрет на приготовление пищи на улицах выходил в 1789 и 1916, 1936, 1947 и 1959 гг. Предельные размеры капитала устанавливались в 1947 и 1959 гг. Уличным торговцам вменялось в обязанность носить белые фартуки в 1915, 1916, 1936, 1947 и 1959 гг. Попытки стандартизировать оборудование предпринимались в 1915, 1916 и 1959 гг., а проходить медицинское освидетельствование предписывалось в 1936, 1947 и 1959 гг.»*. В Европе *«политические власти отреагировали на кризис чтением проповедей, преследованием нарушителей закона и принятием новых законов против них, все более опутывая общество сетью регулирования и контроля. Возможности подкупа чиновников возрастали, а вконец запутавшиеся правительства, не понимавшие природы своих проблем, пытались смягчить последствия кризиса: раздавая подаяние, организуя бесплатные столовые и пытаясь удержать крестьян в деревне или вернуть их туда»*.

Как мы указывали выше, государства «развивающихся стран» в буквальном смысле сидят на мешках с деньгами, но ничего не предпринимают для легализации этой собственности, которая дала бы им самим существенный рост доходов от того же налогообложения. Сиюминутные тактические интересы в случае государства всегда побеждают стратегические замыслы, какими бы привлекательными они ни казались.

Оказывается, что успешные и развитые страны — это те страны, где теневики победили. Это те страны, где организованное («Хлебная лига» Кобдена), а чаще стихийное давление внезаконного сектора и создаваемого им обычного права вынудило государство отступить. Там, где это удалось, т. е. в Англии и в США, люди получили невиданный рост благосостояния.

Этот процесс был преимущественно стихийным. *«Когда в 1563 г. Английский свод законов о мастерах и подмастерьях определил уровни заработной платы, подлежащие ежегодному пересмотру с учетом цен на предметы первой необходимости, многие теневики двинулись в провинциальные города или принялись создавать новые пригороды (внезаконные поселения), где государственный контроль был не столь строг или вовсе отсутствовал.*

Таким образом, тенивики избегали и вмешательства гильдий, чья юрисдикция охватывала только города.

С течением времени внезаконная конкуренция ужесточилась настолько, что у легальных производителей не оставалось иного выхода, как передавать по субконтрактам часть производства в пригородные мастерские. Это еще сузило налоговую базу, из-за чего налоги, соответственно, возросли. В результате увеличилась безработица и начались волнения, а кроме того, усилилась миграция в пригороды и расширилась практика субконтрактных договоров с внезаконниками. С уходом производителей из городов и с ростом числа внезаконников начался процесс ослабления гильдий. <...>

Эта эволюция была результатом ряда случайных событий и условий, специфичных для Англии. Одним из них стало свирепое соперничество между короной и парламентом, который начиная с XVII в. боролся за контроль над экономикой. То, что одна сторона запрещала, другая разрешала. Существовала даже конкуренция между различными типами судов, и можно было выиграть в одном суде процесс, проигранный в другом. Сам факт того, что действие незаконных ограничений приходилось отстаивать в различных судах, усложнял использование предоставляемых ими привилегий. Ограничения на доступ к предпринимательству стали слабеть, лишь когда парламент, конкурируя с короной за источники дохода, решил, что и сам мог бы получать взятки за предоставление привилегий на создание предприятий. В 1825 г. парламент аннулировал “дурной” Закон. В 1833 г. он допустил всех, а не только полноправных горожан к торговле в лондонском Сити. Законы, разрешающие заниматься бизнесом без особого на то позволения, просто на основе регистрации, были приняты в 1832 и 1844 гг. соответственно. Англия открыла эру широкого предпринимательства в Европе в 1862 г., когда парламент постановил, что любое зарегистрированное предприятие может иметь форму акционерного общества с ограниченной ответственностью. С этого момента в Англии начались заметный рост заработков и постепенное падение цен на товары и услуги, причем в такой степени, что жизненный уровень рабочего класса во второй половине XIX в. вырос на 100 %».

Там, где государство эффективно сопротивлялось тенивикам, люди получили потрясения и революции, как во Франции и России, или стагнацию, как в Испании.

«По оценкам Хекшера, более 16 тыс. контрабандистов и подпольных производителей были казнены французскими властями по закону, запрещавшему нелегальное производство и импорт набивных ситцев, не говоря уже о гораздо большем количестве людей, сосланных на галеры или наказанных другими способами. Хекшер упоминает также, что однажды в Валенсии 77 внезаконников были приговорены к повешению, 58 — к колесованию, 631 — к ссылке на галеры, один освобожден, и ни один не помилован.

Как считают Экелунд и Толлисон, столь жестокое преследование внезаконников объяснялось не только стремлением защитить существующие произ-

водства, но и тем, что новая технология производства многоцветных ситцев затрудняла сбор налогов. Было весьма просто выявить производителей одноцветных тканей и проверить, как они платят налоги, а многоцветность ситцев затрудняла поиск производителей. Фискальное рвение — одна из главных традиционных черт меркантилизма».

Фактически государства, которые мы сегодня называем «развитыми», просто признали статус-кво, включая «обычное право» теневиков.

«К концу XIX в. американские политики и судьи проделали большую работу по кодификации прав собственности, и путь им в этом деле прокладывали скваттеры. То же самое верно и в отношении поселений: когда в 1862 г. конгресс принял знаменитый Закон о гомстедах, обещавший бесплатно 160 акров земли каждому поселенцу, желающему в течение пяти лет жить на ней и обрабатывать ее, он только санкционировал положение, уже реализованное самими поселенцами. Несмотря на все легенды, окутывающие Закон о гомстедах, большинство поселенцев устроились на земле еще до его принятия конгрессом. “Между 1862 и 1890 гг. население Соединенных Штатов выросло на 32 млн человек, но лишь около 2 млн из них осели на 372 649 фермах, созданных в силу положений Закона о гомстедах”. К тому времени, когда конгресс окончательно утвердил этот закон, у поселенцев уже были в наличии альтернативные законные средства получить права собственности на участки государственной земли. В историческом плане Закон о гомстедах знаменует собой окончание долгой, изнурительной и непримиримой вражды между элитарным законодательством и новым порядком вещей, созданным напором массовой иммиграции и грандиозного поселенческого движения, поставивших вопрос о создании открытой и устойчивой социально-политической системы».

Сейчас я оставляю в стороне вопрос, насколько эффективной может быть предлагаемая де Сото легализация, я уверен, что это полумеры, которые в лучшем случае способны принести временное облегчение.

Посмотрим на вещи с точки зрения тех, кто рассуждает в терминах «сильная и богатая Украина» и «нужно перенимать опыт западных стран», т. е. с точки зрения «прогрессивной общественности». Чему учит нас обширный материал, собранный Институтом свободы и демократии за несколько десятков лет?

Очевидно, что развитые страны стали таковыми, поскольку там в свое время победила «теневая экономика».

Для того чтобы сделать то же самое, мы должны:

Во-первых, понять, что государство никогда «вдруг» не «проведет реформы», которые «сделают нас» сильными и богатыми. Еще раз напомним о цифрах омертвленного капитала в развивающихся странах, который государство может привести в действие одним движением руки. Оно не делает этого в силу своих системных ограничений, а не в силу «коррупционности» или «глупости».

Соответственно, нельзя относиться к государству, как к решению проблем. Государство — это всегда враг. *«Внезаконные подрывали самые основы меркантилистского порядка, поскольку были конкурентоспособны, действовали агрессивно и рассматривали власти как своих врагов. <...> Многие представители властей пребывали в уверенности, что эти новые американцы вопиющим образом нарушают законы и заслуживают наказания. Вот только наказать их было не просто. Даже когда Джордж Вашингтон, отец Соединенных Штатов, попытался выселить наглецов, самочинно поселившихся на его земле в Вирджинии, юрист предупредил его, что, “если суд примет его сторону и разрешит выселить захватчиков, они, скорее всего, сожгут его амбары и изгороди”».*

Во-вторых, понимать, что государству ничего нельзя объяснить и его невозможно ни в чем убедить. Его можно только вынудить или заставить принять сложившееся положение дел. Средством, которое действительно работает, является не «национальный лидер» и вообще не какое-либо политическое действие. Имена лидеров, приведших в итоге Англию и США к процветанию, по большей части не известны, и это не имена политиков, а имена предпринимателей и «ватажков» различных ситуативных объединений. Работающим способом принуждения государства к миру является стихийное предпринимательство и вообще неконтролируемая государством деятельность. Она и образуемое ею обычное право и есть источник победы. *«Таким образом, постоянные нападки парламента на привилегии, предоставляемые исполнительными органами власти, конкуренция между судами и расширение теневого сектора стали причиной того, что монополии постепенно лишились правовой защиты».*

«Расширение теневого сектора» является здесь ключевым. Поэтому все, что идет на пользу этому расширению, — хорошо, все, что ослабляет его, — плохо.

Отсюда следует, что **люди, которые хотят «сильной и богатой Украины» и для этого готовы «перенять опыт развитых стран», должны защищать все, что образует стихийные порядки, и бороться со всем, что им мешает.** Отмена единого налога, введение кассовых аппаратов, борьба с наличкой и контрабандой — все это должно встречать сопротивление прогрессивной общественности, если она действительно хочет «сильной и богатой Украины», а не является обычной услугой чиновничества. Вместо того чтобы организовывать бесчисленные партии, т. е. играть в государственную игру по правилам государства, нужно действовать там, где требует ситуация. В общем, поддерживать «стихию» и организовываться для отпора на особо опасных направлениях.

Отсюда же следует, что чем выше конкуренция среди агентов государства, тем лучше. Если мы хотим «сильной и богатой Украины», нельзя допускать усиления контроля государства над жизнью людей и концентрации политической власти. Английское и американское государство

XVIII–XIX веков были слабыми государствами. Именно поэтому эти страны стали «сильными и богатыми». *«В период с 1763 по 1768 г. законодательное собрание Пенсильвании пыталось остановить захват земель “под страхом смертной казни”, а солдаты, повинувшись губернатору Уильяму Пенну, изгнали незаконных поселенцев с занятых ими участков. Несмотря на все эти меры, число скваттеров удвоилось. В ответ, как пишет исследователь этого периода, “разъяренный губернатор провозгласил, что захватчики индейских земель подлежат судебному преследованию. Но невозможно было найти ни подходящего судью, ни достаточно покладистых присяжных и надежной тюрьмы”».*

Понятно, что реальный рецепт того, как Запад стал богатым, выглядит для большинства активистов несколько шокирующим. Но им не остается ничего другого, как поменять свою позицию почти по всем вопросам на 180 градусов либо признать, что их средства противоречат провозглашаемыми ими целям.

22. КАК ОРГАНИЗОВАТЬ БОГАТСТВО. КОАЛИЦИИ

В предыдущей главе мы говорили о том, что универсальным рецептом сокращения государства, а значит, и роста общества является регулярное, децентрализованное давление разных групп разных интересов. В своей книге «План Б» [24] я описал механизм такого давления в виде коалиций. Неожиданно для себя я нашел пример эффективной работы такого инструмента в истории Англии [17].

Причиной, по которой встает вопрос о том, почему промышленная революция началась именно в Англии, является поиск некоего рецепта, некоего набора государственных политик, которые можно повторить и «внедрить» в своей стране или порекомендовать в качестве универсального рецепта.

Парадокс, который здесь совершенно очевиден, состоит в том, что Англия дала самый мощный импульс развитию цивилизации в ее современном виде, но за этим не просматривается никакой осознанной политики. Никакого реформаторства мы здесь не найдем, имена героических политиков, «поднявших Англию с колен», не известны не только нам, но и англичанам просто потому, что таких реформаторов не было.

Тем не менее попытки найти «начало реформ» или начало специфического «английского пути» не прекращаются. Сейчас можно назвать три наиболее популярных места, с которых якобы начинаются те особенности Англии, которые позже сделали ее владычицей морей. Первой отправной точкой считается Великая хартия вольностей. Но документы, ограничивающие власть короля, существовали по всей Европе, ничего особенно английского в хартии нет. «Золотой век» Елизаветы (разгром испанской армады, расцвет наук и искусств, Шекспир и пр.) считается второй такой

точкой, но опять же абсолютно уникального там было не так и много. Наконец, ссылаются на «Славную революцию», которая непосредственно открыла дорогу «капитализму» в Британии, но стоило бы напомнить, что «буржуазные преобразования» в Голландии начались раньше.

Заметим, что эти события и эпохи рассматриваются исключительно с точки зрения деятельности властей. С борьбой баронов с королем, со сменой внешнеполитических ориентиров и внутренней политики или со сменой династии. Это неудивительно для исторического и экономического мейнстрима, который прямо связывает развитие страны с «правильными» или «неправильными» действиями властей. Однако особенность Англии следовало бы искать не во власти, а в том, что ее окружало и что влияло на нее. Например, как я уже говорил, хартии, ограничивающие власть короля, принимались во многих местах. Однако короли довольно быстро получали свою власть обратно. Но не в Англии. Еще Иоанн, который подписал Великую хартию, пытался отменить ее, для чего обратился за помощью к папе римскому. Тот отменил хартию, но это не помогло. Затем другой король, будучи на войне во Франции, сделал то же самое, но бароны опять заставили короля подтвердить верность хартии. Именно обстоятельства такого рода отличают английскую историю от истории других стран, в Англии почему-то всегда находились силы и обстоятельства складывались так, что централизационные тенденции королевской власти встречали явный или скрытый отпор.

Таким образом, первый английский урок состоит в том, что ключ к изменениям лежит не в действиях властей, а в том, что и как влияет на эти действия со стороны общества. Рост государства — универсальная тенденция во всем мире и во все времена. С другой стороны, такой же универсальной тенденцией является экономический рост в его «австрийском» понимании — через сбережения, капитал и «удлинение производственных цепочек». Когда эти две тенденции сталкиваются, обычно побеждает первая, т. е. государству удается ослабить экономический рост, а иногда и полностью остановить его.

В Англии обстоятельства складывались так, что государство было ослабленным довольно долго, по крайней мере, достаточное время для того, чтобы универсальная тенденция к экономическому росту смогла запустить промышленную революцию. И, кстати говоря, после взрыва XIX века английское государство с успехом наверстывало упущенное, и скорость наверстывания только увеличивается. Сегодняшняя Великобритания, в которой публике запрещают ножи и преследуют несогласных с официальной политкорректностью, уже совсем не похожа на владычицу морей и родину промышленной революции.

В общем, когда речь идет о том, чтобы заимствовать институты или какие-то экономические рецепты, нужно понимать, что у них всегда есть «невидимая» часть, а именно обстоятельства, в которых они существуют.

И если речь идет о рецептах экономического роста, то главным таким обстоятельством является то, что не дает государству расширяться. «Законы» и «конституции» лишь иллюстрируют эти обстоятельства, да и то не всегда, и уж совершенно точно не они являются причиной роста и процветания. Это второй урок.

Третий урок состоит в том, что давление на власть продуктивно тогда, когда оно децентрализовано и распределено по многим игрокам. Причем эти игроки заняты не борьбой за свободу, не реформами и не еще какой-то политической ерундой, они просто преследуют личные и групповые интересы. Равнодействующая их интересов и приводит к тому, что государство оказывается ограниченным.

Наконец, четвертый, и самый важный, урок состоит в том, что сами эти игроки должны постоянно меняться и должна существовать возможность постоянно вводить новых игроков. Мы можем вспомнить много стран, в которых существует активный лоббизм, но состав лоббистов всегда ограничен и доступ в это сообщество непросто. Англия отличалась в этом вопросе тем, что там существовал институт, который открывал лоббистские возможности для разных групп, — институт петиций. Аджемоглу и Робинсон в своей книге [17] описали его достаточно подробно, и это то полезное, что я почерпнул из этой книги. Разные группы в разное время прибегали к институту петиций для лоббирования своих интересов, равнодействующая этих интересов и дала нам ограничение государства с соответствующим результатом (разумеется, Аджемоглу и Робинсон рассматривают петиции и результат их действия совсем с другой стороны).

Институты, подобные институту петиций, действуют в своего рода рыночной среде. А главным источником могущества рыночных сил является совпадение интересов. Каждый хочет, чтобы право петиций существовало для него, но все хотят, чтобы его не было у их оппонентов. Но поскольку «все» не являются оппонентами «каждого», то «каждый» поддерживает право петиций, когда оно касается его и тех, чьи интересы с ним не пересекаются. Таких «непересекающихся» большинство. Поскольку каждый ведет себя таким образом в отношении института в целом, институт петиций сохраняется, несмотря на то что многие хотели бы его отменить и большинству не нравится, когда петиции используют против них.

Это, правда, не означает, что существованию такого института ничто не угрожает. Отмена хлебных законов и чартистское движение, по-видимому, были пиком института петиций, после чего он пришел в упадок и сегодня является жалкой пародией на самого себя. Подозреваю, что главной причиной упадка стал рост независимости депутата парламента от избирателей. Отмена имущественного ценза и расширение избирательных прав привели не только к изменению состава этих самых избирателей, принесших с собой другую (иждивенческую) мотивацию, но и к тому, что их стало слишком много для того, чтобы прислушиваться к их мнению. В Англии до реформ

избирательного права существовали округа с несколькими десятками избирателей, т. е., как правило, все эти люди знали друг друга и депутат в буквальном смысле мог «услышать каждого».

В терминах нашей книги роль, которую играют механизмы подобного рода, можно сформулировать так: для того чтобы формировались паразитические предприятия и тем более паразитические рынки, нужно время. Петиции и хартии, особенно в условиях небольших сроков полномочий парламента, делают две вещи. Во-первых, создавая канал влияния, они направляют по нему усилия потенциальных паразитов, которые еще не попали во власть. Паразиты начинают бороться друг с другом за влияние на власть. Во-вторых, они не дают паразитам, уже находящимся у власти, необходимого времени для организации своих схем. Паразиты должны теперь больше заниматься собственным выживанием, постоянно отбиваться от все более настырных желающих занять их место, у них все меньше ресурсов и времени.

В случае Украины подобный институт мог бы существовать в виде коалиций. То есть вместо того чтобы пытаться объединиться вокруг неких «а, b, с», как это делают партии, нужно объединяться только вокруг одного требования, скажем, «а». В такой коалиции могут быть как те, у кого «а» имеет высокую степень приоритета, так и те, кто придает ему небольшое значение, но считает «а» полезным. Таким образом, мы используем в свою пользу ту же самую особенность «общественного выбора», которая сейчас работает против нас.

Например, нужно принять закон об упрощении оборота оружия. Для этого необходимо написать закон, создать группу давления избирателей и найти в парламенте людей, готовых проголосовать за этот закон. В этой ситуации группа поддержки закона может объединять, скажем, сторонников партии «Свобода» и либертарианцев, которые при других обстоятельствах никогда не объединятся.

Можно назвать основные принципы, которыми должны руководствоваться коалиции.

1. Коалиции должны существовать вокруг одной-единственной цели. Никаких коалиций «за все хорошее» быть не может, такие коалиции неэффективны и дискредитируют все движение. Вспомним, что излюбленный прием бюрократии еще с комсомольских времен — разбавление новыми целями, т. е. усилия, направленные на «с», разбавить целями «а, b, d» и тем самым ослабить усилия и внести раскол. Классический пример — налоговый Майдан, которому пытались впихнуть и отставку Януковича, и «социальные требования». Цель у коалиции должна быть только одна.

2. Цель коалиции — принятие закона Радой. Это тоже очень важный момент. Например, не «спасение экологии Речки-Вонючки», а конкретный документ. Если для спасения экологии требуется принятие нескольких документов, значит, должно быть несколько коалиций. Они могут быть

формально или неформально объединены, но цель у каждой должна быть одна и этой целью должен быть документ.

3. Коалиция должна сама разработать закон и настаивать на принятии только своей редакции.

Работа коалиции — это лоббизм. Коалиция мобилизует сторонников, занимается пиаром, а также поиском и надлежащей обработкой политиков для принятия решения.

Очень важно, что система коалиций находится вне формального политического процесса, целиком и полностью на поле гражданского общества. Она не нуждается в санкциях и регулировании со стороны государства, не является непосредственной частью политической системы. Разумеется, те или иные коалиции будут использованы в политических целях, но это не имеет значения, поскольку ***нужный «общественно важный» результат заключается не в успехах «правильных» коалиций, а в работе этой системы в целом.*** Думаю, всем понятно, что коалиции могут создаваться вокруг любых законов, даже абсолютно противоположных по содержанию.

Я бы предложил следующую модель. Коалиции избирателей могли бы работать через общий портал, который содержал бы нужные инструменты, например, шаблоны, которые бы не позволяли создавать псевдокоалиции «за все хорошее». Такой портал давал бы своего рода кумулятивный эффект для популяризации движения в целом и установления определенных стандартов. Поскольку движение создается вокруг инструмента, а не вокруг некой общей цели, то такой портал позволил бы легче держать жуликов, которые обязательно появятся, вне движения. Кроме того, интернет дает возможность создавать институты, трудно реализуемые каким-либо иным образом. Например, очень важно было бы личное обязательство кандидата в депутаты или депутата проголосовать за закон, предлагаемый коалицией.

Коалиции могли бы начинать работу с потенциальными кандидатами задолго до выборов. Эти кандидаты должны дать обещание проголосовать за закон коалиции, их обращение записывается на видео и выкладывается коалицией (а не кандидатом, разумеется) на Youtube. Насколько я понимаю перспективы развития репутационных систем, скоро на этом поле будет играть блокчейн и интеграция репутации станет одной из важных человеческих забот. Свяжите депутата блокчейном, и он уже никогда не сможет откреститься от сказанного.

Такое обещание отличается от обещаний, обычно раздаваемых кандидатами, тем, что оно предметно. Коалиции не интересуют партийность, политические взгляды и послужной список кандидата. От него требуется лишь нажать кнопку в нужный момент, и именно это действие составляет предмет обещания. Политические же обещания, раздаваемые на выборах, даже если они звучат вполне конкретно, всегда включены в некий контекст. Конечно, репутация работает и здесь, но в целом она формируется всеми событиями, связанными с политиком, что позволяет ему легко игнорировать

собственные обещания. Опять-таки, обещания всегда имеют вид списка «а, b, с», что тоже дает политикам возможность маневра. В данном случае от него требуется одно — сказать «я обязуюсь проголосовать за проект такой-то коалиции такой-то», это максимально конкретное событие, выполнение которого всегда может быть подтверждено или не подтверждено.

В рассматриваемом нами случае обещание дается вне контекста политической борьбы, идеологии, действий сторонников и противников. Есть просто обещание сделать то-то и факт его выполнения или невыполнения, который позволяет маркировать депутата как положительного или отрицательного героя.

Такая система наиболее выгодна молодым, горячим и амбициозным депутатам, которые получают возможность включить некое «а», принятия которого добивается коалиция, в свой (или партийный) список «а, b, с». Фактически, будучи кандидатом, такой политик выигрывает, потому что значительная часть агитационной работы ложится на плечи коалиции. Более того, коалиция ведет эту работу независимо от выборов, и если тема коалиции достаточно раскручена, политик увеличивает свои шансы на выборах.

Отметим еще, что система коалиций может работать на отмену существующих, а не на принятие новых законов, т. е. станет своего рода способом обороны от существующей политической машины. Связано это с тем, что чем больше пунктов включает в себя то или иное решение, тем труднее собрать под него значительное число сторонников. Чем больше логических развилок, тем больше возможных вариантов и тем труднее прийти к согласию.

Заметьте, я не предлагаю отменить партии или заменить их коалициями. Коалиции — это инструмент общества, а не часть политической машины, они могут работать с депутатами, кандидатами и партиями, но они не являются частью всего этого.

Думаю, что для либертарианцев первой и главной коалицией должна стать коалиция за сокращение сроков полномочий Рады до года или двух. Сокращение полномочий — ключевой момент, который делает давление на парламент более эффективным и мешает формированию паразитических рынков. Английская Народная хартия 1838 г. включала следующее требование: *«Ежегодные выборы в парламент, что является наилучшим средством от подкупа и запугивания, так как, если голоса избирательных округов еще можно покупать раз в семь лет, никакого кошелька не хватит, чтобы покупать их каждые 12 месяцев, а также потому, что депутаты, избранные всего лишь на год, не смогут игнорировать или пренебрегать интересами своих избирателей так, как они это делают сейчас»*. Британский парламент, обычно с радостью идущий на уступки требованиям трудящихся, здесь оказался чрезвычайно тверд. Идея сокращения срока полномочий еще не раз всплывала в английской истории, но каждый раз политический

класс проявлял упорство и упорен в этом до сих пор. С моей точки зрения, это означает, что срок полномочий парламента является важным системным фактором эффективности государства и он должен быть обязательно уменьшен.

Таблица 2. Коалиции и партии. Отличия

	Коалиция	Партии
Создание	Свободное	Государственная регистрация
Причина возникновения	Принятие некоего закона	Получение власти, реализация программы, объединение вокруг лидера
Цель	Получение большинства голосов в парламенте за проект коалиции	Получение власти (выиграть выборы)
Программа	Конкретный результат, нужный конкретным людям	«Что бы я сделал, если бы был царем»
После достижения цели	Распадается (является ситуативным объединением)	Ищет поводы для существования, так как является организацией и юридическим лицом
Контроль со стороны государства	Некритичен, поскольку государство не может контролировать все коалиции, так как их создание и роспуск свободны	Являются частью политического механизма
Закономерности существования	Неизвестны	«Железный закон олигархии»

23. ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ ТРЕБОВАТЬ? УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Помимо коалиций, которые создают общее давление на государство и помогают достичь конкретных результатов, очевидно, необходима некая общая идея, к которой можно было бы свести либертарианскую программу. Здесь сразу нужно сделать уточнение — я говорю о политической идее. Это

должна быть одна идея, выраженная в простой форме, и эта идея должна быть не абстрактная, а конкретная. Примером такой идеи может служить «независимость» времен поздней перестройки. Она не требовала какого-то унифицированного понимания. У всех было разное представление о том, что должно быть *после* независимости. Это означало, что вокруг такой идеи могли объединиться самые разные силы. Опять-таки для понимания этой идеи не нужно читать горы литературы и иметь специальную подготовку. Каждый может легко составить представление об идее такого типа. И наконец, такая идея должна вызывать споры и обсуждения, она должна иметь сторонников и противников.

В нашем случае такой идеей может быть идея договора. Не какого-то «общественного» договора, а договора настоящего, физического. Договора между человеком и государством. Для людей и организаций действует принцип «нет договора — нет обязательств». Этот принцип должен действовать и в отношении государства. Собственно, наряду с приватизацией, о которой мы говорили выше, договор является мирным способом преобразования государства в набор сервисов по оказанию услуг.

Государство как раз и отличает счастливое отсутствие договора и соответствующих обязательств в отношениях с подданными. Государство всячески стремится избежать ассоциаций с собственником земли и проживающих на ней людей, каковым оно фактически является (в отношении земли и имущества все время, в отношении людей — очень часто). Договор в этой ситуации ставит все на свои места.

Думаю, не нужно объяснять, что конституция таким договором не является. Конституцию принимали депутаты, у которых не было таких полномочий. И главное, к конституции применимы все те возражения, которые мы приводили выше по поводу «общественного договора». Паспорт, как думают многие, тоже не является «подписью под общественным договором». Государству плевать на наличие у вас паспорта, когда речь идет о ваших «обязательствах» и соблюдении правил этого самого государства. Отсутствие паспорта не делает вас свободным. Ну и наконец, популярная идея о том, что «государство оказывает услуги», выглядит довольно странно без указания на то, где же договор об оказании этих услуг.

Идея договора создает большое поле для дискуссий. Неужели государство должно заключать договор с каждым из нас? А почему бы нет? Что мешает ему это делать в цифровую эпоху? Должны ли такие договоры заключаться с государством в целом или с каждым его агентом по отдельности? Каким образом в этом случае будет работать право? Ведь арбитр должен быть независимой стороной? Не думаю, что здесь нужны какие-то однозначные ответы. Сама дискуссия куда важнее.

Другой стороной той же идеи является идея легализации ухода от государства — идея «ушельцев» [24]. Суть ее состоит в том, что человек может «уйти» от государства, отказавшись от его «услуг» и перестав платить

ему налоги и нести другие «обязанности». Я давно заметил, что этатисты, рассуждающие о «добровольности» налогов, сразу замолкают, если им предложить продолжать платить налоги, сколько им угодно, но оставить в покое тех, кто не хочет этого делать. Понятно, что этатисты мыслят категориями одинаковых «законов». Они полагают, что либертарианцы хотят прийти к власти и отменить налоги, т. е. это решение будет распространяться на всех без исключения. На самом деле неверны оба тезиса.

Желающие платить налоги и подчиняться приказам государства могут делать это сколько угодно. Проблема состоит в том, что они хотят заставить делать это и всех остальных.

С таким положением дел пора заканчивать, человек должен иметь возможность отказаться от «услуг» государства. Такое требование крайне полезно даже потому, что оно начинает дискуссию по принципиальному вопросу о статусе человека в государстве. Кто он? Получатель услуг? Тогда где договор об услугах? Почему я не могу отказаться от услуг? Если я не могу отказаться, то я раб. Тогда как мне избавиться от этого рабства? Могу ли я выкупить себя, как это было возможно в случае обычного рабства?

Институционализация людей, не желающих получать государственные «услуги», крайне важна. Вспомним, что государство на самом деле существует только и исключительно в головах. В реальности же существует не абстрактное «государство», а конкретные чиновники, которые получают доход, выступая от имени абстрактного государства, само же «абстрактное государство» — это представления людей, это согласие с подчинением чиновникам и уверенность в том, что «по-другому нельзя». Поэтому единственным последовательным и работающим способом является «прорастание» общества через государство. Люди, понявшие, какой вред приносит государство обществу, должны иметь возможность открыто отказаться от него. Распространение такой практики и есть главное условие исчезновения государства. Оно должно стать ненужным, для это необходимо прежде всего осознать его паразитическую сущность. ***Сделать это одномоментно для всех никак не получится.***

«Ушельство» означает, что человек отказывается от «услуг» государства взамен на отказ от своих «обязательств» (налогов).

Невозможно подсчитать, сколько я «должен»⁷⁷ и сколько должны мне. Должно быть «право выхода» с ясными и очевидными последствиями.

Кстати, главная проблема здесь в том, что государство со времен Просвещения отождествляет себя с обществом, во многих случаях исполняя социальные функции, которые оно присвоило. На самом деле ваш вклад в «общество» в денежной форме можно определить через ваш доход без налогов (с экономической точки зрения, это величина большая, чем ваш чистый денежный доход). Это делает очевидным, что ***то, что вы даете***

⁷⁷ На самом деле несколько, опять-таки в силу отсутствия договора.

другим людям, никак не нуждается в санкциях и в самом наличии государства. Государство подменяет ваш вклад в общество налогами, именно их современное общественное мнение полагает вашим вкладом (хотя, конечно, если говорить об «обществе в целом», то налог — это изъятие, а не вклад). Более того, когда говорят: вы «берете у общества», на самом деле в роли «общества» подразумевается государство. В рамках денежных отношений можно приблизительно сказать, сколько мы отдаем обществу и сколько получаем от общества (в данный момент времени). Немного потрудившись, можно подсчитать, сколько мы отдаем государству. Но вот сколько мы получаем от государства в денежном выражении, определить невозможно (разумеется, мы ничего не получаем от государства, речь идет о невозможности денежного выражения для того, чтобы говорить о процедуре некоего торгового по поводу выкупа).

Поэтому «честного» и «справедливого» решения здесь быть просто не может, возможно только решение политическое. Лучший вариант — это ситуация, описанная выше, но если реализация концепции «ушельцев» станет возможной при других начальных условиях, она должна быть реализована. Идея «ушельцев» хороша еще и тем, что она будет постоянно будоражить вопрос: кто, сколько, куда, кому и зачем «вкладывает». Здесь очень важно избавиться от мифологии и пропаганды. И что самое главное — при этом решение «давайте сами за все платить» приходит само собой. Возьмем, например, классику жанра — дороги. Если я «ушелец», то как мне пользоваться государственными монопольными дорогами? По идее, я должен за них платить. И опять же по идее, платить не «вообще», а тогда, когда я ими пользуюсь. И сразу же возникает вопрос: почему этот принцип не применяется и ко всем остальным?

«Ушельство» — не существование в вакууме. Просто «ушелец» является полноправным субъектом, собственником себя самого и своего имущества. Он строит свои отношения с государством как с собственником территории и людей «не-ушельцев». То, что вы «ушелец», не означает, например, что вы можете поставить ларек и торговать там, где другие не могут. Для этого вам сначала нужно купить у государства землю. А уже на купленной вами земле не действует всяческое государственное регулирование и прочие хотелки. В реальности же, скорее всего, в этом вопросе будут действовать негласные соглашения между «ушельцами» и чиновниками. Кстати, следует отметить один очень показательный момент. «Ушельство» без имущества и собственности имеет смысл только как законная неуплата налогов. Если у вас нет некой территории, вам все равно придется подчиняться государственным законам, поскольку вы находитесь на территории другого собственника — государства. Это наглядный пример того, что право собственности (в том числе, на самого себя) является источником «законов» (в нашем случае — приказов другим людям), а не наоборот. Государство является собственником территории и издает приказы на этой территории. Чтобы полностью

игнорировать его, вы должны иметь свой кусок территории. Государство не обязано больше вас защищать, если вас убьют, оно не должно расследовать это преступление. Зато вы можете свободно оборонять себя и свою собственность, заключать контракты о подсудности с частными судами и делать все то, о чем пишут в либертарианских книжках.

В реальности, если будет реализована идея громад, «ушелец» будет отличаться от обычного человека только тем, что не платит налоги в Киев и имеет несколько странные привычки в решении юридических проблем. Если местная жизнь управляется добровольными общественными организациями и частными компаниями, т. е. услуги оплачивает потребитель, а часть управления собственностью финансируется добровольными взносами, то «ушелец» — это вовсе не огородившийся от мира затворник, а как раз наоборот — активист-общественник. От его «ушельства» теряют только чиновники в Киеве, а «местная» жизнь (а у нас с вами и есть только «местная» жизнь) не теряет ровным счетом ничего.

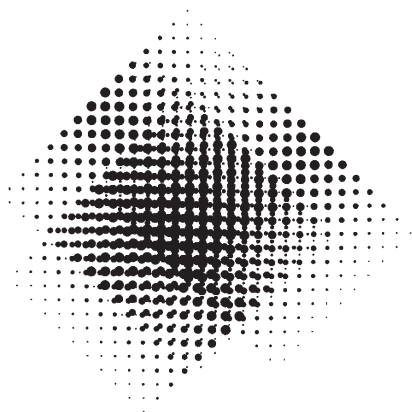
ЛИТЕРАТУРА

1. Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. — Челябинск: Социум, 2008.
2. Мизес Л. Человеческая деятельность. — Челябинск: Социум, 2008.
3. Менгер К. Избранные работы. — М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005.
4. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. — М.: ИРИСЭН, 2006.
5. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — М.: Новости, 1992.
6. Leeson P. WTF? An economic tour of the weird. — Stanford: Stanford economics and finance, 2013.
7. Oppenheimer F. The State. — New York: Vanguard press, 1922.
8. Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. — М.: Новое издательство, 2005.
9. Шуровьески Дж. Мудрость толпы. — М.: Изд. дом «Вильямс», 2005.
10. Остром Э. Управляя общим. — М.: ИРИСЭН-Мысль, 2011.
11. Notten M. van. The Law of the Somalis. — N.Y. The Red Sea press, inc, 2005.
12. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. — М.: Статут, 2012.
13. Немецкая историческая школа права. — Челябинск: Социум, 2010.
14. Розенберг Н., Бирдцелл Л. Е. Как Запад стал богатым. — Челябинск: Социум, 2018.
15. Benson B. The Enterprise of Law. Justice without the state. — Oakland: The Independent Institute, 1998.

16. Дайси А. Основы государственного права Англии. Введение к изучению английской конституции. — М.: Типогр. Товарищества И.Д. Сытина, 1905.
17. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. — М.: АСТ, 2012.
18. Уэрта де Сото Х. Социально-экономическая теория динамической эффективности. — Челябинск: Социум, 2011.
19. Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. — М: ИРИСЭН, 2012.
20. Хайек Ф. Дорога к рабству. — М.: Новое издательство, 2005.
21. Хиггс Р. Кризис и Левиафан. — М.: ИРИСЭН-Социум, 2005.
22. Де Сото Эрнандо. Иной путь. — Челябинск: Социум, 2007.
23. Де Сото Эрнандо. Загадка капитала. — М.: Олимп-Бизнес, 2004.
24. Золоторев В. План Б для украинцев. — К.: Баловство, 2015.
25. Friedman D. The Machinery of freedom. Guide to a radical capitalism. — N.Y. David D. Friedman, 2014.
26. Элликсон Р. Ч. Порядок без права. Как соседи улаживают споры. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИБЕРТАРИАНСТВА В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ УКРАИНЫ

Сергей БАШЛАКОВ

Идея исследовать отношение к либертарианству в Украине возникла в результате намерения подробнее изучить динамику развития национального менталитета в независимом Украинском государстве.

До этого ученые неоднократно брались доказать, что украинцам по самой их природе близок принцип превосходства индивидуального над коллективным. Они свободолюбивы, и в этом убеждают исторические аналогии самоуправления Запорожской Сечи. Они анархичны: вспомним крестьянское повстанческое движение Нестора Махно. И примеры эти далеко не единичны.

Между тем мало кто сегодня в Украине знаком с общемировой философией либертарианства и ее доктриной о потенциальных возможностях свободы личности, хотя многие и руководствуются ею по жизни.

Но интуитивно украинцы верят: классические базовые ценности свободы, а не насильственное вмешательство во все сферы жизнедеятельности способны вывести Украину из полуразрухи и превратить постсоветский государственный осколок в успешную, динамично развивающуюся, достойную страну.

Так все же, какой реальный потенциал у современного либертарианства в Украине? Вопрос отнюдь не праздный.

НЕУМОЛИМОЕ ТОТАЛИТАРНОЕ НАСЛЕДИЕ

По результатам исследования, проведенного Pew Research Center в 2014-м году, только 11 % американцев, заявляющих о том, что они разделяют либертарианские взгляды, понимают суть этой философии.

Как иронизируют эксперты, чтобы узнать, что такое либертарианство, не стоит спрашивать у самих либертарианцев — они не знают. И действительно, многие американские приверженцы данной идеологии далеко не всегда осознают существующие противоречия между своими взглядами и действиями.

Как показало исследование, 41 % американских либертарианцев все еще убеждены, что государство должно регулировать бизнес, 46 % верят, что корпорации получают чрезмерно высокие прибыли, 38 % поддерживают социальные пособия малообеспеченным людям, 42 % считают, что полиция должна иметь право останавливать на улицах «подозрительных людей», 26 % полагают, что гомосексуализм обоснованно вызывает отторжение у общества. Все это противоречит классическому либертарианскому подходу.

Но сколько — хотя бы по сравнению с США — в Украине «спонтанных» (т. е. тех, кто стихийно стремится к приоритету свободы) и «сознательных» (тех, кто уже руководствуется этими правилами в жизни) либертарианцев? 5–10 процентов взрослого населения или все же больше? Никто не брался делать прогноз, прежде всего по объективным причинам.

В тоталитарных условиях XX века массовому сознанию украинской нации была нанесена глубокая психологическая травма. Сталинские репрессии, насильственная коллективизация, раскулачивание, Голодомор. В течение десятилетий рядовому украинцу довелось испытать на себе, каково это — быть составляющей новой исторической общности, «советского народа», которая сформировалась в тоталитарном государстве.

Роль личности в СССР и ее свободы были сведены до минимума и, по существу, нивелированы. Красные линии феномена очерчивались четко. Советские люди имели общую социалистическую родину, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм, общую цель — построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии (патернализм) и т. д.

В статье «Суверенитет» Большой Советской Энциклопедии подчеркиваются абсурдные реалии вседозволенности: «Только государственная власть способна оказывать авторитетное воздействие, а при необходимости и принуждение на все стороны жизни общества, что придает ей всеобъемлющий, суверенный характер...»

Но именно в соблазне злоупотребления чрезмерно сконцентрированной властью и заключается основная опасность тоталитаризма. Его плоды в Украине пожинают до сих пор. В результате таких испытаний, по прикидкам историков, сегодня 80 % украинцев все еще не готовы брать на себя ответственность за свою жизнь и рассчитывают на поддержку государства.

Оттого так важно было как можно точнее замерить градус общественных настроений, чтобы выяснить, насколько в посттоталитарных условиях либертарианство вообще востребовано в Украине. Кто разделяет постулаты самопринадлежности и самодостаточности человека? Кто воспринимает государство только как инструмент реализации личных задач?

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СПРОС БЕЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Социологическое исследование, посвященное данной теме, провел в конце 2018 года аналитический центр «Имидж-контроль» по методологии «экспресс-пол». Было опрошено 1000 жителей г. Киева в возрасте от 18 лет и старше (по методике face-to-face и с погрешностью 3,1 %).

Исследование стало первым либертарианским в Украине и, надо полагать, на всем постсоветском пространстве. По его итогам, вопреки представлению о незначительном количестве либертарианцев в противовес по-

давяющему числу приверженцев этатизма в посттоталитарных условиях, были выявлены неожиданные результаты.

Как выяснилось, минимум четверть украинцев (а по отдельным позициям и намного больше) воспринимают либертарианский подход как самый близкий и понятный им. По их мнению, он остается актуальным даже через 25 лет после распада советской империи. Для посттоталитарного сознания этот непредвиденный вывод означал удивительный прогресс.

Зондаж общественного мнения подтвердил эти тенденции по всем статьям. Потенциальная целевая аудитория сторонников индивидуальной свободы остается весьма масштабной и, несмотря ни на что, не менее устойчивой.

Это объективно. При любом политическом строе государственный чиновник должен напрямую зависеть от рядовых граждан. При любой системе он не должен обладать никакими исключительными правами навязывать чужую волю.

Исследование выявило четкий водораздел. Госслужащие и пенсионеры все еще верны идеям этатизма, который ратует за ведущую роль государства. Но самозанятым, а также студентам ближе и понятнее принципы либертарианства.

Один из ключевых вопросов продемонстрировал это особо ярко. Речь о краеугольном камне легитимности современного государства. Как оказалось, больше половины опрошенных киевлян по-прежнему возлагают надежды на социальную защиту государства. И это вполне объяснимо. Но почти столько же опрошенных сориентированы на возможности свободного рынка. Они делают ставку на шанс самим зарабатывать на жизнь и таким путем удовлетворять социальные потребности. По меркам относительно недавних советских времен, в этой логике — необоснованная смелость.

**Что, по вашему мнению, более важно:
социальная защита или свободный рынок?**

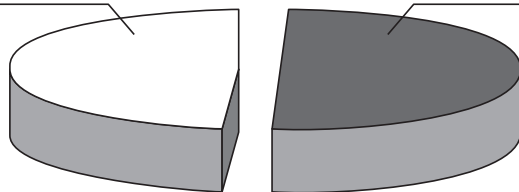
(% всех опрошенных)

Развитие свободного
рынка и возможности
зарабатывать самим

49%

Социальная защита,
помощь государства

51%

Биполярное разделение указывало на то, что в Украине окончательно перешли Рубикон на пути к построению капиталистического общества западного образца. Старшее поколение было воспитано в традиции тоталитарного общества, отсюда и его патерналистские корни. Зато молодежь, выросшая в период краха тоталитаризма и становления демократического общества, пытается использовать шансы общества равных возможностей (или хотя бы создавать для них почву в обозримой перспективе). Поэтому именно молодое поколение является основным двигателем либеральных ценностей.

Из проведенного анализа становится понятным, что либертарианские идеи могут быть востребованы в Украине не только теоретически. В условиях тотального недоверия к власти и ее коррумпированности свободолюбивая идеология может быть широко использована на практике уже в ближайшем будущем.

Казалось бы, это не требует дополнительных доказательств. Но на всякий случай не лишне вспомнить предпосылки перспектив.

В современном украинском обществе превалирует явное осознание того, что «так дальше жить нельзя». Появилось понимание, что нынешний курс развития — замедленный, но все же путь в тупик. Наряду с традиционным запросом на новые лица и новые политсилы возник острый дефицит свежих идей.

И тем не менее с приближением очередных выборов отечественные политики по-прежнему сбиваются на левую повестку дня. Быстро забылось, что по этой формуле мы уже жили много лет. И ни к чему хорошему, в общем, это не привело. А если продолжать в таком же духе, и в дальнейшем страна будет запрограммирована на нищету.

Но ключевой парадокс состоит даже не в максимальном спросе на альтернативную идеологию, а скорее — в минимальном предложении. Точнее, в его полном отсутствии.

При всех общественных ожиданиях на политическом ландшафте Украины до сих пор нет активной и энергичной общественно-политической силы праволиберальной идеологии, которая бы также разделяла основные либертарианские ценности. Хотя у такой силы, как видим, есть шансы оправдать высокие электоральные надежды.

На момент опроса либертарианский дискурс не был сформулирован в политической среде Украины. Соответственно, это не обсуждалось в экспертных кругах, не велась относительно него и просветительская работа.

И в этом противоречии состоит сегодняшний вызов для современной Украины.

АЛЬТЕРНАТИВА ДОБРОЙ ВОЛЕ

Как известно, первоосновой своей философии либертарианцы считают право на самопринадлежность. Казалось бы, это не вопрос. Разве человек не является хозяином самого себя, не владеет априори в полной мере своим телом и не в состоянии отвечать за поступки? Каждый может от рождения распоряжаться собой вопреки любым препятствиям или запретам.

Однако взять, к примеру, ту же армию в Украине — до сих пор она формируется на основе призыва. Силовая монополия принуждает граждан к обеспечению общегосударственной безопасности. Независимо от того, настроен ли на это человек или по объективным причинам он на это не способен.

Сегодня необходимость общегосударственной мобилизации в любой момент может быть обоснована объективной потребностью военных действий на Донбассе или в Крыму. И с этой точки зрения призывной и не добровольный характер воинской обязанности вступает в противоречие с правом на жизнь, на которое претендует каждый индивид.

Исследование подтверждает, что, по мнению большинства, армия — это дело профессионально подготовленных людей. Служба в ней требует специальных навыков, образования, времени и усилий. Прежде всего тех, кто стремится реализовать себя в военном деле. И, конечно же, тех, кто с оружием в руках готов защищать свою Родину.

Люди, не желающие воевать, могут использовать освободившееся от службы время для получения образования и приобретения какой-либо мирной профессии. После чего при желании они смогут также подключиться к обороне национальных интересов (пусть и не на поле боя).

Несмотря на наметившуюся в последние годы тенденцию, попытки сменить призывной характер и перейти на контрактную армию в Украине пока не увенчались успехом. Это подтверждает наличие проблемы с реализацией права на самопринадлежность в посттоталитарных условиях.

Впрочем, данная неудача не только демонстрирует отношение к призывной армии. Она отражает общий уровень недоверия к государству, правящему классу и нынешним методам ведения войны. Люди не желают рисковать собственной жизнью или жизнью своих близких на фронте, выполняя роль статистов в чужой игре. И это один шаг, хоть небольшой, к отстаиванию личного права быть собой и действовать по своему усмотрению и исходя из своих интересов в любой сфере жизни.

«ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В БОРДЕЛЕ

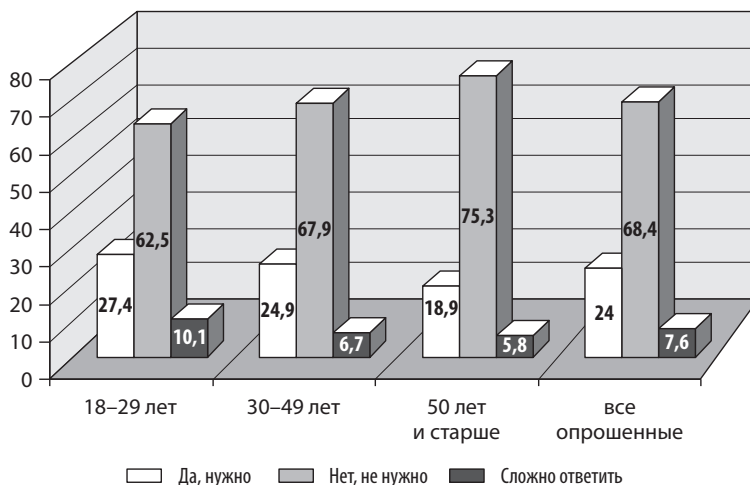
Консервативность во взглядах на самопринадлежность, которую демонстрируют две трети киевлян, выражается в их отношении к нетипичным для советского прошлого проблемам, а именно — легализации проституции, а также декриминализации при использовании марихуаны.

Большинство жителей столицы — 68,4 % опрошенных в ходе исследования — выступают против легализации первой древнейшей профессии. Наиболее негативно к этому относятся представители старшей возрастной категории (75,3 %), а также занятые в государственном секторе (74 %), пенсионеры (73,8 %). Возможно, они не успели сориентироваться в условиях рынка и до сих пор подсознательно ориентируются на моральный кодекс строителя коммунизма.

Но понимая зыбкость устаревших этических норм, старшее поколение мотивирует необходимость запрета не только нравственными или другими эфемерными ориентирами. Эстаты не верят, что риски легализации — в частности, расцвет преступности, торговля людьми и сексуальная эксплуатация — могут быть преодолены с предоставлением свободного выбора. И потому традиционно они предпочитают верить свою судьбу государству, несмотря на известную неэффективность его запрещающих механизмов.

И все же почти каждый четвертый киевлянин (24 %) уже поддерживает легализацию проституции в Украине. Немногом больше подобный шаг одобряют опрошенные младшей и средней возрастных групп (27,4 % и 24,9 %), занятые в частном секторе (28,4 %), студенты (27,9 %). Молодежь менее отягощена социальными связями и менее консервативна, вот почему поддержка легализации проституции базируется на возрастных особенностях.

По вашему мнению, нужно ли легализовать проституцию?
(% всех опрошенных и различных возрастных категорий)

Молодое поколение ориентировано на либертарианскую традицию, которая набирает силу и понемногу побеждает. Проституция уже полностью легализована в восьми странах Европы (Нидерландах, Австрии, Германии, Швейцарии, Греции, Венгрии, Турции и Латвии). В Венгрии — первой из стран Восточной Европы — профессию проститутки приравнивали к «индивидуальной трудовой деятельности», которую регулируют законы малого бизнеса.

Дальше всего зашли в Голландии. Зарабатывающие на жизнь своим телом, здешние женщины и мужчины получили равные права с остальными работающими. Они платят налоги, вследствие чего получают право на накопительную пенсию, медицинскую страховку и даже отпускные.

В Украине сегодня также относительно немного тех, кто считает постановку этого вопроса неестественной и несвоевременной. Этому есть вполне логичное объяснение: по официальным данным, только в столице состоит на учете более 3 тысяч проституток, а всего в Украине их насчитывается примерно от 50 до 100 тысяч. А по данным ООН, в Европе в этой сфере «профессионально» трудятся от 200 до 500 тысяч украинок.

Из года в год в Верховной Раде все настойчивее ставится вопрос о снятии запрета на занятие проституцией в Украине. Сейчас оно только облагается штрафом. Уголовная ответственность за предоставление сексуальных услуг в Украине была отменена еще в 2006 году, т. е. занятие проституцией декриминализировано.

В 2015 году в украинском парламенте был зарегистрирован законопроект, который предлагал узаконить проституцию и рассматривать проститутток как физических лиц — предпринимателей, предоставляющих услуги интимного характера на платной основе. Одновременно была усилена ответственность за торговлю людьми и организацию борделей, а также за принудительный характер вовлечения в продажу сексуальных услуг. Хотя последнее все же противоречит либертарианской идеологии: каждый волен делать свой выбор самостоятельно.

Характерно, что многие украинки, депортированные местными властями из-за границы домой, не ощущают себя жертвами принуждения и насильственного вовлечения в проституцию. Они не рассматривают себя в качестве потерпевших и объясняют свое решение сознательным выбором. Женщины предпочитают заработки в Турции, дорогую одежду, парфюмерию, украшения и прочие подарки нищенскому положению на родине, без достойной работы и хотя бы минимальных средств к существованию.

И поэтому их вполне можно причислить к стихийным либертарианцам. Ведь каждый волен распоряжаться своим телом, если при этом никто и ничто не страдает, т. е. если сексуальные отношения между взрослыми людьми по взаимному согласию не нарушают ничьих прав.

И в этом суть еще одного либертарианского принципа. «Преступление без потерпевшего» — термин для обозначения действий, запрещенных законом, но не наносящих непосредственного вреда здоровью и правам окружающих.

«БЕЗУМИЕ С КОСЯКОМ»: КУРИТЬ ИЛИ НЕ КУРИТЬ?

Одной из иллюстраций дискуссии вокруг права на самопринадлежность является отношение к легализации мягких наркотиков, содержащих психоактивные вещества.

Марихуана (каннабис) на сегодня наиболее известный пример незаконного наркотического вещества в мире. И в Украине хранение, выращивание, употребление и транспортировка конопли запрещены законом, в котором продукты из конопли отнесены к перечню «Особо опасных наркотических средств, оборот которых запрещен».

За хранение до пяти граммов марихуаны в Украине предусмотрена административная ответственность, а за изъятие более пяти граммов предусмотрено уголовное преследование.

Это вполне коррелируется с тем, что две трети (66,4 %) киевлян выступают против легализации марихуаны. Наиболее негативно к идее узаконить легкие наркотики относятся опрошенные старшей возрастной группы (78,5 %), сторонники госконтроля (73 %), занятые в государственном секторе (73,6 %) и пенсионеры (76,2 %).

Страх перед марихуаной объясняется тем, что в нашем обществе очень мало известно о действии мягких наркотиков и последствиях их использования, а также тем, что они не являются традиционными, в отличие от других вредных веществ — табака или спиртных напитков. В вопросе легализации преобладает запрещающий консерватизм, основанный на страхе.

По вашему мнению, нужно ли легализовать марихуану?
(% сторонников/противников государственного контроля)

	Сторонники госконтроля	Мягкие противники госконтроля	Радикальные противники госконтроля	Все опрошенные
Нужно ли легализовать марихуану?				
Да, нужно — человек сам решает, принимать или нет	23,6	32,5	27,0	28,3
Нет, не нужно	73,0	62,3	61,6	66,4
Трудно ответить	3,4	5,3	11,3	5,3

Либертарианцы призывают проанализировать мировую практику, чтобы понять, чем чреваты запреты на легализацию марихуаны. А именно — доходы наркодилеров стремительно растут, что в свою очередь стимулирует рост преступности. Стоимость нелегальных наркотиков на «черном» рынке, как правило, неоправданно завышена, а качество их, наоборот, значительно ниже, чем на свободном. В войне против наркотиков правоохранительные органы обходятся для налогоплательщиков дороже, при этом их эффективность — под большим вопросом.

Как правило, законы, запрещающие любые наркотики, создавали лишь питательную среду для криминалитета и коррупции среди силовиков. А в результате львиная часть налоговых поступлений на содержание правоохранителей уходила на борьбу с так называемыми преступлениями без жертв, на пресечение мирной деятельности, не несущей очевидного преступного характера и не наносящей вреда окружающим.

Тем временем озабоченная общественность боролась с наркотиками старыми проверенными методами. Например, с помощью фильмов наподобие «Безумия с косяком» (1936), где в стремлении объявить марихуану вне закона применялась нечестная пропаганда с одиозными фейками гибридной войны.

С тех пор, как свидетельствует проведенный в Киеве соцопрос, 28,3 % жителей столицы делают выбор в пользу легализации марихуаны. Молодежь (39,7 %), мягкие противники государственного контроля (32,5 %), занятые в частном секторе (33,4 %) и студенты (37,5 %) чаще других оставляют право решать, принимать им марихуану или нет, за самими гражданами. Это весьма внушительные цифры относительно явления, которое полностью замалчивалось в тоталитарном обществе. Сравнительный анализ показывает, что Украина неуклонно движется в русле мировых тенденций.

В большинстве государств каннабис все еще пребывает под запретом. Первыми в мире, кто решился на полную декриминализацию и легализацию марихуаны, в 2013 году стали власти Уругвая. На сегодня 14 стран мира узаконили использование конопли в медицинских и рекреационных целях. На этот шаг пошли в Австралии, Канаде, Чили, Колумбии, Германии, Греции, Израиле, Италии, Нидерландах, Перу, Польше, Шри-Ланке, Грузии и Великобритании.

Применение каннабиса для лечебных нужд в США разрешено уже более чем в половине штатов. Хотя его широкое употребление (в том числе для развлечения и отдыха) возможно лишь в пяти: Колорадо, Вашингтоне, Аляске, Орегоне и Калифорнии. На федеральном уровне использование данного наркотического вещества по-прежнему запрещено, но тенденция к изменению уже явно просматривается. Количество сторонников свободной торговли марихуаной составляет примерно 60 % населения США, и это число постоянно увеличивается.

Люди имеют право распоряжаться своим телом. При этом обязаны сами нести ответственность за последствия в случае отмены уголовного наказания за хранение и употребление марихуаны. Тенденция медленной легализации мягких наркотических средств тоже соответствует либертарианским ценностям, которые постепенно все шире распространяются в мире.

СПАСТИ РЯДОВОГО ВОДИТЕЛЯ

Типичным примером упомянутых выше «преступлений без потерпевшего» является езда в автомобиле с непристегнутыми ремнями безопасности или рискованное вождение мотоцикла без шлема.

С 1990-х годов после десятилетий массовой советской «безлошадности» относительно недорогие автомобили появились в каждой третьей украинской семье. Наследие этого бума до сих пор дает о себе знать — сотни тысяч украинцев каждый день отправляются в дорогу, не пристегнувшись. Они управляют на свой страх и риск, неосознанно беря ответственность на себя и игнорируя правовые запреты.

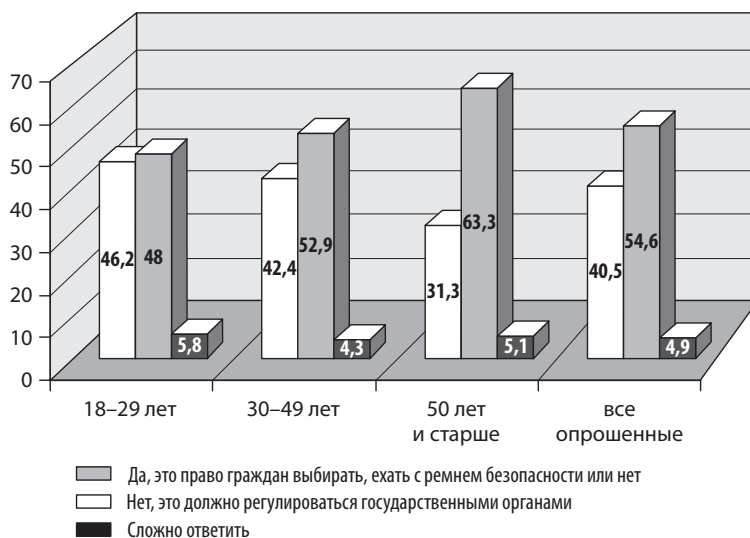
Их позиция легко объяснима. От правового нигилизма, лихого нежелания отвечать за свои действия до легкомысленного игнорирования

негативных последствий автомобильных аварий. От единодушного недоверия к запретам властей до реально забюрократизированных механизмов с обеспечением других условий безопасности на дорогах.

С другой стороны, десятки тысячи водителей перед выездом сознательно пристегиваются ремнями безопасности. Но, что удивительно, при этом большинство из них руководствуются не намерением обезопасить себя на случай аварии, а скорее тем, что не хотят иметь проблем с дорожной полицией.

А пока до консенсуса еще далеко, 40,5 % киевлян считают, что сами граждане должны выбирать, ездить с ремнями безопасности или без них. И больше других в этом убеждены мужчины (45,2 %), молодежь (46,2 %), студенты (49 %).

Желание граждан ездить с непристегнутыми ремнями безопасности в автомобиле — это их право?
(% всех опрошенных и различных возрастных категорий)

Сравнительный анализ здесь вызывает когнитивный диссонанс. Уровень пользования ремнями безопасности в Украине — самый низкий среди всех стран Европы. Число потенциальных нарушителей за рулем зашкаливает. Каждый день на дорогах Украины гибнет до 10 человек.

Согласно европейским исследованиям 2017 года, только 15 % водителей в Украине используют ремни безопасности. По сравнению с ними, во Франции ими постоянно пользуются 99 % водителей, в Чехии — 97 %, Словении — 93 %, Польше — 83 %.

Число желающих сознательно брать на себя ответственность на дорогах Украины еще очень далеко от минимально необходимого.

Однако либертарианцы во всем мире настаивают на том, что законы не должны защищать людей от самих себя, так как это нарушение их гражданских прав. Законы не могут диктовать, на какие риски идти, если это не наносит вреда окружающим.

В небольшом штате Нью-Гемпшире (оплоте американского либертарианства) уже отказались от страхования автотранспорта. Заблокированы федеральные нормы, обязывающие водителей пристегиваться, а велосипедистов — носить шлем. Нет штрафов и за неиспользование ремней безопасности.

Проблема долго не решалась в других странах. Но общественное мнение изменилось в пользу пристегивания после обнародования статистических данных о безопасности на дорогах. Скажем, в Великобритании подсчитали, что принуждение могло бы спасти до 1000 жизней и помогало бы избежать 10 000 травмированных в год.

Как утверждают в Американском национальном управлении по безопасности движения автотранспорта, в 2007 году приблизительно 15 тысяч жизней в США были спасены благодаря ремням безопасности. Если бы их использование было увеличено на 100 %, можно было бы сохранить еще не менее 5 тысяч жизней. А смертельные случаи и травмы, к которым привели автоаварии — в перерасчете на стоимость медицинских расходов и потерю работы, — обошлись в более 48 млрд дол.

Впрочем, по мнению либертаринцев, официальные оценки слишком завышены, а опасность явно преувеличена и чересчур драматизирована. А как компромисс — государство должно только вести разъяснительную работу, призывающую водителей и пассажиров пристегиваться ремнями безопасности в машинах, а вот штрафовать за несоблюдение данного правила никто не имеет права.

ОТ ТРЕХ ДО СЕМИ ПРОТИВ БАНДИТОВ

Право распоряжаться своей жизнью и частной собственностью обеспечивается также личным контролем оружия. Либертарианцы давно выступают против запрета на его владение, хранение и ношение. Здесь пролегает черта между классическим принципом о ненападении и возможностью без последствий защищать себя в случае самообороны.

По мнению сторонников свободы, создание внушительных домашних арсеналов — не самоцель. Намного важнее принципиальное согласие государства на самоличную защиту в условиях крайней необходимости. Обыватель может спать спокойно только тогда, когда грабителю угрожает оружие потенциально пострадавшего.

Ведь, как шутят либертарианцы, владение оружием делает человека преступником не более, чем наличие члена — насильником.

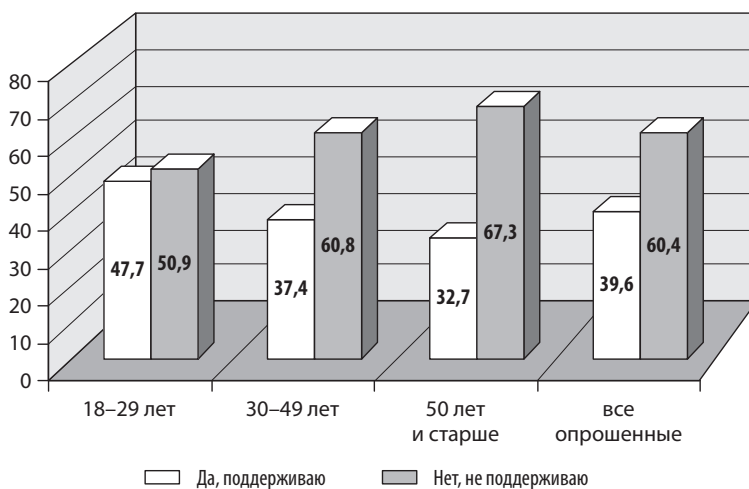
Однако когда человек не обладает такой возможностью, ему приходится рассчитывать только на государство. А как быть в случае, когда страна находится в плачевном состоянии и не может эффективно защитить себя и своих граждан, живущих в нищете? Зыбкой остается и надежда на гарантии их безопасности. Выходит, государство превентивно наказывает человека, оставляя его безоружным.

Это усугубляется коррумпированностью общества. Часто государственным рэкетом занимается чиновник. Он выступает в роли «главного бандита» и не спешит оказывать сопротивление беззаконию. Бюрократ не желает брать на себя ответственность, когда допускает несправедливые и незаконные «маски-шоу» или когда к нему обращаются с претензиями об ухудшении криминальной обстановки.

При этом государство нередко апеллирует к общественному мнению, будоражит население, раздувает страхи и тревожные настроения относительно опасности, которая ожидает страну в случае, если она будет наводнена неконтролируемыми средствами защиты. Найти убедительные аргументы в стране, противостоящей внешней агрессии, в условиях боевых действий или военного положения, не так уж сложно.

Поддерживаете ли вы разрешение на ношение гражданами короткоствольного оружия?

(% всех опрошенных и различных возрастных категорий)

В результате опроса выяснилось, что, несмотря на массовое недовольство к властям, население солидаризуется и предпочитает не поддерживать

снятие законодательных ограничений на владение оружием. 60 % киевлян выступают против разрешения на ношение гражданами короткоствольного оружия. Причины вполне понятны: отсутствие культуры обращения с оружием, должного контроля за хранением и неправомерным применением, возможность владения оружием психически нездоровыми, неадекватными или просто агрессивно настроенными гражданами, переход оружия в руки криминала (еще и на легальных основаниях).

Большинство опрошенных готово оставаться безоружным в случае смертельной угрозы, даже сознавая, что потенциальный преступник всегда раздобудет себе ствол. И только меньшинство (40 %) хотело бы иметь оружие под рукой и тем самым получить шанс самостоятельно активно защищаться.

Всего 48 % киевлян младшей возрастной группы и более половины мужчин (следовательно, подавляющее большинство мужчин младшего и среднего возраста) воспринимают разрешение на ношение короткоствольного оружия как позитивный шаг для самозащиты в критических ситуациях и относятся к таким законодательным изменениям положительно.

Молодым украинцам импонирует Вторая поправка в Конституции США: «Поскольку хорошо организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться». Впечатляет результат этого подхода с 1791 года: сегодня американцы владеют почти половиной оружия, находящегося на руках у всего гражданского населения в мире.

Хотя не стоит забывать, что только три страны решились конституционно закрепить право на владение оружием — США, Мексика и Гватемала. Другие же страны (Боливия, Коста-Рика, Колумбия, Гондурас, Никарагуа, Либерия) предпочли эту позицию из конституций убрать.

В некоторых странах национальное законодательство предоставляет гражданам право на приобретение огнестрельного оружия в целях самообороны или охоты. В некоторых перестраховываются, например, в Молдове, где только в 2017 году было зарегистрировано 135 преступлений с применением оружия, в большинстве случаев пневматики. Теперь даже все пневматическое оружие там должно быть зарегистрировано в полиции.

Украина остается единственной европейской страной, где отсутствует контроль в сфере оборота огнестрельного оружия, а вопросы владения, хранения и применения его детально не урегулированы на законодательном уровне. В статье 263 УК Украины говорится, что лицу, допустившему незаконное ношение, хранение и продажу огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов, грозит от 3 до 7 лет тюрьмы.

И вряд ли стоит во время войны ожидать послабления в этой сфере. Тем более что перспектива ее скорого окончания весьма призрачна.

«ПРОДАТЬ ВСЕ, КРОМЕ СОВЕСТИ»

В ходе социологического исследования наиболее безоговорочными оказались ответы на, казалось бы, простой вопрос: как можно оценить экономические реформы в Украине и эффективность государственного менеджмента в этом процессе?

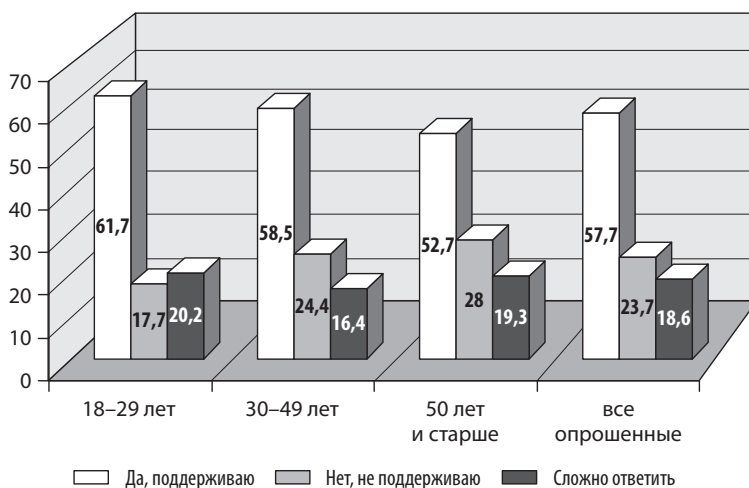
Почти каждый второй киевлянин считает, что рынок перераспределяет ресурсы гораздо лучше, чем государство. И поскольку такое вмешательство подрывает эффективность рыночной системы, правительство должно вмешиваться в экономику минимально.

Это же утверждает один из основоположников австрийской экономической школы, либертарианец и уроженец Львова Людвиг фон Мизес. В трактате по экономической теории «Человеческая деятельность» (1949) он доказывал, что всякое вмешательство власти в функционирование рынка приводит к уменьшению богатства и снижению общего уровня жизни.

Сегодня 58 % киевлян не сомневаются: когда государство начинает регулировать бизнес, это плохо заканчивается. Данную точку зрения разделяют прежде всего мужчины (63,4 %), опрошенные младшей и средней возрастных групп (61,7 % и 58,5 %), мягкие противники государственного контроля (62,3 %), а также работники частного сектора (60,2 %) и студенты (62,5 %).

Не согласны с подобным утверждением почти четверть опрошенных (23,7 %), и чаще всего это пенсионеры (29,4 %).

Согласны ли вы с утверждением, что когда государство начинает регулировать бизнес, то это плохо заканчивается?
(% всех опрошенных и различных возрастных категорий)

Преимущество сторонников рыночного перераспределения ресурсов заключается в том, что многие воспринимают государство как нечестного посредника, который оброс коррупционными схемами, а в итоге ресурсы не расходуются справедливо на нужды людей.

Как считают рыночники, частный бизнес не имеет избыточной ренты в виде различных льгот, субсидий и налогов, которые может позволить себе бизнес государственный. Поэтому последний не воспринимается как эффективный распорядитель, ведь он не играет на обычном конкурентном поле. А государство будет постоянно спасать свои предприятия от банкротства. Имея такую «подушку безопасности», госпредприятия не заинтересованы в эффективном развитии.

Но может ли вообще коррумпированное государство вести себя иначе на постсоветском пространстве? Оказывается, да, может. Украина вполне могла бы использовать идеи либертарианства точно так же, как это попытались сделать в Грузии.

В течение трех лет (2004–2007 годы) известный экономист либертарианского толка Каха Бендукидзе проводил реформы на основе азов экономической свободы, которые опирались на концепцию свободного рынка и частной собственности.

За это время Грузия стала одной из наиболее реформированных стран в мире. По легкости ведения бизнеса она поднялась в рейтинге с 137-го до 11-го места, опередив Германию и Францию.

По словам Бендукидзе, «если не проводить реформы, то страны не будет; бездеятельность равна смерти». Как образно высказывался реформатор, для успеха в экономике необходимо «продать все, кроме совести».

Будучи министром экономики, Бендукидзе провел в Грузии массовую приватизацию госпредприятий и сократил в несколько раз число госслужащих. В завершение реформ в 2011 году он подготовил и провел через парламент нашумевший Акт экономической свободы, который вступил в силу в 2014-м. Закон был расценен как крупнейшее событие в истории не только страны, но и всего мира. Его называли одним из самых важных для долгосрочной экономической стабильности. В нем были сформулированы основные экономические права и свободы граждан Грузии, а также установлены количественные и институциональные ограничения на возможности государства по вмешательству в экономическую жизнь страны.

Акт экономической свободы до сих пор является органическим законом, имеющим повышенную юридическую силу. Любые правовые нормы либо действия законодательной или исполнительной власти, противоречащие Акту, могут быть отменены только в порядке судебного надзора.

Опыт либертарианских реформ в экономической сфере и роль правительства с ограниченными правами вполне могли быть применены в Украине, ввиду неоспоримой прогрессивности такой инициативы, а также благодаря питательной почве для подобных реформ, которая созрела в нашем обществе.

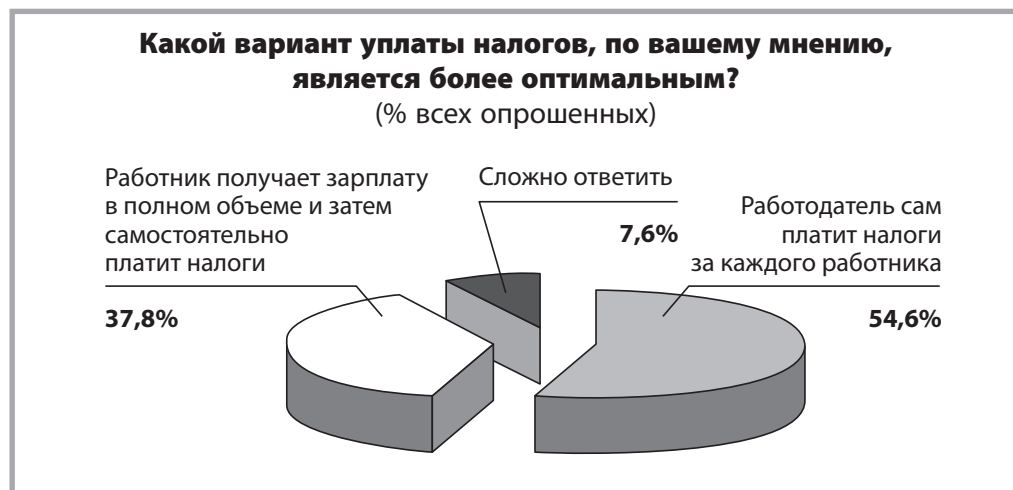
НЕИЗБЕЖНЫ ТОЛЬКО СМЕРТЬ И... НАЛОГИ

Особое место в Акте экономической свободы отводится роли налогов в ограниченном государстве. Их принудительный характер по-прежнему вызывает жаркие споры в лагере самих либертарианцев. Дискуссии идут вокруг того, как в идеале должно быть обеспечено право на ведение предпринимательства с максимальной государственной дерегуляцией.

Утверждая государство с ограниченными правами, грузинские реформаторы свели фискальную систему до пяти общегосударственных налогов, ставки которых закрепили в Налоговом кодексе. С этого момента введение новых постоянных налогов было разрешено только путем государственного референдума. Временные же налоги (до трех лет, на случай форс-мажора) допускались только по решению парламента.

Акт экономической свободы установил единство госбюджета как получателя налоговых поступлений и источника финансирования госрасходов. Фактически это не позволило создавать внебюджетные государственные фонды, которые увеличивали бы налоговую нагрузку. По сути, запрещалось планировать налоговые поступления исходя из величины потребностей государства.

Результаты социологического исследования в Киеве продемонстрировали с осторожным оптимизмом, что опрошенные как физические лица частично также готовы платить налоги самостоятельно.

Принципиально важно: пока люди не почувствуют себя налогоплательщиками, они не начнут адекватно относиться к государству. Стоит признать, что в Украине этого все еще нет. Но придет время, когда налогоплательщики поймут: государство живет исключительно за их счет. И после

такого прозрения никто уже не будет покорно просить, а будет требовать у властей объяснений: для чего существует армия бюрократов, в чем ее польза, почему выдаются необоснованные субсидии и т. д. А пока государство не отчитывается перед налогоплательщиками и даже не собирается. Нельзя отследить, на что идут налоги, за какие услуги налогоплательщики платят, а за какие — нет.

Более актуальным является другой аспект проблемы налогообложения. А именно — кто должен изначально платить налоги: работодатели или все-таки сами работники?

Для сравнения: почти 55 % киевлян являются сторонниками привычной для страны системы, когда работодатель отчисляет налоги за каждого работника. И в этом заложен неожиданный, принципиально новый поворот.

Значительная часть жителей столицы (почти 38 % опрошенных) считает оптимальной такую уплату налогов, когда работник получает заработную плату в полном объеме, а затем самостоятельно платит их. Чаще других на это ориентированы представители средней возрастной группы (41,9 %), занятые в частном секторе (41,5 %), мягкие противники госконтроля (45,5 %). Учитывая наше тоталитарное прошлое, такие цифры сами по себе уже большой прогресс.

Показательно, что умеренные либертарианцы уверены: налоги вообще нужно свести до минимума, оставить только наиболее мотивированные из них. Им близко высказывание одного из отцов-основателей Бенджамина Франклина о том, что «в этом мире неизбежны только смерть и налоги».

В то же время радикальные либертарианцы подчеркивают насильственный и агрессивный характер налогообложения, который противоречит духу принципа о ненападении. По их мнению, говорить о нейтральной сути этого механизма не приходится. А если это так, то власть в принципе не имеет права на узаконенный грабеж и налогов не должно быть вообще.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Согласно либертарианскому подходу, роль государства должна быть сведена до минимальной и в социальной сфере. Хоть и предполагалось, что путь от патерналистского общества через трансформацию социальной функции государства будет неблизкий.

Но киевский опрос ясно показал: ситуация меняется гораздо быстрее, чем ожидалось. Это красноречиво продемонстрировало простое суммирование некоторых показателей.

Для начала необходимо было оценить доверие к волонтерам и общественным организациям (54,7 %). После выступлений на Майдане в 2014 году люди поняли, что гражданское общество может осуществлять социальные функции не хуже, а даже эффективнее, чем государство. Если добавить к этому помощь частных благотворителей, получится внушительная цифра.

Она иллюстрирует представление украинцев о том, кто и как сегодня реально обеспечивает социальную защиту и кто бы мог этим заниматься в будущем.

На государство при этом надеются всего 16,6 %. Картина усугубляется еще и тем, что из этой доли 13,3 % киевлян вообще считают: социально незащищенным людям на самом деле вообще никто не помогает. Чаше других так думают опрошенные старшей возрастной категории (17,5 %), радикальные противники государственного контроля (22 %).

И в этом заключен политический парадокс. С экранов телевизоров политики не устают доказывать, что только государство способно защитить неимущих. На самом деле общественные настроения рисуют совершенно другие тенденции. Люди давно считают: с такой властью им лучше полагаться только на самих себя.

Исследование источников пенсионного обеспечения показало, насколько уменьшилась роль государства в социальной сфере. На что конкретно киевляне возлагают больше всего надежд?

По вполне понятным причинам выплату пенсий государством все еще поддерживают опрошенные старшей возрастной группы (59 %). А вот респонденты младшей и средней возрастных групп (48 % и 49 % соответственно), т. е. дети и внуки нынешних пенсионеров, видя крайне низкий уровень их пенсий, хотят избежать подобной беспросветной бедности в старости. Они рассчитывают быть хозяевами собственной жизни, а не

зависеть от милости природы/государства и потому чаще склоняются к накопительной системе.

Какая система по обеспечению пенсиями, с вашей точки зрения, является более приемлемой и подходящей для общества?

(% всех опрошенных и различных возрастных категорий)

Вид пенсионной системы	18–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше	Все опрошенные
Солидарная — такая, как сейчас, когда пенсии выплачивает государство	37,2	39,7	58,5	44,4
Накопительная — когда гражданин накопит определенную сумму денег, средства с которой потом ему будут выплачиваться частями в качестве пенсии	48,4	49,3	32,0	44,4
Пенсионная система вообще не нужна — более эффективно иметь личные сбережения	5,4	4,7	3,6	4,6
Затрудняюсь ответить	9,0	5,6	5,8	6,6

На словах чиновники обещают обеспечить «достойную старость» за счет налогов, собираемых с молодого поколения. По факту же бюрократы подталкивают к тому, что делать инвестиции в собственное потомство становится невыгодно, из-за чего падает рождаемость.

Ненадежные госгарантии стимулируют людей все меньше полагаться на чью-то заботу о будущем. Пропорции между работающими и пенсионерами постоянно меняются в пользу последних, а это приводит к все возрастающей нагрузке на пенсионную систему.

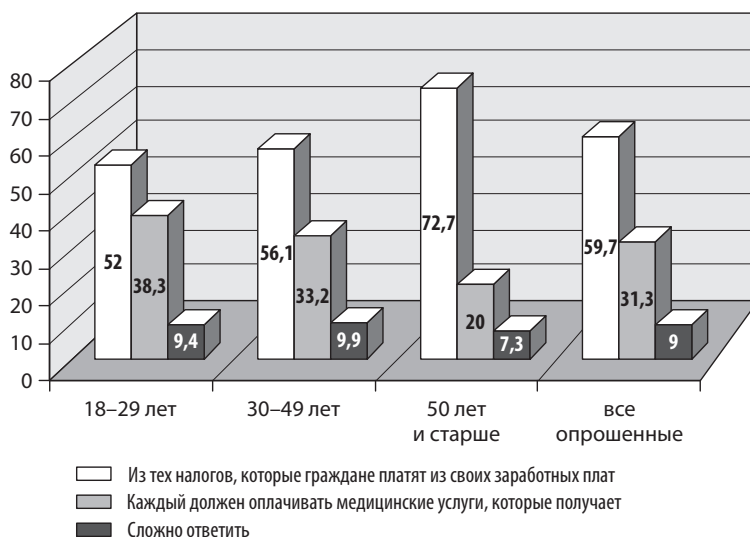
Либертарианцы также считают нынешнюю систему соцобеспечения крайне неэффективной. Они выступают за предоставление людям возможностей в рамках свободного рынка самостоятельно выбирать себе варианты медицинской помощи и методы страхования.

Чуть больше половины киевлян отмечают, что медицинские услуги должны оплачиваться из налогов (59,7 %). Наиболее уверены в этом сторонники госконтроля (67,8 %), старшая возрастная группа (72,7 %), занятые в государственном секторе (66,7 %), пенсионеры (71,4 %).

Однако критическое состояние медицины заставляет киевлян все чаще задумываться над тем, как решить эту проблему. Каждый день они сталкиваются с плохим медицинским обслуживанием. Обезличенное, непсонифицированное финансирование в сфере здравоохранения вызывает естественное желание людей разобраться в том, куда деваются их деньги.

Как, по-вашему, должны оплачиваться медицинские услуги?

(% всех опрошенных и различных возрастных категорий)

Оценка источников финансирования указывает на то, что многие жители столицы осознают: так называемой бесплатной медицины не бывает. За работу медиков, закупку препаратов и содержание лечебных учреждений все равно кто-то должен платить.

Почти каждый третий киевлянин отмечает, что все обязаны платить за полученные медицинские услуги (31,3 %). Больше других уверены в этом мягкие противники государственного контроля (38 %), молодежь (38,3 %), работники частного сектора (36,1 %), студенты (38,5 %).

Проанализировав вышесказанное, приходим к выводу, что социальное государство все чаще неспособно выполнять взятые на себя прежние обязательства в социальной сфере.

МИЛИТАРНЫЙ ОФФШОР БЛИЗКОГО БУДУЩЕГО

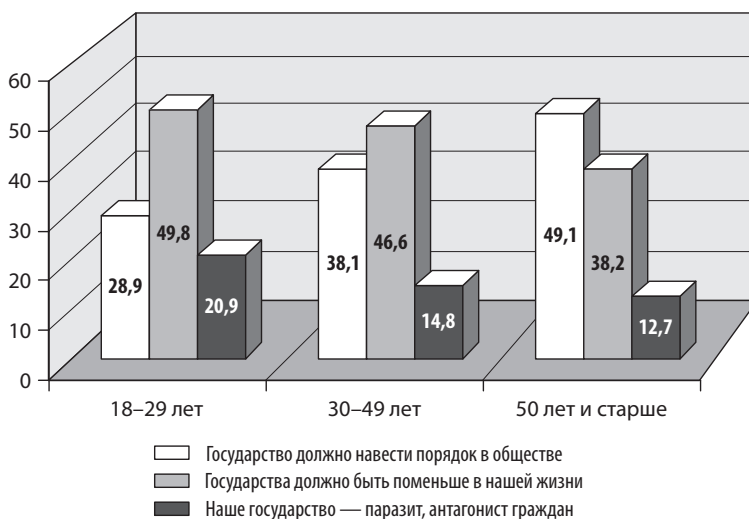
Судя по проведенному социологическому исследованию, большинство киевлян склоняются к мысли, что коррумпированное и неповоротливое государство сильно осложняет жизнь граждан. Это подтвердили ответы 45,4 % опрошенных. Наиболее убеждены в этом молодежь, работники частного сектора и студенты. Они — мягкие противники государственного контроля, те, кто выбрал альтернативу «государства в нашей жизни должно быть поменьше».

Еще 16 % киевлян — радикальные противники государственного контроля, считающие государство паразитом, которое настроено враждебно к своим гражданам и имеет целью лишь грабить людей и вынуждать бесплатно работать на олигархов.

Однако 38,6 % респондентов все еще являются стойкими сторонниками государственного контроля и убеждены, что чем больше контроля, тем лучше, а потому именно государство должно навести порядок в стране. Больше других усиление роли государства в регулировании и организации жизни граждан приветствуют опрошенные старшей возрастной группы, работники государственного сектора, пенсионеры.

По вашему мнению, функции государства по регулированию и организации вашей жизни должны усиливаться или ослабляться?
(% различных возрастных категорий)

Целевой опрос населения Киева позволил фрагментировать электорат по оси «этатизм—антиэтатизм», «гражданство—подданство», «индивидуализм — подчинение лица благу сообщества», «консерватизм—либерализм».

Исследование помогло: а) прозондировать меру открытости общества для радикально-либеральных ценностей; б) его совместимость с антиэтатистскими подходами; в) потенциальную и существующую приемлемость для него либертарианских ценностей; г) наметить определенные рамочные характеристики выделенных под таким углом рассмотрения социально-идеологических кластеров.

Приведенные выше цифры подтверждают: целевая группа (ниша) для либертарианской (радикально либеральной, либерал-анархистской) политики в Киеве есть, причем немалая. Можно даже сказать, потенциально доминирующая: антиэтатисты преобладают над этатистами в пропорции 3:2, причем четверть от антиэтатистов составляют радикальные антигосударственники, к которым относит себя каждый 6-й киевлянин.

Первое и базовое. Востребованная либертарианская ниша может стать потенциально доминирующей в столице. И более того, она имеет шансы стать еще мощнее, чем может показаться при первом взгляде на результа-

ты исследования. За счет чего? На ее стороне молодежь и другие наиболее активные категории населения.

Второе и тоже главное, потому что актуальное. Либертарианская ниша существует, однако либертарианский дискурс (по крайней мере, в столице) еще не сложился, его необходимо создавать. Либерализм киевлян вкупе с их либертарианскими наклонностями является на данный момент «вещью в себе», в основном — в виде настроений, потенциальных возможностей.

Третье. Треть избирателей — это более чем много. Проблема заключается в том, что если слои 24–40 %, т. е. либеральные и радикально-либеральные, определены, то радикальное пролибертарианское 16 %-е ядро весьма противоречиво, рыхло и частично маргинализировано. Вот его-то и нужно активно разрабатывать.

Четвертое. Исследование еще раз подтвердило, что государство в Украине слабое, неавторитетное, неэффективное, не пользующееся доверием граждан. Из этого следует потенциальная перспективность либертарианских идей в Украине, а также большие, чем в других странах, возможности для общественных трансформаций на их основе.

Пятое. На данный момент антиэтатисты имеют в современной Украине меньше возможностей для политического представительства, чем этатисты-патерналисты. Политико-электоральная радикально-либеральная ниша не имеет политических выразителей. Обратной стороной такого состояния есть значительная потенциальная политическая перспективность возможного антиэтатистского, последовательно-либерального и даже либертарианского общественно-политического проекта.

Исследование исходило из того, что государство вторично как сервисная функция.

Как следует из опроса, для успешного общества и при любой системе нужны жесткие ограничители для государства, должны быть прописаны конечные пункты функционального назначения. Перечень функций определит, чем государство занимается. Сюда должна входить безопасность: внешняя — армия, внутренняя — система правопорядка, судебная система. Для всех граждан в спорах должен действовать арбитраж. Здесь также необходимо управление критической инфраструктурой, важной для всех и каждого. Потребуется крепкое международное представительство, чтобы презентовать страну.

И безусловно, необходимо предусмотреть механизмы, которые не дадут возможности государству со временем разрастись. Для этого перво-наперво понадобится жестко контролировать государственные расходы. Они должны быть привязаны к какой-то части ВВП, ни в коем случае не выходя за эти рамки. Государство не может усложнять условия деятельности граждан и бизнеса, вводить новые ограничения (лицензирование, дополнительную сертификацию и т. д.), что не упрощает, а удорожает ведение предпринимательства.

Государство не имеет права по своему усмотрению, произвольно увеличивать налоговую базу. Для этого необходимо разработать и утвердить сложную процедуру, к примеру, как на сегодня с изменениями в Конституцию. Это потребует большего количества голосов для принятия в парламенте и несколько ступеней рассмотрения.

Критически важно учитывать реальную ситуацию с такой агрессивной страной-соседом, как Россия. Украина должна быть готова к тому, чтобы защищаться от внешней угрозы, поэтому военные расходы не должны падать ниже относительного параметра.

Страна может и должна стать своеобразным «милитарным оффшором». Милитарным — чтобы быть достаточно сильным в военном отношении. И оффшором — чтобы деньгам было выгодно приходить в Украину и все хотели вкладывать их сюда, а не забирать отсюда.

Сейчас государство все еще берет на себя ряд обязанностей, в обмен на выполнение которых получает право на насилие. Если в будущем общество будет способно осуществлять эти функции самостоятельно, государство волей-неволей утратит часть полномочий. Постепенно будет уменьшаться ответственность за социальное обеспечение — у граждан появится шанс решать свои проблемы, не прибегая к помощи государства. Такой видится широкая перспектива для нынешнего общества, которое при желании сможет в полной мере использовать либертарианскую идеологию.

В этом и состояла основная цель исследования — увидеть и убедиться, что настал час, когда украинцам пора наконец-то раздавать не рыбу, а удочки. И предоставить возможность удить ее самим, определяя, таким образом, свою судьбу.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аджемоглу Д. 246, 305
Аксвит Герберт 205

Бастиа Фредерик 8, 9
Бендукидзе Каха 332
Берк Эдмунд 8
Боаз Д. 114

Вашингтон Джордж 302
Вебер М. 142

Гамильтон Александр 47, 56-58, 96
Гитлер А. 61
Гоббс Т. 20, 131, 193, 199, 201, 233
Голдсмит Оливер 298
Головаха Е. 248
Горбачев М. 272
Гумплович Л. 13

Дайси Альберт 198, 229, 271
Де Сото Э. 294-298, 301
Джей Дж. 47
Джейкобс Дж. 149
Джефферсон Т. 296
Джонсон Гэри 113, 114
Диоклетиан 200

Елизавета [королева Англии и Ирландии] 303

Жаворонков С. 107

Иоанн [Безземельный] 304

Каплан Брайен 210-212, 257, 258

Кастро Ф. 61
Кейнс Дж.М. 156
Кирби Д. 114
Клинтон У. Дж. 280
Кобден Р. 299
Козловски Дэннис 55
Кольбер Ж.-Б. 297
Конновер Адам 168
Кучма Л. 80, 272

Лао-Цзы 9
Лаффер А. 243
Ленин В. 61
Ли Куан Ю 274
Лисон Питер 146
Ллойд Джордж Дэвид 205
Локк Джон 11, 13, 20, 49-51, 131, 200, 233, 234
Людовик XIV 297, 298

Макрон Э. 47
Маркс К. 8
Махно Нестор 317
Менгер Карл 133
Мизес Людвиг фон 11, 12, 131, 133, 143, 171, 212, 331
Милль Джон Стюарт 8
Муссолини Б. 61
Мэдисон Дж. 47

Нисканен У. А. 222
Ньютон И. 256

Овертон Ричард 13
Олсон М. 130, 192

- Оппенгеймер Франц 13
Остром Элинон 165, 264
Паркинсон С.Н. 214
Пенн Уильям 303
Пикетти Т. 237
Пил Роберт 121
Планк М. 256
Пол Пот 61
Порошенко П. 226, 273
Путин В. 273
- Рассел Бертран 8
Рейган Р. 268, 274
Рид Леонард 8
Рикардо Д. 140
Робинсон Дж. 246, 305
Ротбард Мюррей 14, 129, 172, 200, 210, 212, 239
Руссо Ж.-Ж. 233
- Саакашвили Михаил 111, 274
Савиньи Фридрих Карл 12, 172
Самуэльсон П.Э. 174
Скоузен Марк 135
Смит Адам 8, 155, 298
Софокл 10
Спенсер Г. 8
Спунер Ли 12
Сталин И. 61
Сулла 263
- Тетчер Маргарет 111, 268, 274
Токвиль А. де 8, 165
Толлисон Р. 300
Трамп Д. 47, 145, 219
- Уэлд Билл 114
Уэрта де Сото Х. 155, 241
- Фома Аквинский 197
Франклин Бенджамин 334
Фукуяма Ф. 7
- Хайек Фридрих 12, 143, 146, 167, 293
Харольд Прекрасноволосый 184
Хекшер Э. Ф. 298, 300
Херфиндал О. 28
Хишман А. 28
Хомски Ноам 221
- Чавес У. 61
Черновецкий Л. 22
- Шекспир У. 303
Шуровьески Джеймс 150
- Экелунд Р. 300
Эрхард Людвиг 111, 274
- Яновский К. 107
Янукович В. 80, 221, 273, 293, 306

НАУКОВО-ПОПУЛЯРНЕ ВИДАННЯ

БАШЛАКОВ Сергій В'ячеславович
ЗОЛОТАРЬОВ Володимир Євгенович
ХОХЛОВ Валентин Юрійович

ЛІБЕРТАРІАНСЬКА ПЕРСПЕКТИВА Від посткомунізму до вільного суспільства

(Російською мовою)

Редактор О. Попова
Коректор М. Бродська
Оригінал-макет О. Гашенко
Обкладинка Д. Шевчука

Підписано до друку 8.01.2019. Формат 70х100/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Умовн. друк. арк. 27,74. Зам. № 15.

Видавництво «Ніка-Центр»
03142, Київ, вул. Кржижановського, 4.
т./ф. (044) 39-011-39; e-mail: psyhea9@gmail.com; www.nika-centre.kiev.ua
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготовлювачів і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК №5368 від 27.06.2017

Віддруковано у ТОВ «ДІА». 03022, Київ, вул. Васильківська, 45.
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготовлювачів і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК №1149 від 12.12.2002

Збірка містить роботи трьох авторів — Валентина Хохлова, Володимира Золоторьова та Сергія Башлакова, об'єднані однією спільною темою: лібертаріанство як політична течія. Під лібертаріанським кутом зору розглянуто такі питання: конституційні зміни; держава та її роль з позиції економічної теорії, що ґрунтується на праксіології та ідеї спонтанних порядків, тощо. Зроблено огляд програм найвпливовіших лібертаріанських партій. А також наведено результати соціологічних опитувань щодо ставлення до лібертаріанства у суспільстві.

ISBN 978-966-521-727-5

